

Родная **ЛАДОГА** № 3(33)' 2015

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

**Объявляется подписка на журнал «Родная Ладога»
на второе полугодие 2015 года**

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Ясенева В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дагдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегических исследований, генерал-лейтенант Службы внешней разведки Российской Федерации.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

«Пусть не скоро до Победы...». Стихотворения поэтов Луганской Народной Республики.....	5
Валентин Сорокин	48
Кирюшин Виктор.....	52
Константин Скворцов.....	138
Олег Чупров	143
Сергей Хомутов.....	205
Валентин Голубев.....	208
Валерий Черкесов	255
Жанна Бондаренко	259
Андрей Шендаков.....	316

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Проханов. Марш победителей. 70-летию Победы посвящается.....	14
--	----

История и современность

Александр Дугин. Размышление об исторических путях земной Церкви в ее отношении с Церковью Небесной	18
Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов). Начало дальнейшего. К 500-летию со дня кончины св. преп. Иосифа Волоцкого	27
Андрей Вассоевич. Генерал Власов и новорусская власовщина. К истории возникновения неоколлаборационизма	56

Родная речь

Александр Камчатнов. Русская культурно-языковая традиция и новый перевод Библии, или Радостная весть о том, как свезло кротким	38
Ольга Сокурова. Небесные корни русского слова	262

Дороги войны

Счастье дожить до Победы! Из воспоминаний полковника Е. И. Семёнова. 70-летию Победы посвящается	101
--	-----

Национальная безопасность

Павел Кренев. Рыцарь-шпион	106
----------------------------------	-----

Доспехи

Герберт Ефремов. Советские авиационные Генеральные конструкторы	117
---	-----

Северная столица

Михаил Зарубин. С чего начинается стройка. Очерк из истории Нарвской заставы.....	122
--	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Владимир Воропаев. «Хранитель ангел мой невидимо со мной...». Памяти монаха Лазаря (Афанасьева).....	147
Иван Сабило. Про что эта сказка?.....	184
Наталия Нарочницкая. Звезда Евгения Примакова. Памяти выдающегося государственного деятеля и ученого.....	250

ДЕСТВИЦА

Валерий Сдобняков. Жизнь и служение митрополита Вениамина (Федченкова). К 135-летию замечательного духовного русского писателя.....	152
Протоиерей Геннадий Рязанцев-Седогин. «Становящийся смысл». Главы из романа	218

ПРОЗА

Сергей Куняев. «Погорельщина» и «Каин».....	160
Николай Лугинов. Восхождение. Повесть-притча	192
Ирэна Сергеева. Наследная икона. Рассказы.....	213
Олег Селедцов. Добрый пастырь из Кронштадта. Отрывки из повести «Страсти по Иоанну». К 25-летию всероссийского прославления в лике святых о. Иоанна Кронштадтского	232
Татьяна Грибанова. Мальва.....	306

НАСЛЕДИЕ

Воспоминания о протоиерее Борисе Николаевском его духовных чад	227
--	-----

Точка зрения

Священник Евгений Морозов. Вера и богатство	246
---	-----

ИСКУССТВО

Никита Шевцов, Елена Наумова. А. Опекушин, М. Аникушин и два памятника великому поэту	296
--	-----

ПОЭЗИЯ

«ПУСТЬ НЕ СКОРО ДО ПОБЕДЫ...»

*Стихотворения поэтов
Луганской Народной
Республики*

Елена НАСТОЯЩАЯ

* * *

Время уходит со свистом,
Время уходит со взрывами,
Вместе с дымящимся летом,
Вместе с упавшими сливами,
Вместе с пронзительным холодом,
Следом за палой листвою.
Время, ответь, еще долго ли
Жить этой страшной войной?

* * *

Не вернулось с полей воронье.
Не закончилась эта война.
Не жалею, брат, теперь ни о чем —
Мы за все получили сполна.

Запереть бы ружье свое в сейф,
Утопить бы на дне морском,
Да ведь пороха едкий шлейф
Все ж не даст мне забыться сном.

Эх, ружья бы в руки не брать,
Да о нем бы и вовсе забыть,
Но — до смерти — так хочется жить,
И по-людски хоть часик — поспать...

Ты, брат, крепче держи ружье,
А то враг здесь — такой сатана...
Не вернулось с полей воронье.
Не закончилась эта война.

* * *

Держись.
Возвращайся домой.
Не думай о смерти — нет ее.
Я вижу: лицо обветрено
И чертова тьма за душой.

И давит безумно усталость.
Но сколько б тебе ни досталось,
В глазах вечно небо и сталь.
Прости мне дурную печаль.

Не мне ведь судить о боли,
Когда собирают с поля
Товарищей,
Ближних,
Друзей.

Не мне ведь судить о страхе,
Когда всех — одним махом,
Так просто
И без затей.

Я знаю, там дым и порох.
Забыты давно все споры.
Держись.
Возвращайся домой.

Людмила ГОНТАРЕВА

* * *

Кто-то новые с радостью носит ботинки,
кто-то упорно копит на пальто...
У Донбасса в сердце сегодня льдинки,
наш Донбасс уютный уже не тот.

От ночного бденья устали веки.
Мы теряем в спорах своих друзей.
Если это истории новой вехи,
значит, каждое утро — большой музей,

где еще находим по телефону
самые близкие голоса,
где молиться нужно родному дому,
что от слез вытирает тебе глаза...

Кто-то очень жестоко размазал кашу
по тарелке времени и в умах.
Наш донбасский уголь — это не сажа.
Здесь — суров характер и велик размах!

Здесь степное поле и свободный ветер.
Здесь крепка и водка, и надежды нить...
Мы с тобой, товарищ, за беду в ответе,
и за счастье тоже по счетам платить...

Только будет утро, и наступит вечер.
Сосчитает небо всех своих бойцов.
Но уже не верим фразе «время лечит»,
ведь над степью радуга ранена свинцом...

* * *

Это словно кино, как в больном сне —
опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звезды в ряд
в карауле над городом нашим стоят.

А в полях окопы — шрамом на лицо...
Не послать любимому письмо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имен лежат.

* * *

Танки в Интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего», вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
в самом безопасном месте он живет.

Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать надрывно мы обречены
хронику ненужной непростой войны.

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы — живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Поверь нам, Господи, мы — люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от минометного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасем себя...

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

СЛУЧАЕТСЯ ВОЙНА

Случается война. Успеть.
Глаза в глаза. Вперед, на вдохе,
В лицо не признавая смерть,
А только подвиг.
Хребты разбитых баррикад.
По позвонку стрельба и пламя.

И круг за кругом новый ад
Владеет нами.
И причитанием плывет
Звон колокольный.
И пуля, что во мне совет
Гнездо, уже в обойме.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я ухожу. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.
И снова кровь горячая лилась.

И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шел, а друг — на друга.
И стало черным молоко в сосцах.
И стала черной кровь в людских сердцах,
Как антрацит — наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит черный жернов.
Мы стали черным хлебом на войне,
А были... были золотые зерна.

И СТАЛА ВОЙНА РАЗДАВАТЬ ИМЕНА

И стала Война
Раздавать имена
Героям.
А Родина-Мать...
Ей пришлось замолчать
От горя.
Он пал безымян
В ковыль да бурьян
В поле.
— Как ты звать-величать,
Как тебя помянуть,

Воин?
— Много светлых имен
Опалимы огнем
Войн.
Много чистых имен,
Но на каждом пятно
Крови.
Много славных имен
Мамы, папы нам дали.
Среди них и мое.
Поминайте, как звали.

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

* * *

День был такой погожий —
не умирать бы, а жить.
Телом своим прохожий
младенца успел закрыть.

Плотью своей и кожей,
осколки сумел сдержать.
День был такой погожий —
не хочется умирать.

Миной лежит убитый,
рядом — убитая мать.
С властью теперь вы квиты —
не будете «бунтовать».

Нас не поймет европеец:
что же мы за страна?
Надрывно плачет младенец.
Жизнь его спасена.

* * *

Мины свист — и все застыли дружно,
Словно смерть нам прокричала: «Хальт».
Каждый знал: стоять совсем не нужно.
Но один я рухнул на асфальт.

Взрыв — и птицами летят осколки,
Мертвых отделяя от живых.

Девушку узнал я по заколке,
И не смог я опознать других.

Крепко бутылки обняв руками,
К маме прибежал домой с водой.
Мама с изумленными глазами:
«Ты ж, сыночек, стал совсем седой...»

* * *

Жизнь прицельным огнем распятая,
Каждый дом изувечен миной.
Перестало быть Хрящеватое
После этого Украиной.

Украиной, в чьей пламенной вере
Лишь нацизма бродит отравя.

Украиной, в которой Бандере
Весь почет, вся любовь и вся слава.

Я не верю, что это традиция —
Вновь нацизмом расколота нация.
Что бы пели Волынь и Галиция,
Если б их разнесла авиация?

Светлана СЕНИЧКИНА

* * *

Я не помню весны страшней,
Я не помню чернее мая.
Белый снег сыплется с ветвей
И на сердце ложится, не тая.
Теплый ветер приносит мне
Не птиц пение — списки павших.

Умерла страна по весне,
На останках — дьявольский шабаш.
На обломках — злоба и боль,
И коричневый вирус в венах.
Но еще не окончен бой,
И еще не убита вера...

* * *

«Сами, сами виноваты...».
Мало трупов, маловато,
Мало школ, больниц в руинах,
Мало крови Украине.

Ненасытному вампиру
Хочется войны — не мира,
Только, сколько не пей крови,
Ей уже не быть живою.

* * *

Нас гонят из дома —
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, «сливами».
Кричат, чтоб бежали,
Скорей, что есть силы:
«Хотели в Россию?
Валите в Россию!».

А уезжать не хочется — до слез.
Умом-то понимаешь: все всерьез.
Умом-то понимаешь: все надолго.
И, может быть,
там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

* * *

Да, мы не герои.
Сидели. Дрожали.
Под звуки разрывов
Куда-то бежали.
Под гром канонады
Варили обеды.
В минуты затишья
Бежали проведать
Чужих стариков,
По соседству живущих.

Их дети в России:
«Там лучше. Так лучше».
Погасли экраны,
Молчат телефоны.
Лишь залпы слышны
И дыхание дома.
Нет в городе больше
Чужих, незнакомых.
Мы все здесь — «свои».
Правда в том,
Что мы дома.

Александр СИГИДА

* * *

*Светлой памяти А. А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014 г.*

там — на картинках — красивые горы
гордые профили дремлющих скал
(тут — бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал)

головы молча склоняя над гробом
нам остается продолжить борьбу
(звонкий салют отзывается громом
сопровождая жизнь и судьбу)

вот и дожили до грозного часа —
к нам возвращается время потерь...
(горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь)

* * *

натуральная окоlesiца
надоела в конце концов
(повзрослевшие за три месяца
пополняют ряды бойцов)

тучи тянутся вереницами...
(возвращаясь на год назад —
надо справиться с небылицами —
надо все как есть рассказать)

как мы вовремя успокоились
почивая в богатых...

(как полгода они готовились
в тренировочных лагерях —
и послушные указаниям
руки тянутся на восток...)
мракобесие — в наказание —
попадет-таки под каток

(получается — эти «пальчики»
отпечатались в том году...)
наступают русские мальчики
повзрослевшие на ходу

Вместо репортажа

будем рыть землянки
и стараться жить —
миром в Атаманке надо дорожить

открываем лица — тянем провода
(появились птицы и пошла вода)

холода все ближе, что ни говори...
(залатали крыши — сушим сухари)

выясним кто круче через телефон
и на всякий случай варим самогон

гречку да овсянку дали на паек
(не согрев хозяйку тает огонек...)

Александр СИГИДА-младший

ПЕРВОЕ ИЮЛЯ 2014. БОЛЬШЕВИЗМ¹

Слава вам, патриоты Донбасса,
Добровольцы народных дружин!
На защиту рабочего класса
Поднимаются все как один.
Посылает Майдан отщепенцев,
Посягая на добрую честь,
Но сплотились ряды ополченцев
И готовят священную месть.
Спать не могут спокойно буржуи
Потому, что им снится война.
На земле нашей горе бушует,
Скоро враг все получит сполна.
В шкуру серую молча влезая,
Разрываем суровую нить,
Мы должны отомстить за Гизая²,
За друзей мы должны отомстить!
Слава вам, патриоты Донбасса,
Добровольцы народных дружин!
На защиту рабочего класса
Поднимаются все как один.

СОЛНЦЕВОРОТ-2014

Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.

¹ Написано на мотив «Прощания Славянки». Или «Вспоминайте, меня, вспоминайте» Махно в превосходном исполнении группы EST.

² Гизай Александр Александрович — мой преподаватель из Луганского ЛИЯ. Афганец, глава поискового отряда. Убит 02.06.2014 во время бомбежки Луганской ОГА.

Те, кто не спился в девяностых,
Кто не сторчался в нулевых,
Не сгинул в наркохолокосте
От огнестрельных, ножевых —
Сегодня здесь. Их шеи тонки,
Они приходят прямым
Из старых выпусков «Лимонки»
Вам этот дискурс был знаком.
Сейчас лимонки — в дефиците,
Но есть четыре РГД...
Задумавшись о геноциде,
Не забывай о Сигиде.

ЗОВ АТАМАНОВКИ

Ночные улицы таят
Невыразимую угрозу
Прохожего, чей пьяный взгляд
Напоминает о Ломброзо.
Здесь не выходят без ножа
На остановку или в гости,
Безликий остов гаража
Как образ склепа на погосте.

Угрюмый сумрак тех минут,
Забытых копанок провалы
Иной реальностью живут,
Водою наполняясь талой.
В глазницах брошенных домов
И саркофагах терриконов
Мне ясно слышен древний зов
Богов индустриальной зоны.

Виталий ДАРЕНСКИЙ

ИЮНЬ

Весь день долбила канонада —
Как совесть постучала в дверь.
Душа, как все, войне не рада —
Только душе теперь не верь!

Я ей теперь не вправе верить,
Но верю Богу одному —
Послал Он, чтобы нас проверить,
Эту священную войну.

Опять июнь, опять нацисты
Идут стирать с лица земли
России лик святой и чистый —
Его мы, значит, сберегли...

И в бой уходит ополчение
На смерть за честь родной земли!
А мне — лишь сердца угрызенья,
Плохое зрение, увы...

И вновь долбила канонада,
Но Металлист остался наш,
Летали подлые снаряды
Пока что только мимо нас.

Завтра ударит канонада
Уже по нам, уже по нам...
Стоят Луганские отряды
За город, как за Божий храм!

* * *

Луганск под взрывы все стоит в очередях,
Часами ждет спасительную воду.

Давно уже здесь притупился страх,
И смотрят на войну как на погоду.

При свисте мин спокойно на душе,
Только прошепчешь «Господи, помилуй!».
И сил надеяться как будто нет уже,
Но почему-то прибывают силы.

Здесь брошенные близкими живут,
И многие из них почти не ходят.
Здесь в тишине крошечной просто ждут,
И счастье в ожидании находят.

Повсюду крик измученных котов,
Еле живых, покинутых, несчастных —
И им последнее отдать уже готов,
Для сердца не бывает жертв напрасных.

И все это нужно принять как дар —
Наверно, это вспомнится, как счастье...
Остыла жизнь, и вдруг такой пожар!
Светлей в душе, когда вокруг ненастье.

ОСЕНЬ В ЛУГАНСКЕ

Далеко за горизонтом,
Где-то за Донцом
Дымных туч тяжелый контур
Смотрит нам в лицо.

Канонад почти не слышно —
Фронт туда ушел.
Город вновь зашевелился
И в себя пришел.

Пусть не скоро до Победы
И тоска в сердцах —

Но народ в нее поверил
И забыл про страх.

Новороссия родная
За всю Русь стоит!
Родина наша такая —
Как звезда горит!

Только стыд сильнее гложет
Тяжко душу мне,
И всем тем, кто быть не может
На святой войне...

Александр ПРОХАНОВ

МАРШ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

*70-летию Победы
посвящается*

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

Побывайте на Прохоровском поле, как только что побывал там я. Побродите среди студеных, влажных трав, вдохните аромат черемух, который долетает с опушек окрестных рощ. Пускай на вас прольются сначала холодные дожди, а потом брызнет солнце. И вы увидите, как над полем, из края в край, нависает двойная радуга. Это поле — таинственное, волшебное. Над ним витают незримые духи. Летними ночами воздух над полем светится, и от земли к небу возносится едва заметный серебристый столб света. Не верится, что здесь летом 1943-го года рвалась земля, грохотали моторы, горящие «тридцатьчетверки» шли на таран и взрывались вместе с «тиграми». Здесь стояла такая пыль, что штурмовики, которые нависали над полем, не находили целей из-за завесы пыли и мглы. Сегодня это поле продолжает жить, продолжает дышать.

На этом поле решались судьбы не только войны, не только нашей родины, а всего рода людского. И дыхание той битвы, той победы реет над полем. Это дыхание, эта тайная энергия из года в год воплощаются в дела. Поле покрывается храмами. Один из них — высокий, стройный, с золотой горячей вершиной, с тихим пламенем света, напоминает оплавленную свечу, покрытую капельками застывшего воска. А вот — звонница, построенная по эскизам знаменитого Вячеслава Клыкова. Каждые 20 минут печально бьет колокол. На высоких стелах — картины битв, ангелы света, Георгий Победоносец. И тут же — советские воины, огненные атаки. Клыков передал мистическое значение той войны — священной, грозной, победоносной.

Рядом с храмами, один за другим, возводятся памятники. Замеча-

тельный «Танковый десант» с фигурами советских пехотинцев на броне. Этот танк и теперь летит среди ветра и трав. Монумент «Танковый таран»: Т-34 своими уступами, гусеничными траками врезается в фашистский «тигр» и опрокидывает его.

Всего несколько дней назад здесь открылся танкодром. Горы, увалы, низины, наполненные грязью. По этой пересеченной местности движутся броневые машины: и почти забытые, и ультрасовременные. И огромное количество людей — ветеранов, детей, любителей танковых состязаний — с восхищением смотрят на потрясающее действо.

И только что здесь был открыт и освящен памятник Патриарху Алексию II, который вдохновлял строителей «Прохоровского поля». Изумительный строгий пастырь, возносящий руки над танковыми монументами.

Это поле духовное. Оно собирает духовидцев, теоретиков, мыслителей. Сюда съезжаются на свои конференции историки. Открывают все новые и новые картины этой огромной и грозной битвы, выявляют концепции проведения Курской операции, концепции войны. Дают отпор хулителям и осквернителям нашей истории, сражаясь с теми, кто хочет замалевать черной краской светоносную звезду победы. Сюда приезжают русские писатели. Им присуждают Прохоровские премии, словно само поле от имени павших назидает, напутствует художников, наставляет их служить высоким идеалам русской словесности. Здесь, на этом поле, мыслителями создаются новые представления о минувшей войне, о священном русском оружии, представления о чудесных силах, которые способствовали нам в нашей победе.

Прохоровское поле — это сокровище Белгородской земли. Это не просто памятное место, не просто святыня. Оно живет, оно одухотворяет людей, привносит в человеческий труд благородство, благодать. Не потому ли здесь, на Белгородчине, каждый клочок земли заботливо возделан человеческими руками? Не потому ли на этой земле, где в недрах покоится такое количество пуль, такое количество осколков, здесь возносятся дивные колосья, расцветают цветы? Это поле облагораживает труд людей, наполняет их любовью и усердием. В мировоззрении сегодняшних белгородцев — от губернатора до самого скромного земледельца — благоговение перед жизнью, благоговение перед трудом, перед добрым человеческим поступком.

Но почему в эти майские дни я оказался на Прохоровском поле? Потому что майские дни на нашей Родине — это дни непрерывного чествования. Дни непрерывных воспоминаний о Великой Победе. Дни непрерывного празднования. Это дни нашего триумфа, нашей силы и красоты. И мы не можем остановиться в прославлении нашего подвига. Вот почему я на Прохоровском поле. Вот почему вместе со мной в эти дни множество людей пришли на Мамаев курган, на Саур-могилу. Прохоровское поле — одна из святынь великой священной войны.

Поле, впитавшее такое количество страданий, смертей, оно волею таинственных сил русской истории превращает тьму в свет. Превращает страдания в благодарность, превращает смерть в бессмертие.

Я двигался по этому восхитительному полю, окруженный огромным количеством людей. Взрослые и дети, матери с чудесными младенцами на руках, согбенные старцы, усыпанные орденами и медалями столь обильно, что кажется, это ордена гнут их к земле. Мы все движемся по священному

Прохоровскому полю. Какое счастье идти по этому полю. Какое счастье жить среди своего народа. Какое счастье быть его сыном. Какое счастье чувствовать, что и ты причастен к великой неодолимой русской истории!

МАРШ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Когда во время парада на Красную площадь вылетел десяток «тридцатьчетверок», я едва удержался от слез. Когда рядом со мной на трибуне сел мальчик в пилотке с красной звездочкой, мне хотелось его поцеловать. Когда мимо, опираясь на палку, прошел согбенный ветеран, увешанный орденами великой войны, я испытал к нему благоговение и нежность. Когда с грохотом в тысячу барабанов прошли юные барабанщики, я ликовал. Когда по Красной площади среди русских десантников и пехотинцев прошли «коробки» китайцев и индусов, азербайджанцев и армян, казахов и киргизов, таджиков и монголов, и ни одной «коробки» англосаксов, французов или немцев, я остро почувствовал, что мир разделен на Восток и на Запад, на воинствующую, отрицающую нас Европу и на могучую Азию, которая подставляет России плечо. Я вспомнил блоковское стихотворение «Скифы»:

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...

Когда по площади двинулись могучие «Искандеры» и грандиозные «Ярсы», фантастические танки «Армата», я, чувствуя трясение земли, понял, что на каждую угрозу, приступившую к России с запада, с юга и с севера, у нас найден ответ.

Когда в небе пошли самолеты, бесчисленные серии, серебряные гиганты, белые исполины, серые, как молниеносные вихри, истребители и штурмовики, я сказал себе: «Россия преодолела военно-стратегическое отставание и построила цивилизацию, в недрах которой она способна создавать бесподобные, не имеющие аналогов машины».

Я ощутил счастье, что, празднуя победу сорок пятого года, мы празднуем победу над сумрачными и, казалось, безысходными девяностыми. Государство российское преодолело поражение перестройки, преодолело немощь девяностых и вновь восстало в своем величии и неудержимом росте.

Это был военный парад, была политическая речь Президента. Но это было богослужение тех, кто исповедует религию Великой Победы. Это чувствовали глубокие старики с пепельными лицами, на которых вдруг загорался румянец. Это чувствовали дети, с молитвенным обожанием взиравшие на силы небесные. Это чувствовал министр обороны Шойгу, который выехал из Спасских ворот в открытой машине и перед тем, как поехать на площадь, истово перекрестился. И красное знамя Победы со звездой, серпом и молотом было хоругвью, которую пронесли не только сквозь копоть и грохот рейхстага, но сквозь кошмар и тлен девяностых, когда эту хоругвь подвергли поруганию. Но Господь поругаем не бывает. Красное знамя Победы пламенеет над миром.

Потрясла мистерия, имя которой — «Бессмертный полк». Миллион людей, идущих вал за валом, с лицами, то мокрыми от слез, то восторженными и восхищенными. Любящие, верящие, соединенные друг с другом не корыстью, не земной заботой, а грандиозным религиозным порывом. Это шествие напоминало огромный Крестный ход. Портреты фронтовиков, их бессчетные вереницы были похожи на драгоценные иконы, от которых

исходило сияние. Эти фронтовики были здесь, на Тверской, шли через Манежную, поднимались на Красную площадь, стекали мимо храма Василия Блаженного к Москва-реке. Фронтовики, что били из «сорокопяток» по немецким танкам под Дубосеково. Что кидались в кровавые контратаки под Сталинградом, повторяя «За Волгой для нас земли нет». Что садились в «тридцатьчетверки» и шли под Курской дугой на таран, вгрызаясь в фашистские «тигры». Что штурмовали Мамаев курган, Сапун-гору, Саур-могилу — три великих русских горы. Фронтовики, что форсировали Дон и Днепр, Вислу и Одер, гневно врывались в европейские столицы, топтали, секли мечом, душили руками громадную скользкую фашистскую гадину. Эти фронтовики шли по Москве, обращаясь к нам, ныне живущим. «Вы — победители! Вы, тогда еще не рожденные, вместе с нами брали Берлин. Вас, еще не рожденных, заматывали в кровавые бинты в лазаретах. Вас, еще не рожденных, уже мучили в застенках гестапо. Вы, еще не рожденные, писали свои имена на колоннах рейхстага. Вы, которых не было еще и в помине, курили самокрутки у стен Будапешта и Вены. Не смейте унывать и отчаиваться! Не смейте уныло брести по земле, опустив глаза долу! Мы и вы — великий народ, непобедимый и вечный. Нам вменено судьбой принимать на себя удары тьмы. Вставать навстречу этой тьме. Гнать эту тьму с земли, возвращать на землю свет. Ибо так устроены наши души. Так выглядят наши храмы. Так текут наши реки и дуют наши ветры. Так распорядился Господь, сотворив нас русскими.

Победа есть скорость света.

По материалам газеты «Завтра»

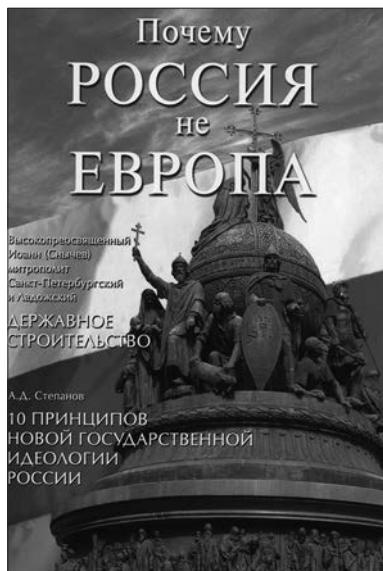
ВЫШЛА КНИГА

Митрополит Иоанн (Снычев) «Державное строительство»: *Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.*

Почему Россия не Европа. 10 принципов государственной идеологии. — М.: Ковчег, 2015. — 64 с.

Данная брошюра представляет собой своеобразный отклик русской патриотической интеллигенции на обращение Президента России В. В. Путина на Валдайском Форуме в 2013 году, где впервые от лица верховной власти прозвучал социальный запрос на создание национальной идеологии Российского государства.

В публикуемых текстах изложены предварительные тезисы для создания новой Русской идеологической доктрины, практическое воплощение которой, без сомнения, требует отдельной соборной работы профессионалов в самых различных областях жизни.

История и современность

Александр ДУГИН

РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЯХ ЗЕМНОЙ ЦЕРКВИ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ С ЦЕРКОВЬЮ НЕБЕСНОЙ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неевразийство», политолог, доктор политических наук, социолог, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2008–2014), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

Приглушенная жизнь и открытая экклезиология

Современные христиане не могут не испытывать затруднений в вере. Не только потому, что живут в антихристианской культуре. Но еще и потому, что вера предстает для них либо как нечто фрагментарное (например, ответ на экзистенциальный вызов), либо как концептуальная абстракция. Христианству не достает жизни. Оно не совсем безжизненно, оно маложизненно. Жизнь христианства бледна. Поэтому церкви полупусты, а если даже полны (на праздники), то как-то не так. Христианское бытие приглушено, притушено, заглушено. Тлеет, скорее, чем горит. Это данность. Исключения есть, но крайне редки и всякий раз требуется детально всматриваться в каждый случай — о том ли мы говорим, христианство ли это или источник вдохновения где-то рядом, а, может быть, и вообще в другом.

Владимир Лосский в свое время заметил, что догматическое богословие в христианстве закрыто Афонским томосом, признавшим учение св. Григория Паламы (исихастское богословие), и открытой осталась лишь экклезиология, то есть свободное размышление об исторических путях земной Церкви в ее отношении с Церковью небесной. Я думаю, это в целом верное замечание. Следовательно, путь (нормативный — ведь исключения всегда возможны) ко Христу сегодня не может пролегать вне экклезиологической реконструкции этапов (ключевых моментов) истории Церкви. В философии этой операции соответствует метод феноменологической деструкции (М. Хайдеггер) или деконструкции (Ж. Деррида), то есть помещения семантического (смыслового) множества в историко-культурный контекст. Христианство есть

нечто единое и непрерывное, вечное. Это — Небесная Церковь. Она неизменна и не зависит от исторических проекций в область времени. Но земная Церковь помещена одной стороной в историю, и поэтому зависит от исторических обстоятельств — один и тот же луч света падает на постоянно меняющуюся поверхность океана, образуя всякий раз разный узор, рисунок, фигуру. Совокупность этих фигур составляет поле экклезиологии. Эти фигуры (периоды, эпохи, фазы) выстраиваются вдоль оси, идущей от Рождества Христова и особенно со дня Пятидесятницы (включая прелюдию Ветхого Завета) до настоящего времени, до нашего состояния мира и до той Церкви, которая есть сегодня и частью которой мы являемся.

Структуры экклезиологических эпох

Мы можем распределить экклезиологические эпохи следующим образом:

- ветхозаветная Церковь (от Адама до Рождества Христова), включая подпериоды;
- 33 года жизни Господа нашего Иисуса Христа;
- снисхождение Святого Духа на апостолов в Сионской горнице в Пятидесятницу;
- апостольская эпоха (приблизительно до конца I столетия);
- катакомбы, эпоха мученичества (конец I начало IV столетия — 313 год);
- эпоха Вселенских соборов, становления догматики, богословские споры, греко-римская патристика, Империя, единство православно-католического мира (IV — вплоть до 800 года, коронации Карла Великого).

С этого момента — 800 года — пути Востока и Запада внутри христианской эйкумены расходятся все больше — вплоть до 1045 года и Великой схизмы. Формально период 800—1054 годов Церковь остается единой, но с точки зрения богословско-экклезиологического содержания это уже разные течения. На Западе IX—XI века — период схоластики, существенно отличающейся уже от греко-римской патристики и плавно переходящей в западноевропейское Средневековье вплоть до XV века. На Востоке культура греко-римской патристики не прерывается ни в IX, ни в XI веках, но длится до самого конца Византии — 1456 год. Восточное христианство остается в контексте имперского периода, что образует тысячелетний цикл: 325—1456 год. Западное христианство в IX веке отклоняется от греко-римской имперской фазы и следует иным путем вплоть до эпохи Возрождения и Реформации.

Возрождение знаменует собой конец Средневековья и утрату ведущих позиций латинской схоластики. Реформация превращает западное христианство (европейский Север) в поле совершенно новой экклезиологической и теологической культуры. При этом католицизм остается в целом верным средневековому стилю, а протестантизм закладывает основы радикально нового христианства. Ситуация повторяет историю с Православием: католичество отделяется от греко-римской патристики, делая необратимый шаг в схоластику, где застывает, а Православие замирает ранее — в самом имперском греко-римском патристическом периоде, после чего они существуют параллельно; аналогично этому, протестантизм отделяется в XVI веке от католицизма, а католицизм продолжает оставаться в целом таким же, как и

до Реформы. Новое время в Западной Европе лишает христианство в целом доминантной культурной роли. Начинается секуляризация. Она вначале делает христианство чисто концептуальным (хотя предпосылки к этому заложены отчасти уже в самой схоластике), этому соответствует деизм. А затем уже безболезненно отменяет Бога как концепт, релятивизирует деизм и переходит к гуманизму и атеизму, которые становятся эпистемологической доминантой модерна. На Западе Церковь в Европе из центральной матрицы культуры превращается в один из социальных институтов, наряду с другими, причем лишенный политического измерения, смещенный в область частного сектора. Затем Церковь вступает в интенсивный диалог с секуляризмом, уступая все больше позиций, вплоть до Ватикана II в 1962–1965 годах, где компромисс с модерном достигает своей кульминации и католичество окончательно утрачивает и форму, и содержание, необратимо порывая со Средневековьем и схоластикой.

История Православия развивается по иной логике. Имперская эпоха длится на Востоке вплоть до падения Константинополя и получает историческое приращение в поствизантийском мире — в частности, в Православном Московском царстве (Третий Рим). Это имперское приращение завершается с русским расколом (1654) и окончательно прерывается в вестернизаторских и модернизаторских реформах Петра Великого. Греческое Православие утрачивает свою имперскую сущность, оказавшись маргинальным религиозным институтом в контексте исламского общества Османского халифата. Но в обоих случаях — и фанарское Православие греков, и синодальное русское Православие, и другие православные Церкви сохраняют догматически и в новых постимперских условиях застывшие структуры патристического богословия, закрывая период богословского творчества семью Вселенскими Соборами и Афонским томосом, поставившим точку в паламитских спорах.

Синодальный период в России завершается большевизмом, в котором Церковь еще более маргинализуется, а атеизм и научное мировоззрение приобретают характер догмы. После конца СССР гонения на Церковь завершаются, но ее место в обществе остается относительно маргинальным, копируя, на сей раз, западноевропейские секулярные стандарты.

Жизнь как критерий

Так мы получили последовательность фигур-проекций Небесной Церкви на ткань истории. Эти этапы (фигуры) имеют, как мы видели, сложный темпоральный узор. Где-то временные процессы развиваются целно, где-то параллельно, где-то разделяются, где-то экклезиологическое время замирает, где-то происходят разрывы, где-то прошлое продолжает сосуществовать с новыми тенденциями, где-то меняется содержание при сохранении формы и т. д. Небесная Церковь неизменна, ее отражения в истории — изменяются самым причудливым образом. Так как человек приходит к Христу через Церковь, как считают католики и православные (хотя многие протестанты это и отрицают, полагая, что он приходит к Христу непосредственно), то этот путь идет через земную Церковь, а уже через нее — в Небесную. Соответственно в каждую эпоху человек становится христианином по-разному, вступая в разные фигуры, с общим (единым) истоком. В небесном измере-

нии Церковь едина, одна. В земном это явно не так, она различна, и это различие зависит от исторического этапа. В этом и состоит суть экклезиологии: точно определить параметры каждой фигуры земной Церкви, выявить ее особенности, ее связь с другими фигурами (периодами, моментами, фазами). По Лосскому, мы не можем обсуждать богословские моменты, нам остается их только принимать и осмыслять. Но вполне можем и, видимо, должны обсуждать и постигать, а значит, формулировать мнения относительно экклезиологии, делая именно эту область полем приоритетных и наиболее значимых теологумен, «частных богословских мнений».

Мы начали этот текст с замечания о том, что в современной нам Церкви, и мы имеем в виду в первую очередь состояние современного русского Православия (хотя к другим церквям это относится в еще большей степени), существует определенный дефицит жизненности. Отсюда та приглушенность веры, которую мы констатируем. Можно взять это наблюдение в качестве отправного для характеристики последней фигуры, которую мы рассматриваем как состояние современного нам постсоветского Православия. Так как церковь в Православии понимается как совокупность всех крещеных христиан, включая клир (католическая церковь понимает себя как совокупность клира, исключая мирян), то приглушенность веры мы применяем к нам самим, а не к каким-то оторванным от нас, отдельным группам, людям или институтам. Следовательно, это определение нашей веры и относится к нам, а не является обвинением кого-то еще. Это наблюдение за собой как за православными христианами. То есть это самокритика, а не критика.

Христос: непосредственно и опосредованно

Если мы посмотрим на другой конец новозаветной истории, в истоки нашей экклезиологии, мы увидим 33 года жизни живого Бога, Иисуса Христа. В этот начальный период Бог живет с нами. Следовательно, это самый живой, самый жизненный период нашей истории, когда само Слово воплотилось, вочеловечилось и было с нами и было нами. Пророческая формула Исайи «С нами Бог!» (μεθ' ἡμῶν ὁ θεός) осуществилась буквально. Таким образом, мы получили очень важную дуальную симметрию: первая экклезиологическая фигура представляет собой самого живого Бога, что есть максимум возможной жизненности — причем внутри земной истории, в Воплощении, в земном, а не только небесном измерении. А последняя фигура, напротив, отмечает полюс исчерпания этой жизненности, ее смутного и отдаленного восприятия. Почти только память, знак, указание на что-то, что условно и отдаленно. При этом в миг Евхаристического Таинства дистанция рушится, и мы причащаемся самому Христу (если мы не признаем этого, то не имеем веры), однако степень жизненного присутствия это не меняет; оно остается мгновенной вспышкой.

По этой логике последовательность сменяющих друг друга экклезиологических фигур может быть систематизирована по степени жизненности. Тогда мы получаем семантику христианского времени; христианская история приобретает смысл и меру.

Первый этап — 33 года земной жизни Иисуса Христа Сына Божьего. Сверхонтологический максимум жизни. Центр нашего внимания и содержания самого важного текста для христианина — Святого Евангелия.

Второй период — апостольский. Здесь важна личность святого апостола Павла. Он не видел и не знал Христа, жившего на земле, но познал Христа воскресшего из мертвых. Он не видевший, но уверовавший. И кульминацией этого апостольского периода становится снисхождение Духа Святого на апостолов. Так земная Церковь сливается с Церковью Небесной. Церковные Таинства, крещение и рукоположение передают жизненную благодать. Это совершенно живая Церковь, но в чем-то она уступает тем благословенным 33 годам, когда сам Христос Бог был среди людей.

Далее начинается период мученичества, катакомбы. Христиане умирают и страдают за Христа, который явлен им и не как свидетелям, и не как первым апостолам. Он явлен им в живой вере, причем настолько пронзительно, что верность Христу и смерть за него являются решающими жизненными мотивами. Мученики показывают, что речь идет о вере настолько живой, что она намного важнее самой жизни. Мученичество есть, по сути, основа Веры, прямое свидетельство (μάρτυς по-гречески означает одновременно мученичество и свидетельство) жизненного присутствия Христа.

Империя и богословие

Следующая фигура — становление христианства духовной основой православной Империи. Это важный сдвиг. Эпоха мученичества в целом завершается, жизненность христианства переносится на священную политику, царя-катехона. Теперь жизнь Церкви неразрывно связана с жизнью Империи, и жертвы во имя Империи, Царя сменяют собой более непосредственное и прямое свидетельство первых мучеников. Теперь жизнь отдается за Царя как помазанника Божия, наступает эпоха имперского мученичества, имперского свидетельства.

Параллельно с этим развивается богословие. Оно коренится в апостольской эпохе, зреет в период катакомб и расцветает в Империи (эпоха Вселенских соборов). Богословие, как и Империя, идут рука об руку; в Империи есть нечто богословское, а в богословии — нечто имперское. Здесь жизненность Церкви опосредуется, будучи возведенной в двух направлениях — в сферу созерцания, божественных логосов и в область Политического, как поле конкретного воплощения христианства. Политика и богословие, Империя и созерцание становятся выражениями христианской жизненности. Это иное преломление жизненного начала Церкви, явно отличное по степени интенсивности и концентрации от предыдущих этапов. Мы видим, как снижается степень непосредственности и возрастает опосредованность. Но весь этот период — греко-римской патристики — пронизан богословско-имперским христианством, полным жизни.

До 800 года эта имперско-богословская жизнь христианского мира затрагивает обе половины эйкумены — и Запад и Восток. Однако после 800 года, и особенно после 1054 года, западное христианство начинает ставить во главу угла именно богословие, тогда как Империя (а точнее, ее каролингский симулякр) приобретает второстепенное значение, тогда как в Византии обе составляющих греко-римского периода — и Империя и богословие продолжают идти рука об руку, сохраняя жизненность. Запад же движется в сторону папизма и схоластики, где опосредование через богословие автономизируется от опосредования через Империю.

Следующий этап — конец богословско-имперской жизненности. В Византии это выражается в каденции событий — в исихастских спорах XIV века, завершивших собой богословский период, и через столетие в падении Константинополя (конец Империи). Империя еще существует два столетия, но с сильно приглушенным богословием в Московской Руси, пока в конце XVII века православный мир не утрачивает эту особую форму христианской жизненности, корнящуюся в длительном, более чем тысячелетнем периоде, который совокупно можно назвать византийским. Доминация схоластического богословия на Западе заканчивается в эпоху Возрождения и Реформации, то есть почти тогда же, когда падает Византия. Богословие становится безжизненным, утрачивает фасцинативный характер. На этом завершается преобладание этой эпохи христианской жизненности, опосредованной теологией и Империей.

Модерн: концептуальное христианство

Далее следует очень важный переломный этап. То, что было живо ранее, становится знаком, указанием, чем-то гипотетическим, необязательным. На место живого богословия приходит область концептов. Схоластическое мышление еще знает о том высшем горизонте, где мысль входит в область ангелического небесного света, а мистическое богословие Восточной церкви и особенно исихазм вообще строятся на этом преображающем опыте. Но деизм Декарта и других философов Нового времени очищает теологию от всех форм опыта — пусть и созерцательного. На место него приходит рационализм, доминанция концептов. Само богословие подвергается на сей раз рационализации, отчего оно утрачивает окончательно жизненность. Что здесь причина, а что следствие? Вырождается и остывает ли схоластика вплоть до деизма? Или деизм подрывает схоластику, искусственно лишая ее соков созерцательной жизни? Этот вопрос стоит оставить открытым. В любом случае западная экклезиология в Новое время качественно меняется. Хотя определенное ядро — католичество — остается томистским, в целом западно-христианская культура идет на компромисс с модерном, не сопротивляясь активно деизму и заложенным в нем секуляризму и субъективизму. Становясь концептуальным (деизм), богословие утрачивает жизненность. Бог превращается в концепт. Чудеса ставятся под сомнение. Это уже не живой Бог и не живая Церковь.

Протестантизм вообще разрушает представление о Церкви и о традиции, превращая религию в частное дело, лишая ее нормативного статуса. Догмы и истины становятся чисто субъективными и относительными феноменами, что, по сути, делает отношения индивидуума с Богом частным делом, не поддающимся никакой мере. В протестантизме Бог становится не просто концептом, но субъективным, частным концептом. И если он называется еще по инерции «Христом», то никакого жизненного содержания этот концепт не имеет. Не удивительно, что реформация ведет напрямую к секуляризму, к чему, со своей стороны, ведет и деизм. В результате в Новое время христианский мир вообще завершается, полностью утраивая жизненность. Религия становится институтом среди других, причем частным. А ее содержание, ее опыт превращаются в условность, концепт, психологический выбор субъекта.

Параллельно с этим окончательно демонтируются и последние останки Империи. Империя как конкретность христианской эйкумены, воплощенной в политическом, заменяется национальным Государством, которое есть еще один концепт. Империя священна, Государство нет, оно условно и является продуктом человеческих рук. Глава Государства не священная фигура, а светский распорядитель. Жизнь Империи полностью и окончательно гаснет в национальном Государстве.

Так в эпоху модерна мы вступаем в следующий экклезиологический этап, где жизненность христианской веры еще более утрачивается. Это период превращения живого христианского опыта — в концепт. Само христианство становится концептуальным, что не просто релятивизирует, но вообще исключает жизнь. Религия устраняет из себя любой опыт священного — и непосредственный (как в эпоху жизни Христа, апостолов или в период катакомб), и опосредованный (богословско-имперский). И от нее остается только концептуальное поле — философское, социальное, институциональное и т. д. На Западе это ведет к торжеству «научного» мировоззрения, к материализму, атеизму и либеральной демократии. Именно такое полное вырождение западного христианства до уровня чистого концепта, такая окончательная утрата жизненности заставляет Фридриха Ницше произнести свой знаменитый диагноз: Бог умер. Бог умер, так как перестал быть в западном обществе частью жизненного опыта. Христианство перестало восприниматься как живая и оживляющая сила. И современная западная Церковь есть не более чем музей, воспоминание, культурный экспонат, указывающий только на прошлое — на то, чем христианство было когда-то. Это совершенно мертвая «церковь». Поэтому она почти никого не вдохновляет, и если сохраняется, то только как дань «культурному наследию». За схоластикой и концом Империи на Западе следует концептуализация христианства, что является последней стадией утраты жизни. В момент Ватикана II католичество идет на последние уступки секулярности, после чего западное христианство становится полностью безжизненным — чистым воспоминанием, лишенным какой бы то ни было жизненной силы.

Русское христианство: этапы

Судьба Православия складывается несколько иначе. Империя как священная форма христианского бытия сохраняется на Востоке гораздо дольше Запада, причем в сочетании с активным богословием. На Руси Православное Царство существует до начала XVIII века, и лишь под влиянием уже десакрализованного и дехристианизированного Запада оно начинает утрачивать свое византийское содержание. Раскол, книжная правда, реформы Никона и западнические инновации Петра Великого наносят по православно́й традиции колоссальный удар. Жизненность русского христианства резко падает. Империя превращается в национальное Государство, а филокатолитические и филопротестантские тенденции в богословии постепенно превращают религию в нечто концептуальное (подражая Западу). Синодальный период русской Церкви сопровождается резкой утратой внутренней жизненной силы. Это не расцвет богословия, но его закат, так как в церковной мысли живет не византийский греко-римский патристический дух, но копирование модернистских теорий и подходов, свойственных Западной Европе. Православие —

конечно, как мы уже многократно подчеркивали, лишь на уровне земном, на уровне исторически predeterminedных фигур, эпох, — остается православным лишь номинально; оно утрачивает содержание, жизненность, византийский дух, саму возможность живого созерцания. В XIX веке даже афонский исихазм рассматривается с большим подозрением и воспринимается чуть ли не как «ересь». Жития святых подвергаются рационалистической цензуре, наиболее «фантастические» чудеса вообще вымарываются по аналогии с католическими и протестантскими списками.

Накануне большевистской революции русское христианство представляет собой особую историческую форму, в которой собственно христианская жизнь скорее тлеет, чем горит. Это и сделало возможным последующий резкий скачок к атеизму и материализму. Многими это воспринималось как смена одного концепта на другой. Это было бы невозможно и нелепо, если бы вера в Христа была полноценной и живой. Но будучи условностью, данью традиции, привычкой, она становилась чем-то конвенциональным. Поэтому большевики и смогли установить атеистическую диктатуру.

Гонения на Церковь после революции вызвали всплеск нового исповедничества, когда многие христиане перед лицом прямой агрессии атеистов сохранили верность своей религиозной и культурной идентичности. Однако всплеск новомученичества не привел к масштабному возрождению Церкви. Иерархи нашли способ сосуществовать даже с антихристианскими властями, как раньше сосуществовали с секулярными прозападными российскими Царями постпетровской эпохи. Все это было бы просто нелепо, если бы Церковь была по-настоящему жива, полна пронзительным переживанием бытия Христова — в людях и мире.

Крах СССР привел к снятию с Церкви атеистических запретов. Но большой заслугой верующих в этом не было. Вообще никакой заслуги не было. Носители модерна в его коммунистической версии передали власть носителям модерна в его либеральной версии, а христиане лишь воспользовались этой ситуацией, чтобы укрепить свои позиции, пользуясь случаем. Это важно: Церковь в 90-е не стала более живой, нежели она была в 80-е. Отсутствие давления и репрессий и идеологический вакуум создали благоприятные условия для формального восстановления, но радикальных перемен в духе это не вызвало, и не могло вызвать, так как роль христианства в конце коммунизма и начале западных либеральных реформ была пассивной. В целом же положение современного русского Православия не слишком отличается от положения западно-христианских церквей: это маргинальный социальный институт, не имеющий прямого влияния ни на политику, которая целиком и полностью строится на секулярных западных основах, ни на образование, ни на культуру. В целом структура современного российского общества более архаична, нежели на Западе, это дает шанс Церкви и христианству, но снова речь идет об инерции, а не о возрождении, о ситуативном прагматическом случае, а не о результате последовательной духовной борьбы. Конечно, в силу большей архаичности России и меньшей модернизации роль религии в российском обществе выше, чем на Западе, а традиционализм населения глубже. Однако с жизненностью именно христианского духа, с пронзительным опытом жизни с Христом и во Христе это напрямую не связано.

Итак, суммируя предыдущее, мы видим, что экклезиологическая последовательность эпох (фигур земной Церкви) такова, что разворачивается по мере

утраты жизненного начала — от максимума к минимуму, который достигается именно сейчас. Первая Церковь — полностью жива, она есть сама жизнь и больше, чем жизнь. Последняя Церковь ближе к Лаодикийскому формату, она «ни холодна, ни горяча», ни горит, ни гаснет. Ее не может не быть, так как Небесная Церковь вечна, но это наиболее искаженное из возможных отражений; копия, почти полностью утратившая связь с оригиналом. Субъективное модернизированное секуляризированное теплохладное приватное концептуальное христианство — это почти уже не христианство вообще.

К имперскому мученичеству

Из всего этого можно сделать следующий вывод: чтобы прийти к Христу, надо проделать экклезиологический путь в обратном направлении. Сегодняшняя фигура Церкви — минимум жизни. Качественный рывок был бы в сторону византизма — то есть в сторону Священной Империи, православной монархии и полноценного греко-римского патристического богословия во всем его объеме. Василевс Император и Святые Отцы — каппадокийцы, Ареопагитики и исихазм — вот ориентир. Следующий уровень жизни (относительно того, на котором мы находимся) это наступательное активное имперское Православие, богословски-политическое. Это жизнь за Царя, мученичество за Империю, опыт прямого и чистого созерцания. Это полная реабилитация ангельского мира. Для эпохи модерна верить в Бога (в действительном, концептуальном смысле) еще допустимо, но в ангелов — это чистая клиника. Модерн запрещает эту веру, равно как и политизацию религии, Империю. Для нас все наоборот: вера в ангелов, в чудеса и во все вообще утверждения Священного Писания — это самое естественное и жизненное, это истина, до которой мы должны дорасти, а не опустить ее до нашего невежества. Точно также живое христианство не может спокойно принимать критику Империи. Враги Христа могут говорить, что угодно, Империя во главе с Царем-Удерживающим есть абсолютное благо в том случае, конечно, если царь православный и такова же наша вера. А если это истина, то именно она должна стать нормой. Это не условность и не договор, это Богом данный порядок.

Если двигаться по этой линии, то следующим шагом будет мученичество, новые катакомбы, жертва жизнью во имя Христа, живого Бога, Бога, всегда — а не только в прошлом! — находящегося рядом с нами и в нас самих. Это оживление свидетельствования, это прямое и нелицеприятное утверждение того, что есть, было и будет. Живое христианство ни на единый азъ не готовое отступить от духа и буквы Священного Писания в угоду чего и кого бы то ни было. Не Христа надо подстраивать под современность, современность надо подчинять истине Христовой, а если она не хочет, то надо с ней биться на смерть.

На Западе христианство мертво. У нас почти мертво. Но оно никогда не может быть полностью мертво, пока есть хотя бы два или три верующих, собравшихся во имя Христово. И значит, возрождение, пробуждение и прорыв к Небесной Церкви возможны всегда — вплоть до самых последних дней. Поэтому у нас не просто есть шанс, у нас есть долг.

И мы его выполним.

История и современность

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

НАЧАЛО ДАЛЬНЕЙШЕГО

*К 500-летию со дня кончины
св. преп. Иосифа Волоцкого*

*Актуальная бесконечность
Божественного бытия определяет
динамическую бесконечность
человеческого пути и подвига,
в котором всегда есть начало
дальнейшего — даже за пределами
земной жизни и самого времени.*

свт. Григорий Нисский
(335 — ок. 395)

70-летие Великой Победы нашего Отечества, спасшего мир от смертоносного фашистского порабощения, промыслительно совпало по времени с еще двумя памятными датами России, которые также имеют спасительное содержание. Это 1000-летие со дня кончины святого князя Киевского Владимира — крестителя Руси и 500-летие памяти великого русского святого — монаха Иосифа Волоцкого. Победа св. князя Владимира над языческой тьмой стала залогом всех последующих побед Руси-России. Борьба Иосифа Волоцкого — тоже победоносное сражение, духовное и физическое, битва за чистоту Православия, которым была сильна Русь.

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

Преподобный Иосиф Волоцкий

Абсолютное в Боге не допускает никакого определения. Но любое число определяется своей конечностью, поэтому в математике можно рассматривать бесконечность как математически определенную собственно бесконечную величину и оперировать с ней. Теория множеств Кантора и интуиция актуально-бесконечного — через полторы тысячи лет подтвердили древние богословские постулаты святителя Григория Нисского о том, что в актуальной Божественной бесконечности, то есть не имеющей предела, содержится динамическая бесконечность человеческого пути и подвига, определяющаяся присущей каждому человеку мерой постижения Бога. Именно с этой мерой, с этой «вместимостью» связаны подвиги русских святых, среди которых преп. Иосиф Волоцкий находится в ряду духовных водителей православного Отечества. Его подвиг борьбы с ересью, потрясшей основы Державы, и еретиками во благо Русского государства и чистоты Православия был самопожертвованным и настолько успешным, что антирелигиозные и либеральные силы России в течение веков (и поныне) пытались исказить факты его деяний и умалчивали об истинных смыслах его побед.

Для того чтобы это понять, надо вспомнить определение ереси и обратиться к истории возникновения так называемой «ереси жидовствующих» на Руси в конце XV века. Ересью называется ошибочное учение, искажающее фундаментальные основы христианской веры, а его последователи называются еретиками. Слово это происходит от греческого αἵρεσις (выбор, направление, учение, школа) и означает личный произвол, стремление противопоставить полноте христианской истины свое субъективное выборочное мнение. Указывая на свои иудейские корни, апостол Павел говорил:

Наблюдается некая объективная, пугающая человека величинами, сопоставимыми с человеческим веком и до ста раз превышающими его, закономерность в соседстве чисел — 70 лет, 500 лет, 1000 лет. Нам, сегодняшним, знающим на собственном, если не на реальном, то в пределах родовой памяти опыте, что значит жертвенное сражение за Отечество, события, отстоящие от века нынешнего на тысячелетие и полтысячелетия, кажутся из разряда непостижимых, выходящих за мыслимые количественные границы, устремленными к бесконечности.

В христианстве истинной бесконечностью является онтологическая бесконечность Бога. Только к ней может быть применен апофатический подход, подразумевающий непостижимость Божества. Бесконечное или Аб-

«Жизнь мою от юности [моей], которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению (ἀρεσιν)» (Деян. 26:4,5). Религиозная партия, исповедовавшая то или иное учение, также могла называться ересью: «Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать [язычников] и заповедывать соблюдать закон Моисеев» (Деян. 15:5); «Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу» (Деян. 5:17, 18). В 1-м Послании к Коринфянам ап. Павел использовал это слово для обозначения «разномыслий», возникших в христианской общине по поводу «вечери Господней»: «Но, предлагая сие, не хвалю [вас], что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные. Далее, вы собираетесь, [так, что это] не значит вкушать вечерю Господню; ибо всякий поспешает прежде [других] есть свою пищу, [так] [что] иной бывает голоден, а иной упивается». Однако эти «разномыслия — ереси» не носили догматического характера, а под ересями здесь понимаются беспорядки при трапезах и возникавшие при этом несогласия и раздоры, поэтому ап. Павел продолжает: «Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? Похвалить ли вас за это? Не похваляю» (1 Кор. 11:17–22). При некотором разнообразии значений слова «ересь» в раннехристианских текстах уже апостолы употребляли его и в том значении, какое прочно закрепилось за ним впоследствии в догматическом сознании Церкви. «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси, — предостерегал ап. Петр, — и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Петр. 2:1).

Апостол Павел дал и практическое предписание в отношении еретика: «Еретика, после первого и второго вразумления, отворачайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3:10, 11). Он особенно призывает своего ученика Тита остерегаться рукополагать во пресвитера и епископа обрезанных: «Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти» (Тит. 1:10, 11). В раннем христианстве это уже было проблемой. Не избавились от нее и в последующие века.

В XV в. на Русь обрушилась так называемая «ересь жидовствующих». Это общепринятое у историков устоявшееся название мы не будем менять, хотя оно и не соответствует определению ереси, о чем будет сказано ниже. Она явилась очередным вызовом величию Руси, которое к тому времени стало очевидным для всего мира. После заключения в 1438–39 гг. Ферраро-Флорентийской унии и завоевания в 1453 г. Константинополя турками Русская земля в глазах русских людей стала единственной хранительницей истинного (православного) христианства. Эта национальная идея Святой Руси проникла в сознание мыслящего русского общества XVI века и укрепилась в нем не без борьбы, не без препятствий.

Итак, «ересь жидовствующих» ведет свое начало с 1470 г., когда в свите приглашенного в Новгород киевско-литовского князя Михаила Олельковича оказался «жидовин Схария». Новгородский ересиарх Схария тождествен с Захарией бен Аароном га-Когеном, который переписывал рукописи в Киеве. Вскоре в Новгород, по сообщению преп. Иосифа, явились «инии жидове»¹. Иудеи не случайно начали нападки на Православие с Новгорода. Этот важный торговый центр Руси был ближе всего к Западу, любое вольнодумство быстро достигало этого града по торговым путям вместе с привозными товарами. Прибыв в Новгород, Схария со своими соплеменниками прельстили священников Дениса и Алексия.

Иудеи выступали против христианского учения, отрицали Святую Троицу, отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе пришествие Христово и Его Страшный суд, отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание, монашество и т. д. «В строгом смысле, это была не ересь только, а полное отступничество от христианской веры и принятие веры иудейской. Схария и его товарищи проповедовали у нас не какую-либо ересь христианскую, а ту самую веру, которую содержали сами, в том виде, в каком исповедуют ее все иудеи, отвергшие Христа Спасителя и Его Божественное учение»².

В частности, преподобный Иосиф писал, что Схария также «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству и чернокнижию, звездозаконию же и астрологи...». «Алексей и Дионисий до того возревновали о жидовской вере, что с ними всегда пили и ели, и от них научились жидовству, и не только сами учились, но научили жидовству своих жен и детей. Хотели даже обрезаться в жидовскую веру, но жида им не велели, говоря: если узнают о вас христиане и вздумают освидетельствовать, то будете обличены, а держите жидовства тайно, явно же христианство. Алексия переменяли имя, назвали его Авраамом, а жену его называли Саррою»³.

Действительно, в организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства, магические ритуалы, включающие «обряд» поругания святыни. Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали свою ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри. Обольщая астрологией и чернокнижием, Схария и другие прибывшие с ним иудеи хвалились каббалою, древними преданиями, якобы дошедшими до них от Моисея, уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, что знают все тайны природы, могут объяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать духами — все то, что дает власть. Вадим Кожинов полагает, что именно этот иудейский магизм каббалы, дающий силу влияния, и оболостил новгородских попов, а они, в свою очередь, — целый ряд очень влиятельных русских людей, начиная с самого Великого князя Иоанна III. Особо обращает внимание то, что

¹ См.: Алексеев А. И. Жидовствующие // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 185.

² Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

³ Там же.

яростной еретичкой, отступницей от Православия, сделалась мать наследника престола царевича Дмитрия — Елена Стефановна «Волошанка». Едва ли иудаизм как таковой мог увлечь русских людей, которые при Киевском князе Владимире уже сделали свой выбор¹.

В дальнейшем распространителями «ереси» были уже не иудеи, а совращенные ими православные священники — Алексей и Дионисий, постоянно носившие личину христиан. «Первый научил жидовству зятя своего Ивана Максимова, и отца его попа Максима, и многих других попов, и диаконов, и простых людей. Дионисий научил также многих жидовству и, между прочим, софийского протоиерея Гавриила. В числе множества совращенных в жидовство, преимущественно священников, диаконов, дьячков, клирошан, находился и сын одного лица, имевший великую власть в Новгороде, Григорий Тучин»². Через них лжеучение «распространилось не только в Новгороде, но и по селам, и все чрез попов, которые, напившись и наевшись, без страха совершали литургию. Некоторые отступники нарочно ставились в попы, чтобы удобнее совращать своих духовных детей. Если замечали кого-либо твердым в вере и Православии, то таились пред ним и старались казаться православными. А встречая людей простых, слабых и преданных тяжким грехам, увлекали таких в свою прелесть и отпускали им все грехи. Когда же кто из православных начинал обличать их самих в ереси, они отрекались от нее с клятвою, величали себя православными и даже проклинали еретиков, считая и клятву и проклятие за ничто»³.

Проникла «ересь» и в Москву, когда оба тайных еретика так ловко сумели обольстить Великого князя Иоанна III, прибывшего в Новгород, что были в 1480 г. взяты им в столицу и даже назначены настоятелями Кремлевских соборов. Впоследствии «ересь» приобрела себе сильных покровителей, которые содействовали ее распространению и привлекали многих обаянием вольномыслия и распущенностью нравов. «Заметим, однако ж, что при дальнейшем развитии ереси она привлекла к себе и имела двоякого рода последователей: одни, отвергшись Христа, принимали самое жидовство — это люди простые, необразованные, а другие, образованные и книжные, отвергшись Христа, не принимали самого жидовства, но только усваивали все воззрения жидовствующих на христианство, отвергали все собственно христианские догматы и установления, делались совершенными вольнодумцами. С этими-то последними преимущественно и приходилось бороться преподобному Иосифу, и в этом-то виде ересь жидовствующих, даже после окончательного подавления ее внешними средствами, долго еще существовала у нас между лицами высших классов»⁴.

XV—XVI века — это, образно говоря, эпоха Фауста. На наш взгляд, должно иметь место в рассматриваемой нами исторической ситуации мнение выдающегося православного философа А. С. Панарина. «Для закабаления природы требуется — как и почти для всякого закабаления — спровоцировать в системе подлежащего завоеванию бунт низших элементов против

¹ Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. С. 459–460.

² Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 53.

³ Там же. С. 57–58.

⁴ Там же. С. 55.

высших. Первой закабаляющей стратегией, известной со времен Ренессанса, было высвобождение фаустовским знанием низших, механических сил и использование их примитивной энергии против высших, органических элементов природы, в которых она являет себя как сложная живая целостность. Личность фаустовского типа, лишенная пиетета перед космосом, организуя этот бунт низших сил против высших, в перспективе намечает полное прибирание природного космоса к рукам. Никаких благодатных импульсов, никаких законодательных, образцовых гармоний она в нем не видит. Социум здесь растет за счет природы, путем неуклонного ее отступления. Это и есть модель линейного времени прогресса, в противовес православной циклической модели, при которой автономная общественная эволюция, заходящая в тупики греховности, прерывается космическим отшельничеством харизматиков, превращающих свои кельи в новую модель общежития и на основе этой модели обновляющих социальную жизнь»¹. Такой харизматической личностью в свое время и был св. Иосиф Волоцкий, почувствовавший опасность нового «греховного тупика», в который стремились завести Россию сторонние силы, по сей день мечтающие прибрать ее к рукам.

Какой же глубокой, непоколебимой верой должен был обладать монах Волоколамского монастыря Иосиф, вышедший практически в одиночку на борьбу за истинное Православие против таких мощных в своем богоборческом единении сил!? Его борьбу с ересью можно назвать героической, так как приходилось бороться с государственной властью и влиятельными иерархами родной Церкви. Без помощи Божией такая на протяжении пятнадцати лет самоотверженная борьба не увенчалась бы успехом. Значит за святое, за Господнее дело пошел Иосиф Волоцкий. Он не боялся смерти, уверенный в бесконечности бытия.

За «светлый космос» человеческого бытия в Православной вере и против ересей, организующих беспорядочную «искусственную среду управляемого хаоса», пошел воевать монах Иосиф Волоцкий, имея в себе великую «меру» постижения Бога. А конкретнее, — он пошел воевать за Россию, которая не может существовать без веры в Бога. «Иосифъ (Санинъ), преп. волоцкій, родился въ 1439 или 1440 г., скончался 9 сентября 1515 г., основатель монастыря около гор. Волоколамска, который скоро приобрелъ громкую известность своимъ высокимъ иноческимъ уставомъ, выведеннымъ препод. Иосифомъ; его борьба противъ ереси жидовствующихъ занимаетъ видное место въ исторіи русской церкви. Причисленъ къ лику святыхъ 20 декабря 1578 г.». Это все, что говорится о святом в Полном православном богословском энциклопедическом словаре, изданном П. П. Сойкиным в 1912 году. Много к тому можно и нужно добавить.

Иосиф Волоцкий никогда не стремился занять важное место в церковной иерархии, он был упорным молитвенником, скромным тружеником, все силы отдавал на создание своего монастыря, видя в нем воплощение священства на земле. Личность человека праведного и грешного являлась неотъемлемой частью его пастырской заботы и духовного попечения, потому что святой монах неизменно веровал в то, что «по образу «Божію человек создан самодержавным и господствующим. Нет никого более Бога

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 80.

— так и на земле нет никого более человека, ибо Бог сотворил его, чтобы властвовать над всеми. «По подобию» Божию человек создан быть милостивым и щедрым ко всем, в особенности же к врагам, как Бог, Который озаряет солнцем и злых, и добрых» (преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель. Слово I). «Он (Иосиф) действовал и силою своего необыкновенного благочестия и вместе своим разумом и книжной мудростью, своим редким даром слова и увлекательными, всегда назидательными беседами. Воины и воеводы, бояре и вельможи, сановники и князья — все искали возможности видеть его, послушать его сладкой речи, воспользоваться его наставлениями и советами, а многие избирали его себе в духовника. И слово святого старца приносило чудные плоды: грешники обращались к покаянию и оставляли свои злые обычаи; люди гордые и свирепые делались смиренными и кроткими, и “вся тогда Волоцкая страна к доброй жизни прилагашеся”. Участь бедных, поселян и слуг составляла предмет его особенной заботливости. Он убеждал господ, иногда писал им, чтоб они не отягощали и не обижали своих слуг и крестьян, обходились с ними по-человечески, согласно с внушениями нашей святой веры. И многие господа слушали его уроков, а слуги благословляли его имя»¹.

Казалось, монах следовал заветам св. Сергия Радонежского, отказавшегося оставить свою обитель ради высокой церковной должности. Иосифо-Волоколамский мужской монастырь, находящийся вблизи Москвы, был основан около 1479 года. В нем на начало прошлого века находилось пять храмов, где хранились множество древних драгоценных икон, старинная утварь, была библиотека с древними церковными книгами, школа, приют, богадельня, в одном километре от монастыря располагался скит. Как сообщает историк Н. И. Костомаров, ссылаясь на сочинения преп. Иосифа, «монастырь на собственные средства содержит нищих, странников, совершает поминовения по тем, которые давали вклады, и потому для них нужны свечи, хлеб и ладан; автор приводил примеры из Ветхого Завета, из византийских законов, из соборных определений; вспоминал о том, что русские князья, начиная с самых первых, давали в монастыри вклады, записывали села, и, наконец, приводил самые убедительные доказательства, что если за монастырями не будет сел, то нельзя постригаться в них знатным и благородным людям, а в таком случае неоткуда будет взять на Руси митрополитов и прочих архиереев»². Такими доводами переубедил преподобный Иосиф на Церковном Соборе Великого князя Ивана III, руками которого верхушка властной элиты — «личности фаустовского типа, лишённые пietetа перед высшим» (А. С. Панарин), стремились прибрать к своим рукам имущество монастырей, лицемерно поддерживая «нестяжателей», во главе с преп. Нилом Сорским.

Тем самым Иосиф Волоцкий спас Русскую Церковь, жизнь которой светские власти попытались реформировать социально-политическими методами, и на какое-то время продлил жизнь Святой Руси. Великой Державой Русь к концу XV в. стала во многом и потому, что политическое и духовное ее развитие проходило в едином творческом русле. На это единство и по-

¹ *Митрополит Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 67.

² *Костомаров Н. И.* Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Воениздат, 1993. С. 391.

кусился внешний враг, искавший новые направления, как сейчас говорят, «гибридной войны», которая на самом деле имеет глубокие исторические корни.

Вот как поясняет различия восточной духовной доктрины, раскрывающейся в логике «космос — человек — социум», и ей противостоящей западной модели «социум — человек — космос» А. С. Панарин, из чего можно понять нравственные причины стояния за свои принципы Иосифа Волоцкого, благие последствия героического подвига которого простираются в наше время и имеют актуальное значение. Говоря о смыслах православного бытия, А. С. Панарин выводит следующую структуру: «Человек удаляется от социума, повязавшего его в грехе, пребывает в отшельнической тишине, совершая при этом нечто вроде феноменологической редукции: он выносит социум со всей его греховной мирской суетой за скобки, чтобы в сосредоточенном уединении услышать голос Благодати... Блаженный отшельник, ушедший от греховного социума в природно-укромные, не оскверненные человеческим присутствием оазисы уединенности, через некоторое время оказывается отцом священной братии — основателем нового монастыря. Монастырь становится местом массового паломничества — притяжением тех, кто преисполнен решимости изменить себя, начать новую жизнь. Следовательно, монастырь становится воплощением особой духовной власти, не обремененной никакими привычными “социальными заказами” и обязательствами. Такая власть космоцентрична, а не социоцентрична, и обладает особыми источниками легитимности, не имеющими ничего общего с выяснениями политической, княжеской власти или велениями толпы»¹.

Осознанно и мудро неся на себе бремя этой власти, преп. Иосиф сразу откликнулся на зов о помощи архиепископа Геннадия Новгородского (ум. 1505 г.), в духовных владениях которого еретики или, как их называли «отступники», предприняли свой первый, достаточно удачный идеологический штурм. Архиепископ Геннадий сам был выдающимся пастырем, он сыграл важную роль в истории отеческой религиозной мысли как инициатор создания большого числа религиозно-философских сочинений, имевших влияние на всю последующую богослужебную жизнь Русской Православной Церкви и на духовную жизнь России.

Много исторических наслоений лежит на истории борьбы преп. Иосифа Волоцкого с ересью, которые возникли даже не столько из-за исторических ошибок, сколько, выражаясь термином современного французского философа Поля Рикера, вследствие «конфликта интерпретаций». «Одушевленный ревностью по вере, готовый потерпеть за нее страдания и смерть, Иосиф смело выступил против еретиков (около 1493 г.). Он не щадил отступников от христианства, и в особенности главу их — митрополита Зосиму, называл его Иудой, предателем, предтечей антихриста, первенцем сатаны, злодеем, какого не бывало даже между вероотступниками»². Как всегда, здесь столкнулись либеральная и консервативная интерпретации истории. Даже известный русский философ Георгий Федотов уверенно писал, что Иосиф Волоцкий проявлял суровость не только к еретикам, но и к своим

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 78.

² Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. I. С. 68.

идеологическим врагам, таким как Нил Сорский. Это в корне не верно, и подмена самобытной точки зрения, присущей преп. Нилу Сорскому, находящемуся с преп. Иосифом Волоцким в духовном согласии, идеей вражды была выгодна еретикам, стремящимся между отцами русской Церкви спровоцировать конфронтацию. Миф о противоборстве двух великих русских святых, не имеющий, как отмечают современные историки, фактических доказательств, но восходящий к таким светским деятелям, как, например, «либерал» князь Василий Патрикеев, стремящимся дискредитировать достижения святого Иосифа Волоцкого, имеет и современных защитников.

Но кто бы о чем ни мечтал, история свидетельствует, что в 1503 г., через 25 лет после увлечения Великим князем речами «еретических» новгородских священников, состоялась беседа преподобного Иосифа с Иваном III, в которой правитель православной Руси признал ошибочность и опасность своего одобрения «ереси» и покаялся перед преподобным Иосифом. Этот факт не вызывает сомнения, так как подтвержден посланием, написанным собственноручно преп. Иосифом духовнику Великому князя — архимандриту Андрониковскому Митрофану.

Трудно, конечно, современным людям, далеким от понимания духовных вершин Святой Руси, возвращающимся постепенно, со смущением, к церковной жизни после почти века богоборчества, судить об уровне жестокости и о степени справедливости борьбы за чистоту Православия в XV веке. И все же, когда мы сами стали свидетелями современной чудовищной лжи-пропаганды, которой подвергаются руководители современной России, стоящие на защите ее географических и ментальных границ, когда сегодня против России ведется всем миром жесточайшая информационная и культурологическая война, когда просыпаются древние мечты о католической мировой экспансии, нам многое открывается в подвиге преп. Иосифа Волоцкого, причинами активной жизненной позиции которого стали так же внешние обстоятельства.

Как говорит историк Сергей Перевезенцев, преподобный Иосиф, воспитанный в духе иноческого подвижничества, был полностью проникнут верой в то, что Христос — это Истина и Любовь, что единственное средство для измерения человеческой природы и общества есть страх Божий. Он хотел привести человека и все общество к покаянию, очистить от скверны, а затем привести к посмертному спасению как главной цели человеческой жизни. «Представление о церкви как о мощном орудии, организующем общество на христианских началах, и идея страха Божия как главного средства церкви, и стали краеугольными камнями всего учения, созданного Иосифом Волоцким, и позднее прозванного “иосифлянством”»¹.

Но не только учение ставится в заслугу святому монаху, имевшему литературный дар и оставившему в истории древнерусской литературы переживший века глубокий и основательный богословский трактат под названием «Просветитель», в котором собраны, аргументированы и объяснены все важнейшие догматические и богослужебные традиции Православной Церкви. Он представляет собой свод знаний, необходимых каждому христианину. Бог поругаем не бывает, и события, направляемые врагом рода

¹ Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. Вече. М., 2001. С. 214–215.

человеческого к гибели, обращаются ко славе Божией и ко спасению. О неизреченной премудрости и благодати Божьего промысла, о «Божественной хитрости» пишет преподобный Иосиф в 4-м Слове «Просветителя». Эта сила Божьего промысла была явлена и в истории России в победе над ересью жидовствующих, — победе, вдохновленной Духом Божиим и возглавленной двумя светильниками Русской Церкви: святителем Геннадием Новгородским и преподобным Иосифом Волоцким.

Имя преп. Иосифа имеет государственное значение, на «иосифлянстве» основывается идеология Русской Православной Церкви XVI–XVII веков. Преп. Иосиф Волоцкий одним из первых понял, что еретичество направлено на подрыв государственных устоев Руси, и борьба с ним была борьбой за сохранение суверенитета страны. К этой теме обращается в своих исследованиях известный прозаик и историк Николай Коняев. Он говорит: «Случайно ли, что распространение ереси достигло своего пика в 1480 году? В том самом году, когда стоянием на Угре завершено было начатое еще святым Дмитрием Донским освобождение Руси от татаро-монгольского ига. Святая Русь, которую не удалось сокрушить извне, оказалась приведенной на грань внутреннего саморазрушения. Трудом и молитвенными подвигами святителя Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа Волоцкого удалось искоренить новую страшную опасность... Именно тогда, когда уничтожена была ересь, псковский игумен Филофей, словно бы подводя итог и определяя направление развития России на будущее, написал “Москва — третий Рим. Вторым Римом была Византия, но приняв унию, она изменила христианству и пала. Четвертому же Риму не бывать”»¹.

Очевидно, преп. Иосиф Волоцкий много способствовал усилению роли Церкви в обществе и роли самого государства. Будучи приверженцем личного аскетизма, он решительно выступал за оставление монастырям земельной собственности, так как понимал, что, только обладая материальной независимостью, монашество сможет заниматься своим главным делом — молитвой и нести в народ Слово Божие. Поначалу он, действительно, проповедовал принцип превосходства священства над царством. Но впоследствии понял, что без поддержки власти, без помощи Великого князя Церковь не сможет осуществить в полной мере свою миссию, и склонился к приоритету власти Государя. «В своих посланиях, обращаясь к Великому князю Московскому Василию Ивановичу, он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но и “самодержцем”, “царем” и “государем всей Русской земли”, то есть титулами, которыми Василий Иванович официально еще не обладал. Больше того, одним из первых в то время Иосиф Волоцкий задумался и начал говорить о Божественном происхождении власти русского государя»².

Большое количество ссылок и цитат, приведенных в этой сравнительно небольшой статье, необходимо не только для создания более полного представления образа преп. Иосифа Волоцкого и его эпохи, но и для подтверждения его присутствия в нашем времени и мире. Свидетельства многих людей, ощущающих необходимость и возможность обращения к личности

¹ Коняев Н. М. Что читал Государь в Тобольске. СПб.: Русь, 2013. С. 299.

² Перевезенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 219.

святого монаха, являются теми связями с преподобным, где подтверждается «бесконечность человеческого пути и подвига, в котором всегда есть начало дальнейшего — даже за пределами земной жизни и самого времени» (свт. Григорий Нисский). Проще об этом сказал академик В. О. Ключевский: «Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом»¹.

И в этом смысле мне кажется допустимым предположение некоторых современных исследователей древнерусских икон, считающих, что гениальный иконописец Дионисий, для которого преп. Иосиф Волоцкий был другом, наставником, вдохновителем, специально создал нетипичный монументальный образ Николая Мирликийского в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря. Осмысление темы борьбы Николы с Арием, происходившей более чем за 1000 лет до рождения преп. Иосифа Волоцкого, Дионисий перенес на современную ему действительность и вложил в образ Николая Мирликийского проникновенное видение и понимание своего возлюбленного брата Иосифа, также непримиримо и успешно сражавшегося с опасной для Православия ересью. В этом слиянии и взаимопроникновении иконописных образов двух святых отражается не только историческая правда, но содержится свидетельство спасительной возможности соприкосновения, стремящегося в пределе к слиянию, динамической бесконечности человеческой жизни, выходящей за свои физические границы, с актуальной божественной бесконечностью.

Использованная литература

1. *Иосиф Волоцкий, преп.* Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Казань, 1904.
2. *Алексеев А. И.* Жидовствующие // Православная энциклопедия. Т. XIX. М., 2008.
3. *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913.
4. *Кожин В. В.* История Руси и русского слова. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
5. *Коняев Н. М.* Что читал Государь в Тобольске. СПб.: Русь, 2013.
6. *Костомаров Н. И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Воениздат, 1993.
7. *Митрополит Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Кн. 4.
8. *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014.
9. *Перевезенцев С. В.* Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001.
10. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Изд-во П. П. Сойкина, 1912.

¹ *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913. С. 140.

Родная Речь

Александр КАМЧАТНОВ

РУССКАЯ КУЛЬТУРНО- ЯЗЫКОВАЯ ТРАДИЦИЯ И НОВЫЙ ПЕРЕВОД БИБЛИИ, ИЛИ РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ О ТОМ, КАК СВЕЗЛО КРОТКИМ

Александр Михайлович Камчатнов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького. Зам. главного редактора «Вестника Литературного института», член редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Член Диссертационного совета в Литературном институте им. А. М. Горького. Область научных интересов — история русского рукописного наследия, история русского литературного языка, история России и русской культуры. Автор более 60 научных публикаций. **Живет в Москве.**

*Так свезло мне, так свезло, —
думал он, задремывая, — просто
неописуемо свезло. — Утвердился
я в этой квартире.*

М. Булгаков. Собачье сердце

Российское библейское общество (РБО) торжественно объявило о завершении пятнадцатилетних трудов по новому переводу Библии на современный русский язык. Частями этот перевод публиковался в периодических изданиях, а в текущем году вышел в полном объеме. В объявлении о выходе в свет Библии в новом переводе говорится, что данный «перевод основывается на лучших изданиях оригинальных текстов Ветхого и Нового Заветов и использует последние достижения библейских научных исследований. Его отличает точная передача смысла Священного Писания в сочетании с ясностью и доступностью изложения. В переводе отражено выразительное своеобразие библейских текстов, относящихся к различным историческим эпохам, литературным жанрам и языковым стилям. Переводчики стремились, используя все богатство русского литературного языка, передать смысловое и стилистическое многообразие Священного Писания»¹. Перевод Нового Завета, осуществленный РБО, вышел еще в 2000 году под названием «Радостная Весть»; здесь в аннотации также утверждается, что главный принцип, которому следовали переводчики, — это «передача смысла оригинала, а не буквальное следование иноязычному тексту». В качестве оригинальной основы был принят не Textus receptus, с которого осуществлялись и славянский, и русский синодальный переводы, а критическое издание «The Greek New Testament. Ed.

¹ http://www.biblia.ru/books/modern_bible/main.html

by B. Aland, K. Aland, J. Karavidopoulos, C. M. Martini and B. M. Metzger. Stuttgart, 1993». Пришло время оценить, насколько достигнутый результат соответствует благим устремлениям переводчиков.

Возьмем для анализа очень известный евангельский текст, вошедший к тому же в текст Божественной литургии, — так называемые «заповеди блаженства»:

Синодальный перевод	Перевод РБО
• Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. • Блаженны плачущие, ибо они утешатся. • Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. • Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. • Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. • Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. • Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. • Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. • Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. (Мф. 5:3–11)	• Как счастливы те, что бедны ради Господа! Царство Небес — для них. • Как счастливы те, что скорбят! Бог их утешит. • Как счастливы кроткие! Бог им отдаст во владение землю. • Как счастливы те, что жаждут исполнения воли Господней! Жажду их Бог утолит. • Как счастливы милосердные! И к ним будет Бог милосерд. • Как счастливы те, у кого чистое сердце! Они Бога увидят. • Как счастливы те, что добиваются мира! Бог назовет их Своими сынами. • Как счастливы те, кого гонят за исполнение воли Господней! Царство Небес — для них.

Нетрудно видеть, что главное различие двух переводов заключается в употреблении слов *блаженны* и *счастливы*. Действительно ли слово *счастливы* более точно передает смысл заповедей Иисуса Христа?

Словом *счастье* обычно переводятся два греческих слова: *εὐδαιμονία* и *μακαρία*.

Слово *εὐδαιμονία* состоит из двух корней — *εὖ*- «добро, благо» и *δαίμων*, который имеет несколько значений: это «божество», но чаще в смысле божественной силы, в отличие от *θεός*, обозначающего персонифицированного бога; это «рок, судьба», «чей-то жребий, доля, участь», особенно часто в трагедии как благой или злой фатум; это персонифицированный «добрый или злой гений, демон рода или человека»; это слово часто синонимично сущ. *τύχη* «судьба, участь», «случай», «счастливый случай, успех, счастье», «несчастный случай, несчастье» (Liddel & Scott, 366). Антонимом слова *εὐδαιμονία* является сущ. *κακοδαιμονία* «беда, неудача, несчастье; злоключение», «одержимость нечистым духом» (Liddel & Scott, 861). Таким образом, слово *δαίμων* является выражением языческой идеи рока, судьбы, фатума, во власти которых находится человек, идеи божественной предопределенности, необходимости, понятие о которой было сформулировано в греческой философии и выражено в термине *ἀνάγκη*. *Δαίμων* может быть

добрым и злым — кому как повезет, только уклониться от своего жребия нельзя — от судьбы не уйдешь.

Такой же языческий по существу комплекс значений выражало и русское слово *счастье*. Согласно В. И. Далю, «Счастье (*со-частье*, доля, пай) ср. рок, судьба, часть и участь, доля. <...> Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету» (Даль, III, 666). — Многочисленные пословицы со словом *счастье* выражают идею власти рока, судьбы над человеком или просто везения: — *всякому свое счастье; в чужое счастье не заедешь; кому счастье в игре, тому несчастье в женитьбе; кому счастье, кому несчастье; счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк; со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь; счастье что палка: о двух концах; счастье что трястье: на кого захочет, на того и нападет; счастье на роду написано; не родись красивой, а родись счастливой* и др.

После разрушения языческого мировоззрения слово *счастье* приобрело, условно говоря, более «светское» значение. Если в древнерусском языке слово *сѣчастье* употреблялось чрезвычайно редко и имело всего одно значение «счастье, удача» (Срезневский III, 864), то в языке XVIII века наряду со старым «удача, щастливый случай, щастливое происшествие» появляется новое значение «благополучие, благосостояние, благоденствие» (САР VI, 940); ср.: «Счастье, 1) Случайная удача. 2) Благополучное состояние человека; благоденствие» (СРЦЯ IV, 233); «Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» (Даль, III, 666). В советских словарях это значение становится первым: «Счастье, 1. Состояние полной удовлетворенности жизнью, чувство высшего довольства, радости» (БАС XIV, 1311).

В греческом тексте Евангелия (и в *Textus receptus*, и в остальных греческих списках, судя по критическому изданию) в «заповедях блаженства» слово *εὐδαιμονικός* не используется, а употребляется прил. *μακάριος* (мн. ч. — *μακάριοι*). Это слово не имеет убедительной этимологии, но из его употребления можно довольно ясно очертить круг смыслов и идей, какие оно выражает.

Прил. *μάκαρ* «благословенный, достойный славословия» — в древнегреческом языке это прежде всего эпитет богов в противоположность смертным людям; в этом смысле употребительны выражения *благословенные боги, благословенное небо, благословенная земля, благословенный Пэан* (бог-целитель). По отношению к человеку этот эпитет также значил «благословенный» и как следствие «богатый, изобилующий» (Liddel & Scott, 1073). Если боги благословенны, или блаженны, по природе, то в случае с человеком имеет место двусторонний акт: свыше, со стороны богов исходит благословение в ответ на определенное действие или поведение человека; в этом смысле надо понимать выражение *блаженные смертные* — люди, своей смертью угодившие богам и потому достойные блага, благословения, блаженства, поэтому у Гомера в «Илиаде» (11, 68) *ἀνδρός μακάρος* — это «избранник богов» (Shantraine, 659).

Таким образом, уже в древнегреческом языке языческого периода намечается если не противопоставление, то существенное различие между

понятиями εὐδαμονία и μακαρία: если первое связано со слепой игрой случая, неизбежностью, необходимостью, властью рока и попранием свободы, то второе означает дар свыше, наделение человека тем, что принадлежит богам, в ответ на свободное действие человека. Собственно, языческая философия и культура никогда не могли решить противоречия между свободой и необходимостью, свидетельством чего являются рассмотренные выше слова.

Это противоречие между свободой и необходимостью было разрешено с приходом христианства, которое учит о человеке как об образе и подобии Божию: в метафизической глубине человек — сын Неба, его богоподобная личность свободна, не детерминирована природой, хотя и зависит от природных и социальных стихий.

В связи с этим наблюдается интересное явление: данные словаря G. W. H. Lampe «Patristic Greek Lexicon» показывают, что во всей святоотеческой письменности ни разу не употреблено слово εὐδαμονία и его производные, зато слово μακάρι и его производные получили необычайно богатую семантическую разработку. Так, сущ. μακάριος «блаженство, блаженство» имело следующие значения: 1) это эпитет Бога и Иисуса Христа; 2) это эпитет всего созданного Богом; 3) это образ Божий в человеке, являющийся в мистическом созерцании; 4) это эпитет тех, кто исполняет заповеди Христовы, особенно святых и праведников, а также священных писателей, и всего того, что им свойственно; 5) это познание и исполнение воли Божией; 6) это обозначение тех, кто по положению или призванию трудится на ниве Божией; 7) это обозначение всего того, что приносит человеку спасение, например, смерти Христовой; 8) это обозначение будущей жизни тех, кто скончался в вере, почивших императоров и пр.; 9) в переносном смысле обозначение каких-то предметов (μακάριοι λίθοι — *блаженные камни* и пр.). Μακάριος «блаженство» связано с такими понятиями, как ἀρετή «доблесть, храбрость, мужество», «слава, честь», «добродетель» (Lampe, 821—823).

Таким образом, в святоотеческой письменности слово εὐδαμονία «отменяется», потому что, как известно, тот, кто верит в случай, тот не верит в Бога. Слово же μακαρία оказалось вполне пригодным для выражения христианских понятий: это то, что принадлежит Богу и подается людям в ответ на их свободное произволение к исполнению воли Божией.

Славянский язык стал, как говорил еще Ломоносов, наследником «греческого изобилия», для выражения которого отчасти были использованы прямые заимствования, отчасти кальки, отчасти собственные средства, одним из которых был корень *благ-*. У него нет надежной этимологии (см. ЭССЯ 2, 173); возможно, он связан с праслав. компаративом **bolъjъ*, который «давно получил убедительную этимологию как форма, родственная др.-инд. *bála-m* — ср. р. “сила, насилие”. <...> (кроме др.-инд. слова относит сюда же приставочное лат. *de-bilis* “бессильный, слабый”))» (ЭССЯ 2, 193).

Корень *благ-* наряду с корнем *добр-* использовался при калькировании греческих слов с первым корнем εὐ-: εὐσέβεια — *благочестие, добродетель*, εὐλάβεια — *благобоязнь*, εὐφροσύνη — *благовеселие*, εὐδοκία — *благоволение*, εὐεργεσία — *благодать, благодеяние* и т. п. Этот же корень регулярно использовался для перевода греч. μακάρι и его производных.

Слово μακάριος (мн. ч. μακάριοι) в И. п. в Новом Завете употребляется 40 раз. Во всех этих случаях этот эпитет относится: 1) к Богу или Иисусу Христу; 2) к тому, что так или иначе связано с Богом или Иисусом Христом; 3) к человеку или людям, исполняющим заповеди Христовы. В славянском тексте μακάριος/μακάριοι последовательно переводятся словом *блаженъ, блаженнн*.

В древнерусском языке слово *блаженнн* употреблялось в значениях «благословенный, достойный почитания, восхваления», «благополучный», «праведный, святой», «относящийся к благополучию, блаженству» (Сл. РЯ XI–XVII вв. 1, 232); этим же словом обозначали юродивых Христа ради, самым известным из которых является московский юродивый Василий, прозванный Блаженным: он был погребен в храме Покрова на Рву, отчего в народе этот Покровский собор до сих пор называют храмом Василия Блаженного. Едва ли жизнь юродивых можно назвать счастливой в обывательском смысле слова, но очевидно, что за свою ревность в вере они были удостоены от Бога даров прозорливости и чудотворения, а после блаженной кончины — прославлены Им в лике святых.

Наследником славянского языка стал русский литературный язык, которым мы пользуемся до сих пор. Гетерогенная, славяно-русская природа русского литературного языка никем не ставится под сомнение, хотя теоретические модели синтеза двух начал могут между собой сильно различаться (сравни концепции А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, Б. А. Ларина, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Б. А. Успенского и других; см.: Камчатнов—2005, 24–58). Слово *блаженнн* вошло в русский литературный язык из славянского с присущим этому языку комплексом значений, которые стали основой русского литературного узуса. Вот несколько примеров.

*Исполнен я веселья ныне,
Что вновь дела мои растут, —
Вещает Петр к Екатерине, —
Твои советы все цветут.
Блаженны Дщерью мы своею;
Рука Господня буди с Нею;
Блажен тот год, тот день и час,
Когда Господь ущедрил нас,
Подав Ее нам на утеху
И всех трудов моих к успеху.*

Ломоносов. Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации

*В сей день, **блаженная** Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святых
Елисавет тебе дана,
Воздвигнуть нам Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти*

*И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести.*

Ломоносов. Ода на день рождения Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, 1746 года

***Блажен**, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным вслед ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать...*

Ломоносов. Переложение Псалма 1

*Он был велик душой своей
И миру жизньию полезен;
Любил Природу и людей, —
Природе, людям был любезен;
Гремящим гласом прославлял
Величие творца вселенной
И бедных смертных утешал
Надеждой вечности **блаженной**.*

Карамзин. Надгробная песнь Боннету

***Блажен**, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человек!
Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!*

Державин. Водопад

***Блажен** народ, который полн
Благочестивой веры к Богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей,
В единоплебии — **блаженство**,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей!*

Державин. Вельможа

*Но тот **блажен**, кто не боится
Фортуны потерять своей,*

*За ней на высоту не мчится,
Идет среднею стезей,
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой...*

Державин. На возвращение графа Зубова из Персии

*О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.*

В. Жуковский. Мотылек и цветы

***Блажен**, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Тютчев. Цицерон

*И распротаясь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.*

Тютчев. Итальянская villa

Эпитет *элисейская* тень значит то же, что и *блаженная*, так как образован от античного элизиума — места пребывания праведных душ.

*Но **блаженному** Памве и не надо было слов: от юности тленные женские одежды были ему как бы из стекла, и сквозь них тотчас увидел он горькие бесплодием ложесна женщины.*

Е. Замятин. О том, как исцелен был инок Еразм

В сентименталистской и романтической поэзии происходит обмирщение понятия блаженства, которое связывается с земными благами, но даже здесь нет полного тождества семантики слов *блаженный* и *счастливый*.

***Блажен**, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть:
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!*

*Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал,
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот **блаженной**, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту молодых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!*

Н. Языков. Элегия. Татьяне Дмитриевне

Или у Пушкина:

***Блажен**, кто смолodu был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.*

Евгений Онегин. VIII, 10

И здесь блаженство не тождественно счастью: это некое высшее счастье, не столько результат игры случая, сколько плод некоторых личных усилий.

Не лишним будет указать также на то, что некоторые литературные герои совсем не случайно носят имя Макара: вспомним хотя бы Макара Девушкина («Бедные люди») и особенно Макара Ивановича Долгорукого («Подросток»).

В русском синодальном переводе Евангелия в соответствии с русской культурно-языковой традицией греч. μακάριος (μακάριοι) последовательно переводится словом *блажен* (*блаженны*), например: «Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; **блаженны** невидевшие и уверовавшие (Ин. 20:29); — «Но если и страдаете за правду, то вы **блаженны** (1Пет. 3:14) и др.

Почти столь же последовательно в «Радостной Вести» μακάριος (μακάριοι) переводятся прилагательными *счастлив*, *счастливы*: «Но даже если вы страдаете за свою праведность, вы счастливы!» (1Пет. 3:14). В русском языковом сознании под влиянием христианства уже тысячу лет увязаны понятия страдания и блаженства, но не страдания и счастья.

Рассмотрим еще один показательный случай.

Синодальный перевод:

«И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца» (Откр. 19:9).

«Радостная Весть»:

«Потом он говорит мне:

— Запиши: “Счастливы те, кто позван к Ягненку на свадебный пир!”» (Откр. 19:9).

Переводчики «Радостной Вести», очевидно, полагают, что *Агнец* и *Ягненок* семантически тождественны, не разумея одной из основополагающих лингвистических истин о том, что «чистой» семантики в слове нет, что она всегда стилистически окрашена. Если в греческом языке одно слово *ἀρνίον* — обозначает и барашка, и ветхозаветного жертвенного ягненка, и Иисуса Христа, принесшего себя в жертву за грехи мира; если в славянском языке слово *агня*, *агньць* также имеет эти три значения, то русский язык устроен иначе: благодаря заимствованию из славянского здесь возникла семантико-стилистическая трехчленная структура: *ягненок* «детеныш овцы» — *агнец* «ветхозаветный жертвенный ягненок» — *Агнец* «Иисус Христос». Даже в сказке едва ли допустима фраза *Ослик Иа-Иа, Медвежонок и Пятачок были позваны на свадьбу Ягненка*, так как Ягненок — это все-таки еще детеныш и не дорос до того, чтобы жениться, то в новозаветном тексте фраза в переводе *Счастливы те, кто позван к Ягненку на свадебный пир!* представляет собой верх языкового безвкусия и непонимания семантико-стилистической системы русского языка.

Как же охарактеризовать перевод под названием «Радостная Весть»? Вероятно, сами переводчики относили его к типу катехизирующих переводов; такие переводы Священного Писания делаются для новокрещаемых младописьменных народов, не имеющих традиций ни литературного использования языка, ни устойчивой терминологии для выражения духовных евангельских понятий. Но Россия — не Гвинея-Бисау: здесь уже тысячу лет назад прозвучало слово Божие и начал формироваться литературный язык, поэтому в современной культурно-языковой ситуации такой перевод следует отнести лишь к типу профанирующих.

Таким образом, перевод на русский язык представляет собой неимоверную трудность именно в силу уникальности стилистической системы последнего. Не вдаваясь глубоко в эту тему, замечу мимоходом, что совершенно невозможен адекватный перевод с церковнославянского на русский по причине того, что церковнославянский язык является внутренне стилистически недифференцированным, и в то же время он является основой высокого стиля русского литературного языка. Поэтому даже простая замена славянского склонения и спряжения на русское склонение и спряжение с сохранением славянской лексики неизбежно будет восприниматься русским языковым сознанием как профанация.

Создавая перевод Библии для одичавшего постсоветского человека, переводчики РБО сами показали себя варварами, не знакомыми с семантическими особенностями греческого языка и не укорененными в русской культурно-языковой традиции, не владеющими, вопреки их заверениям, всеми семантическими и стилистическими богатствами русского литературного языка. В контексте русской культурно-языковой традиции этот пере-

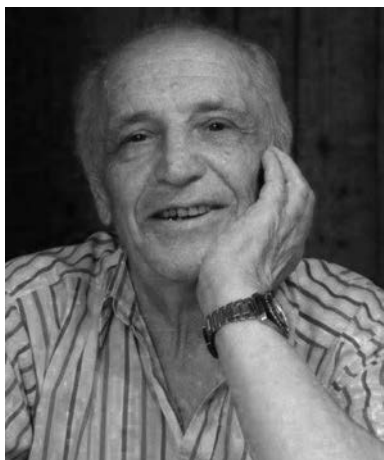
вод является обывательским опошлением и профанацией Вечной Книги в духе булгаковского Шарика: свезло этим бедным, плаксам и кротким, так свезло, просто неопишимо свезло: утвердились они в Царстве Небес.

Цитированная литература

- **БАС** — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1950–1965.
- **Даль** — Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг., осуществленного под редакцией профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1994.
- **Камчатнов–2005** — *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка. М., 2005.
- **САР** — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1792–1794.
- **СРЦЯ** — Словарь русского и церковнославянского языков. Т. I–IV. СПб., 1847.
- **Сл. РЯ XI–XVII вв.** — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–28. М., 1975–2008.
- **Срезневский** — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.
- **ЭССЯ** — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–36. М., 1974–2010.
- **Lampe** — *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Clarendon Press, Oxford, 1961.
- **Liddel & Scott** — *Liddel H. G. & Scott R.* Greek-English Lexicon. Clarendon Press, Oxford, 1996.
- **Shantraine** — *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Paris: Éditions Klincksieck, 1970.

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН

«ТЫ — МОЯ СВЯТАЯ РОДИНА...»

Валентин Васильевич Сорокин — родился на хуторе Ивашла Зилаирского района Башкирской АССР, окончил металлургическое училище в г. Челябинске, десять лет работал в Первом мартене Челябинского металлургического комбината. Поэт, автор более шестидесяти книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Государственной премии России, председатель Всероссийского Есенинского комитета, председатель Бюро поэтов Москвы. Лауреат литературных премий им. А. Твардовского, С. Есенина, М. Шолохова и др. Член Союза писателей СССР с 1962 года. **Живет в Москве.**

* * *

Свет багряный багряных берез.
Синь озер и тоска за холмами.
И как будто осталось от гроз
Над простором закатное пламя.

И от края до края не мглист
Ходит ветер, и, кажется, в душу
Осыпается с дерева лист
Так, что вновь до весны занедужу.

Замыкается времени круг.
Тает полдень, пугливый и быстрый.
И на крылья мятежные вдруг
Иней выпал иль дым серебристый:

Не вздохнуть и уже не взлететь,
Столько воли растрчено в лето, —
Пропади ты, моя гололедь,
В небо выкатись, счастья комета!

Помнить нечего, некого ждать.
Затянулась любовная рана.
Можно тихо и жадно плутать
Меж берез, шелестящих багряно.

Ни желаний, ни мук, ни погонь.
Долы сумрачней, просеки хмурей.
Потухает осенний огонь,
Остывает земля перед бурей.

* * *

Синева тепла и глубока.
Озеро.

Гранит мерцает ало.
Может быть, подошва Ермака
На него когда-нибудь ступала.

Все дается кровью и огнем,
Яростью ушедших поколений.
Солнечным обласканные днем,
Дремлют стаи редкие селений.

Каждый холм —
для славы пьедестал.

Здравствуй,
синеокая свобода!
В миг, когда рождается металл,
Силы прибывает у народа.

А ныне за тучей пунцовой,
Куда испаряется чад,
Больные тяжелые совы
В лесу потрясенном кричат.

Сверкают опасные росы,
И, сделавшись трижды лютей,
Шмели медовые и осы
Под землю ушли от людей.

* * *

Во все края, во все концы
Несутся вполыхи метели.
Но я-то знаю, что скворцы
Вчера, ликуя, прилетели.

Нашлет заря крутой туман
И солнцем вымахнет в просторы.

Осилит непогодь весна.
Не зря у золотых проталин
Ручьи, вставая ото сна,
Восторженно заклокотали.

Движенье ветра и воды,
Земным разбуженное духом.
Вон, заворочали сады
Еще полузакрытым ухом.

Крутись, искрись, шуми, буран,
Навеивай мучные горы,

Звонят капелей бубенцы.
И снова бесятся метели.
Но я-то знаю, что скворцы
Вчера, ликуя, прилетели.

✱ ✱ ✱

Ива тихо шумит
Да вздыхает глубоко.
Сердце даже щемит, —
Так она одинока.

Чтоб случайно свое
Счастье не потревожить?

Посмотри-ка, мой друг,
Не рыдания ль боятся:
Дуб за дубом вокруг
Осторожно толпятся.

Нам чужая беда
Нежеланна порою,
Будто ждут нас года
Долгих мук за горою.

Или горе ее
Не хотят приумножить,

Потому, не грубы,
А учащем надежны,
Мы, как те вон дубы,
В доброте осторожны.

✻ ✻ ✻

Не затеряется навеки
Сей миг и радости, и слез:
Через леса, холмы и реки
Один прошел Иисус Христос.

Нет на земле печальней места,
Чем наши светлые края.

Окинув небо вольным взглядом,
Мне вдруг подумалось о том,
Что это мы с тобою рядом
В его сиянье золотом.

Здесь, где мечи рубились лихо
И жутко ухала броня, —
Поет на ветке соловья,
Седее вьюги и меня.

Жена, сестра моя, невеста
И Богородица моя,

А хутора в забвеньях тонут.
Луна
 над кладбищем
 всплыла.
И тихо стонут, тихо стонут
Колокола, колокола.

* * *

Нет дороги в мире огрубелом
Ни любви, ни жизни, ни труду:
Вот я вижу — в белом, белом, белом
Я по полю черному иду.

И не звезды надо мной, а свечи,
Станный шепот, говор за спиной,
Будто бы и ты искала встречи
В этом поле траурном со мной.

Мы с тобой не предали друг друга,
Жаль, внезапно опустилась мгла,
И тебя заманчивая выюга
На порог лукавый увела.

Разве кто твоим напьется телом,
Если я в погибельном бреду
Одиноко и, как прежде, в белом
Через поле черное иду?

Лунный свет над селами струится,
Громоздится город впереди.
Я очнусь — палата и больница,
Черной птицей полночь на груди.

Когти точит, цапает и точит,
Ну а я спасибо говорю,
Что еще не выклевала очи,
Ждущие улыбку и зарю.

* * *

Черноглазая смородина,
Звоны сосен и берез...
Ты — моя святая Родина,
Я люблю тебя до слез.

Не пытаюсь я разгадывать
Тайну божеских чудес:
Красотой и счастьем радовать
Ты сошла ко мне с небес.

Пусть ведет тропа безвинная
Нас туда,
где ночи нет, —

Только песня соловьиная
Ты и я, и звездный свет!..

Двух сердец одно желание,
Трепет страсти на устах:
Золотистое жужжание
Пчел
в ликующих цветах.

А с черемухи метелица
Обогрета солнцем дня
Осыпается и стелется
Для тебя
и для меня!..

* * *

Шумит береза белая на воле,
Дождь пробежал,
утихнул в травах гром.
Весна пришла, но постарело поле,
И краткость жизни вижу я кругом.

Овраги изморщились, меж елей
Засохли и попадали дубы.
И за кустами низких можжевелей
Пунцовят ядовитые грибы.

Камней своих река не обнажала,
Неся мосты сквозь череду разрух,
А вот теперь —
как от войны сбежала

И в омуте остановилась вдруг.
И синий, синий, ледовитый холод
На дне ее густится не спеша,
Я сам устал, я сам давно немолод,
Покоя просит умная душа.

И вновь дорога ранами дымится,
Хозяин дома гибнет у крыльца.
И ни орлу, ни маленькой синице
Не миновать разбойного свинца.

И я не раз, усиливая страхи.
Терял под черным ветром борозду.
За журавлями, повторяя взмахи,
Летят кресты немые на звезду!..

ПОЭЗИЯ

Виктор КИРЮШИН

ДОРОГА

Виктор Федорович Кирюшин — поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 г. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Стихи публиковались в журналах и антологиях. Автор четырех поэтических книг. Лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства, Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь», Международной премии им. Андрея Платонова. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Москве.**

* * *

Ни тропинки, ни следа,
Травы в пояс, бор — стеною,
А под елями вода,
Ведрышко берестяное.

Манит белое как снег
Средь полуденного зноя...
Видно, добрый человек
Проходил передо мною.

ВАНЬКИ

Каждой деревне свой дурачок
Необходим, как запечный сверчок.
Кто-то ведь должен от боли кричать
Там, где неглупому лучше молчать.
Лучше урвать посытнее кусок,
Буйную голову спрятать в песок.
Это убогому все трын-трава:
Много ли стоит его голова?

Мудрая власть на крыльце золотом
Тешится всласть над нелепым шутом.
Власти вовсю помогает народ:
«Ванька,

чудак,

простофиля,

юрод!»

В царские уши струится елей,
Не подпевает один дуралей.
Не вымогает себе ничего.
Крестик нательный — богатство его.
Речи юрода смутны и тихи:
«Все мы ответим за наши грехи».
Ваньку жалеет начальник и раб:
«Малый простак и на голову слаб.
Нынче непросто прожить дурачком».
Ваня вздыхает и пашет молчком...

Эх, забубенная наша страна!
Если б не Ваньки, России «хана».

СТАРУХИ

По хлябям невообразимым,
Полдня промаявшись в лесу,
Грибов бездонные корзины
Старухи вечные несут.

Боровики белее сала,
Маслята под любой ранжир...
В райцентре, около вокзала,
Их купит бойкий пассажир.

Метнет помятые купюры
И пожурит со стороны:
«Ах, бабы-дуры, бабы-дуры,
Такому чуду нет цены!

Прими спасибо за подарок.
Так не накопишь сроду, мать».

«Хоть невелик, а все ж приварок, —
Ответит, — внуков поднимать».
Перрон пустеет понемногу,
И в поле не видать ни зги.
Пора в обратную дорогу.
«А ну, Матрена, помоги!»

Забыв про боли и недуги,
Бредут по всем путям страны
Ее кормилицы-старухи.
Им нет цены!
Им нет цены!

* * *

Годы-то все какие —
Сплошь из огня и дыма!
Бабушка Евдокия,
Матушка Серафима.

Боль от репьев-колючек,
Предошущенье строчек...

«Все Он управит, внучек».
«Не унывай, сыночек».

Вот и года итожу,
Темного не скрывая.
«Все Ты управил, Боже», —
Плачу, не унывая.

ДОРОГА

А путь туда нескладный да безрельсовый:
Беда, коль дождь нагрянет проливной!
Старается, пыхтит автобус рейсовый,
Качаясь, будто пьяница в пивной.

Намаешься, но к пункту назначения
Особо торопиться не с руки,
Пока несет, баюкает течение
День ото дня мелеющей реки.

Пусть на удачу грех уже надеяться,
Когда минуешь самый дальний плес,
Но над обрывом вспыхнувшее деревце
Вдруг отчего-то станет жаль до слез.

Ах, жизнь моя, полова да окалина,
Небесконечных дней веретено...
Вот деревце — от века неприкаянно,
Вот я стою, такой же, как оно.

* * *

Боярышник вырос на склоне холма,
В краю, где привычны тюрьма да сума —
Подруги лихие.

Вцепился корнями в угрюмый песок,
Под снегом не сгинул,
В жару не засох,
Назло всем стихиям.

Метели мели и рыдали дожди.
Он птиц согревал у себя на груди,
Делился плодами.
Прохожий порой отдыхал у куста
И клял безнадежные эти места,
Отъехав подале.

— Боярышник, горе познавший сполна,
Зачем ты бросаешь свои семена
Для муки и буден?
— Затем, что любовь долговечнее бед,
Больней поражений
И слаще побед.
Так было и будет!

СТАЯ

Тьма воронья в озябшей кроне,
И так шумлив гортанный хор,
Как будто птиц не стало,
Кроме
Вот этих, сбившихся на ор.

До сплетен всяческих охочи,
Томимы жаждой барыша,
Они с утра до поздней ночи
Галдят, отбросы вороша.

Не лезь в разбойничью породу,
Подальше выбери приют!

Здесь чужака не примут сроду:
Забьют, затравят, заклюют.

Здесь и своим порой несладко:
От гибели на волосок,
Когда внезапно вспыхнет схватка
За подвернувшийся кусок.

Война!
Хотя последний житель
Тут с юных лет своих учен,
Что первым делом
Победитель
Стать новой жертвой обречен.

СКАЗКА

В полумраке размыты детали —
Фонари, очертания туч...
Воздух августа сентиментален
И, как мед загустевший, тягуч.

Ни о чем не жалею, человеке!
Все случилось, чему суждено.
Даже горечь несбывшейся встречи
Перебьет молодое вино.

Пусть нехитрая песенка спета,
Но неведомой жизни полны

Эти зыбкие полосы света
Восходящей растущей луны.

Что ей беды твои и невзгоды,
Если после метелей и выюг,
Лишь проклюнутся первые всходы,
Гуси-лебеди сядут на луг?

Вновь округа изменит окраску,
Продолжая по воле Творца
«Жили-были...» —
Нестрашную сказку,
У которой не видно конца.

РЕМЕСЛО

Дед шел работать спозаранок,
Я звуки помню до сих пор:
В его ладонях пел рубанок
И чудеса творил топор.

Вилась затейливая стружка
Неутомимо с верстака,

И золотая, как игрушка,
Звенела гладкая доска.

А я, не думая о славе,
Катаю слово, как бревно:
Чем узловатей и корявей,
Тем восхитительней оно!

* * *

Как спящая женщина, дышит вода,
И свет перламутровый брезжит.
Однажды истлеют мои невода
На теплом песке побережья.

Костер, согревавший так долго во мгле,
К утру равнодушно остынет.
Душа, прикипевшая к этой земле,
Ее неизбежно покинет.

Струится поющий камыш у лица,
И манит куда-то протока —

Другому удача и зверь на ловца,
Но тоже до срока,
До срока.

За лодкой легко разойдутся круги,
Растают в тумане белесом
Мерцание лилий, и запах куги,
И зыбкое зеркало плеса.

Предутренний луч и тумана кайма...
Спасибо, что был я на свете.
На свете, который меня не поймал
В свои золотистые сети.

* * *

Был вечер сер и тих,
Вдруг вспыхивает свет
На самый краткий миг,
Но остается след.

Как память о тепле,
Что берегут вдвоем,
След капли на стекле
И на лице твоём.

Невечная печаль,
Невечная любовь,
Но вечности печать
На мелочи любой.

Как зыбок этот мир!
И как непрочен след!
Но, вспыхнувший на миг,
Не угасает свет...

* * *

Какая долгая зима!
Луны лучина...
Давно я понял:
Свет и тьма
Неразлучимы.

Не зря струится белый снег
Из мглы крошечной,
Когда бредет,
Не видя вех,
В метели пеший.

Да я и сам блуждал в ночи,
Ведомый роком,

Пока не вымолил свечи
В окне далеком.

Среди бесчисленных огней
Живется проще,
А я с тех пор иду за ней
Почти на ощупь.

Дорога к истине крива,
Черно над нею.
...Свеча горит едва-едва,
Но с ней виднее.

Андрей ВАССОЕВИЧ ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ И НОВОРУССКАЯ ВЛАСОВЩИНА

К истории возникновения неоколлаборационизма

Андрей Леонидович Вассоевич — окончил СХШ при Институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, Восточный факультет ЛГУ им. А. А. Жданова. Кандидат исторических наук (1985), доктор философских наук (1995), профессор по кафедре всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена, профессор кафедры политической психологии СПбГУ, профессор СПб Православной Духовной академии. Руководитель Санкт-Петербургского регионального информационно-аналитического центра РИСИ (2009–2015). Председатель «Петербургского исторического клуба» ТРК «Петербург». Член Союза художников России. Автор более 100 научных трудов, в том числе монографии «Духовный мир народов классического Востока». Живет в Санкт-Петербурге.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Братоубийственная гражданская война на Украине наглядно показала миллионам людей на нашей планете опасность такого мировоззрения как обновленная бандеровщина, являющегося лишь частным проявлением такого постмодернистского идейного течения как неоколлаборационизм¹. Российским аналогом украинской необандеров-

¹ Термин *неоколлаборационизм* возник в ходе записи радиопередачи («Петербургский исторический клуб», выпуск № 320) с участием председателя Антифашистского комитета Финляндии, доцента Хельсинкского университета, доктора Йохана Бекмана 28 сентября 2012 г.: **«Ведущий:** На смену уходящему поколению “героев” (в кавычках) национал-социалистической революции в Германии приходят более молодые люди, которых я бы назвал неоколлаборационистами. Это люди, которые сами не видели ужасов Второй мировой войны, не знают ни что такое концлагеря, ни что такое артиллерийские обстрелы или авиационные налеты, но которые, тем не менее, готовы оправдывать всех тех, кто сотрудничал с Гитлером вне зависимости от того, к какому народу принадлежали эти пособники нацистского режима и оккупационных властей. Не создается ли у Вас такого же ощущения? **Йохан Бекман:** Андрей Леонидович, я думаю, что это очень хороший термин. Это Вы сами придумали? **Ведущий:** Да, Вы знаете, я придумал этот термин, вернее он родился в моем сознании... **Йохан Бекман:** Только что?... **Ведущий:** ...не от хорошей жизни, потому что у нас в России тоже, к сожалению, есть неоколлаборационисты. Это историки, которые славят генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова, пытаются выставить его чуть ли не в роли русского национального героя — антисталиниста. **Йохан Бекман:** Я думаю, таких историков очень мало в России, мне кажется. **Ведущий:** По счастью мало, но все-таки они есть. **Йохан Бекман:** Но они не историки, если они так действуют [...] Человек, который... пытается оправдать деятельность Власова, это не историк, это именно как раз неоколлаборационист. И, я думаю, что мы должны именно бороться против таких неоколлаборационистов».

щины стало прославление А. А. Власова и власовцев. В последние годы имя этого советского генерала, перешедшего в 1942 г. на сторону противника, приобрело незаслуженную популярность. Газетные и журнальные статьи, апологетические книги и даже телефильмы, оправдывающие предательство Власова и власовцев, стали частью некой идеологии, которую правильнее всего было бы назвать неоколлаборационизмом. Греко-латинская этимология этого нового термина достаточно прозрачна: от νεός — «новый» и collabōrāre — «сотрудничать». Коль скоро под **кол-лаборационизмом** традиционно подразумевалось сотрудничество с гитлеровскими оккупантами, то под **неоколлаборационизмом** уместно понимать *новое духовное соработничество историческим врагам нашей Родины*. В этом суть постмодернистского идейного течения, оправдывающего не только предательство генерал-лейтенанта А. А. Власова, но и измену Родине как таковую.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Власов Андрей Андреевич родился 1 сентября 1901 года. Из крестьян-середняков. Окончил сельскую школу, а затем Духовное училище. Два года учился в Нижегородской Духовной семинарии. После революции 1917 г. поступил XI Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую окончил в 1919 году. Далее учился на первом курсе агрономического факультета Нижегородского государственного университета. В 1920 г. призван в РККА. Окончил Нижегородские пехотные курсы командного состава РККА и отправлен на врангелевский фронт. До 1922 г. командир взвода, а затем — роты. Кандидат в члены Коммунистической партии с марта 1926 г., с 6 апреля 1930 г. член ВКП(б). В ноябре 1930 г. переведен в Ленинградский военный округ. В качестве помощника начальника боевой подготовки Штаба ЛенВО участвовал в инспекционной поездке по округу комкора В. М. Примакова. Последний, будучи возмущен низким уровнем подготовки 11-го стрелкового полка, сместил командира и назначил на его место А. А. Власова. После перевода в Киевский военный округ А. А. Власов назначен начальником 2-го отдела Штаба КОВО, а затем и командиром дивизии.

С 1938 по 1939 гг. А. А. Власов служит в Китае в качестве военного советника. После возвращения из Китая А. А. Власов — командир 99-й стрелковой дивизии 6-й армии, дислоцированной в городе Перемышль. В мае 1940 г. избран членом Перемышльского горкома ВКП(б). 4 июня 1940 г. СНК СССР присвоил А. А. Власову звание генерал-майора. 17 января 1941 г. назначен командиром 4-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа.

22 июня 1941 г. в 3 часа 00 минут А. А. Власов получает приказ о приведении войск в полную боевую готовность. 24 июня перед ним ставится боевая задача: разгромить прорвавшуюся в районе Немировки немецкую группировку. Однако к этому времени немецкие танковые колонны уже наносят удар в направлении Луцк — Дубно, угрожая расчленить войска

В эфир эта радиопередача, посвященная 90-летию профессора Н. И. Барышникова, вышла 16 декабря 2012 года.

фронта. Поэтому 3 июля корпус генерал-майора А. А. Власова переброшен в район Бердичева, а затем отведен в район Киева. Там он назначен командиром 37-й армии, которая 10 августа 1941 г. предпринимает контрудар на рубеже Шуляны — Мышеловка — Корчеватое и держит оборону до 15 сентября, пока танковые клинья немцев не соединяются в районе Лоховицы. В результате 5-я, 21-я, 26-я и 37-я армии оказываются в «котле». 19 сентября 1941 г. 37-я армия переправляется на восточный берег Днепра. С частью войск армии А. А. Власов до 24—25 сентября продолжает организованное сопротивление в Яготинском районе Полтавской области.

Из окружения выходит в гражданской одежде, без личного оружия, но сохранив удостоверение личности и партийный билет. 1 ноября 1941 г. приходит в удерживаемый советскими войсками Курск, откуда выезжает в Воронеж. После проверки в Особом отделе НКВД назначается зам. командующего Юго-Западным направлением.

По мнению К. М. Александрова, во второй декаде ноября в присутствии маршала Б. М. Шапошникова и генерал-лейтенанта А. М. Василевского А. А. Власов был первый раз принят И. В. Сталиным. По результатам этой встречи назначен командующим 20-й армией. Отличился в ходе Московской стратегической наступательной операции (5 декабря 1941 — 7 января 1942 гг.). 24 января 1942 г. присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. После успешного завершения Волоколамской операции вызван с фронта в Москву, где вечером 11 февраля докладывал И. В. Сталину о результатах зимних боев 20-й армии. 8 марта, завершив командование 20-й армией Западного фронта, в последний раз принят И. В. Сталиным. Директивой СВГК назначен заместителем командующего Волховским фронтом. 20 марта доставлен самолетом во 2-ю Ударную армию, которая оказалась в критическом полуокруженном состоянии. По предложению генерала армии К. А. Мерецкова назначен командующим 2-й Ударной армии. Однако, не сумев обеспечить прорыв армии из окружения, сдался в плен и начал сотрудничать с противником. Это сотрудничество с гитлеровцами продолжалось до мая 1945 года.

Примечательно, что когда в начале мая 1945 г. соратник генерала Власова С. К. Буняченко решил подписать соглашение о взаимодействии с участниками Пражского восстания против немцев, Власов уговаривал его не делать этого и остаться на стороне нацистов. После этого их пути разошлись.

12 мая 1945 г. А. А. Власов направляется в глубь американской оккупационной зоны в штаб 3-й армии США в Пльзень (Чехословакия), чтобы добиваться политического убежища для солдат и офицеров ВС КОНР. Однако неподалеку от города Пльзень он оказался захвачен военными 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта. После задержания генерал-лейтенант А. А. Власов был доставлен в штаб маршала И. С. Конева, а оттуда в Москву для последующего следствия и суда. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР вместе с другими предателями Родины повешен 1 августа 1946 года¹.

¹ Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. Биографический справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. С. 254—328.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Со времен глубокой древности человеческое общество вырабатывало два диаметрально противоположных отношения к родной стране. Одно из них, восходящее через Пакувия¹ к Аристофану², пародировавшего известный стих Софокла, обрело всемирную известность в ироническом пересказе Марка Тулия Цицерона. Ведь именно у Цицерона в его «Тускуланских беседах» (V, 37, 108) было четко сформулировано: *Patria est ubicumque est bene*³ — «Отечество везде, где нам хорошо». Эти-то слова и легли в основу известного латинского афоризма: *Ubi bene, ibi patria*. — «Где хорошо, там и отечество»⁴.

Вместе с тем древний мир знал и совершенно иное отношение к Родине⁵, лучше всего выраженное в словах Горация:

*Dulc(e) ét decórum (e)st pró patriá mori*⁶.

Сладостно и почетно за родину умереть.

Оды, III, 2, 3

Вся последующая история человечества, включая обстоятельства образования и распада СССР, дает нам бесчисленное количество свидетельств, когда реализовалось либо первое, либо второе отношение к Родине. В нашей стране после 1917 г. становление массового патриотического сознания происходило в мучительном противоборстве двух названных тенденций. Ведь еще в позапрошлом веке тяжелейшие условия жизни рабочего класса в подавляющем большинстве европейских стран позволили авторам «Манифеста коммунистической партии» бесстрашно провозгласить: *Die Arbeiter haben kein Vaterland*⁷ — «Рабочие не имеют отечества». Логическим следствием такого радикального антипатриотического вывода, несомненно, стал итоговый призыв: *Proletarier aller Länder, vereinigt euch!*⁸ — «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

¹ Рацивий родился около 219 г. до н.э. в Брундивии. Он был сыном сестры Энния, другом Лелия и до глубокой старости проживал в Риме, занимаясь сочинением трагедий и живописью. Под конец жизни удалился в Тарент, где и умер 90-летним старцем около 132 года до н.э.

² Образцом для Пакувия, по всей вероятности, послужил стих Софокла, пародируемый Аристофаном («Богатство», 1151): «Везде отечество, где жить нам хорошо».

³ *Ciceronis M. Tullii. Opera quae supersunt omnia. Vol. 17. Mannhemii, Cura et Sumptibus Societatis litteratae. 1787. P. 288.*

⁴ *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.: Русский язык, 1988. С. 810–811.

⁵ Даже понимание того, что «*Et fumus patriae est dulcis*» — «И дым отечества сладок», в конечном счете, восходит к античности, к «Письмам с Понта» Овидия (I, 3, 33).

⁶ *Horatius. Opera. Edidit Fridericus Klinger // Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana. Leipzig, BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft. 1982. P. 67 (Carm. III, 2, 13).*

⁷ *Marx K., Engels F. Manifest der kommunistischen Partei // Werke, Bd. 4, Berlin, Dietz Verlag. 1990. S. 479.*

⁸ Там же.

В начале XX в. базовая идеологическая установка марксизма в сфере политической практики трансформировалась в известное ленинское положение *«Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов»*¹.

Поразительно, но эту ленинскую идейную установку генерал-лейтенант А. А. Власов — участник Гражданской войны на врангелевском фронте — в незамутненном виде пронес через годы сотрудничества с нацистами и, по сути, изложил ее следователю 25 мая 1945 г.: *«...начиная с 1937 года я враждебно относился к политике Советского правительства, считая, что завоевания русского народа в годы Гражданской войны большевиками сведены на нет»*.

Неудачи Красной армии в период войны с Германией я воспринимал, как результат неумелого руководства страной, и был убежден в поражении Советского Союза.

*Я был уверен, что интересы русского народа Сталиным и Советским правительством принесены в угоду англо-американским капиталистам»*².

Не менее удивительно и то, что даже в 1943 г., находясь уже у немцев, *«Власову почему-то было важно, чтобы его осеняла слава участника Гражданской войны»*³.

Не приходится сомневаться, что в молодости А. А. Власов в достаточной мере усваивал социальные идеалы формирующегося советского общества, на котором еще долгие годы лежала печать кровавой гражданской войны. Эти идеалы первоначально были чужды понятию патриотизма⁴, как был чужд ему, естественно, и Власов, своей рукой написавший: *«Никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее боролся»*⁵. Само слово «патриотизм» в первые годы советской власти считалось контрреволюционным, ибо прочно ассоциировалось с белогвардейским лозунгом: «За Россию единую и неделимую!». Революционная же идеология была космополитична⁶ и сводилась, в первую очередь, к последовательному коммуно-глобализму:

*Мы живем,
зажатые
железной клятвой.*

¹ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне // ПСС, Т. 25. М., 1973. С. 1.

² Протокол допроса арестованного Власова Андрея Андреевича от 25 мая 1945 года // Следствие продолжается. СПб.: Первый класс, 2013.

³ Коняев Н. М. Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф». 2012. С. 14.

⁴ В русский язык слово «патриот» впервые вводится Петром I. Оно восходит к греческому πατριώτης «соотечественник». Укоренившись в русском языке, слово значит то же, что «сын отчества». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О. Н. Рубачева. Т. III. М.: Прогресс. 1971. С. 217.

⁵ Автобиография на комбрига Власова Андрея Андреевича. См.: Ильяшенко А. Безнравственный облик генерала Власова // Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.: Русский остров, 2009. С. 130.

⁶ Примечательно, что в первые послевоенные годы тема борьбы с «безродным космополитизмом» приобретает в партийных верхах особое значение. См.: Сталин и космополиты / Андрей Жданов, Георгий Маленков. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.

За нее —
на крест,
и пулю чешите:
Это —
Чтобы в мире
без России,
без Латвий
жить единым
человечьим общежитьем¹.

Примечательно, что даже в 1937 году (в канун победы «сталинского термидора»²) «Большая советская энциклопедия» в статье «Космополитизм» провозглашала: *«Для рабочего класса всех стран родиной является та страна, в которой установлена диктатура пролетариата. Рабочий класс, являясь патриотом своей социалистической родины, вместе с тем стремится превратить в свою родину весь мир»*³.

Эти особенности раннесоветской идеологии всегда сознательно переносились на предвоенное время теми фальсификаторами истории, которые стремились к нанесению максимального ущерба национально-государственным интересам нашей страны. А ведь Сталин, как последовательный борец с троцкизмом⁴, но, главное, как реалистически мыслящий политик, сильно видоизменил общественные идеалы к концу 30-х годов⁵. Об этом свидетельствовала даже массовая песня:

¹ Маяковский В. В. Товарищу Нетте — пароходу и человеку // Сочинения в одном томе. М., 1940. С. 115.

² По своему происхождению популярный в троцкистской среде политический термин восходит к названию одиннадцатого месяца республиканского календаря, употреблявшегося во Франции с 1793 по 1805 год. Французское *thermidor* (в этимологическом переводе «теплодар» или «жародар») образовано от слияния двух греческих слов θερμη «тепло, жар» и δῶρον «подарок, дар». По времени одиннадцатый месяц республиканского календаря соответствовал периоду с 19–20 июля по 17–18 августа. 9 термидора II года Революции, т. е. 27 июля 1794 г. во Франции произошел контрреволюционный переворот, свергнувший Якобинскую диктатуру. Под внешне революционным лозунгом «Долой тиранию!» объединились правые и левые антиробеспьеристы. Нити заговора тянулись в Комитеты общественного спасения и общественной безопасности. Заговорщики заручились поддержкой так называемого «болота» и установили связь с жирондистами. 9 термидора им удалось добиться постановления Конвента об аресте Максимилиана Робеспьера и его сторонников, а вечером того же дня об объявлении их вне закона. 10 термидора Максимилиан Робеспьер, его брат Огюстен Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и их сподвижники были гильотинированы. В XX в. в левацкой среде слово «термидор» стало использоваться для обозначения «ползучей контрреволюции», произрастающей в среде вчерашних революционеров.

³ Космополитизм // Большая Советская Энциклопедия. Т. XXXIV. М., 1937. С. 431.

⁴ Троцкизм, по нашему мнению, есть коммуно-глобализм марксистского толка, опирающийся на стратегию мировой перманентной революции в пределах, очерченных интересами наднационального финансового капитала. См.: Вассоевич А. Л. Л. Д. Троцкий на пути к выдворению и насильственной смерти / Следствие продолжается... Хроники политических преступлений. СПб.: Специальная литература, 2009. С. 23.

⁵ Вассоевич А. Л. Советско-германский пакт о ненападении и легенда о «превентивной» войне // Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 25 ноября 2009 года. СПб., 2010. С. 8–15.

*Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим¹.*

Трудно поэтому поверить, что этот популярный песенный текст не был знаком составителям «Смоленского воззвания»². Тем не менее, воззвание начинался так:

«Друзья и братья!

Сталинизм — враг русского народа. Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром...»³.

Конечно, и пропагандистская машина Третьего рейха, и отечественные предатели, начиная от власовцев и кончая В. Б. Резуном (Суворовым), всегда упирали на то, «что СССР — это только первый решительный шаг в создании Всемирной Советской Социалистической Республики: намечалось количество республик увеличивать до тех пор, пока весь мир не войдет в состав СССР». И как писал В. Б. Резун (Суворов) далее: «Декларация об образовании СССР была открытым и прямым ОБЪЯВЛЕНИЕМ ВОЙНЫ ВСЕМУ ОСТАЛЬНОМУ МИРУ»⁴. При этом рассуждения о «преступном стремлении Сталина к мировому господству» всегда легко могли быть подтверждены ссылками на советские поэтические тексты, относящиеся к более раннему времени, чем победа «сталинского термидора», в том числе и на «Гимн Коминтерна»⁵:

*Огонь ленинизма наш путь освещает,
На штурм капитала весь мир поднимает!
Два класса столкнулись в последнем бою;
Наш лозунг — Всемирный Советский Союз!*

Илья Френкель, 1931 г.⁶

¹ Слова из песни «Марш Танкистов» на стихи поэта Б. Ласкина, муз. братьев Г. и Д. Покрасс из кинофильма «Трактористы» (реж. И. Пырьев) 1938 г.

² Воззвание было подписано в Смоленске 27 декабря 1942 г. Председателем Русского Комитета, генерал-лейтенантом А. А. Власовым и Секретарем Русского Комитета, генерал-майором В. Ф. Малышкиным. См.: *Коняев Н. М.* Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2012. С. 389.

³ *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Л., 1996.

⁴ *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 19.

⁵ Следует помнить, что авторы немецкого оригинала этой песни Франц Янке и Максим Валентин, равным образом как и автор музыки Ганс Эйслер, не задумывали *Kominternlied* в качестве официального гимна III Интернационала. Песня была написана для очередной программы «Красного рупора», посвященной 10-летию Коммунистического Интернационала. Отсюда следует, что такие слова как «Zum Sturmschritt! Marsch, marsch! Wir erobern die Welt!» и «Zum Sturm! Die Parole heit: Sowjetunion! Zum Sturm! Die Parole: Welt-Sowjetunion!» являются плодом творческого воодушевления авторов, восхищенных Советским Союзом.

⁶ Поэтическое переложение Ильи Френкеля было опубликовано в 1931 г. в январском номере журнала «За пролетарскую музыку».

Однако же историческая правда состоит в том, что в ходе открытых судебных процессов над «извергами из бухаринско-троцкистской банды»¹ в партии в преддверии Великой Отечественной войны были ликвидированы главные приверженцы идеи мировой революции. Как не без оснований заметил еще Лион Фейхтвангер в своей книжке «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей»: «Уже в декабре 1924 года Сталину стало окончательно ясно, что в противоположность прежней теории, построение полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране возможно. Уже тогда он последовательно, более отчетливо и в более острых формулировках, чем Ленин, указал путь к этому построению — усиленная индустриализация страны и объединение крестьян в артели»². Именно эта сталинская убежденность и легла в основу теоретического фундамента того отхода ВКП(б) от принципов борьбы за мировую революцию, который наметился к 1937—1938 годам. В «Протоколе допроса арестованного Власова Андрея Андреевича от 25 мая 1945 года» содержатся интересные сведения о том, как советский генерал-предатель воспринимал события 1937 года. Вот что говорил А. А. Власов следователю, вспоминая свою встречу с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, вероятно, от 16 сентября 1944 г.: «В дальнейшей беседе Гиммлер подробно интересовался событиями в Советском Союзе в 1937 году. Он расспрашивал, был ли военный заговор в действительности, имел ли он сторонников. Желая показать, что внутри Советского Союза есть противники правительства, которые ведут борьбу с Советской властью, я ответил Гиммлеру, что заговор действительно существовал. На самом же деле я всегда считал, что никакого заговора не было и органы НКВД расправились с невинными людьми»³. Удивительно, что А. А. Власов, который сам «был избран членом военного трибунала округа»⁴, весьма поверхностно понимал суть трагедии, разыгрывавшейся в СССР при некотором его участии⁵. А ведь в ходе «термидорианского» переворота старые партийные кадры, исповедовавшие марксистско-ленинско-троцкистские идеалы мировой революции, уступали место новым «невинным людям», которые призваны были стать носителями советского патриотизма. Так сталинским руководством создавались кадровые предпосылки для будущей ликвидации Третьего Коммунистического Интернационала. Следовательно, именно И. В. Сталин нанес приверженцам идеи коммуно-глобализма наиболее тяжелый удар.

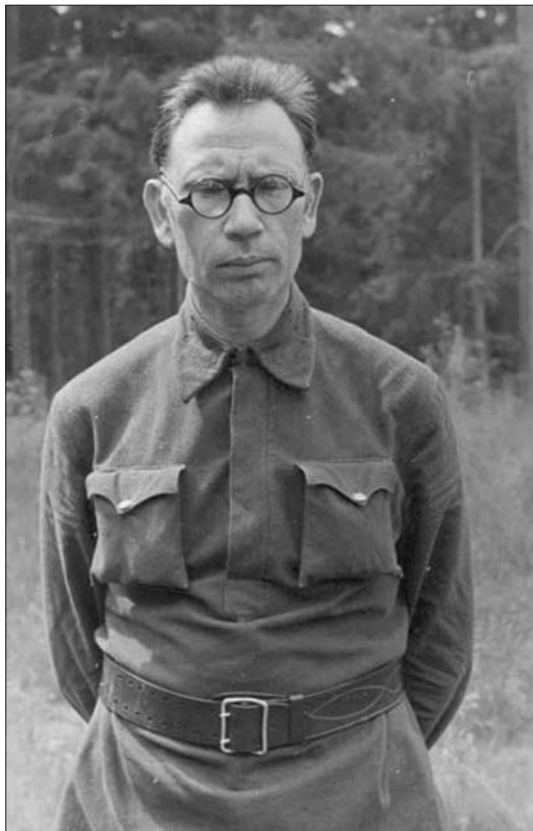
¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). ГИПЛ, 1938. С. 331.

² Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Л., 1996. С. 53.

³ Вассоевич А. Л. А. А. Власов и новорусская власовщина // Следствие продолжается. СПб.: Первый класс, 2013. С. 255.

⁴ Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев, 2010. С. 75. Сравн.: Коняев Н. М. Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2012. С. 23.

⁵ К примеру, руководитель Ленинградского управления НКВД М. И. Литвин понимал суть происходящего куда глубже. Свидетельство тому протоколы допроса Альтмана: «Я спрашивал у Литвина, какими соображениями оправдывается подобная преступная практика нашей работы. Литвин отвечал мне, что под видом борьбы с контрреволюцией в настоящее время уничтожаются старые партийные кадры, “а раз так, то чем хуже, тем лучше”». См.: Лукин Е. Палачи // Ленинградская правда. 5 августа 1989. № 179 (22621).

Генерал-лейтенант А. А. Власов —
военнопленный № 16901. Июль 1942 г.

И если мы признаем, что *сталинизм есть «термидоринская» политическая практика, сочетающая повсеместное использование революционных марксистско-ленинских идеологем с постепенным возвращением к имперскому способу существования государства и общества*, то понятным станет и наличие в советской стране специфических рудиментов коммуно-глобализма¹.

Пройдет время и стратегические ошибки, допущенные в деле патриотического воспитания широких народных масс, как в раннесоветское, так и постсталинское время, еще станут предметом специальных исторических исследований. Однако уже сегодня можно сказать, что типичная для марксистского мироощущения увязка чувства «любви к Родине» с характером «социально-экономических условий в стране проживания» неизбежно предопределяла тотальное крушение идеалов советского

патриотизма. Если условия жизни в странах Западной Европы и США превосходили среднестатистический советский стандарт качества жизни, то привязанность к СССР, при набравшем силу либерально-материалистическом мироощущении, становилась бессмысленной. Такое мироощущение, кстати сказать, существующее донныне, можно было бы легко выразить в виде краткой латинской формулы: *Ubi male, ibi barbaria* — «Где плохо, там и чужбина».

Сходную мысль, хотя и куда более многословно, формулировали в предпоследний год Второй мировой войны составители² печально известной

¹ Например, мы легко поймем, почему вплоть до самых последних лет существования СССР подавляющее большинство отечественных газет продолжало выходить под уже потерявшим реальный политический смысл лозунгом «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». И лишь очень немногие повременные издания, преимущественно военного характера («Красная звезда», «Советский патриот» и др.), использовали патриотический девиз: «За нашу Советскую Родину!».

² В «Протоколе допроса арестованного Власова Андрея Андреевича от 25 мая 1945 года» на вопрос следователя: «Кто участвовал в составлении “манифеста”, написанного по предложению Гимmlера?» мы находим такой ответ: «Проект манифеста, который нами разрабатывался по предложению Гимmlера, составляли я, Малышкин, Трухин, Желенков и работавший в ведомстве Геббельса генерал-майор Закутный — бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса Красной армии».

го «Пражского манифеста»: *«Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы (имелись в виду республики и народы Советского Союза. — А. В.), которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создавать на ней свое счастье»*¹. Далее в «Пражском манифесте» задавалось два риторических вопроса: *«За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?»*. Ответ, как это ни парадоксально, был выдержан в традиционном марксистском духе²: *«В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги»*³.

Коль скоро великий прагматический принцип *Ubi bene, ibi patria* — «Где хорошо, там и отечество» не смог реализоваться ни в России царской, ни в России советской, то с точки зрения создателей «Пражского манифеста» нужно было естественно переходить на сторону Германии. Такова была идеология тех, кто, нарушая воинскую присягу, изменял Родине в годы Великой Отечественной войны.

Ради исторической правды отметим, что даже Нобелевский лауреат по литературе А. С. Солженицын, посвятивший несколько страниц «Архипелага ГУЛаг» генерал-лейтенанту А. А. Власову, недоумевал: *«Шли последние месяцы, когда все еще миллионы советских людей оставались вне власти Сталина, еще могли взять оружие против своей большевицкой неволи и способны были устроить свою независимую жизнь, — но германское руководство не испытывало колебаний: именно 8 июня 1943 года, перед Курско-Орловской битвой, Гитлер подтвердил, что русская независимая армия никогда не будет создана и русские нужны Германии только*

¹ Манифест Комитета освобождения народов России. В кн.: Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 409. С текстом манифеста можно познакомиться и по кн.: Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев, 1993. С. 353.

² Влияние марксистских идеологов на составителей «Пражского манифеста» отмечал еще В. Штрик-Штрикфельд, который, в частности, писал: *«Для бывших советских специалистов народного хозяйства такой подход к этому вопросу был естественен. Они считали, что только государственная монополия на внешнюю торговлю может охранить слаборазвитое русское народное хозяйство от эксплуатации иностранными капиталистами»*. См.: Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев, 1993. С. 440.

³ Манифест Комитета освобождения народов России. В кн.: Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 410.

как рабочие»¹. И, словно сетуя на вождя нацистской Германии, обладатель Нобелевской премии далее писал: «Гитлеру недоступно было, что единственная историческая возможность свергнуть коммунистический режим — движение самого населения, подъем измученного народа».

ОБ ОТНОШЕНИИ НАЦИСТСКИХ ВОЖДЕЙ К А. А. ВЛАСОВУ И ВЛАСОВЩИНЕ

А. И. Солженицын — сам участник Второй мировой войны, явно недопонимал, что в Третьем рейхе национал-социалистами для общенародного внутригерманского употребления культивировалась идеология прямо противоположная власовской. «Германия, ты будешь стоять, сияя, пусть мы даже погибнем», — дружно распевала немецкая молодежь песню, сочиненную в 1933 г. вождем Гитлерюгенда Бальдуром фон Ширахом. (В оригинале: «*Deutschland, du wirst leuchtend stehen, mögen wir auch untergehen*»²). Примечательно, что когда под влиянием трагического положения на Восточном фронте Бальдур фон Ширах (уже будучи гауляйтером Вены), «высказал понимание мыслей Власова», Гитлер «отверг его соображения. Говорили, что Гитлер был в гневе на Власова и будто бы сказал: “Теперь этот русский сводит с ума и моего Шираха!”»³. Презрение к предателям Отечества логически вытекало из самой сути гитлеровской идеологии. «*So wenig eine Hyäne vom Aase läßt, so wenig ein Marxist vom Vaterlandsverrat*»⁴ — «Как, маловероятно, гиена откажется от падали, так, маловероятно, марксист от предательства Родины», — писал Гитлер еще в «*Mein Kampf*». И член ВКП(б) с 1930 г. Власов Андрей Андреевич «имевший», — как сказано в характеристике, — «хорошую марксистско-ленинскую подготовку»⁵ своим переходом на сторону противника лишь подтверждал давнишнее убеждение фюрера. Закономерна поэтому и та крайне негативная оценка, которую генералу Власову в 1943 г. дал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Впрочем, такой известный постсоветский апологет Власова и власовщины как К. М. Александров⁶ и тут попытался реабилитировать своего

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАг. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М.: Советский писатель, Новый мир, 1989, Минск: Мастацкая літаратура, 1990. С. 246.

² Schirach B. von. Unsre Fahne // Uns geht die Sonne nicht unter. Lieder der Hitler-Jugend. Herausgegeben vom Obergeiet West der Hitler-Jugend. Hornung, 1936. S. 7.

³ Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев, 1993. С. 246.

⁴ Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band: Die nationalsozialistische Bewegung, München, Verlag Franz Eher Nachfolger, 1927. SS. 771–772.

⁵ Речь идет о характеристике от 29.12.1939, подписанной комбригом Ильиным. См.: Коняев Н. М. Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатолия предательства. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2012. С. 28.

⁶ Википедия сообщает нам по поводу К. М. Александрова следующее: Кирилл Михайлович Александров (род. 18 сентября 1972 г.) — российский историк, журналист, педагог, антикоммунист. Специализируется в области истории антисталинского сопротивления в годы Второй мировой войны и Власовского движения. Родился в 1972 г. в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург) в семье военно-морского офицера. В 1989 г. принят в члены НТС. В 1989 г. выпустился из первого специализированного исторического класса (выпуск Г. А. Богуславского) ленинградской средней школы № 307. С 1989 г. поддерживает постоянные отношения с представителями

любимца. Вместе с тем в дурном свете были выставлены противники предательства Родины: «...Все безответственные утверждения об аморальной цене, которую якобы посулил Гиммлер Власову за измену, все пафосные рассуждения на эту искусственную тему журналиста Александра Щелокова, протоиерея Александра Ильяшенко, Юлия Квицинского, на книгу которого в свою очередь сослался доктор исторических наук Анатолий Пономарев, обличения публициста Ольги Жуковой со страниц “Литературной газеты” — не более чем плод воображения и пристрастности малознающих людей. К сожалению, дилетанты, вольно или невольно использовавшие неаутентичный источник, создали очередной миф о генерале Власове. Так и рождаются исторические фальсификации»¹.

В книге К. М. Александрова «Мифы о генерале Власове» мы находим и такие патетические слова, адресованные российским противникам идеологии неоколлаборационизма: «Плоды художественного вымысла выдаются за достоверные исторические свидетельства и документы, а содержание подлинных документов, например, знаменитой речи рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера 6 октября 1943 года, искажается до полного изменения их смысла»².

Такие утверждения К. М. Александрова заставляют со всем вниманием отнестись к октябрьским выступлениям Генриха Гиммлера в Познани. Как пишет сам автор книги «Мифы о генерале Власове», касаясь двух октябрьских речей рейхсфюрера СС, «свою речь 4 октября Гиммлер посвятил тем же проблемам, что и выступление, состоявшееся двумя днями позже. Только речь 4 октября прозвучала в гораздо более представительной и широкой аудитории. Если 6 октября рейхсфюрер СС говорил всего полтора часа, то 4 октября — три с половиной. 4 октября в Золотом зале Познанской мэрии Гиммлера слушали 92 высших офицера СС. Речь записывалась на пластинки и стенографировалась для чтения руководителями СС, отсутствовавшими на совещании в Познани»³. Будем поэтому ориентироваться на речь рейхсфюрера СС от 4 октября 1943 года. Материалы, связанные с А. А. Власовым и темой предательства в гиммлеровской речи, будут приведены нами как на языке оригинала, так и с параллельным русским переводом. Думается, что именно такой способ изложения создаст

первой и второй волн российской эмиграции. В 1990–1991 — корреспондент русской службы «Радио Литвы» и русской газеты «Содействие» (Вильнюс), участник защиты литовского парламента в январе 1991 г. и Мариинского дворца в Ленинграде в ночь с 19 на 20 августа 1991 года. В 1995 г. окончил факультет социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (научный руководитель диплома — кандидат исторических наук М. Н. Яковлев), в 1998 г. — очную аспирантуру по кафедре «История России и зарубежных стран» Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов имени Н. А. Вознесенского (научный руководитель — профессор, доктор исторических наук Б. А. Старков). В 2002 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (тема диссертации: «Вооруженные формирования Комитета Освобождения Народов России в 1944–1945 гг. Проблема оперативной характеристики»). Работал школьным учителем истории, правоведения и обществознания в школе № 154 г. Санкт-Петербурга, журналистом. В 2005–2009 гг. был старшим научным сотрудником (по специальности «История России») энциклопедического отдела Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Женат, воспитывает двух сыновей.

¹ Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев, 2010. С. 163.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 154.

достаточно благоприятные условия для позитивного восприятия наших итоговых выводов, предварять которые будут некоторые комментарии.

Вот раздел речи Генриха Гимmlера от 4 октября 1943 г., озаглавленный **Der Wlassow-Rummel — «Власовская суматоха»**.

Dann hören Sie das nächste Gebet. Das lautet: «Wir haben uns in dem Russen getäuscht». Das Gebet geht aus von Männern, die meistens irgendwie östlicher Provenienz sind, die in ihrer Jugend dort drüben waren, zum Teil sehr gute Bücher geschrieben haben, dabei eine russische Mutter hatten und die nun erzählen.

Затем Вы слышите следующее заклинание. Оно звучит так: «Мы обманулись насчет русских». Заклинание исходит от мужчин, которые, по меньшей мере, какие-нибудь восточные провинциалы, которые в своей юности были там за рубежом, отчасти написали хорошие книги, при этом имели русскую мать и теперь нам рассказывают.

Комментарий. В этом своем рассуждении рейхсфюрер СС подразумевает немецкого писателя Эриха-Эдвина Двингера (1898—1981). *«Как я уже упоминал, — пишет В. Штрик-Штрикфельд, — с самого начала похода в Россию Двингер выступал за разумную политику, и ему в результате запрещено было печататься»*¹. Далее в связи с позицией Двингера В. Штрик-Штрикфельд вспоминал: *«Во время этого нашего пребывания у него в Гедвигсхофе он резко критиковал нацистских вождей и дал Власову ряд полезных советов. Власов спросил у него, считает ли он ответственным за политическую линию в России лично Гитлера? Двингер ответил, что не может этого утверждать, но взгляд на приспешников дает представление о главе»*².

Но вернемся к речи Генриха Гимmlера от 4 октября 1943 года:

Es geht auch aus von solch kleinen politischen Vagabunden, die wir früher schon im Ostkampf gegen Polen kennen lernten und bei uns herauschmissen, die jetzt als Soldaten, als Hauptleute und Majore, eingezogen wurden und nun unter Ausnutzung des Kleides unserer anständigen deutschen Wehrmacht weiter ihr intellektuelles Unwesen treiben. Angestachelt von dieser Propagandatendenz — ich kann es nicht anders nennen — erzählen Ihnen so und so viele, schreiben es in Feldpostbriefen heim (und es sickert ja von oben nach unten durch): Ja, wir haben uns im Russen getäuscht. Der

Оно исходит также от таких мелких политических бродяг, с которыми мы познакомились ранее во время восточных боев против Польши и вышвырнули их, они — призванные сейчас как солдаты, капитаны и майоры — и теперь, используя форму нашего достойного немецкого Вермахта, продолжают свои интеллектуальные бесчинства.

Подстрекаемые этой пропагандистской тенденцией — не могу назвать это иначе — вам и так рассказывают многие, многие пишут об этом в военно-полевой почте (и это ведь просачивается сверху вниз): Да, мы ошиблись относительно русских. Русский

¹ Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев, 1993. С. 247.

² Там же. С. 247.

Russe ist ja garnicht dieser Roboter (dieser Ausdruck wird meistens gebraucht), für den wir ihn ansahen im Jahre 1941. Jetzt, nachdem wir hier im Osten sind, sind uns die Augen aufgegangen. Das ist ein edles Volk, und was weiß ich alles, ein Ausbund aller Tugenden. Wir müssen sie bloß zu Nationalsozialisten erziehen, am besten eine NSRAP machen oder etwas ähnliches. Dann würden sie — nun kommt das Nächste — unter General Wlassow die Befreiungsarmee darstellen. Dann kommt folgendes, was der General Wlassow uns immer sagt: **Russland kann nur von Russen besiegt werden.** Deutschland hat Russland bisher noch nie besiegen können. Deswegen: Gebt dem Wlassow 500.000 bis 1.000.000 Russen, bewaffnet sie gut, bildet sie möglichst nach deutschen Prinzipien gut aus, und der Wlassow ist so edel, dass er dann gegen die Russen losgeht und sie für uns umbringt.

совсем не тот робот (обычно используется это выражение), за которого мы его принимали в 1941 году. Теперь, после того как мы оказались тут, на Востоке, наши глаза открылись. Это благородный народ, и все что угодно, просто — образец всех добродетелей. Нам только следует воспитать их национал-социалистами, а лучше всего создать НСРАП¹ или нечто подобное. И тогда они бы стали — и здесь появляется следующее — Освободительной армией под командованием генерала Власова. Далее следует то, о чем нам всегда говорит генерал Власов: **Россия может быть побеждена только русскими.** Германия до сих пор никогда не могла победить Россию. Поэтому дайте Власову от 500 000 до 1 000 000 русских, хорошо вооружите их, обучите их, по возможности согласно немецким принципам, и Власов уже будет настолько благороден, что набросится на русских и ради нас будет их убивать.

Комментарий. После уже процитированных выше отрывков из воспоминаний В. Штрик-Штрикфельда²¹ об Эрихе-Эдвине Двингере не приходится удивляться тому, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер весьма резко говорит о персонажах, подобных этому немецкому литератору. Вместе с тем сильное раздражение прорывается и в той части выступления рейхсфюрера СС, которая посвящена порицанию того уважительного отношения к русскому народу, которое стало неизбежно возникать среди немецких офицеров в условиях боевых действий на Восточном фронте. Докладчик с нескрываемой иронией упоминает и об идее создания Национал-социалистической русской рабочей партии (NSRAP) или же подобных ей структур для покоренного населения. Как явствует из текста речи, в октябре 1943 г. Генрих Гиммлер весьма неприязненно отнесся также к идее создания «Освободительной армии» (Befreiungsarmee) под командованием русского генерала-предателя. Весьма саркастически рейхсфюрер СС настроен и по отношению к тем практическим предложениям, которые до высшего нацистского руководства доводил генерал-лейтенант А. А. Власов. Примечательно, что даже такое предательское откровение как *«Россия может быть побеждена только русскими»* (по прошествии десятилетий в полной мере подтвержденное событиями горбачевской «перестройки») неприятно раздражало

¹ НСРАП = нем. NSRAP — Nationalsozialistische Russische Arbeiterpartei, т. е. «Национал-социалистическая русская рабочая партия».

² Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев, 1993. С. 247.

Гиммлера. И, конечно же, рейхсфюрер СС с насмешкой говорит о том, что Власов «будет настолько благороден, что набросится на русских и ради нас будет их убивать».

Man kann ja viel Stuss und viel Unsinn verzapfen, das wäre garnicht gefährlich. Wenn sich aber ein solcher Unsinn so auswirkt, dass eine ruhmreiche, auf eine Jahrhunderte alte Tradition zurückblickende Armee wie die deutsche, dann durch das Geschwätz von kleinen, politisch ungebildeten Offizieren höheren oder niederen Dienstgrades an ihrer eigenen Stärke zu zweifeln beginnt, und wenn der kleine einzelne Spruchbeutel, der so redet, garnicht merkt, wie verheerend es sich auswirkt, wenn man sagt: «Wir können die Russen nicht besiegen, das können nur die Russen selbst», — dann ist das gefährlich. Jeder, den Sie fragen: «Wie ist die russische Infanterie?», sagt Ihnen mit rührender Gedankenlosigkeit (es passt ja logisch eines garnicht zum andern): «Die russische Infanterie ist Dreck. Der sind wir haushoch überlegen». — Aber: Russland kann nur von Russen besiegt werden. Ich hätte nichts dagegen gehabt, wenn man Herrn Wlassow, so wie jedes andere slawische Subjekt in russischer Generalsuniform bei uns angestellt hätte, um mit ihm gegen die Russen Propaganda zu machen. Dagegen hätte ich garnichts einzuwenden. Wunderbar.

Можно нести много чуши и много бессмыслицы — само по себе это было бы совсем не опасно. Если, однако, эта бессмыслица действует таким образом, что прославленная армия со столетними традициями, каковой является немецкая, от этой болтовни мелких, политически необразованных офицеров более высоких или более низких званий, начинает сомневаться в собственной силе и когда мелкие одиночные болтуны, которые это говорят, вовсе не замечают, как губительно сказывается то, когда говорят «мы не можем победить русских, это могут сделать только сами русские», — тогда это опасно. Каждый, кого Вы спросите: «Как Вам русская пехота?», скажет с трогательной необдуманностью (одно с другим логически совсем не согласуется): «Русская пехота — дерьмо. Мы намного ее превосходим». — Однако: Россия может быть побеждена только русскими.

Я бы ничего не имел против, если бы господина Власова, как и любого другого славянского субъекта в русской генеральской форме, взяли бы на работу, чтобы им вести пропаганду против русских. Против этого я бы ничего не возражал. Чудесно.

Комментарий. Хорошо известно, что в основе нацистской идеологии лежало убеждение в национальной исключительности немцев. Власовская же предательская формула «Россия может быть побеждена только русскими», хотя и была абсолютно верной, тем не менее, ставила под сомнение способность немецкого народа самостоятельно одержать победу в войне над русскими. Именно поэтому она казалась в октябре 1943 г. рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру совершенно неприемлемой.

Brigf. Fegelein und der russische General

Unser Kamerad Fegelein hat sich auch einmal einen solchen russischen General gefangen. Sehen Sie, die sind

Бригадефюрер Фегеляйн и русский генерал

Наш товарищ Фегеляйн тоже поймал себе такого русского генерала. Посмотрите, они дешевы. Это сла-

billig. Das sind Slawen. Humorvoll, wie er ist, sagte Fegelein seinem Stab: «Den behandeln wir jetzt mal gut. Wir tun so, als ob wir ihn als General anerkennen würden. Also, wenn er hereinkommt, aufgestanden, stillgestanden, Herr General hin, Herr General her, und ihm gezeigt, welche Achtung wir vor ihm haben». — Selbstverständlich funktionierte das.

Da braucht man einem russischen General keine politischen Ideen, politischen Ideale, politischen Zukunftspläne beizubringen, das kann billiger haben, meine Herren. Dafür sind die Slawen bekannt. Der Slawe ist nie fähig, selbst etwas zu konstruieren. Auf die Dauer ist er es nicht. Ich werde nachher darauf zurückkommen. Mit Ausnahme von wenigen Erscheinungen, die Asien immer wieder alle paar Jahrhunderte hervorbringt, durch für Asien glückliche, für uns Europäer unglückliche Mischung von zwei Erbteilen, mit Ausnahme also von einem Attila, einem Tschingis Khan, einem Tamerlan, einem Lenin, einem Stalin ist dieses Mischvolk der Slawen aufgebaut auf einer Unter-rasse mit eingesprengten Blutstropfen unseres Blutes, einer führenden Rasse, nicht fähig sich selbst zu beherrschen und Ordnung zu halten. Es ist fähig zu diskutieren, fähig zu debattieren, fähig zu zersetzen, fähig gegen jede Obrigkeit Widerstand zu leisten und zu revoltieren. Ordnung zu halten, ist diese menschliche Minderware heute genau so wenig fähig, wie sie es vor 700 oder 800 Jahren war, als diese Menschen die Waraeger riefen, als sie die Ruriks riefen¹.

вяне. Со свойственным ему юмором Фегеляйн сказал своему штабу: «Мы сейчас будем обращаться с ним хорошо. Будем действовать так, словно мы признаем в нем генерала. Таким образом, когда он входит — “Встать!”, “Смирно!” “Господин генерал, сё”, “Господин генерал, то”, чтобы показать какое к нему мы имеем уважение». Само собой разумеется, это срабатало.

Нет необходимости прививать русскому генералу политические идеи, политические идеалы, привносить политические планы на будущее, это, господа мои, можно поиметь дешевле. Этим славяне известны. Славянин не способен сам что-либо сконструировать. Он не в состоянии создать что-либо надолго. Я вернусь к этому позже. За исключением немногих явлений, которые Азия всегда воспроизводит каждые два века, для Азии счастливых, для нас, европейцев, прискорбных — смешением двух наследственных частей, за исключением таких как Аттила, таких как Чингизхан, таких как Тамерлан, таких как Ленин, таких как Сталин, этот смешанный народ славян, построенный на основе низшей расы с вкраплением капель нашей крови, ведущей расы, кто не способен владеть собой и сохранять порядок. Она способна дискутировать, способна дебатировать, способна разлагать, способна сопротивляться всякой власти и бунтовать. Поддерживать порядок этот некачественный человеческий товар также мало способен как и 700 или 800 лет назад, когда эти люди звали варягов, звали Рюриков.

¹ Герман Фегелейн (полное немецкое имя *Hans Georg Otto Hermann Fegelein*) родился 30 октября 1906 г., Ансбах, Бавария, — расстрелян 29 апреля 1945 г. в Берлине по приказу Адольфа Гитлера. Группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС. Офицер связи рейхсфюрера СС со ставкой фюрера. Был женат на сестре Евы Браун.

Комментарий. Как мы видим, рейхсфюрер СС, говоря о бессмысленности прививать любому советскому генералу-предателю какие-либо политические планы на будущее, исходит из идеи неполноценности славянских народов. При этом Гиммлер пребывает во власти своих химерических представлений о смешанном народе славян (*Mischvolk der Slawen*), построенном на основе низшей расы (*aufgebaut auf einer Unterrasse*), но с вкраплениями крови ведущей расы. И хотя в целом, по мнению Генриха Гиммлера, славяне не способны владеть собой и сохранять порядок, случаются и весьма опасные для Европы исключения. В качестве таких опасных для европейцев исключений рейхсфюрер СС называет исторические явления, связанные с именами Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, Ленина и Сталина. Эти известные деятели мировой истории перечисляются в хронологическом порядке. Гиммлер первым упоминает вождя гуннов Аттилу (лат. *Attila*, греч. *Ἀττίλας*, ср.-в.-нем. *Etzel*,) скончавшегося в 453 году. Этот вождь гуннов (с 434 по 453 гг.), объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья, однозначно представлялся рейхсфюреру СС сильной личностью. К тому же и готский историк Иордан, писавший об Аттиле — вожде варваров через столетие после смерти Аттилы, не скрывал своего восхищения: (178) «...*Attila, Hunnorum omnium dominus et paene totius Scythiae gentium solus in mundo regnator, qui erat famosa inter omnes gentes claritate mirabilis*»¹. — «...Атилла — повелитель всех гуннов и племен, почти что всей Скифии — единственный в мире — достойный удивления по баснословной славе среди всех народов».

Другой великий средневековый завоеватель, вызывавший у рейхсфюрера СС ассоциации как с многочисленными народами, так и с бескрайними пространствами Советского Союза, был Чингисхан. (Монгольское *Чингис-хан*, за которым скрывается собственное имя — Темучин; предположительно родился около 1155-го года, а скончался 25 августа 1227 г.). Будучи основателем и первым великим ханом Монгольской империи, объединивший разрозненные племена, этот полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и даже в Восточную Европу, также рисовался Гиммлеру олицетворением варварских сил Евразийского пространства. С наследием этой силы, как могло показаться в 1943 г., Третий рейх и вел войну на Восточном фронте.

И, наконец, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер упоминает Тамерлана или Тимура (чагатайское *Temür, Tēmör* — «железо»), появившегося на свет около 1336-го года в Ходжа-Ильгаре, (Шахрисабз современного Узбекистана). Скончавшийся в 1405 г. в Оtrarе (совр. Казахстан) во время начавшегося военного похода на Китай, Тимур сыграл заметную роль в истории Центральной Азии и сопредельных стран. Согласно легенде, бытовавшей в Самарканде еще в начале 40-х годов XX в., всякий потревоживший прах этого воителя вызовет дух великой и страшной войны. Это и произошло накануне 22 июня 1941 года².

¹ *Iordanis. De origine actibusque getarum*, 178. Цит. по изданию: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)* / Вступ. ст., перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 1997. С. 151.

² В середине июня 1941 г. в Самарканд для раскопок в мавзолее Гур-Эмир прибыла правительственная экспедиция, в составе которой был и представитель Государственного Эрмитажа. Экспедиция приступила к раскопкам в усыпальнице

В связи с упоминанием в речи призвания варягов и легендарного Рюрика следует подчеркнуть, что Генрих Гиммлер не выходит здесь за рамки расхожих нацистских представлений. Еще в начале своей политической карьеры Гитлер утверждал, что «*в течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения*»¹. Казалось бы, всему человечеству было ведомо: что величайшая в мире Российская империя создавалась в первую очередь славянскими народами. И, естественно, именно русский народ был в ходе этого многовекового исторического процесса государствообразующим. Однако явное логическое противоречие преодолевалось² идеологами национал-социализма с помощью оценки русского народа, как некоего примитивного конгломерата людей с четко выраженной рабской психологией. «*Они бесчувственны, словно дикие животные, — писал доктор Йозеф Геббельс в своей статье «Die sogenannte russische Seele», опубликованной 19 июля 1942 г. в «Das Reich». — Лишения и нищета — обычные условия их жизни, и потому они не так уж сильно к ней привязаны. Отдельный человек стоит в общественном мнении там примерно столько же, как и велосипед*»³. Эта русофобская мифология германского национал-социализма не явилась, однако, внезапно, а опиралась на богатейшую культурно-историческую традицию Западной Европы. Еще в XVI в. Зигмунд Герберштейн писал: «*Gens illa magis servitute, quam libertate gaudet*». — «*Этот народ радуется больше рабству, чем в свободе*»⁴. А перед этим Герберштейн рассказывал про русских, что «*omnes se Principis chlopos, id est servos fatentur*». — «*Все они признают себя холопами, то есть рабами Государя*».

Известно, что в самых ранних своих текстах словяне называли себя словѣне, т. е. помен originis было образовано от основы «слов-о». Словѣне

Тимура и тимуридов. Корреспондент ТАСС информировал о находке нефритовой глыбы, возвышавшейся над местом погребения Тимура: «*Это огромный цельный кусок зеленого нефрита, вывезенный из Китая. Народная легенда, дошедшая до наших дней, приписывает этому камню причину жестоких войн...*». Саркофаг Тамерлана вскрыли в четверг 19 июня 1941 года. «*Когда подняли крышку гроба, — сообщал корреспондент, — был обнаружен скелет, по которому установлено, что одна нога погребенного короче, нижняя чашечка правой ноги срослась с нижним эпифизом бедра...*». См.: Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Л.: Лениздат, 1985. С. 7–8.

¹ «Seit Jahrhunderten zehrte Rußland von diesem germanischen Kern seiner oberen leitenden Schichten». *Hitler A. Mein Kampf. Zweiter Band.* Verlag Franz Eher Nachfolger, G.m.b.H. München 2, NO Alle Rechte vorbehalten Copyright Band II 1927 by Franz Eher Nachf. G.m.b.H., München, NO, FEN 1934. SS. 742–743.

² В преодолении этого явного логического противоречия вождю НСДАП неоценимую услугу оказывала небезызвестная норманнская теория, созданная еще в XVIII в. тремя петербургскими немцами Байером, Шлецером, Миллером. Подвергнутая жесточайшей критике М. В. Ломоносовым в 1750 г., эта теория, однако, оказалась к XX веку частью европейской массовой культуры. Коль скоро даже в ученых кругах само слово Русь часто возводилось к древнескандинавскому термину Rops-menn Rops-(karlar) «гребцы на веслах». *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1910–1914. С. 226.

³ «Sie sind stumpf und von einer wilden Animalität. Gewöhnt an ein hartes und entbehrungsreiches Leben hängen sie gerade auch deshalb nicht allzu stark daran. Der Einzelmensch gilt im öffentlichen Denken kaum soviel wie etwa ein Fahrrad». *Goebbels J.* Die sogenannte russische Seele... S. 399.

⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2-х т. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 239.

это «те, кто имеют слово», в противоположность «тем, кто его не имел», потому что их речь была непонятна. Таковыми были германские соседи славян и их, соответственно, называли *нѣмьци*, т. е. «немые»¹. В свою очередь при упоминании славян в греческих и латинских текстах того давнего времени встречаются лишь формы с **а** в корневой морфеме: это греческое *Εκλαβηνοί* и латинское *sclaveni*, откуда и немецкое *sklavenen*. Здесь-то мы и подходим к старинной народной этимологии, которая во многом оказалась судьбоносной, ибо предопределила будущие стереотипы восприятия славян не только германским, но и западноевропейским миром как извечных рабов. Еще за тысячу лет до выступления Генриха Гиммлера в Познани германская передача этнонима *Словѣне* как *sklavenen* стала отправной точкой для этимологизации с *die Sklaven* («рабы»). С той давней поры и начал формироваться исторический миф о страшном государстве, население которого не только предпочитает рабство свободе, но и несет порабощение всем соседним народам.

Jeder Russe, jeder Slawe hört sich gerne reden. Eine alte Sache. Wenn man sie auffordert: «Sagen Sie doch mal, auf Ihr Urteil legen wir allergrössten Wert. Wir können ja von Ihnen nur lernen», da finden Sie nicht einen russischen Kommissar, der auf diese Kitzeln mit der Pfauenfeder nicht hereinfiele. Unser Fegelein hat seinen General so behandelt, und der hat uns alles erzählt, was so ein braver, tapferer Kommandeur eigentlich nicht erzählen dürfte: angefangen von der Stellung der Batterien bis zu den Aufmarschplänen und Befehlen für seine Divisionen (er hat eine ganze Stoßarmee gehabt). Er hat alles schlichtreif uns gegeben. Er war sich darüber klar, dass er nach dem Plaudern — er ist nie scharf angefasst worden, nicht mit einem einzigen Wort — zu Väterchen Stalin nicht mehr gut zurückkonnte. Und das, ob schon er den Stalin-Orden, etwa Nr. 700, das große Ritterkreuz von denen da drüben hatte, das er dann Fegelein geschenkt hat. Fegelein übergab diesen Orden dem Führer, und der Führer gab ihn in einer sehr netten silbernen Kasette an Fegelein zurück.

Каждый русский, каждый славянин с удовольствием слушает речи. Это старая вещь. Если их попросить: «Ой, скажите, ваше суждение мы чрезвычайно ценим. Мы же от вас только можем научиться», то Вы не найдете русского комиссара, который бы не поддался этому щекотанию павлиньим пером. Наш Фегеляйн обращался со своим генералом именно так, и он все нам рассказал, что бравый, смелый командир, собственно говоря, не должен был рассказывать: начиная с положения батарей до планов наступления и приказов для своих дивизий (у него была целая ударная армия). Он отдал нам все, что созрело для битвы. Ему было понятно, что после этой болтовни (на него не нападали ни единым словом) он не мог более по-хорошему возвратиться к батюшке Сталину. И это несмотря на то, что у него был орден Сталина № 700 или вроде того — большой рыцарский крест наших противников, который он подарил Фегеляйну. Фегеляйн передал этот орден фюреру, а фюрер возвратил его Фегеляйну в очень милой серебряной коробочке.

¹ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, 1979. С. 33.

Комментарий. Тема сталинского ордена под № 700 была весьма значима для К. М. Александрова¹. Она весьма удачно встраивалась в систему его доказательств, призванных вывести из-под удара, прежде всего, генерал-лейтенанта А. А. Власова. Коль скоро орден Ленина за № 700 не мог быть наградой кумира наших неоколлаборационистов, следовал торжествующий вывод: *«Таким образом, все безответственные утверждения об аморальной цене, которую якобы посулил Гиммлер Власову за измену, все пафосные рассуждения на эту тему ... не более чем плод воображения и пристрастности малознающих людей»*². Здесь сразу же подчеркнем, что сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер называет номер ордена лишь приблизительно *«Stalin-Orden, etwa Nr. 700»* — *«орден Сталина № 700 или вроде того»*. Сталинским орденом, подобным «большому рыцарскому кресту», мог в представлении Гиммлера быть не только орден Ленина, но и орден Боевого Красного Знамени или даже орден Красной Звезды.

Noch einmal Wlassow

Als mir Fegelein die Geschichte mit dem General mitteilte, sagte ich: «Selbstverständlich können wir alles. Dem Mann wird alles versprochen, und es wird auch gehalten. Er kriegt die Pension eines deutschen Generalleutnants. (Er ist russischer Generalleutnant). Er kriegt gutes Essen, Schnaps, Weiber». — Das ist doch entsetzlich billig. Ein Torpedo kostet was weiß ich wieviel 10.000 Mark, wenn wir ihn verschiessen.

Das vorbereitende Feuer der zusammengefassten Artillerie nur einer Division oder eines Korps kostet viele Hunderttausend. Wir wissen garnicht, ob das jedesmal so wirkungsvoll ist, als wenn wir uns billig einen russischen General kaufen. Natürlich geht das nicht in der Form, dass man ihm sagt: Sie kriegen jetzt 100.000 Mark, jetzt verraten Sie das. — Das tut er natürlich nicht. Da hat der Genosse Slawe irgendeinen Ehrenstandpunkt. Das muss man eben anders machen. Rechnen Sie sich das aus. Was hat er an Pension? 1.500 Mark im Monat, das sind also 18.000 Mark im Jahr. Lassen sie ihn 10 Jahre leben, dann sind es 180.000 Mark. Sonstige Unkosten noch 20.000 Mark.

И еще раз о Власове

Когда Фегелайн сообщал мне историю с генералом, я сказал: «Само собой разумеется, мы можем все. Мужчине все будет обещано, и он будет взят на содержание. Он получит пенсию немецкого генерал-лейтенанта. (Он русский генерал-лейтенант.. Он получит хорошую еду, водку, женщин. Это, однако, ужасно дешево. Одна торпеда, насколько я знаю, стоит 10 000 марок, когда мы ею стреляем».

Упреждающий огонь объединенной артиллерии только одного дивизиона или одного корпуса стоит многие сотни тысяч. Мы совсем не знаем, действительно ли он каждый раз столь эффективен, как приобретение для нас по дешевке русского генерала. Конечно, это не делается в форме, когда ему говорят: Вы получаете сейчас 100 000 марок, теперь предайте то-то. — Этого он, конечно, не сделает. Тогда товарищ славянин занимает некую позицию чести. Это надо делать по-другому.

Подсчитайте же. Какую пенсию он получает? 1500 марок в месяц, а это 18 000 марок в год. Допустим, что он проживет 10 лет, тогда это 180 000 марок. Прочие затраты — еще 20 000 ма-

¹ Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев, 2010. С. 162.

² Там же. С. 163.

Das sind alles zusammen 200.000 Mark. Es ist doch billig, wenn man dafür eine russische Stoßarmee kriegt.

Das können Sie mit jedem russischen General machen, mit jedem. Man darf sie bloß nicht so ernst nehmen. Wenn wir das könnten, dann liefen die Dinge richtig. Wir Deutsche machen es aber so falsch, ich muss sagen, in Staat und Wehrmacht, und auch mancher Parteigenosse ist auf dem Leim gekrochen und hereingefallen.

Herr Wlassow hat Vorträge gehalten in Paris, in Brüssel, in Berlin. Zu seinen Füßen saßen staunend Angehörige der deutschen Führerschaft, machten das Maul auf und liessen die Nase hereinhängen in das Maul vor lauter Staunen darüber, was so ein Bolschewik alles kann. Und sie liessen sich von diesem Metzgergesellen erzählen. Ich habe mir die Mühe gemacht, seine ganze Rede einmal durchzulesen. Ich werde auch zu dieser Rede Stellung nehmen, und das schicke ich Ihnen in der nächsten Zeit einmal zu. — Herr Wlassow erzählt also: Eine Schande, wie die Deutschen das russische Volk behandeln. Wir Russen haben schon seit Jahrzehnten die Prügelstrafe abgeschafft. (Sie haben sie abgeschafft. Dafür erschossen sie jetzt. Das ist eine andere Art und eine andere Reizwirkung.)

рок. Вместе получается 200 000 марок. Это же дешево, если за это получаешь русскую ударную армию.

Это Вы можете сделать с каждым русским генералом, с каждым. Их нельзя воспринимать лишь всерьез. Если мы можем поступать так, дела идут правильно. Мы, немцы, однако, поступаем неправильно, я могу так сказать, и в государстве и в армии, и многие члены партии также попались на удочку и их подцепили.

Господин Власов выступал с докладами в Париже, Брюсселе, в Берлине. У его ног сидели пораженные представители германского руководства с открытыми ртами и давали носу свисать в рот от безмерного удивления по поводу того, что большевик может все. Они позволили этому подмастерью мясника себя заболтать. Я дал себе однажды труд почитать до конца целую его речь. Я еще выскажу свое мнение по поводу этой речи и пошлю ее Вам в ближайшем будущем. Господин Власов высказывается так: «Стыдно, как немцы обращаются с русским народом. Мы, русские, уже как несколько десятилетий тому назад отменили телесные наказания». (Они их отменили. Вместо этого они теперь расстреливают. Это иной род возбуждающего действия.)

Комментарий. В связи с этим отрывком речи рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера К. М. Александров подчеркивает, что «Власов не делал докладов в Париже и Брюсселе. Визиты власовцев, приезжавших в европейские столицы из Германии, устраивали местные Управления делами русской эмиграции (УДРЭ). В Париже 24 июля выступал генерал-майор Василий Малышкин, которого слушали четыре тысячи русских эмигрантов в большом зале “Баграм” и еще около двух тысяч — по трансляции»¹.

Ihr Deutschen habt die Prügelstrafe — pfui wie gemein, wie barbarisch — wieder eingeführt. — Alle im Zuhörerraum schämen sich. — Einige Minuten später erzählt der Mann:

Вы, немцы, вернули телесные наказания — фуй, как это низко, как по-варварски. — В аудитории все стыдятся. Минутой позже этот муж рассказывает: «Насколько русские

¹ Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев, 2010. С. 157.

Wie national die Russen sind — an diese nationale Seele müsst Ihr appellieren — können Sie daran sehen, dass der Besieger des Feldmarschalls Paulus, der General X. (ich weiss seinen Namen nicht mehr), der jahrelang von der GPU eingesperrt war, der geprügelt, geschlagen und gefoltert wurde, so dass er heute noch ein Hüftleiden und eine schwere Kopfverletzung hat, aus lauter Nationalismus den Feldmarschall Paulus bei Stalinград besiegte. Kein Mensch widerspricht. Ich dachte, die Russen hätten doch die Prügelstrafe abgeschafft. Offenkundig werden bei den Russen bloß die Generäle geprügelt, damit sie größere Leistungen vollbringen.

националистичны (к этой националистичной душе Вы и должны апеллировать) можно увидеть из того, что победитель фельдмаршала Паулюса генерал X. (я больше не знаю его имени), который годами был в ГПУ в заключении, которого били, колотили и пытали так, что он еще и сегодня страдает тазобедренными болями и имеет тяжелое повреждение головы и от исключительного национализма победил фельдмаршала Паулюса под Сталинградом». И ни один человек не возражает. А я-то думал, что русские вроде бы отменили телесные наказания. Явно у русских избивают только генералов, чтобы они добивались больших успехов.

Комментарий. В этой части своей речи Генрих Гиммлер, доходя до сарказма, высмеивает одну из речей генерал Власова, со стенограммой которой он дал себе труд познакомиться. *«Победитель фельдмаршала Паулюса»*, по всей видимости, маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский¹ (1896–1968).

Widerspruchslos ist dieser Wlassow-Rummel in Deutschland umgegangen. Statt geschickt eine Propaganda zur Zersetzung der russischen Armee daraus zu machen, hat sich diese Propaganda zum Teil gegen uns selbst gewendet und die Widerstandskraft und den Widerstandswillen in unseren eigenen Reihen durch Irrtümer und falsche Auffassungen gelähmt.

Не встречая возражений, эта власовская суматоха обошла всю Германию. Вместо того, чтобы сделать из нее пропаганду с целью разложения русской армии, она обернулась против нас самих и путем заблуждений и ложных представлений в наших собственных рядах парализовала силу к сопротивлению и волю к сопротивлению.

Каков же итоговый вывод, к которому можно прийти на основании внимательного прочтения речи рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера от 4 октября 1943 года? По своей сути, как воплощение духа предательства Родины, *власовщина — фермент идейного разложения*. Соприкосновение с такой предательской идеологией оказалось вредным даже для офицеров Вермахта и СС, частью которых должна была быть верность Германии и фюреру.

¹ «Говорят, — пишет нобелевский лауреат по литературе, — Константина Рокоссовского, будущего маршала, в 1939 г. дважды вывозили в лес на мнимый ночной расстрел, наводили на него стволы, потом опускали и везли в тюрьму. Это тоже — высшая мера, примененная как следовательский прием. И ничего же, обошлось, жив-здоров, и не обижается». См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956. Опыт художественного исследования: в 3 кн. Ч. I–II. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 410.

Конечно же, мы должны быть благодарны К. М. Александрову за то, что он, в отличие от своих идейных противников, заикленных исключительно на личности Власова, смог высветить для нашей широкой общественности имя еще одного советского генерала-предателя. Речь идет о Привалове Петре Фроловиче, приговоренном Военной коллегией Верховного суда СССР 27 ноября 1951 г. к расстрелу по обвинению в измене Родине, выразившейся в сдаче в плен и выдаче противнику секретных сведений. Это, осуществленное К. М. Александровым *высвечивание*, как бы сказали в сталинские времена, еще одного *врага народа* основывается, что особенно ценно, на правильном понимании речи рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера. Сделанное К. М. Александровым наблюдение обладает тем большей общественно-политической значимостью, что в 1968 г. произошла посмертная реабилитация генерал-майора П. Ф. Привалова. Тем не менее, важная уточняющая деталь, которой мы обязаны К. М. Александрову, вовсе не перечеркивает презрительного отношения рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера к русским генералам-предателям.

Напомним, что у каждого офицера СС был кинжал с надписью *Meine Ehre heißt Treue* — «Моя честь — верность» и в верности до гроба лично Адольфу Гитлеру клялся каждый член «Охранных отрядов» NSDAP¹ — Национал-социалистической германской рабочей партии. Таким образом, нацистская идеология, в отличие от власовщины, считала верность одной из высших арийских добродетелей:

*Deutschland du Land der Treue
Oh du mein Heimatland
Dir schwören wir aufs neue
Treue mit Herz und Hand.*

*Германия, ты страна верных,
О, ты родная земля,
Тебе мы клянемся снова,
Руки верны и сердца.*

Да, массовая культура нацистской Германии всегда настраивала своих потребителей на готовность в конечном итоге принять за Родину кровавую смерть:

*So will ich wacker streiten
Bis an das blut'ge End
Daß einst in fernen Zeiten
Mein Deutschland Frieden fänd².*

*Хочу сражаться храбро я
До страшного конца,
Чтоб мир Германия моя
Когда-нибудь нашла³.*

¹ «Ich schwöre Dir, Adolf Hitler, als Führer und Kanzler des Deutschen Reiches, Treue und Tapferkeit. Ich gelobe Dir und den von Dir bestimmten Vorgesetzten Gehorsam bis in den Tod! So wahr mir Gott helfe!» — «Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру Германского рейха, в верности и неустрашимости. Я торжественно обещаю повиноваться тебе и назначенным тобою начальникам вплоть до самой смерти! Да поможет мне Бог!».

² Фрагмент песни Генриха Анакера (нем. Heinrich Anacker), родившегося 29 января 1901 г. в Швейцарии. В 1922 г. Г. Анакер вступил в контакт с германскими национал-социалистами, с 1924 г. член НСДАП и СА, а в 1928 г. переселился в Германию. В 1939 г. Г. Анакер по собственному желанию отказался от швейцарского гражданства и на стороне Германии принял участие во Второй мировой войне. Служил военным корреспондентом, обычным солдатом и санитаром. Как немецкий писатель и поэт швейцарского происхождения, получил известность своей поэзией, прославлявшей национал-социализм и военные действия Германии. В 1945 г. оказался в американской оккупационной зоне и был помещен в лагерь для военнопленных в Ансбахе. В процессе денацификации был признан совершившим малозначительные нарушения (нем. *minderbelastet*) и приговорен к 60 дням исправительных работ и штрафу в 500 марок. Скончался 14 января 1971 г., Вассербург, Бодензее.

³ Вассоевич А. Л. Социально-психологические последствия культа предательства на постсоветском пространстве // Коллаборационизм и предательство во Второй

Насколько далек был А. А. Власов от этого нацистского умонастроения, видно из его откровенного ответа: «Смалодушничал», вырвавшегося в судебном заседании 30 июля 1945 года¹. А ведь на допросе от 25 мая 1945 г. генерал-лейтенант А. А. Власов еще пытался строить из себя человека, который перешел на сторону врага потому, что *«начиная с 1937 года... враждебно относился к политике Советского правительства»*². Вот только мы в XXI в. невольно при этом вспоминаем восторженные строки из генеральского письма любимой женщине, в которых Власов взахлеб рассказывает о первой встрече со Сталиным: *«14.2.1942 г. Ты не поверишь, дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в жизни. Ты представить себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил, где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу оставаться не буду, а поеду обратно на фронт»*³.

В «Протоколе допроса арестованного Власова Андрея Андреевича от 25 мая 1945 года» также можно найти сведения о выступлении рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в октябре 1943 г. и о его последствиях для генерала-предателя: *«Гиммлер на одном из узких совещаний высших начальников германской армии заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил Германии возится с каким-то военнопленным генералом и позволяет ему выступать перед офицерским составом с такими заявлениями, которые подрывают у немцев уверенность в то, что они одни могут разбить Советский Союз.*

Гиммлер предложил прекратить такую пропаганду и использовать только тех военнопленных, которые заявляют о своем согласии служить в немецкой армии.

*После этого выступления Гиммлера я некоторый период не проявлял активности и до 1944 года никуда из Берлина не выезжал»*⁴.

Таким образом, к несчастью для апологетов Власова, изначальное неприязненное отношение рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера к русскому предателю подтверждается и этим источником.

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ НЕОКОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Широкомасштабное оправдание всевозможного предательства начинается в нашей стране на исходе 1980-х годов прошлого века и связано оно с

мировой войне. Власов и власовщина. Материалы международного круглого стола, состоявшегося 12 ноября 2009 года в РИСИ. М., 2010. С. 218.

¹ Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 487.

² Вассоевич А. Л. А. А. Власов и новорусская власовщина // Следствие продолжается... СПб.: Первый класс, 2013. С. 238.

³ Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007. С. 380.

⁴ Вассоевич А. Л. А. А. Власов и новорусская власовщина // Следствие продолжается... СПб.: Первый класс, 2013. С. 250–251.

горбачевской «перестройкой». Естественное желание неполных собственников (т. е. тех представителей партийно-хозяйственного актива, которые уже связали себя с теневой экономикой) стать собственниками полными требовало отречения от прежних идеалов социальной справедливости. Однако битва за овладение собственностью величайшей в мире страны предполагала не только разрушение всей административно-командной системы с последующим переходом к приватизации казенного имущества, но и, прежде всего, уничтожение советской системы ценностей, которая пока еще была значима для широких народных масс. Уроки предательской политики М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе и В. В. Бакатина, да и сама постсоветская действительность, подталкивали к апологетике любой государственной измены.

«Поэтому-то в 1993 году, — вспоминает Н. М. Коняев, — когда режиссер Алексей Александрович Салтыков предложил мне написать сценарий фильма про генерала Власова, я не сразу решился взяться за эту работу.

Но Алексей Александрович уже давно готовился к своему фильму. Он передал мне толстенную папку с воспоминаниями бойцов и командиров Второй Ударной армии с многочисленными архивными документами: донесениями, справками, протоколами допросов, касающимися судьбы генерала Власова. Материал этот был настолько интересным и неожиданным, что отказываться не было больше никакой возможности.

Сценарий мы писали совместно, и, когда работа была завершена, я вернулся в Санкт-Петербург, а через неделю, 10 апреля 1993 года раздался телефонный звонок.

Звонил Виктор Степанович — директор нашей картины.

— Салтыков умер...»¹

Казалось бы, в лихие 90-е годы самым простым способом оправдания предательства во время Великой Отечественной войны могла бы стать формула «Никто не хотел умирать», которую нам подарил еще советский кинематограф². Этого, однако, не произошло. Ведь тем, кто был одержим иудиным грехом, простого обывательского снисхождения к изменникам Родины явно не доставало. Им требовалась апологетика государственной измены. Более того, по мнению некоторых энтузиастов, пособничество врагам Родины нуждалось в юридическом оправдании. К примеру, 23 апреля 1996 г. из соображений политической угодливости по отношению к «западным партнерам» Главная военная прокуратура приняла весьма специфическое решение. Накануне визита Б. Н. Ельцина в Германию, в соответствии с пунктом «а» статьи 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» был реабилитирован командир 15-го кавалерийского корпуса СС генерал-лейтенант Гельмут фон Паннвиц³. Правда через пять

¹ Коняев Н. М. Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2012. С. 5.

² «Никто не хотел умирать» (лит. *Niekas nenorėjo mirti*) — художественный кинофильм режиссера Витаутаса Жалакявичюса, снятый на Литовской киностудии в 1966 году.

³ Гельмут фон Паннвиц (*Helmuth von Pannwitz*) род. в Боценовиц (Верхняя Силезия) 14 октября 1898 г. — повешен 16 января 1947 г. в Москве. Командир казачьих соединений, генерал-лейтенант войск СС и группенфюрер СС. Сын землевладельца. Окончил военное училище в Берлине — Лихтерфельде и Прусский кадетский корпус. Службу начал в 1-м уланском Императора Александра II полку. Участник

лет (28.06.2001) та же самая прокуратура признала решение это неправомочным, и оно было отменено¹.

Тем не менее, реабилитационный сигнал из Главной военной прокуратуры был правильно понят в определенных литературных кругах: апология власовщины преследоваться не будет.

Прямым следствием этого стали воистину удивительные оценки всемирно-исторических явлений и такие впечатляющие формулировки:

«Одним из важнейших событий этой войны (т. е. Второй мировой войны. — А. В.), что бы ни говорили по этому поводу фальсификаторы истории, явилось образование Русской Освободительной Армии (РОА) и движение генерала Андрея Андреевича Власова в целом. — написал Г. Г. Муриков. — Многие десятилетия наши историки не имели права сказать об этом ничего, кроме банальных фраз о предательстве, о презренных “власовцах”, прислужниках Гитлера, изменивших “советскому народу”, и особенно — присяге на верность коммунистической партии и советскому правительству. Только в последнее время стали появляться более или менее многочисленные работы о власовском движении. Между тем, библиография в мировой литературе на эту тему насчитывает около 1800 названий»².

Символично, что статье «Выбор генерала Власова» в книге Г. Г. Мурикова предшествует статья «Загадка Гитлера», заканчивающаяся словами: «“Как гиена добровольно не расстанется с падалью, так марксист не перестанет предавать родину” (стр. 578)³, — писал Гитлер в своей книге. Эти слова имеют большое историческое значение»⁴. И как тут не вспомнить латинское: *De te fabula narratur mutato nomine* — «О тебе басня рассказывается (лишь) с изменением имени».

Книга Г. Г. Мурикова «Падение вавилонской башни» была напечатана в 2009 г., т. е. именно в тот период нашей новейшей истории, когда в канун празднования 65-й годовщины победы советского народа в Великой Отечественной войне прославление власовщины достигло своего апогея. По

Первой мировой войны, лейтенант (22.03.1915). За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В 1919 г. вступил в Добровольческий корпус в Силезии. 10.03.1920 демобилизован. Работал в торговых представительствах различных фирм, в основном в Венгрии и Польше. В 1934 г. вернулся в Германию. С 01.01.1935 ротмистр 7-го кавалерийского полка (Бреслау). С 01.07.1938 командир 2-го эскадрона 11-го кавалерийского полка (Вена). С 01.09.1939 назначен командиром моторизованного разведывательного полка 45-й пехотной дивизии. Участник Польской и Французской кампаний. С 1941 г. на советско-германском фронте. За бои в районе Буга и под Брестом награжден Рыцарским крестом (04.09.1941). Действовал в составе 6-й армии генерала В. фон Рейхенау. С 01.12.1941 референт при генерале подвижных войск ОКХ. Выдвинул идею создания казачьих кавалерийских формирований, занимался этим вопросом в штабе армии. Об этой стороне деятельности и последующей карьере см.: *Залесский К. А.* СС. Охранные отряды НСДАП. М.: ЭКСМО, Яуза, 2004. С. 404–405.

¹ *Задорнов А.* О церковной проповеди, запретных темах и о том, почему они должны оставаться запретными // Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.: Русский остров, 2009. С. 39.

² *Муриков Г. Г.* Выбор генерала Власова // Падение вавилонской башни. СПб.: Библиотека журнала «Невский альманах», 2009. С. 28.

³ *Гитлер А.* Моя борьба: пер. с нем.; с комментариями редакции. М.: Витязь, 2000. С. 578.

⁴ *Муриков Г. Г.* Загадка Гитлера // Падение вавилонской башни. СПб.: Библиотека журнала «Невский альманах», 2009. С. 27.

поводу возникшей тогда ситуации редакция информационного агентства «Русская линия» писала: *«Когда 19 мая 2009 г. профессор Санкт-Петербургской Духовной академии протоиерей Георгий Митрофанов на широкую ногу организовал презентацию своей книги “Трагедия России: «запретные» темы истории XX века” (СПб.: Моби Дик, 2009), в которой была предпринята попытка реабилитировать в общественном сознании генерала-предателя А. А. Власова, это вызвало легкий шок в среде православной общественности. “Особый взгляд” отца Георгия на личность генерала Власова, на нашу победу в Великой Отечественной войне, конечно, был известен, но это считалось частным мнением историка, которое он ранее не высказывал столь громогласно. Легкий шок сменился возмущением, когда протоиерей Георгий Митрофанов организовал еще одну презентацию своей книги в памятный день 22 июня. <...> Выступление протоиерея Георгия Митрофанова получило особое звучание в контексте принятия Парламентской Ассамблеей ОБСЕ 3 июля с.г. резолюции, уравнивающей тяжесть преступлений, которые совершили “два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский”. Резолюция, получившая название “Воссоединение разделенной Европы”, была принята вопреки протестам России. <...> Книга “Трагедия России: «запретные» темы истории XX века” стала многими восприниматься как едва ли не идейное обоснование явно антироссийской резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ»¹.*

Разумеется, что некоторые клирики сразу же отреагировали на возникшую ситуацию. Профессор-протоиерей Владимир Сорокин — настоятель Князь-Владимирского собора, председатель Комиссии по канонизации Санкт-Петербургской епархии в интервью газете «Православный Санкт-Петербург» высказался четко и ясно: *«Коли вспыхнула война, и Родина оказалась в опасности — ее должно защищать! А когда кто-то поворачивается и начинает в своих собратьев стрелять — вот это с точки зрения Церкви, с точки зрения Собора — измена Родине. Вот документ осуждения изменника вере и Отечеству, принятый Церковью 8 сентября 1943 года: “Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана”. Это соборный голос Церкви. Кто смеет ему противоречить?»².*

Настоятель храма Всемиловитого Спаса бывшего Скорбященского монастыря г. Москвы протоиерей Александр Ильяшенко откликнулся на всплеск неоколлаборационизма статьей «Безнравственный облик генерала Власова»³.

К 2009 г. издательством «Посев» был приурочен выход в свет второго, исправленного и дополненного издания библиографического справочника К. М. Александрова «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945». Воздавая должное огромной работе, проделанной автором, отметим, однако, всю неуклюжесть его попыток обелить Вла-

¹ Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.: Русский остров, 2009. С. 4.

² Сорокин В. В единстве русская сила // Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.: Русский остров, 2009. С. 22–23.

³ Ильяшенко А. Безнравственный облик генерала Власова // Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.: Русский остров, 2009. С. 127–141.

сова и власовцев. Приведем хотя бы несколько забавных цитат, связанных с описанием приема рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером генерал-лейтенанта А. А. Власова 16 сентября 1944 года.

Цитата 1-я: *«Во время беседы, продолжавшейся более четырех часов, держался с достоинством и без подобострастия, стараясь показать свою независимость и самостоятельность»*¹.

Цитата 2-я: *«Положительно отзывался о боевых качествах Вермахта, однако вместе с тем подчеркнул недостижимость победы над СССР уже в 1941, в силу используемых Германией на Востоке идеологических установок, средств и методов, неприемлемых для населения. Честно высказанные взгляды назвал главной причиной своей бездеятельности и изоляции в 1943–1944»*.

Цитата 3-я: *«Несмотря на настойчивые личные требования Гиммлера, принципиально не допустил включения в манифест характерных для нацистской идеологии юдофобских заявлений, считая их вредными, не соответствующими духу и сути программного документа ОДНР»*².

Доказательство непричастности Власова к холокосту, конечно же, особая забота неоколлаборационистов. Ведь без этого ни в странах Европейского Союза, ни, тем более, в Соединенных Штатах Америки невозможно рассчитывать на покровительство и финансовую поддержку³. Впрочем, охотно верю, что осенью 1944 г. ввязываться в какие-либо дела, связанные с «окончательным решением еврейского вопроса», не хотелось и самому А. А. Власову. Для этого нужно было быть убежденным национал-социалистом, а наш генерал-лейтенант был обыкновенный предатель или, как говорили в советские времена, попросту «фашистский холуй». Как человек, который *«всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее боролся»*⁴, Андрей Андреевич не мог не знать, что

Г. Гиммлер и А. А. Власов
16 сентября 1944 г.

¹ Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. Биографический справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Посев, 2009. С. 275.

² Там же. С. 276.

³ По счастью для этой публики, В. В. Штрик-Штрикфельдт, сетуя на несправедливые обвинения «Отдела восточной пропаганды особого назначения» в Дабендорфе, привел среди других и такой образец клеветы: *«Дабендорф убежище для жидов и поляков, шпионов и уголовников. Дабендорф подпольно держит связь с британской разведкой и с французским резистансом»*. См.: Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Посев, 1993. С. 271–272.

⁴ «Автобиография на комбрига Власова Андрея Андреевича». См.: Ильяшенко А. Безнравственный облик генерала Власова // Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.. Русский остров, 2009. С. 130.

«в СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью»¹. Такова была позиция самого Сталина, обнародованная в «Правде» (№ 329) 30 ноября 1936 года. Таким образом, призрак виселицы или, в лучшем случае, расстрела возникал сразу же, как только выстраивался ассоциативный ряд: «фашистский холуй», да еще и «активный антисемит». Осенью 1944 г. все трезвомыслящие люди, а к ним смело можно отнести и генерал-лейтенанта А. А. Власова, уже понимали, что до окончательной военной катастрофы национал-социалистической Германии остаются считанные месяцы.

* * *

Современная политическая психология учит, что для вхождения общества в состояние идеологического кризиса необходимо равенство сил между противоборствующими идеалами и антиидеалами. В результате все мероприятия взаимно блокируются, ничего не может быть реализовано, и общество оказывается в состоянии парализа². Именно такое положение наиболее благоприятно для последующего разрушения социальной системы.

Не удивительно, что к исходу XX в. в нашей стране ключевыми идеологическими фигурами становятся те, кто смог противопоставить прежним идеалам новые антиидеалы. В этом отношении весьма символично, что на всем постсоветском пространстве исключительную известность приобретает советский разведчик-перебежчик Резун («Суворов»). Его «ледокольная» библиотека выходила в свет огромными тиражами, деморализуя обывателя, который теперь был смущен даже в отношении самого героического события отечественной истории и постепенно начинал путать агрессора с защищающейся стороной. Тем самым устанавливалось блокирующее равенство между «суворовским» антиидеалом и идеалами поколения победителей, объединявшими все народы бывшего СССР.

Сегодня лишь знатокам истории национал-социализма очевидно то, что важнейшие идеи Резуна («Суворова») заимствованы из обращения Гитлера к немецкому народу и национал-социалистам от 22 июня 1941 года. Обычно постсоветский обыватель, никогда не слушавший и не читавший нацистских речей, уже готов в равной мере возлагать ответственность за Вторую мировую войну и на сталинский СССР, и на гитлеровскую Германию. Ярким примером ретрансляции гитлеровских идей в современных российских условиях может служить и последняя книжка Г. Х. Попова «Вызываю дух генерала Власова», где от имени повешенного говорится:

«...нам внизу было ясно — это подготовка удара по Румынии с целью захвата нефтяных месторождений. Это поставило бы Гитлера в самую

¹ Сталин И. В. Об антисемитизме. Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки // Сочинения. Т. 13. М.: ГИПЛ, 1951. С. 28.

² Вассоевич А. Л. Информационные войны. К истории становления приемов психологического воздействия // Вестник политической психологии. Спец. выпуск // Избранные статьи. СПб.: Июнь, 2004. С. 37.

жесткую зависимость от Сталина и повлияло бы на дележ мира между этими двумя социалистами»¹.

Сравним это измышление с тем, что утверждал вождь Третьего рейха в день вторжения в СССР: *Der bedrohliche Angriff Rußlands gegen Rumänien sollte ebenfalls im letzten Grunde nur der Aufgabe dienen, diese wichtige Basis nicht nur des deutschen, sondern des wirtschaftlichen Lebens ganz Europas in die Hand zu bekommen oder unter Umständen wenigstens zu vernichten*². — «Угрожающее нападение России на Румынию имело также главной задачей захватить в свои руки важнейшую базу не только германской, но и европейской хозяйственной жизни или, по меньшей мере, уничтожить ее»³.

На протяжении нескольких лет после публикации первых книг Резуна («Суворова») общество, по сути, погрузилось в безмолвные раздумья. Запоздалые книги-опровержения не принесли должного социально-психологического эффекта. При этом для эмоционального сокрушения «ледокольной» теории «вынужденной агрессии» достаточно было бы обратиться к сборнику песен Гитлерюгенда «*Uns geht die Sonne nicht unter*», изданному еще в 1936 г., и ввести в массовое сознание хотя бы одну из популярных немецких песен 30-х годов:

*Du, kleiner Tambur, schlage ein!
Nach Moskau wollen wir marschieren!
Nach Moskau wollen wir hinein!
Der Bolschewik soll unsre Kräfte spüren!
Am Wege wilde Rosen blühen, ja blühen
Wenn Hitlerleut' nach Rußland ziehn*⁴.

*Ты, юный барабанищик, бей!
Мы на Москву идти желаем!
Войти в Москву хотим скорей!
Пусть силу большевик узнает!
Попутно розы расцветут, да расцветут,
Коль люди Гитлера на Русь пойдут*⁵.

Еще раз подчеркнем, что эта песня стала широко использоваться для воспитания гитлеровской молодежи за пять лет до нападения Германии на нашу страну.

Публикация в 2007 и 2008 гг. коллективных монографий «Правда Виктора Суворова» и «Правда Виктора Суворова-2» свидетельствует о том, что заинтересованность в поддержании «суворовского» антиидеала на постсоветском пространстве сохраняется до сих пор. Однако неоколлаборационисты-«суворовцы» сталкиваются и с рядом трудностей: ведь сама фигура советского разведчика-перебежчика недостаточно масштабна для его превращения в подлинного антигероя. Здесь препятствием является и достаточно скромное воинское звание бывшего ГРУшника, и непритязательность его

¹ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008. С. 39.

² Гитлеровское обращение «*Der Führer an das deutsche Volk*» было зачитано доктором Йозефом Геббельсом ранним утром 22 июня 1941 г. в Берлинском Доме Радио.

³ Гитлер А. Речь 22 июня 1941 года // Волшебная гора, II, М.: РИЦ «Пилигрим», 1994. С. 137.

⁴ *Uns geht die Sonne nicht unter. Lieder der Hitler-Jugend.* Herausgegeben vom Obergeiet West der Hitler-Jugend. Hornung, 1936. S. 31.

⁵ Вассоевич А. Л. Советско-германский пакт о ненападении и легенда о «превентивной» войне // Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 25 ноября 2009 года. СПб., 2010. С. 11.

устной речи по сравнению с публикуемыми за его подписью письменными текстами, которые, без сомнения, умны.

Естественно, что в условиях не прекращающейся на всем постсоветском пространстве информационно-психологической войны встал вопрос и об историческом персонаже, который мог бы, в качестве *блокирующего антиидеала*, противостоять маршалу победы Г. К. Жукову (1896–1974). Таковым в год 65-летия разгрома гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне был избран перешедший на сторону нацистов генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901–1946). И как тут сразу же не вспомнить антижуковские строки из нашумевшей книги «Трагедия России. “Запретные темы” истории XX века»: *«...не изменивший своей присяге унтер Г. К. Жуков и не недоучившийся семинарист И. В. Сталин, а другой недоучившийся семинарист — А. А. Власов в годы войны по существу предпринял реальные и достаточно быстрые шаги, направленные на то, чтобы вернуть русскому воину память о Христе»*¹. (С этими словами, наверное, можно было бы и согласиться, если трактовать их в том смысле, что всякое воспоминание о христопродавце Иуде возвращает нас к памяти о преданном им Господе.)

Для людей Иудина склада предпочтительность измены по сравнению с верностью лишь косвенно связана с психическими ориентациями² как на самосохранение, так и на приобретение. Καὶ ῥίψας τὰ ἀργύρια εἰς τὸν ναὸν ἀνεχώρησεν καὶ ἀπελθὼν ἀπήγγατο³. — *«И, бросив серебренники в храм, удалился; и ушел и повесился»*⁴ (От Матфея, 27, 5). Многочисленные факты бескорыстного предательства собственной Родины известны контрразведчикам всех стран мира⁵.

В этой связи особо злоеущее значение приобретает проповедь власовщины с церковного амвона, ибо она есть проповедь Иудина греха. Обратимся к публикации «Слова на панихиде по генералу А. А. Власову и его сподвижникам 1 августа 2008 г.».

¹ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009. С. 153.

² Под психической ориентацией мы понимаем самоопределение в мире психических явлений (влечений, состояний, предпочтений...) См.: Вассоевич А. Л. Философские основы психологического описания менталитета народов классического Востока // Восток: Философия. Религия. Культура. Межвуз. сб. / под ред. Е. А. Торчинова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 7.

³ Novum Testamentum Graece et Latine. Textum Graecum post Eberhard et Erwin Nestle communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini, Bruce M. Metzger... 3. neubearbeitete Auflage. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1994.

⁴ Синодальный перевод: «И, бросив серебренники в храме, он вышел, пошел и удавился». — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на славянском и русском языках. 38-е изд. СПб.: Синодальная типография, 1890. С. 129.

⁵ Так, по свидетельству Л. И. Баркова, генерал ГРУ Д. Ф. Поляков «пытался экономить деньги ЦРУ, подчеркивая этим идейную близость с противником... Американцы не понимали вытягивание Поляковым бескорыстия в его сотрудничестве с ними. К разведывательной информации они относились как к бизнесу и не сомневались, что рано или поздно Поляков предъявит им счет, который, безусловно, будет оплачен». См.: Барков Л. И. Шпион со стажем. В кн.: Следствие продолжается... Воспоминания сотрудников следственного подразделения. СПб.: Первый класс, 2012. С. 119.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!»

Впервые, два года назад, в 60-летнюю годовщину казни генерала Власова и его сподвижников мы собрались вместе — те немногие, кто в своей душе нес память об этих людях. Тогда, пытаясь напомнить всем нам, кем же были эти люди, я попытался нарисовать портреты четырех из них — самых ярких, самых разных, и попытался поставить вопрос о том, кем же они были — героями или предателями? Как мне кажется, тогда мы все согласились с одним: они были предатели четверть века своей жизни, создавая коммунистический режим. И они попытались стать героями (но не стали таковыми), повернув свое оружие против большевизма в годы Второй мировой войны. Героями они так и не стали, как не стали они солдатами, которым довелось вступить в действительное противоборство с большевизмом на поле брани. Они стали жертвами, пополнив те многочисленные жертвы XX в., которые грехесла Россия на алтарь искупления своего великого исторического греха перед Богом»¹.

Порочность процитированного текста заключается не только в том, что верность присяге и измена Родине поменяли в нем свои места. Куда чудовищней суждение автора о том, что до подлинного героизма власовцы не дотянули по той причине, что не вступили *«в действительное противоборство с большевизмом на поле брани»*. Стало быть, «проповеднику» мало 27-ми миллионов погибших советских граждан! Стало быть, в мечтах ему потребны дополнительные смерти!

Как уже было отмечено редакцией информационного агентства «Русская линия», презентация книги протоиерея Георгия Митрофанова² была

¹ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009. С. 155.

² Википедия сообщает нам по поводу протоиерея Георгия Митрофанова следующее: *Георгий Николаевич Митрофанов* (19 марта 1958, Ленинград) — священник Русской Православной Церкви, протоиерей, с сентября 1988 г. преподаватель Санкт-Петербургской Духовной академии; церковный историк, публицист и кинокритик. Сын капитана первого ранга. Окончил школу № 206 Ленинграда, исторический факультет Ленинградского государственного университета (1982). В 1976–1978 гг. проходил службу на Военно-морском флоте. В 1982–1985 гг. — младший научный сотрудник отдела рукописей Государственной публичной библиотеки. Окончил Ленинградскую Духовную семинарию (1986), Ленинградскую Духовную академию со степенью кандидата богословия (1990; тема кандидатской работы: «Религиозная философия князя Е. Н. Трубецкого и ее значение для православного богословия»). Магистр богословия (2004; тема диссертации: «Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века»). Кандидат философских наук (2008; тема диссертации: «Творчество Е. Н. Трубецкого как опыт философского обоснования религиозного мировоззрения»). С 7 апреля 1988 г. — диакон, с 12 июля 1988 г. — священник. С 1996 — протоиерей... 26 февраля 2006 г. совершил панихиду по генерал-майору Русской Освободительной Армии Михаилу Меандрову и тысячам его подчиненных, выданных зимой 1946 г. в Баварию американским военным командованием советским властям. В своей проповеди после панихиды, в частности, сказал о «власовцах», что они «были настоящими патриотами, сумевшими в невыразимо трудной ситуации сделать правильный выбор, требующий удивительной силы духа». Факт совершения панихиды и высказывания о. Георгия стали поводом для резкой критики в его адрес со стороны представителей левых сил Петербурга. Оппоненты о. Георгия считают, что подобные акции носят характер политической демонстрации, а не церковной службы. Еще больше недоумения вызывают у них высказывания отца Георгия о «победобесии властей», когда речь идет о праздновании Дня Победы; некоторые критики в связи с этим обвиняют его в кощунстве.

приурочена в Санкт-Петербурге к 22 июня 2009 года. Если учесть, что состоялась она в самом центре города у Московского вокзала, рядом с обелиском, воздвигнутым в честь победы в Великой Отечественной войне, то не сложно разгадать провокационный характер презентационных мероприятий. «Санкт-Петербургские ведомости»¹ и «Невское время»², «Новый Петербург»³ и «Радонеж»⁴, «Советская Россия»⁵ и «Ваш тайный советник»⁶, «Православный Санкт-Петербург»⁷ и «Известия»⁸ — вот лишь неполный перечень газет, которые откликнулись критическими статьями на апологику коллаборационизма.

Реакцией на такую отповедь стало заявление в защиту власовцев Синода Русской Православной Церкви за рубежом, проект которого, что особенно любопытно, тоже был подготовлен в «Культурной столице России». В документе зарубежного Синода в полном соответствии со стилистикой о. Георгия Митрофанова говорилось: *«На вопрос: “Был ли генерал А. А. Власов и его сподвижники предателями России?” — мы отвечаем, нет, нимало. Все, что было ими предпринято, делалось именно для Отечества, в надежде на то, что поражение большевизма приведет к воссозданию мощной национальной России. Германия рассматривалась власовцами исключительно как союзник в борьбе с большевизмом, но они, власовцы, готовы были при необходимости противостоять вооруженной силой какой бы то ни было колонизации или расчленению нашей Родины»*⁹.

Невольно возникает вопрос, какую цель преследуют те, кто сначала провоцирует массовое возмущение, а потом организует в ответ на него защитные акции из-за рубежа. Ответ будет предельно прост — расколоть Русскую Православную Церковь, ставшую после объединения РПЦ и РПЦЗ единой.

Делом всей жизни покойного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, как и в Бозе почившего митрополита Лавра, было объединение сестер Церквей. Тем самым впервые после Гражданской войны был положен конец духовному расколу между православными русскими людьми,

¹ Казин А. С кем вы, господа либералы? Наша Победа и ее противники // Санкт-Петербургские ведомости. 30 октября 2009 г. № 205 (4488). С. 4.

² Василик В. Бей красных, пока не побелеют // Невское время. 5 августа 2009 г.

³ Василик В. Фальсификатору истории // Новый Петербург. № 18 (881). 6 августа 2009 г. С. 2.

⁴ Подопригора Б. С. С кем вы, мастера слова Божьего? // Независимая газета. 3 декабря 2009 г.

⁵ Церковный власовец // Советская Россия. 22 сентября 2009 г. № 103 (13320). С. 4.

⁶ Подопригора Б. С. Кто и зачем пытается реабилитировать генерала Власова? // Ваш тайный советник. 12 октября 2009 г.

⁷ От редакции. Иудин грех. Удар по «новым власовцам» // Православный Санкт-Петербург. 2009. № 9 (213). С. 4.

⁸ Клиш Б. Зарубежная церковь объявила Власова патриотом // Известия. 11 сентября 2009 г. № 167. С. 2 и 5.

⁹ Цит. по: Архимандрит Тихон (Шевкунов). Идея коллаборационизма — угроза России // Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб.. Русский остров, 2009. С. 14. Приведенный архимандритом Тихоном (Шевкуновым) отрывок из обращения зарубежного Синода любопытно сравнить с некоторыми абзацами книги: Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009. С. 155.

оставшимися на Родине или же, волею судеб, оказавшимися за рубежом. Вновь расколоть русский мир — задача геополитического масштаба. И противники этого мира осознают ее значимость.

Провоцирование вторичного раскола между РПЦ и РПЦЗ втрое опасно еще и потому, что может вызвать процесс внутреннего разделения Русской Православной Церкви (речь идет о сложной ситуации на Украине, в Грузии, в Молдавии). Таким образом, современные игры во власовщину превращаются (как и семь десятилетий тому назад) в неигрушечное предательство национальных интересов.

Склонность к предательству в большинстве случаев относится к иррациональным человеческим влечениям, которые осмысляются обычно уже задним числом:

«Предавал ли Хрущев Сталина? — мудро вопрошает в своей книге «Вызываю дух генерала Власова» Г. Х. Попов. — Предательством или патриотизмом была расправа Хрущева над Будапештом? Предательством или патриотизмом была передача Хрущевым Мао-Цзедуну списков всех наших агентов в Китае? А война Брежнева в Афганистане? А подавление им же Праги? А брошенные Горбачевым постсоветские лидеры и десятки тысяч функционеров в странах Восточной Европы без малейших попыток защитить их — хотя бы предоставлением советского гражданства? Предавали или нет Ельцин и все мы свою партию, войдя в Межрегиональную депутатскую группу?»¹ Все эти не лишённые глубины риторические вопросы задаются Г. Х. Поповым лишь с одной целью, чтобы под конец своей книги по отношению к изменнику Власову тоже-ственно провозгласить: «И Вы — настоящий патриот. Вы боролись за выход из социализма»².

Но как тут не увидеть в писаниях бывшего коммуниста из Межрегиональной депутатской группы лишь вывернутые наизнанку заветные ленинские мысли о поражении своего правительства в империалистической войне: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству»³.

Вот тут-то мы и подходим к главной проблеме, связанной с современной апологетикой коллаборационизма. Это проблема экспорта всевозможных революций на постсоветское пространство. Подобно тому, как в XX в. для организации социалистических революций жизненно были необходимы профессиональные революционеры, так и для удачного экспорта «померанчевых», «бархатных», «снежных» и прочих «болотных» революций необходимы неоколлаборационисты, способные к «конструктивному сотрудничеству» с зарубежными посольствами, спецслужбами, но, прежде всего, с неправительственными организациями. Такие кадры выращиваются не только посредством финансовых вливаний, но и с помощью соответствующей идеологической обработки.

Для противодействия опасной идеологической тенденции 12 ноября 2009 г. в Москве в Российском институте стратегических исследований был

¹ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008. С. 195–196.

² Там же. С. 200.

³ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне // ПСС, Т. 25, М., 1973. С. 1.

проведен международный круглый стол «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина». В его работе ко всеобщему удовольствию принял участие доктор исторических наук, генерал-лейтенант Бундесвера Франц-Уле Веттлер¹ — во времена Второй мировой войны успешный послужить моряком-подводником. Открывая заседание круглого стола, директор РИСИ Л. П. Решетников сказал: *«Почему сегодня мы обсуждаем эту тему? Почему вдруг она стала актуальной? Почему появились публицистические статьи Гавриила Попова и отца Георгия Митрофанова и других авторов? Почему появилось заявление Святейшего Синода Православной зарубежной церкви? 65 лет Победы в обстановке стабилизации российского общества. В этой атмосфере, как вы видели, пошел вбро́с пакта Риббентрона-Молотова. Сейчас, когда дискуссия, вроде бы, стихла, пошел новый вбро́с — генерал Власов. Хотя ни в одной стране антигитлеровской коалиции нигде не вбрасывается вопрос о Квислинге, о Тисо, о Петене, о Недиче. Да их не счесть было — своих власовых. Ни в одной стране это не происходит. В нашей стране это произошло»*².

Материалы круглого стола были напечатаны в виде отдельной книги тиражом 750 экземпляров. Однако «Петербургский исторический клуб» телерадиокомпании «Петербург» уже в декабре месяце 2009 г. решил подготовить на основе видеозаписи тех выступлений, которые прозвучали в РИСИ, радиосериал «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина». В конце 2009 — начале 2010 г. в эфире Радио «Петербург» прозвучало пять 55-минутных радиопередач. В целом же радиосериал, посвященный историческим проблемам коллаборационизма и неоколлаборационизму, оказался настолько востребован, что Радио «Петербург» повторяло его трижды.

Отметим, что первоначальным поводом для повтора радиосериала стали бандероли из Соединенных Штатов Америки, полученные в мае 2011-го участниками международного круглого стола. Они содержали 34-страничное сочинение Г. Г. Вербицкого, напечатанное самиздатским способом³. Как чистосердечно признался американский автор, критикуя один из докладов, прозвучавших 12 ноября 2009 г. в РИСИ, *«здесь и дальше развивающиеся события описаны в сокращенном виде по книге К. М. Александрова “Мифы о генерале Власове”»*⁴. Именно поэтому ответом на самиздатскую брошюру стала не ее критика, а просто повтор радиопередач, воспроизводящих (пусть иногда в сокращенном виде) доклады участников круглого стола «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина».

¹ Веттлер Ф.-У. Измена присяге оправдана быть не может // Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. (Москва, 12 ноября 2009 года): материалы международного круглого стола / под. ред. В. Д. Кузнецевского. М.: РИСИ, 2010. С. 45–46.

² Цит. по расшифровке звукозаписи. Полный текст выступления Л. П. Решетникова прозвучал в радиопередаче «Петербургский исторический клуб» (вып. 166), вышедшей в эфир 6 декабря 2009 года.

³ Вербицкий Г. Г. Ответ на ложь, сказанную в докладах круглого стола «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина», состоявшегося 12 ноября 2009 года в РИСИ (Российский институт стратегических исследований). Самиздат. Вестал, Штат Нью-Йорк, США, 2011. 34 с.

⁴ Там же. С. 8.

Назвать неоколлаборационистов «нацистами» значило бы им сильно польстить. Национал-социализм, как экстремистская идеология, прежде всего, основывался на гипертрофированной, запредельной любви к своей Родине и своему собственному народу. Это эгоистическое чувство, опирающееся на стародавнюю культурную традицию («*Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt*»¹), вместе с тем предполагало презрение к интересам других народов, о чем откровенно пелось в песнях нацистского времени:

*Wir werden weiter marschieren
Wenn alles in Scherben fällt,
Denn heute da hört uns Deutschland
Und morgen die ganze Welt*².

*Мы будем шагать и дальше,
Чтоб все разлетелось в куски,
Сегодня нас слушают немцы,
А завтра все люди земли.*

Ради будущего счастья народа Германии национал-социалисты совершали тягчайшие преступления на оккупированных территориях³, грабя и убивая покоренное население. Коллаборационисты же выступали в жалкой роли пособников оккупационных властей, т. е. в роли предателей национальных интересов своих стран. Дух постоянной готовности к предательству своей Родины и собственного народа вселился сегодня и в тех, кого мы называем *неоколлаборационистами*. Ради грантов и загранпоездок эти люди, как мы теперь видим, способны к духовному соработничеству с любыми историческими врагами Российского государства. Для доказательства этого положения обратимся к XXI выпуску «Русской Ариософской Библиотеки», в котором напечатаны «Гомлии» «иерея» Романа Бычкова. Тут есть и «Слово на заупокойной литии по убиенному воину Стефану (С. А. Бандере)», и «Слово в годовщину начала крестового похода 1941 года». Приведем выдержки именно из последнего текста, приуроченного к 22 июня 2010 года.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!»

В Писании сказано: “идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем и возвращается ветер на круги своя” (Еккл. 1, 6). Тот героический, крестоносный порыв гитлеровских армий 22 июня 1941 года, поистине, был подобен освежающему веянию Северного ветра на иссушенные семитическими ветрами Юга просторы Совдепии, обращенные в пустыню богоборчества и идолопоклонства... А трагические события весны 1945 года знаменовали “переход ветра к Югу”, победу Юга над силами Норда... Но история подобна кругу, и возвращение на “круги своя” возможно в любой “точке” онаго священного Круга... Напрасно полагают, что “циркуль”, отмеряющий круги

¹ Начальные слова песни X. von Fallereleben. См.: *Uns geht die Sonne nicht unter. Lieder der Hitler-Jugend. Herausgegeben vom Obergeleit West der Hitler-Jugend. Hornung, 1936. S. 5.*

² Куплет из песни «Es zittern die morschen Knochen» von H. Baumann. См.: *Васюков А. Л. Нацистская русофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. СПб.: Изд-во РХГА, 2011 С. 76.*

³ См., например: *Барков Л. И. Геноцид. Холокост. Место действия — Эстония // Следствие продолжается... Воспоминания сотрудников следственного подразделения. Кн. 5-я. СПб.: Первый класс, 2012. С. 18–54.*

Истории, есть атрибут боговраждебных “подрывных” сил. Напротив, Бог наш — есть Великий Геометр, и циркуль нераздельно держит Рука Проведения»¹.

Однако даже эта ода «масонскому циркулю» и «крестоносному порыву гитлеровских армий» меркнет по сравнению со «Словом на презентации книги Вульфа Сёренсена “Голос предков” (23.09.2010)», которое заканчивалось так: *«Ту же “правду языков”, свято чтимую арио-христианами, представляет нам и эпическая поэзия “Вульфа Сёренсена”, рейхсфюрера SS Генриха Гиммлера, в чем и состоит ее непреходящая ценность»².*

НЕОКОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

Свое наиболее последовательное выражение идеология неоколлаборационизма нашла на страницах журнала «Европеец». В этом повременном издании не только перепечатывали стародавние славословия «первопроходца эзотерического гитлеризма» В. Н. Ильина, утверждавшего, что Гитлер *«первый настоящий сверхчеловек, появление которого возвестил Ницше»³*. Подобного рода перепечатки, хотя и смотрятся после нашей Великой Победы 1945 года достаточно комично, тем не менее, познавательны для историков Второй мировой войны. Куда отвратительнее то, что редакция «Европейца» ввязалась в большую геополитическую игру нынешнего дня, отстаивая, к примеру, права кадрового офицера британской разведки на русский престол: *«В одном из определений нашего Освященного Собора 2009 г., — пишется в журнале, — “признаются особые права Его Высочества Михаила Георгиевича Принца Кентского; он пользуется титулом Великого Князя Русского”... Принц Майкл Кентский, вне всякого сомнения, замечательно подготовлен, но он имеет один существеннейший недостаток — возраст. Тем пристальнее взоры представителей Катакомбной Церкви ИПХ сосредоточены на принце Гарри»⁴.*

Анализируя тональность публикаций в журнале «Европеец», трудно отрешиться от мысли, что главной причиной пристального внимания неоколлаборациониста Р. Бычкова к принцу Гарри стал известный скандал. На одну из вечеринок младший сын наследника британского престола явился в форме нацистского офицера со свастикой на рукаве. Фотография принца Гарри, сделанная на этой вечеринке, незамедлительно попала в прессу, в результате чего в электронных и печатных СМИ возникла истерика вселенского масштаба.

То, что неоколлаборационисты в условиях сегодняшнего дня тяготеют к идеалам монархии, вполне закономерно. С философской точки зрения, в человеческом обществе естественным продолжением борьбы видов за существова-

¹ Бычков Р., иерей. Гомилии. Книга третья. Кондопога, Опричное братство св. преп. Иосифа Волоцкого, 2011. С. 45.

² Там же. С. 243.

³ Ильин В. Сверхчеловек, пророк его и предтеча // Европеец. 2012. № 1. С. 59.

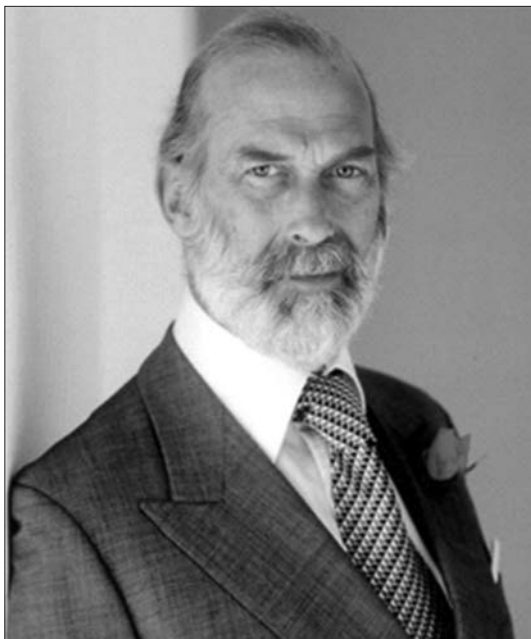
⁴ Бычков Р. Пора привыкать // Европеец. 2012. № 1. С. 59.

ние являются разнообразные формы конкуренции: бизнес-сообществ, организаций (в том числе религиозных), партий и, в конечном итоге, государств. Победа в конкурентной борьбе одного государства над другим в идеале приводит к тому, что побежденное государство становится колонией или полуколонией государства-победителя.

В некоторых случаях доминирующее государство делает главой побежденной страны своего гражданина или ставленника. Формально суверенитет побежденного государства может и сохраняться, однако же новое марионеточное правительство жестко проводит политику государства-победителя. Для реализации таких сценариев, как свидетельствует история, крайне необходимы неоколлаборационисты из числа местного населения.

В тех же частных случаях, когда главой побежденного государства становится монарх-иностранец, такой государственный строй именуют *колониальной монархией* или, выражаясь более грубо, *оккупационной монархией*¹. Вполне естественно, что российский неоколлаборационизм как постмодернистская антинациональная идеология отличается исключительной толерантностью по отношению к созидателям колониальных монархий. Еще бы, ведь такой член НАТО, как Великобритания, обладает колоссальным историческим опытом как колониальной, так и неоколониалистской политики.

Существуют обоснованные гипотезы, согласно которым именно на рубеже тысячелетий одна из британских спецслужб DIS² (Defence Intelligence Staff — «Штаб военной разведки») как раз и разрабатывала проекты видоизменения конституционного строя Российской Федерации. Речь, разумеется, шла о превращении России в конституционную монархию колониального типа. При этом среди кандидатов на должность главы Российского государства (в творческом сотрудничестве с нашими неоколлаборационистами) обсужда-

Майкл Виндзор, принц Кентский

¹ Классическим примером оккупационной монархии являются события так называемого Смутного времени в России XVII в.: попытки посадить на российский престол польского королевича Владислава или, к примеру, Лжедмитрия I.

² Военная разведка Великобритании входит в состав Министерства обороны. Спецслужба была создана в 1964 г. как структура, обеспечивающая разведанными вооруженные силы Великобритании. В состав DIS также входят два агентства: 1) Defence Geographic and Imagery Intelligence Agency (DGIA); 2) Defence Intelligence and Security Centre (DISC). В настоящее время штат DIS насчитывает 4500 сотрудников, из них 700 работают в лондонской штаб-квартире, а остальные — в подразделениях вооруженных сил.

лась кандидатура кадрового сотрудника DIS, гражданина Великобритании принца Майкла Кентского¹, Великого мастера британской Великой ложи Востока². Здесь уместно напомнить, что структурами, заинтересованными в реставрации монархии в России и продвижении своего кандидата на роль Государя Императора до сих пор являются:

1) Британская королевская семья (British Royal Family) — дом Виндзоров, преследующий сугубо своекорыстные цели;

2) Министерство обороны Великобритании (Ministry of Defence) и Штаб военной разведки DIS как структурное подразделение Министерства, решающее задачи расширения НАТО на восток;

3) Российско-британская торговая палата (RBCC) и входящие в нее монополии, ориентированные на получение сверхприбылей.

Членом всех трех вышеперечисленных структур является Майкл Кентский.

Юридическими препятствиями к реставрации в России монархии были и остаются:

1) действующая Российская Конституция, согласно которой: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (Раздел 1, глава 1, ст. 1) это препятствие возможно преодолеть посредством проведения референдума;

2) дореволюционное российское законодательство, согласно которому Государь Император должен принадлежать к православному вероисповеданию; это препятствие Майкл Кентский, позиционирующий себя как практикующий христианин, с симпатией относящийся к Православию, мог бы легко преодолеть через присоединение к Православной Церкви с именем Михаил.

Главным аргументом в пользу изменения конституционного строя в России и перехода к колониальной монархии является стереотип, сформиро-

¹ Майкл Джордж Чарльз Франклин Виндзор, принц Кентский (*Michael George Charles Franklin Windsor, Prince of Kent*). Родился 4 июля в 1942 г. в День независимости США, поэтому в крестные отцы ему был приглашен президент США Франклин Рузвельт. Внук английского короля Георга V, двоюродный брат королевы Великобритании Елизаветы II. Прапраправнук Российских Императоров Николая I и Александра II Романовых. Теоретически сохраняет права на Российский престол. Окончил Военную академию в Сэндхерсте, где выучил русский язык, получив диплом военного переводчика. Служил в Штабе военной разведки (DIS). Вышел в отставку в звании майора. Масон, Великий мастер британской Великой ложи Востока. Вероисповедание — англиканское. Главой Англиканской церкви является его двоюродная сестра королева Елизавета II. Женат, жена — баронесса Мария Кристина фон Рейбниц, гражданка Австрии, католического вероисповедания, ранее разведенная. Отец жены в нацистской Германии состоял в НСДАП, служил в СС в звании штурмбанфюрера. В английском престолонаследовании Майкл Кентский первоначально занимал 8-е место, но, женившись на католичке, утратил права на британский престол (согласно закону 1701 г.) В 1992 г. впервые посетил Россию. После этого неоднократно бывал в РФ. В июле 1998 г. участвовал в захоронении «екатеринбургских» останков в Санкт-Петербурге. Шеф Российско-британской торговой палаты (РБТП) / Russo-British Chamber of Commerce (RBCC), вице-президентом которой является Костин А. Л., президент-председатель правления ОАО «ВТБ».

² Как откровенно признавался сам Майкл Кентский: «Я являюсь Великим мастером Великой ложи, которая объединяет примерно треть масонов Британии. Все мы стремимся установить связи с Россией. Правда, я еще не встречался ни с кем из российских партнеров, но надеюсь, что это скоро произойдет».

ванный в результате агрессивного информационного воздействия. Согласно этому стереотипу, в ходе перестройки, якобы, выявилась онтологическая неспособность россиян к самоуправлению и суверенной демократии. Политтехнолог С. А. Белковский¹ сформулировал это так: «Русскому человеку нужен инородец в качестве руководителя, иначе он не почитает его, не верит. Вот нам рекомендуют монархию». «Восстановление монархии, формальной или неформальной, является единственным выходом для России, потому что это — единственный способ восстановления сакральности центральной власти»².

Совершенно очевидно, что, как прозападная постмодернистская идеология, неоколлаборационизм основывается на скрытой, но иногда даже на обнаженной русофобии³. И здесь уместно напомнить, что волею исторических судеб русофобия оказалась составной частью идеологии германского национал-социализма⁴.

Приверженность русофобии была в Третьем рейхе столь велика, что даже в 1943 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер не смог по достоинству оценить страшную предательскую правду власовских слов: «Россия может быть побеждена только русскими» (в гиммлеровском переложении на немецкий язык: «*Russland kann nur von Russen besiegt werden*»). Впрочем, и нам понадобилось не меньше шести лет горбачевской «перестройки», чтобы по достоинству оценить всю глубину предательского откровения генерал-лейтенанта А. А. Власова.

Но вернемся к временам более близким.

С 1997 г. Институт Кестон⁵, дочерняя организация английских спецслужб, реализовал проект мониторинга религиозной жизни РФ под на-

¹ Википедия сообщает: *Станислав Белковский* родился 7 февраля 1971 г. в Москве. Отец поляк, мать еврейка. По образованию системотехник. Окончил факультет экономической кибернетики Московского института управления, после чего работал системным программистом в Госкомнефтепродукте РФ. Затем начал заниматься политическим консультированием, сотрудничая с такими фигурами, как Константин Боровой и Лев Вайнберг. В 2002 г. учредил некоммерческую организацию «Совет по национальной стратегии». В 2003 г. организация опубликовала ряд докладов: «Государство и олигархия» (9 июня), «Новая вертикаль власти» (22 сентября). Публикация доклада «Государство и олигархия», в котором, в частности, говорилось о якобы готовящемся российскими олигархами государственным перевороте, совпала с началом уголовного преследования компании «ЮКОС» и ее руководителей (глава «ЮКОСа» Михаил Ходорковский назывался авторами доклада в числе заговорщиков). С 2004 г. возглавляет организацию «Институт национальной стратегии», объединяющую группу российских политологов. Белковский является автором докладов «Одиночество Путина», «Одиночество Путина-2». Борис Березовский характеризовал Белковского так: «Он хорошо образован. Он креативен, то есть креативен, когда дело идет о черном пиаре... и при этом он себя не переоценивает». Был прототипом главного героя романа Александра Проханова «Политолог» (2005).

² «К барьеру» Kreml.org <http://www.kreml.org/other/82246730>

³ Термин *руссофобия*, т. е. *боязнь русских*, стал приобретать в нашей стране широкое распространение после многократных переизданий работы академика РАН И. Р. Шафаревича, написанной еще в 1978–1982 годах. См.: *Шафаревич И. Р. Руссофобия* // Сочинения в трех томах. Т. 2. М., 1994. С. 86–172.

⁴ *Вассоевич А. Л.* Нацистская руссофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 73–90.

⁵ Институт Кестон при Оксфордском университете, основан в 1968 г. под названием «Центр изучения религии и коммунизма» (позднее переименован в Кестон Колледж, затем в Кестон Институт), специализируется на изучении различных религий и форм религиозности на территории бывшего СССР и стран Восточной

званием «Энциклопедия современной религиозной жизни России». В ходе исследований коллектив российских и английских ученых побывал в 79 субъектах Российской Федерации (всех республиках, краях и областях). Были проинтервьюированы тысячи религиозных лидеров — православных, католиков, баптистов, пятидесятников, мусульман, иудаистов, язычников, буддистов и многих других. На основе исследований, проведенных в рамках проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России», опубликованы книги «Современная религиозная жизнь России» (в 4 т.) и «Атлас современной религиозной жизни России» (в 2 т.).

В Государственной Думе ФС РФ депутаты 5-го созыва (2008—2011) уровня председателей комитетов между собой открыто обсуждали кандидатуру Майкла Кентского, как вероятного главы Российского государства.

При этом эксплуатировались ассоциации, связанные с легендой о призывании варягов: *«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нетъ. Да поидите княжить и володѣти нами»*¹, а также имя первого русского царя из династии Романовых — Михаила (1613—1645) — тезоименитого Майклу Кентскому.

На основании этих полевых исследований был зафиксирован высокий уровень доверия населения к руководству традиционных конфессий и в первую очередь к самой многочисленной из них — Русской Православной Церкви (РПЦ).

В связи с ограничением деятельности нетрадиционных религиозных объединений и западных неправительственных организаций (Британский совет и др.) спецслужбы стран НАТО в своей информационно-психологической войне против нашей страны сделали ставку на использование различных маргинальных течений в традиционных конфессиях РФ, в том числе и в Русской Православной Церкви.

В 1996 г., близкий к спецслужбам, английский писатель Фредерик Форсайт написал роман «Икона» (*Frederick Forsyth, Icon*), где агенты ЦРУ и СИС в результате активных мероприятий в РФ реализуют проект колониальной монархии и делают главой Российского государства Майкла Кентского. В 2005 г. книга была экранизирована в США. Картина была дублирована на русский язык и показана по российскому телевидению.

Вот краткое содержание этого фильма:

«Иностранные обозреватели долго придерживались мнения, что после семидесяти лет коммунистической индустриализации русские в основном стали городскими жителями. Это было ошибочным убеждением. Даже зимой 1999 г. более 50 % россиян все еще жили в основном тихо и незаметно в маленьких городах и деревнях в сельской местности, раскинувшейся от Белоруссии до Владивостока, занимая десять тысяч километров в длину и охватывая девять часовых поясов.

И на этой земле существовало сто тысяч церковных приходов, входящих в сотню епархий Православной Церкви, и каждый имел свою большую или маленькую, с луковкой-куполом, приходскую церковь.

Европы. Основатель — Майкл Бурдо (Michael Bourdeaux), 1934 г. рождения, священник (священник) Англиканской Церкви, почетный директор Института Кестон.

¹ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. С. 13.

И в эти церкви морозным утром в воскресенье, 16 января, устремились 70 % русских людей, а с амвона приходской священник читал письмо Патриарха. Ставшее позднее известным как «Великая энциклика», это письмо было самым ярким и впечатляющим посланием Алексия II. Оно было одобрено закрытым совещанием митрополитов на предыдущей неделе; хотя голосование и не было единогласным, но зато убедительным.

После утренней службы русские отправились на избирательные участки. Из-за огромных расстояний и отсутствия электронной техники в сельских районах на подсчет голосов ушло два дня. Из действительных бюллетеней 60 % были «за», 35 % — «против». <...>

20 февраля исполняющий обязанности Президента и Российская Дума направили предложение принцу, проживающему вне России, принять титул и обязанности, в рамках конституционной монархии, Царя всея Руси.

Через десять дней российский авиалайнер после долгого полета приземлился в аэропорту Внуково. <...>

Перед зданием аэропорта ожидала большая делегация во главе с Марковым, в нее входили спикер Думы, лидеры всех крупных партий, начальники штабов и Патриарх Алексий II.

Из самолета вышел призванный Думой пятидесятилетним принц английского дома Виндзоров».

Примечательно, что в этой матрице «будущего» особую роль при изменении конституционного строя сыграли радикально настроенные священники-реформаторы (у Форсайта они именуются «возрожденцы»).

Разработанный британскими спецслужбами проект «Конституционная монархия для России» является пародией на завершение Смутного времени в нашей стране. Его реализация могла бы привести лишь к потере Россий-

Семья принца Майкла: дочь леди Габриэлла Виндзор, он сам, супруга, сын Фредерик Виндзор. Фотография с сайта http://www.conspiracyarchive.com/Commentary/Illuminati_Eyes_Wide_Shut.htm

ским государством своего суверенитета. Поэтому отечественные политики, органы законодательной, исполнительной и судебной власти должны проявить свою волю в противостоянии неоколлаборационистам, которые этот проект поддерживают. Только люди, полностью утратившие политический иммунитет, могут смиряться с тем, чтобы их Родина превращалась в колонию иностранных государств. Такая перспектива может быть по сердцу лишь постсоветским неоколлаборационистам — духовным детям генерал-лейтенанта Власова.

Современный мир уже давно оценил гениальность оруэлловской формулы: *Who controls the past controls the future; who controls the present controls the past.* — «Кто контролирует прошлое — контролирует будущее, кто контролирует настоящее — контролирует прошлое»¹. Похоже, что

Казнь А. А. Власова и его соратников, 1946 г. (А. А. Власов третий справа) <http://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/b/bd/Vlassof.Kazn.jpg>

«контролеры будущего», как в нашей стране, так и за рубежом, героизируя А. А. Власова, были бы рады воспитать в России новое поколение коллаборационистов. Зачем?

Мировой финансово-экономический кризис, будучи вызван к жизни вторично, может больно ударить по всему постсоветскому пространству. И тогда естественным спутником кризиса станет «обострение выше обыч-

ного нужды и бедствий угнетенных классов»² — возжеленная примета приближающейся революционной ситуации. Но революция, как известно, не самоцель. Это лишь средство установить «новый порядок». **Вот тут-то и потребуются такие «лидеры масс», которые, будучи воспитаны на примере генерала Власова, проявят способности к «конструктивному сотрудничеству» с зарубежными партнерами.** Сходными словами завершал я в 2013 году свою вступительную статью, предшествовавшую факсимильному изданию «Протокола допроса арестованного Власова Андрея Андреевича от 25 мая 1945 года»³.

В справедливости моих утверждений легко убедиться, основываясь на событиях недавнего прошлого на Украине, где, однако, вместо имени Андрея Андреевича Власова использовалось «святое имя» Степана Андреевича Бандеры. И как все видели, государственному перевороту в Киеве тоже предшествовали всевозможные неоколлаборационистские акции. Так 20 ян-

¹ Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. Сказка: пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина. Пермь: КАПИК, 1992. С. 31.

² Цит.: В. И. Ленин. Крах II интернационала // ППС. Т. 26. М., 1973. С. 218.

³ Вассоевич А. Л. А. А. Власов и новорусская власовщина // Следствие продолжается... Воспоминания сотрудников следственного подразделения. СПб.: Первый класс, 2013. С 238–288.

варя 2010 года Виктор Андреевич Ющенко, незадолго до окончания своего президентского срока, издал указ № 46/2010, в соответствии с которым Степан Бандера посмертно удостоивался высшей степени отличия Украины — звания Героя Украины.

Украинский текст

Ющенко: «На завершення я хочу сказати про те, що чекали мільйони українських патріотів і багато років.

Я підписав указ: “За незламність духу в відстоюванні національної ідеї і виявлені героїзм і самопожертву в боротьбі за незалежну українську державу постановляєм: присвоїти звання Героя України з удостоєнням ордена Держави Бандері Степану Андрійовичу”. Слава Україні!»

Для одержання нагороди, яка передається нащадкам Степана Андрійовича, запрошується внук Степана Бандери Степан Бандера.

Бандера: «Шановний пане Президенте! Шановна громадо!

Для мене велика, скажу, величезна честь приймати від імені родини та нащадків Степана Бандери цей орден.

Нарешті сталося те, що очікувалося десятиліттями: українська держава визнала героїчний чин Степана Бандери із сотень тисяч українських патріотів, які полягли за цю державу.

Таким чином, цей орден є могутній акт історичної справедливості, який утверджує правду і нову добу України, про яку ми всі мріємо. Це Ваше рішення, пане Президенте, це рішення української держави.

Дякую за цей важливий історичний крок і Ваші великі заслуги перед Україною».

Русский перевод

Ющенко: «В завершение я хочу сказать о том, чего ожидали миллионы украинских патриотов и много лет.

Я подписал указ: “За нерушимость духа в отстаивании национальной идеи и проявленные героизм и самопожертвование в борьбе за независимое украинское государство постановляем: присвоить звание Героя Украины с удостоиванием ордена Государства Бандере Степану Андреевичу”. Слава Украине!»

Для получения награды, которая передается потомкам Степана Андреевича, приглашается внук Степана Бандеры Степан Бандера.

Бандера: «Уважаемый господин Президент! Уважаемое общество!

Для меня большая, скажу, огромная честь принять от имени семейства и потомков Степана Бандеры этот орден.

Наконец, произошло то, чего ждали десятилетиями: украинское государство признало героический чин Степана Бандеры из сотен тысяч украинских патриотов, которые пали за это государство.

Таким образом, этот орден — могучий акт исторической справедливости, утверждающий правду и новую эпоху Украины, о которой мы все мечтаем. Это Ваше решение, господин Президент, — это решение украинского государства.

Благодарю за этот важный исторический шаг и Ваши великие заслуги перед Украиной».

Исторической справедливости ради следует признать, что уже при четвертом украинском президенте В. Ф. Януковиче Донецкий окружной суд 2 апреля 2010 года признал указ третьего президента В. А. Ющенко о присвоении Бандере звания Героя Украины незаконным. При этом формально сослались на то, что Бандера Степан Андреевич не являлся «гражданином» Украины, а по закону Героем Украины может стать только украинский гражданин.

Тем не менее, ядовитые семена неоколлаборационистской идеологии, упавшие на благодатную украинскую почву все-таки дали свои ядовитые плоды. Государственный переворот в Киеве отстоял от времени провозглашения Степана Андреевича Бандеры Героем Украины всего на четыре года и один месяц (22 февраля 2014 года президент В. Ф. Янукович был уже свергнут). Вслед за этим начался очередной распад страны и братоубийственная гражданская война. Таковы реальные плоды той идеологии, которую мы рекомендуем именовать украинским неоколлаборационизмом.

Кто-то скажет, что Степан Андреевич Бандера по ряду формальных признаков не соответствует классическим представлениям о коллаборационисте, так как его позиция не всегда устраивала немецкие оккупационные власти. Но ведь и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер тоже не всегда был доволен поведением Андрея Андреевича Власова.

И здесь хотелось бы обратить особое внимание на то, что типологическое сходство как российского, так и украинского коллаборационизма, а равным образом и нынешнего постсоветского неоколлаборационизма еще одна яркая, дополнительная иллюстрация глубочайшего единства наших славянских народов. Сходные болезни, обострившиеся после распада Союза ССР, вынуждают ныне вспомнить об исконной, глубинной общности наших народов. Ведь с исторической точки зрения никто не в силах отрицать, что Киев — мать городов русских, украинских и белорусских. А значит, всем трем братским народам еще предстоит избавляться от порочной приверженности к духовному соработничеству с историческими врагами нашей, некогда общей, великой Родины.

Дороги ВОЙНЫ

СЧАСТЬЕ ДОЖИТЬ ДО ПОБЕДЫ!

*Из воспоминаний
полковника
Е. И. Семёнова*

*70-летию Победы
посвящается*

Мой отец, Евгений Иванович Семенов, ушел на войну добровольцем в Ленинграде в июле 1941 года и закончил ее в мае 1945-го в Восточной Пруссии, но потом еще целый год находился там в резерве. Как выпускник Ленинградского электротехнического института связи, он командовал взводом связистов, воевал в действующей армии: сначала на Ленинградском фронте в условиях блокады, а потом на 2-м Белорусском фронте. Награжден боевыми орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны», медалями, в том числе «За оборону Ленинграда». Самое удивительное в его военной судьбе, что, пройдя всю войну, подолгу находясь на передовой, обеспечивая связь во время боев, он был только дважды нетяжело контужен и ранен. Был случай, когда во время бомбежки оба его товарища, находившиеся почти вплотную от него справа и слева, были убиты, а его даже не задело.

Недаром его мать (моя бабушка) Мария Ивановна дала отцу с собой молитву и каждодневно молилась за сына и невестку Нину (мою маму), которую с первых дней войны призвали в армию, как младшего лейтенанта-военфельдшера (ей был 21 год). Мама тоже только однажды была легко ранена (правда, и воевала она только полгода, так как перед самой войной они с папой меня зачали и в конце 1941 года маму демобилизовали по беременности; кое-кто иронизировал, что вот и ты, то есть я, был на фронте).

Как и другие семьи, наши родные дорого заплатили за Победу: трое маминых родных братьев, мои дяди — Федор, Тимофей и Николай — погибли на фронте, умер в блокадном Ленинграде брат отца дядя Федя, работавший на Кировском заводе, муж маминой сестры

Михаил был убит немцами за связь с партизанами, а мой двоюродный старший брат Тима, воевавший в партизанском отряде, стал инвалидом.

Отец, по возвращении в Ленинград, продолжил свою работу в Научно-исследовательском институте связи Военно-морского флота, где стал кадровым офицером ВМФ, занимался военно-технической наукой, налаживал и совершенствовал связь на кораблях разных флотов, стал кандидатом технических наук, заведующим лабораторией, автором многих изобретений и научных публикаций, читал лекции в военно-морских училищах. Сколько я его помню, он всегда был удивительно самоорганизованным человеком, имел широкие интересы. Играл на музыкальных инструментах, много читал, ходил с мамой в театры. У него были «золотые руки» — мог починить все, что есть в доме (мебель, электроприборы, часы, радиоприемники и др.). Но самое главное, отец всегда был очень честным, скромным и самоотверженным человеком.

Из воспоминаний отца я взял для публикации небольшой отрывок о последних днях войны, о делах и чувствах наших людей, победивших в самой страшной и кровавой войне в истории человечества.

*В. Е. Семенов,
доктор психол. наук, профессор,
заслуженный деятель науки России*

ФРАГМЕНТ ИЗ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК» ПОЛКОВНИКА Е. И. СЕМЕНОВА

Бои за Грауденц и Данциг

Грауденц (по-польски Грудзендз) довольно крупный город (южнее Данцига—Гданьска) с каменными трех-шестиэтажными зданиями и крепостными сооружениями. До нас его пытались взять с хода с восточного берега Вислы части 65-й армии, но безуспешно. Теперь, в конце февраля 1945 года, это должны сделать наша 142-я и 37-я дивизии. Взятие города-крепости задача весьма и весьма сложная, надо буквально отвоевывать каждый дом, превращенный в ДОТ, от подвала до последнего этажа. Но к тому времени нашими войсками уже была отработана тактика ведения боев в городах применительно к местным условиям. Танки в уличных боях оказались не очень эффективны и несли большие потери от фауст-патронов. Фауст-патрон или мощный реактивный снаряд, запускаемый с рук, являлся немецкой новинкой и причинял много бед танкистам. Мы с ним познакомились в Грауденце, а в дальнейшем применяли трофейные «фаусты» против немцев. В боях за Грауденц основная война шла не на улицах, а в подвалах и внутри домов. Наша пехота, захватив первые прибрежные дома, продвигалась далее через проломы стен в подвалах в соседние дома, пользуясь тем, что в городе все здания на протяжении квартала стояли вплотную друг к другу. Таким путем постепенно захватывался весь квартал, затем действия переносились в следующий квартал, причем такие операции велись, конечно, сразу во многих местах. Большая часть проломов в подвальных стенах уже была сделана самими немцами, видимо с целью переброски своих сил.

Такая «подвальная» война сопровождалась для нас меньшими потерями, чем уличные бои, но без последних тоже не обходилось, когда надо выбивать немцев из других кварталов или зданий, не контактировавших с подвалами. Нам, связистам, «подвальная» тактика тоже облегчала работу — кабели реже повреждались. Вылазки на улицы старались делать только ночью, иначе можно угодить под пулю снайпера, что и случилось с командиром линейного взвода старшим лейтенантом Чиркиным, погибшим во время одной из вылазок...

В Грауденце немцы держались упорно и отклоняли наши предложения о капитуляции. Наша авиация и артиллерия ежедневно бомбила и обстреливала крепость, где засели основные силы врага (до 15 тысяч солдат). Наконец 5—6-го марта город был взят, за что приказом № 291 от 6 марта 1945 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин объявил нам благодарность и присвоил нашей 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии звание «Грудзендской». Всем бойцам и командирам вручили памятки с благодарностью Верховного.

После взятия Грауденца мы несколько дней простояли на отдыхе и затем двинулись походным порядком в направлении на Данциг (Гданьск).

Наше продвижение к Данцигу оказалось нелегким, повсюду немцы оказывали сопротивление. Дороги были забиты брошенной и разбитой техникой и колоннами беженцев, в ужасе бежавших от нас и возвращавшихся обратно после того, как убеждались, что мы их не трогаем. С 16 по 23 марта наша дивизия вела бои на подступах к Данцигу в районе Гросс-Заалау. Здесь в ходе боев к нам прибыло пополнение, в том числе и в роту связи, в основном выписанные из полевых госпиталей бывалые воины. После 23 марта наша и 65-я армии прорвали оборону на подступах к городу и наш полк вступил в предместье Данцига — Ора. Как и в Грауденце, немцы отклонили ультиматум о сдаче и начался штурм города. К этому времени уже были взяты Гдыня и Сопот и штурм велся с трех сторон. Бои велись очень жестокие и в отличие от Грауденца дрались на улицах с применением танков и самоходок. Активно действовала и авиация. Ввиду большой плотности боевых порядков пехоты штабы полка и батальонов находились близко друг к другу и все виды связи работали надежно.

В условиях уличных боев трудно приходилось моим «почтарям». Штабы дивизии и полка постоянно перемещались, и им под огнем противника надо было их разыскивать. Благодаря возросшему опыту наших войск по взятию крупных городов, к концу марта Данциг взяли, но еще несколько дней вылавливали разные мелкие группы противника, а саперы разминировали город. За участие во взятии Данцига приказом И. В. Сталина № 319 от 30 марта 1945 года нашей дивизии объявлена вторая благодарность и всем выданы справки-памятки. Взятием Данцига и разгромом немцев в районе севернее города закончилась крупная операция 2-го и 1-го Белорусских фронтов, вошедшая в историю как Восточно-Померанская.

Счастье дожить до Победы

Числа до 10-го апреля наша дивизия вела бои с немцами, отступившими на юго-восток. Им удалось оторваться от нас, и они, взорвав плотины различных гидротехнических сооружений, затопили обширный район со

многими населенными пунктами. Наступать в таких условиях нашим, шибко поредевшим частям командование сочло нецелесообразным, противника долбала авиация и артиллерия, а для того, чтобы держать в котле немцев, опять оставили нашу дивизию. Наш полк переместили на участок наиболее вероятного прорыва немцев из котла, где мы организовали оборону. Однако людей в стрелковых ротах осталось всего по 20—25 человек. Для усиления обороны из всех офицеров штаба полка и спецподразделений организовали офицерскую стрелковую роту и поставили ее на боевой рубеж. Но немцы сидели в своем котле и не рыпались, видимо, чувствовали конец войны, до которого оставался всего месяц. Чувствовали конец войны и мы. Наши радисты, слушавшие подспудно иностранные передачи, рассказывали о небывалом «буме» в эфире и чьих-то передачах на русском языке. А первого мая радисты узнали о самоубийстве Гитлера.

Уже 4—5 мая нас неожиданно сняли с нашего участка обороны и приказали форсированным маршем двигаться к Балтике по маршруту Лаутенбург — Штольп — Кезлин — Бельгардт — Гросс-Борн. Берлин уже был взят, война вот-вот кончится, и мы не понимали, почему нас так подгоняют — топали по 35—40 километров в сутки. Восьмого мая радисты сообщили о капитуляции фашистской Германии, но официальное известие об этом пришло к нам на другой день, 9 мая во время марша недалеко от города Штольп. Сразу же объявили привал, *всех охватило какое-то неописуемое чувство радости, что мы победили и остались живы! Началось стихийное проявление эмоций в виде пальбы вверх* из винтовок, автоматов, пистолетов, ракетниц, и это был тот случай, когда командиры не только не пресекали такой анархии, а и сами в ней участвовали. Затем стали поздравлять друг друга с Победой и доставать свои питейные и закусочные припасы. Все как-то подобрели, угощали знакомых и незнакомых, обменивались адресами, мечтали скоро вернуться домой. Вспомнили и тех, кто уже никогда не вернется, а остался в чужой земле. Некоторые, в том числе и я, выражали удивление по поводу того, что за всю войну (а это практически четыре года!) даже не получили ни одного серьезного ранения! А ведь сколько раз приходилось бывать под бомбежкой, обстрелами, автоматным огнем, ходить по незнакомой заминированной местности. Мины приносили связистам много неприятностей, особенно коварны были «прыгающие» мины...

Вскоре политработники организовали митинги, поздравляли всех с Победой, выступал кто хотел с выражением своих чувств и искренними здравицами в честь Верховного Главнокомандующего великого Сталина.

Тыловикам приказали выдать всем по дополнительной порции спирта и приготовить праздничный обед, после чего нам предписывалось следовать в военный городок, находящийся на окраине Штольпа, на отдых.

В военном городке мы устроились весьма неплохо. Командиры поселились в коттеджах, где сохранилась почти вся мебель. Бойцы расположились в казармах, где тоже все уцелело. В городке имелась своя телефонная станция, но она была неисправна, и мы развернули свою. Однако солдат без дела сидеть не должен, так что началась боевая подготовка, приводилась в порядок вся техника, собирались и сдавались на склады трофеи. На чердаках домов нашли немало разных радиоприемников. Приемники установили и стали слушать Москву. Мы давно не слышали музыки и песен и теперь все свободное время торчали у приемников. Тут я впервые услышал мно-

гие новые песни, и особенно на меня подействовала, прямо-таки до слез, «В лесу прифронтовом» композитора М. Блантера на слова М. Исаковского.

*...Вздыхают, жалуясь, басы и словно в забытьи
Сидят и слушают бойцы, товарищи мои...
И каждый думал о своей, припомнив ту весну,
И каждый знал: дорога к ней ведет через войну...*

Занялись мы и приведением в порядок своего обмундирования. В роте нашлись портные и сапожники, раздобыли материю и кожи и в преддверии демобилизации стали шить и тачать...

Итак, мы победили, война окончена, но не совсем — предстояла еще война с Японией. Ходили слухи о посылке некоторых дивизий на Дальний Восток. Однако нашей дивизии это не угрожало, так как она шибко поредела, а пополнять нас не собирались. К тому же 21 июня 1945 года вышел Указ о демобилизации старших возрастов и специалистов народного хозяйства. Надо было отпускать людей по домам, дел там не впрокорот, а мужиков нет. Поэтому мы с минуты на минуту ждали важных решений в отношении всей дивизии и каждого из нас...

Перед расформированием все подразделения посетил комдив полковник Г. Л. Сонников. Побывал он и у нас. Все подразделения построились на плацу, и комдив обратился к нам с кратким благодарственным словом. Затем попрощался с нами и скомандовал:

«Кто не имеет за всю войну ни одной награды, выйдите из строя!»

У нас такие были из призванных в последние месяцы войны, и комдив всех их наградил медалями.

P.S. Завершить отрывок из воспоминаний отца я хочу своим стихотворением

ВОЙНА И СЕМЬЯ

Читаю отцовские воспоминанья:
война без проклятий и без прикрас,
связист вспоминает, что видел и знает...
И слезы мои подступали не раз.
Я был зарожден перед самой войною;
как фельдшера маму призвали на фронт,
а я уже в ней, что страшит ее вдвое, —
но в бой, все равно, моя мама пойдет.
Отец все сражается под Ленинградом,
лишь в письмах до них долетает любовь...
В разлуке пять лет... И безмерная радость —
вернулась семья в лучший из городов!
И бабушка с нами — войну всю молилась
за нас и Победу — и выжили мы!
Такая дарована Божия милость, —
чтоб с верою верными быть людьми!

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Павел КРЕНЕВ

РЫЦАРЬ-ШПИОН

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — коренной помор, родился и провел детство на Летнем Берегу Белого моря. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, факультет журналистики ЛГУ, аспирантуру Академии безопасности РФ. Кандидат юридических наук, член СП России. Служил в Советской армии, работал журналистом в ленинградской прессе. Долгое время состоял на государственной службе, являлся сотрудником Администрации Президента России, был Полномочным Представителем Президента России в Архангельской области, работал на руководящих должностях в российских ведомствах. **Живет в Москве.**

Разгораются и смолкают на земле войны, но войны разведок не прекращаются никогда. Невидимые для постороннего глаза, они ведутся с не меньшим ожесточением, чем обычные. На фронтах этих молчаливых секретных войн не рвутся снаряды и мины, не гремят пушки, но от исхода их зависят порой судьбы целых народов, победа или поражение их армий.

Истории было угодно на долгие годы предопределить в качестве одного из главных противников России секретную службу Великобритании — «Интеллидженс сервис». И это вполне объяснимо, если учесть, что Англия на протяжении столетий сохраняла скандальную известность государства-захватчика и, естественно, никогда не могла смириться с растущим влиянием постоянно крепнущего российского государства.

Английская разведка, способствуя политике короля и правительства, с незапамятных времен вступила в поединок с разведкой русской. И всегда этот поединок был нелегким для нашей страны, потому что «Интеллидженс сервис» традиционно считалась самой мощной и умелой в мире разведкой и без стеснения использовала для достижения своих целей самые грязные и провокационные методы. Фронт этой тайной борьбы пролегал через Ближний и Дальний Восток, Сибирь, Европу, Север России, через ее крупные города и промышленные центры.

К одной из самых серьезных попыток вмешательства во внутренние дела России со стороны английской секретной службы следует отнести организованную ею в первые послеволюционные годы в Петрограде и Москве крупную резидентуру, целью которой было свержение социалистического строя и создание контролируемого Англией буржуазного правительства.

События эти достаточно полно освещены как в советской, так зарубежной печати. При этом, как правило, рассматривались лишь политические или военные аспекты. Главной задачей данной публикации является показ деятельности в РСФСР хорошо организованной английской разведки и борьбы с ней молодой контрразведывательной службы страны Советов. Следует отметить, что под таким углом данные события рассматриваются крайне редко.

Итак, в начале 1909 года в Петербурге появился молодой англичанин приятной наружности. Был он высокого роста, худощав, светловолос и кареглаз. Смешно коверкал русские слова, был прост в обхождении и легко сходилась с людьми, особенно с женщинами, со всеми держался без какого-то высокомерия. Англичанин поступил на учебу в Петербургскую консерваторию и страстно мечтал научиться у русских мастеров виртуозной игре на фортепьяно. Любил белыми петербургскими ночами в компании с хорошей девушкой погулять по тихим невским набережным, внимая музыке великого города.

Звали иностранца Пол Хенри Дьюкс. Впрочем, в его окружении в России его звали более просто — Поль Дьюкс. Но своих русских друзей он просил называть себя еще более просто: Павел. Объяснял эту прихоть так — любит Россию и хочет, чтобы его имя звучало по-русски. Располагающие манеры, широта натуры помогли англичанину войти во многие аристократические круги столицы, подружиться с влиятельными людьми. Например, известно, что в числе знакомых Павла-Поля Дюкса был и Федор Шаляпин. Англичанин являлся его поклонником и любил посещать концерты с его участием.

Так начинающий английский разведчик, сотрудник «Интеллидженс сервис» приступил к выполнению задания — вжиться в легенду и установить как можно больше связей для будущей шпионской деятельности в России. Надо признаться, с этой задачей Поль Дьюкс справился превосходно. Покидая Петербург после окончания консерватории, он шутливо обещал своим многочисленным друзьям вновь приехать на берега Невы уже в качестве известного музыканта и выступить с концертами на лучших столичных сценах.

Свое слово вернуться в Северную столицу Поль Дьюкс сдержал, только, к сожалению, приехал не как музыкант, а в совсем другом амплуа.

Будучи уже опытным разведчиком, он появился в Петрограде в апреле 1918 года в качестве консультанта английского парламента по русским делам. Официальный повод для прибытия — содействие правительству Англии в обмене военнопленными. Вместе с ним английская разведка под видом члена военной комиссии при посольстве направила к нам другого искусного шпиона, хорошо знающего Россию, — лейтенанта Сиднея Джорджа Рейли (настоящая фамилия Розенблюм, уроженец Одессы), который должен был активизировать поставку информации о военном положении в РСФСР. Поль Дьюкс прибыл на замену другого английского шпиона — Джона Меррита, разоблаченного и выдворенного за пределы России. В его главные функции как члена резидентуры при английском посольстве входило прежде всего содействие подпольным антисоветским силам и их консолидация в борьбе против Советской власти.

Английская разведка «Интеллидженс сервис» выбрала удобный момент для начала массированной подрывной деятельности против молодой республики Советов. К этому времени Петроградской и Московской ЧК были разгромлены все основные заговорщические организации монархического

толка, ориентирующиеся на помощь германской разведки: «Белый крест», «Черная точка», «Великая единая Россия», «Организация борьбы с большевиками и отправка войск к Каледину» и некоторые другие. Каких-либо новых антисоветских групп немецкая и австрийская разведки создать уже не могли по причине военно-политического банкротства своих правительств, утраты авторитета в монархическом подполье. Исторические материалы свидетельствуют: с начала 1918 года контрреволюционные силы внутри страны и за ее пределами стали опираться не только на традиционную германскую помощь, но и на империалистов Антанты и прежде всего Англии и Америки, оказавших «борцам» против Советской власти серьезную материальную и организационную поддержку.

Только с января по март 1918 года Англия истратила на эти цели около 90 миллионов фунтов стерлингов¹. Правительство этой страны вручило своеобразный «карт-бланш» находящимся в России дипломатам и разведчикам на всемерное развертывание подрывной деятельности против РСФСР.

В результате дипломатические представительства Англии, находящиеся в Петрограде и Москве, превратились в шпионские гнезда, где плелись нити заговоров, подготавливались диверсионные и террористические акты против советских руководителей. В Москве эту враждебную Российской Федерации деятельность возглавлял сначала посол Джордж Бьюкенен, а после его отъезда (с января 1918 года) — новый посол Роберт Гамильтон Брюс Локкарт, опытный разведчик, специалист по России. Главой резидентуры в Петрограде был военно-морской атташе, капитан Френсис Аллен Кроми.

Чекистам удалось быстро «распотрошить» эти шпионские гнезда. В кратком изложении операция по разгрому английских посольских резидентур выглядит следующим образом.

Началась она в Петрограде, куда по распоряжению Ф. Э. Дзержинского в мае 1918 года из Москвы были направлены сотрудники оперативного отдела ВЧК Я. Буйкис и Я. Спрогис. Им ставилась задача внедриться в контрреволюционную организацию, которая, по данным чекистов, сформировалась под эгидой городского Латышского клуба. Молодые чекисты успешно выполнили задание. Через руководителей этой организации они вышли на капитана Кроми, а тот в свою очередь представил их Рейли и Локкарту. Английские разведчики в дальнейшем попытались, используя Буйкиса и Спрогиса, поднять вооруженное восстание в латышских воинских частях, расквартированных в Кремле, и арестовать членов Совета народных комиссаров. При этом восставшие латыши, согласно замыслам английской разведки, должны были немедленно расстрелять В. И. Ленина.

С учетом этих данных, а также полученных сведений о прямом участии англичан в подготовке убийства М. С. Урицкого и в организации других террористических актов, советское правительство решило пресечь подрывную деятельность дипломатов, работавших в английских диппредставительствах, а именно, вооруженным путем захватить и арестовать заговорщиков. (Сейчас, по прошествии многих лет, такое решение выглядит категорически неправомочным, ведь при этом нарушались дипломатическая неприкосновенность сотрудников посольств и нормы международного права. Следует, однако, учесть, что события происходили в августе 1918 года, когда само существование республики Советов было под смертельной угрозой.)

¹ См.: Вопросы истории. 1968. № 12 С. 74—75.

Действиями чекистов в Петрограде руководил Ф. Э. Дзержинский. 31 августа при захвате английского посольства был убит чекист Янсон, чекисты Шейкман и Бортновский — тяжело ранены. Пулей в лоб застрелен капитан английской разведки Френсис Аллен Кром. Операция по аресту сотрудников английского посольства в Москве состоялась в тот же день и обошлась без перестрелки. При этом были захвачены все члены резидентуры, кроме Сиднея Рейли, которому удалось скрыться в подпольном доме терпимости и вскоре уйти за границу.

Герой нашего очерка, сотрудник «Интеллидженс сервис» Поль Дюкс, работавший в Петрограде под непосредственным руководством капитана Крома, после упомянутых событий оказался в трудном положении. Обе центральные резидентуры — разгромлены, непосредственный руководитель — убит. Локкарт — арестован. Поль Дюкс остался один. Чтобы обезопасить себя (при допросах сотрудников посольств наверняка вскрылась бы его роль как разведчика), он перешел на нелегальное положение. На этот случай у него был припасен надежный паспорт на имя гражданина РСФСР Сергея Ивановича Савантова. Сложность ситуации заключалась еще и в том, что после захвата чекистами посольства он не мог уже пользоваться секретной дипломатической почтой для передачи своих донесений в лондонскую разведывательную штаб-квартиру. Говоря профессиональным языком, Дюкс лишился надежного канала связи с центром, без чего было невозможно эффективно руководить агентурой, оставшейся от Крома, направлять ее действия в нужное «Интеллидженс сервис», а значит и английскому правительству, русло.

Оперативная обстановка менялась динамично, срочно требовались новые инструкции и деньги, много денег. И Поль Дюкс принял единственно верное решение — он сам стал курьером между Петроградом и Лондоном, «своим разведцентром». За короткий срок несколько раз нелегально пересек советско-финляндскую границу, чтобы через английские консульства в Гельсингфорсе и Стокгольме передавать полученные шпионские сведения. Конечно, при этом он сильно рисковал, но выручала близость границы и хорошее знание Карельского перешейка. Кроме того, игра стоила свеч: в сложившейся ситуации он был единственным сотрудником английской разведки, кто реально мог стать ее главным резидентом в России. Такие случаи выпадают не часто. И Дюкс работал на совесть.

Его руководство требовало: выявить в Петрограде и Москве наиболее весомые контрреволюционные силы, реально способные вести борьбу с Советской властью, выйти на эти организации, оказать им материальную и моральную помощь, а затем направить их усилия в русло, которое соответствовало бы английским интересам в России.

Действительно, осенью восемнадцатого года в Петрограде было предостаточно людей, недовольных Советской властью. Неплохо вооруженные, горячеголовые, год назад имевшие все и теперь всего лишившиеся, они готовы были вступить в любую организацию, влезть в любую авантюру, чтобы вернуть старые добрые времена, загнать обратно в хижину распоясавшуюся чернь. И они объединялись в авантурные группки, создавали организации-однодневки, рвались в бой, но зачастую тут же погибали. Их гибель была закономерной. Уверовав в скоротечность Советской власти, они слишком торопились, не имели четких программ, не пытались овладеть методами подпольной работы и мало думали о конспирации. А ВЧК к тому времени действовала уже вполне профессионально и набирала силу...

Рисковать Поль Дюкс не мог и не хотел, поэтому он поставил, что называется, на другую лошадку и как разведчик не ошибся в своем выборе.

Общеизвестно, что в подполье действовать эффективно могут не одиночки или авантюрные группки, а только члены какой-либо мощной, хорошо организованной, дисциплинированной партии, ясно представляющие свои задачи и общую цель. Ко второй половине восемнадцатого года в Петрограде и Москве такое подполье сформировалось и продолжительное время, в отличие от других нелегальных организаций, было недоступным для местных ЧК. В это подполье входили деятели довольно многочисленной и в дореволюционные годы влиятельной партии конституционных демократов (кадетов), костяк которой составляли крупные промышленники и финансисты, представители высшей интеллигенции и офицерства. Заговорщики назвали свою организацию «Национальный центр» и поставили перед собой цель свергнуть большевистское правительство.

По материалам уголовных дел на разоблаченных впоследствии участников крупной резидентуры английской разведки, созданной в России Полем Дюксом, теперь трудно и скорее всего невозможно установить механизм выхода Дюкса на эту, тогда еще неокрепшую, но уже довольно многочисленную тайную контрреволюционную организацию. Скорее всего ему помог кто-либо из оставшихся от Кромги агентов из числа бывших высокопоставленных царских офицеров. Такие агенты на службе у «Интеллидженс сервис» имелись. Это исторический факт. Но не столь уж и важно, как он произошел, этот контакт, главное, что в один из самых опасных и драматических моментов существования РСФСР одна из наиболее серьезных заговорщических организаций и английский разведчик с неумолимой закономерностью в короткий срок «нашли» друг друга. Организация такого масштаба была нужна для Дюкса как доказательство высокого уровня его работы. Сам он был также находкой для «Национального центра», так как, будучи профессиональным шпионом, мог преподавать уроки подпольной контрреволюционной работы. Кроме того (что самое важное), он представлял интересы мощного государства, находящегося в состоянии острой военной конфронтации с возглавляемым Лениным правительством. Таким образом, их интересы в главном совпадали.

Однако никакое, даже самое крупное подполье не сможет решить своих политических задач без опоры на военную силу.

«Национальный центр» сделал ставку на Н. Н. Юденича. Выбор был не случаен. Герой Первой мировой войны, главнокомандующий Кавказским фронтом во время керенщины, этот генерал от инфантерии в конце 1918 года бежал из Петрограда в Финляндию и вскоре стал во главе крупных контрреволюционных сил, сконцентрировавшихся на северо-западной границе России.

В Финляндии Юденича обласкал другой царский сановник — бывший придворный Николая II, генерал-майор Маннергейм, ставший главой государства. При посредничестве Маннергейма Юденич получил в подчинение всю расположенную в Финляндии колонию русских эмигрантов, общая численность которой составляла около 20 тысяч человек. Ведущую роль в этой колонии играли бежавшие из Петрограда крупные финансисты, промышленники, царские генералы, высшее офицерство и государственные чиновники, обладавшие значительными средствами и связями во всевозможных кругах, в том числе и зарубежных. «Национальный центр» был плотью

от плоти этих людей: кадетский по политической направленности и социальному составу, он полностью отражал интересы верхушки окопавшейся в Финляндии белогвардейской колонии, также в основном состоявшей из представителей партии конституционных демократов. Опираясь на моральную, а главным образом, финансовую помощь этой верхушки, Юденич, получив согласие Маннергейма, в конце 1918 — начале 1919 года приступил к формированию в Финляндии белогвардейской армии с целью захвата Петрограда.

Такая общность целей «Национального центра» и генерала Юденича не могла не быть замеченной и использованной в своих интересах английской разведкой.

Уже в январе 1919 года из Петрограда в Финляндию тайно прибыл агент Поля Дюкса, один из руководителей «Национального центра», профессор А. В. Карташев, бывший министр Временного правительства. Он вплотную стал налаживать взаимодействие между закордонными силами, возглавляемыми Юденичем, и подпольно действующим в России «Национальным центром». Эта деятельность увенчалась полным успехом: «Национальный центр» получил финансовую поддержку и был признан основной тайной организацией, на помощь которой войска Юденича будут рассчитывать при наступлении на Петроград. А самого Карташева вскоре избрали председателем правления «Русского политического комитета» — организации, вокруг которой объединилась верхушка всей русской колонии в Финляндии. Карташев сменил на этом посту А. Ф. Трепова, бывшего царского премьер-министра.

«Русский политический комитет» под руководством нового председателя стал ориентироваться на союзников Антанты, в первую очередь на Англию. Тогда же, в январе 1919 года, Юденич по рекомендации Карташева обратился к английскому правительству с просьбой о материальной поддержке его военных действий против большевистской России. Сделано это было через Никольского, бывшего петроградского дворянина, агента «Интеллидженс сервис», посредника между английской разведкой и Юденичем. Англия ответила согласием, и в мае 1919 года к Юденичу прибыла миссия английских советников.

Тем временем Поль Дюкс развернул кипучую деятельность по созданию в Петрограде и Москве хорошо отлаженной резидентуры английской разведки, которая могла бы держать под контролем всю работу «Национального центра» и направляла бы ее в нужное англичанам русло.

Не будем преувеличивать способности Дюкса как разведчика. Его успехи на шпионском поприще во многом объясняются условиями исторического момента, когда в России хватало «материала» для враждебной деятельности. Но воздать должное его шпионскому «усердию» все же надо. Результаты его работы по приобретению источников информации для английской разведки просто впечатляют.

Чего нам кривить душой: Поль Дюкс поработал в поте лица. В его шпионские сети попали и стали активными агентами «Интеллидженс сервис» многие влиятельные в Петрограде и в Москве люди. Такие как начальник войск воздушной обороны Петрограда С. А. Лишин, начальник Ораниенбаумского воздушного дивизиона Б. П. Берг, начальник штаба 7-й армии, оборонявшей Петроград от Юденича, В. Э. Лундеквист, начальник сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота В. Е. Медиокрит-

ский, начальник оперативного отдела флота Н. А. Эриксон, флаг-секретарь штаба флота В. А. Германович, князь М. М. Андронников (был близким другом Григория Распутина), руководство фортов «Красная горка», «Обручев», «Серая лошадь», некоторые бывшие царские генералы, адмиралы, а также многие деятели петроградского отделения «Национального центра». Нетрудно понять, что в случае войны действия армейских и морских частей были бы парализованы шпионами Поля Дюкса. Кроме того, в английскую резидентуру вошли отдельные лица, пробравшиеся в состав Петроградской ЧК, например, помощник начальника оперативного отдела Гавришенко, в прошлом — капитан 2 ранга, сотрудник контрразведки Временного правительства. Гавришенко был завербован Дидерихсом, бывшим офицером, активным агентом Поля Дюкса.

Известно, что агентами Поля Дюкса и им самим «втемную» использовалась даже Председатель Петроградской ЧК Варвара Яковлева. Она была любовницей красивого морского офицера, также входившего в состав английской резидентуры. Когда это вскрылось, Яковлеву в начале 1919 года сняли с должности и отправили в Москву.

В Москве агентами Поля Дюкса стали Н. Н. Щепкин, бывший член Государственной Думы, крупный домовладелец, Н. А. Огородников, также ранее состоявший в Государственной Думе, генералы Стогов, Соколов, Левицкий, Кузнецов, занимавшие крупные посты в Красной армии, и другие.

Однако самым важным, самым верным и надежным агентом Дюкса в Петрограде стала Н. В. Петровская (Вольфсон) — врач, член коммунистической партии.

Эта особа известна тем, что в 1896—1897 годах навещала В. И. Ленина, находившегося в тюрьме по улице Шпалерной за создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Произошло это следующим образом. В 1896 году М. И. Ульянова, приезжавшая в Петербург для ухода за конечно же «больным» и томившимся в тюрьме братом, познакомилась с юной и пылкой студенткой медицинского вуза Надеждой Вольфсон, мечтавшей стать революционеркой. Уезжая по делам в Симбирск, Мария Ильинична столкнулась с проблемой: кого оставить вместо себя? Ведь за братом, который, согласно тюремной легенде, был чуть ли не смертельно болен, требовался постоянный уход. Студентка Надя Вольфсон с большой готовностью приняла на себя эти обязанности и некоторое время навещала Ленина под видом его «невесты», оставалась на продолжительное время наедине с ним (в те царские, «лютые» времена такие вольности в российских тюрьмах почему-то не возбранялись), снабжала продуктами и медикаментами.

Поль Дюкс познакомился с ней случайно в ноябре 1918 года. Переходя ночью советско-финскую границу, он сильно промок, ударивший утром мороз едва его не погубил. С обмороженными ногами он пришел к врачу, к которому порекомендовал обратиться Уайльдо, находящийся в Петрограде председатель американского христианского союза молодежи. Врачом этим оказалась Петровская... Она стала его любовницей и лучшим агентом. Фактически Петровская замещала Дюкса, когда он уходил в Финляндию для передачи в «Интеллидженс сервис» очередного донесения.

Поль Дюкс обучил Надежду Владимировну методам конспиративной работы. Сам он владел ими довольно успешно. Находясь на нелегальном положении, жил попеременно на четырех явочных квартирах, разбросан-

ных по городу, имел разные документы. Даже многие лучшие агенты не знали его подлинного имени. В зависимости от обстоятельств он представлялся то Павлом Петровичем, то Павлом Ивановичем, то Сергеем Ивановичем Савантовым (именно так он назвал себя при знакомстве с Петровской), то как-либо еще. Хорошо владел искусством изменения внешности: часто носил парики, наклеенные усы и бороду. Под видом солдата-фронтовика, в поношенной долгополой шинели и старенькой папахе имел обыкновение по ночам вместе с красногвардейскими патрулями сидеть у костров на улицах Петрограда, вел с солдатами длинные разговоры о положении на фронтах, о контре, которая угрожает городу... Так он сам изучал обстановку, выяснял настроения среди войск, охранявших Петроград.

Дух строжайшей конспирации насаждался Дюксом среди всех членов резидентуры, которая была разбита на «тройки» — каждый человек знал не больше двух других и имел свою кличку. У Петровской их было две: «Мария Ивановна» и «Мисс».

Безнаказанность продолжительной шпионской деятельности притупила у Надежды Владимировны чувство опасности, и однажды она чуть не «провалилась» при попытке прямо на своей квартире завербовать в «Национальный центр» бывшего царского офицера. Тот сначала согласился, но потом перетрусил, пошел в ЧК и все рассказал. Петровскую немедленно арестовали... Она обратилась к старым знакомым в высокие инстанции, объяснив, что бывший офицер неправильно ее понял. Нетрудно догадаться, что в числе первых, кому она пожаловалась на свою несчастную судьбу, был старый ее знакомый, кому она скрашивала тюремную отсидку, — Владимир Ильич Ленин. Пролетарский вождь ее вспомнил и, конечно же, походатайствовал перед тюремщиками. Уже вскоре Петровская была освобождена.

В интересах конспирации все агенты резидентуры Дюкса официально оформились на работу в различные советские предприятия и учреждения. Кроме того, для облегчения руководства агентурой в Петрограде Дюкс сосредоточил своих людей в кооперативах «Мирный труд» и «Заготовитель», официально зарегистрированных как коммерческие предприятия. Деньги, вырученные этими кооперативами, поступали к Дюксу.

Таким образом, следует признать, что английская разведка в 1918–1919 годах создала в нашем тылу довольно боеспособную антисоветскую агентурную сеть, которая могла в любой момент поддержать готовящееся наступление войск генерала Юденича на Петроград.

Но целенаправленная и последовательная работа Поля Дюкса в этом направлении была довольно основательно подорвана (конечно, не специально) несвоевременным наступлением на Петроград войск генерала Родзянко. Этот неудавшийся диктатор явно переоценил свои полководческие возможности и без согласования с Юденичем и англичанами в мае 1919 года повел из Эстонии свой «Северный корпус», а точнее, остатки разбитой под Псковом и Нарвой Белой армии. Но просчитался: «остатки» снова потерпели поражение, только теперь под Петроградом. Ох уж эта извечная привычка русских патриотов — оттолкнуть локтем соседа при распределении лавровых венков!

Однако и «Национальному центру», направляемому Полем Дюксом, не терпелось выступить против ненавистой Советской власти. Поэтому, даже будучи неподготовленным к тайному сотрудничеству со штабом Родзянко, не имея с ним налаженной связи и скоординированного плана действий,

«Национальный центр» все-таки подключился к родзянковской аванюре. И потерпел тяжелое поражение.

В срочном порядке было проведено несколько террористических диверсионных актов: раздались взрывы на железнодорожных станциях, были повреждены важные коммуникации, взорваны продовольственные и военные склады, мосты. Вспыхнули бунты на фортах «Красная горка», «Серая лошадь» и «Обручев». Здесь практически все коммунисты были или расстреляны, или арестованы. Но ни Кронштадт, ни другие форты не поддержали мятежников, и 16 июня их сопротивление было подавлено.

Не увенчались успехом и попытки Поля Дюкса наладить четкую связь между «Национальным центром» и штабом Родзянко. Этому помешали действия петроградских чекистов.

...Красноармейский секрет, укрывшийся в буйной летней зелени в окрестностях города Луги, заметил человека, одетого в солдатскую гимнастерку и потертые галифе, который, ежеминутно оглядываясь, двигался в направлении Эстонии.

— Эй, — крикнули ему красноармейцы, — назови пароль!

Незнакомец, видно сильно испугавшись, сначала замер, а потом кинулся бежать, но тут же был сражен меткой красноармейской пулей. При обыске вещей убитого была найдена записка, содержание которой весьма заинтересовало чекистов. «Генералу Родзянко или полковнику С. при вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки и тогда пострадают люди, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова “во что бы то ни стало” и слово “ВИК” и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам...» В конце записки стояла подпись: «ВИК».

Петроградские чекисты предприняли немало усилий, чтобы разыскать человека, подписавшего эту записку. Было ясно: этот человек стоит во главе подпольных контрреволюционных сил и стремится выйти на связь с генералом Родзянко для организации с ним совместных действий.

И вот уже в июле на финляндской границе были задержаны пробиравшиеся к врагу изменники А. Самойлов, работавший до этого начальником сестрорецкого пограничного пункта, и его помощник И. Боровой-Федотов (как оказалось впоследствии, оба являлись агентами Поля Дюкса). При аресте перебежчики пытались незаметно выбросить записку, но красноармейцы ее подобрали. В ней сообщались данные о дислокации войск Красной армии и содержалась просьба срочно выслать деньги. «Иначе, — говорилось в записке, — работа станет. Между тем, сейчас наша работа могла бы быть особенно полезной и ценной. Мы взяли за объединение всех военно-технических и других подсобных организаций под своим руководством и контролем расходования средств, и эта работа продвинулась уже далеко». Под этой запиской также стояла подпись «ВИК».

Однако на этот раз для чекистов не составило особого труда выявить таинственного «ВИКа». Чтобы спасти свою жизнь, Боровой-Федотов и Самойлов сами указали на автора записки. Им оказался петроградский инженер, один из руководителей петроградского отделения «Национального центра» В. И. Штейнингер, член партии кадетов. Будучи арестованным, он, в свою очередь, выдал несколько своих сообщников, тех, кого считал

погибшими или уже успевшими спрятаться от ЧК. В число их попали упомянутые выше князь Андронников, барон Штротберг, князь Оболенский и другие агенты Поля Дюкса, которые также были арестованы.

Провалы среди агентуры сильно насторожили Дюкса: тучи разоблачения начали сгущаться и над ним самим. А вскоре ситуация стала критическая: ВЧК разгромила военную организацию «Национального центра», действовавшую в Москве и называвшуюся «Штаб добровольческой армии Московского района».

Произошло это так. В конце июля Вятская губчека задержала офицера разведотдела колчаковского штаба Николая Крашенинникова, который пробирался в Москву, чтобы вручить там около миллиона рублей представителю якобы неизвестной ему организации. Для выяснения обстоятельств дела его направили в Москву. Чекистам было ясно, что адресат лазутчику известен, но Крашенинников на допросах упорствовал: или молчал, или говорил неправду. В конце концов сотрудникам, расследовавшим его дело, пришлось пойти на хитрость: они сделали вид, что осознали бесполезность дальнейших допросов Крашенинникова и разуверились в серьезности его акции, вследствие чего ослабили за ним контроль. Решив, что его и в самом деле оставили в покое, белый офицер сделал попытку переправить «на волю» две записки, которые были немедленно перехвачены чекистами. Одна из них адресовалась Николаю Николаевичу Щепкину, бывшему члену Государственной Думы III и VI созывов, кадету, крупному домовладельцу. После того как Щепкин был арестован, выяснилось, что он является одним из руководителей московского отделения «Национального центра», тесно связан с английской разведкой, а также с войсками Деникина и Колчака. Во время обыска на его квартире были найдены копии многочисленных разведдонесений, средства тайнописи, шифры... На допросах в ЧК Щепкин держался с достоинством, и когда понял, что его показания могут повредить другим людям, он тяжело травмировал сам себя: ударился головой о железную печь... Но это почти ничего не изменило. Собранных ВЧК сведений хватило сполна, чтобы ликвидировать московский «Национальный центр». Когда в августе взяли главарей московского отделения, Польш Дюкс понял: пора уносить ноги, ибо в конце концов кто-нибудь из арестованных лидеров мог его выдать. И хотя вот-вот должно было произойти главное сражение — поход на Петроград войск Юденича с намечавшимся одновременным выступлением Петроградской резидентуры — долгожданный бенефис Поля Дюкса — дольше задерживаться было нельзя. 30 августа он вновь перешел границу Финляндии. На этот раз навсегда. Но созданная им резидентура, укрывшаяся в подполье петроградского «Национального центра», своей подрывной деятельности не приостановила. Она продолжала работать с неослабной энергией под руководством верного заместителя Дюкса Н. В. Петровской. В отличие от почти полностью разгромленной московской организации «Национального центра» (там было арестовано 700 человек из 800) петроградская организация, благодаря строгому выполнению мер конспирации, даже после отъезда Дюкса еще длительное время сохраняла в целостности свои силы и продолжала действовать в тылу Красной армии.

Под руководством члена «Национального центра» полковника Люндквиста, начальника штаба 7-й армии, заговорщики разработали и передали в штаб Юденича план наступления на Петроград, в котором отмечались наиболее уязвимые места для прорыва обороны города. Одновременно с

наступлением армии части военно-морского флота, возглавляемые людьми Дюкса, должны были открыть огонь по оборонявшим Петроград войскам, а самолеты Ораниенбаумского воздушного дивизиона — совершить налет на город. При этом планировалось, что один из самолетов сбросит на Знаменскую площадь (ныне площадь Восстания) бомбу, и ее взрыв послужит сигналом к восстанию внутри города.

Осенью 1919 года наступление Юденича было отражено, но «Национальный центр» не верил в поражение. Другой член английской резидентуры, штабист, полковник Медиокритский разработал для передачи Юденичу новый подробный план наступления на Петроград. С началом реализации этого плана в намерения заговорщиков входило захватить специальными отрядами важнейшие объекты города и стоящий на рейде близ города военный корабль «Севастополь», чьи орудия потом использовать для обстрела Петрограда.

Однако, к великому для подпольщиков сожалению, никаких благоприятных для них событий на фронте больше не произошло. Планы контрреволюции, благодаря умелым действиям Петроградской ЧК, провалились.

В октябре к чекистам обратился бортмеханик Ораниенбаумского воздушного дивизиона Д. Солоницын, который сообщил, что начальник дивизиона Берг посылает отдельных летчиков в полеты в Финляндию, где те передают Юденичу военные сведения.

Это сообщение и другая имевшаяся у ЧК информация послужили началом крупной чекистской операции по разгрому созданной Полем Дюксом резидентуры и петроградского отделения «Национального центра» в целом. В результате удалось арестовать 410 человек. После проведенного следствия 52 из них были расстреляны, 39 осуждены на различные сроки (в том числе и Н. В. Петровская, вновь использовавшая для своего спасения прежние связи в высоких инстанциях и вскоре вышедшая на свободу), в отношении остальных уголовные дела были прекращены.

Так в Петрограде была распутана сеть политических интриг и шпионажа, хитроумно и коварно сплетенная английской разведкой в тяжелую для нашей страны годину.

Сейчас, по прошествии многих лет, давая оценку работе петроградских чекистов в борьбе с резидентурой Поля Дюкса, можно, конечно, отыскать какие-нибудь огрехи в проведенных ими операциях. Не будем, однако, забывать, что было тогда нашей контрразведке всего лишь двадцать месяцев от роду и она еще только-только накапливала опыт. Разгром других контрреволюционных заговоров, знаменитые операции «Синдикат» и «Трест», борьба с вражескими разведками, в которой контрразведка нашего города продемонстрировала образцы подлинного оперативного мастерства, были еще впереди. Не забудем мы и того, что тогда, в грозном девятнадцатом году, после первого же столкновения с ВЧК самая умелая и изощренная в мире английская разведка в конечном счете все же потерпела поражение.

Тем не менее, главный герой нашего очерка Пол Хенри Дюкс за свою шпионскую работу в России по возвращении на родину был удостоен высшей награды — от правительства своей страны он получил титул «Рыцарь Англии». Говоря откровенно, как профессионал, он и в самом деле поработал неплохо. Это единственный в истории Англии разведчик, шпионская деятельность которого была столь высоко оценена.

Герберт ЕФРЕМОВ

СОВЕТСКИЕ АВИАЦИОННЫЕ ГЕНЕРАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТОРЫ

Герберт Александрович Ефремов — родился в 1933 г. в с. Малое Вологодской обл. Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, премии Правительства РФ, Государственной премии РФ им. маршала Г. К. Жукова; имеет международные награды, СССР и РФ. Кандидат технических наук, профессор; Почетный академик Российской Академии ракетно-артиллерийских наук, Почетный член Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, член Академии военных наук. С 1989 по 2007 гг. — Генеральный директор, Генеральный конструктор НПО машиностроения. С 2007 г. Почетный Генеральный директор, Почетный Генеральный конструктор ОАО «ВПК «НПО машиностроения». **Живет в Москве.**

Термин «Генеральный конструктор» авиационной техники появился в СССР в послевоенный период, в середине 50-х годов.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны коллективы конструкторских бюро под руководством советских авиаконструкторов С. В. Ильюшина, А. С. Яковлева, С. А. Лавочкина, В. М. Петлякова, А. И. Микояна, А. Н. Туполева с мотористами и вооруженцами смогли выполнить сложную задачу — создать, испытать, организовать крупносерийное производство самолетов различных типов — от истребителей и штурмовиков до пикирующих и средних бомбардировщиков, не уступающих, а зачастую и превосходящих по некоторым боевым характеристикам авиацию врага.

Марки знаменитых самолетов Ил, Як, Ла, Пе, Ту, МиГ и другие прославились в боях.

После окончания Великой Отечественной войны СССР потребовалось решать новые задачи, поставленные динамикой развития мировой авиации. Наступала эра реактивной, а потом и сверхзвуковой техники.

Эти работы вновь легли на плечи и умы тех же советских авиационных конструкторов, с добавлением некоторых новых конструкторских бюро (КБ): В. М. Мясищева, П. О. Сухого, О. К. Антонова, Г. М. Бериева.

Между конструкторами развернулось жесткое творческое соревнование.

Уже к 1950 г. серийно изготавливались реактивные истребители МиГ-9, МиГ-15, отличившиеся в боях в Корее. Создали новые серийные истребители А. С. Яковлев и С. А. Лавочкин.

Развернутая США после Второй мировой войны гонка вооружений потребовала скорейшего ответа. До

1957 г. главным средством доставки ядерного оружия к целям рассматривались самолеты.

Авиационные Главные конструкторы и их КБ создали соответствующие типы самолетов. А. Н. Туполев разработал в конце 1940-х — начале 1950-х годов тяжелые бомбардировщики Ту-4 и Ту-95. В. М. Мясищев испытал свои дальние бомбардировщики М-4 и ЗМ для доставки ядерного оружия. Бомбардировщики среднего радиуса действия были серийно освоены А. Н. Туполевым (Ту-14 и Ту-16) и С. В. Ильюшиным (Ил-28).

Мирное развитие страны требовало и создания новых пассажирских и транспортных самолетов. В короткие сроки промышленностью были освоены гражданские самолеты, например, Ту-104 на базе бомбардировщика Ту-16, семейство Ил — Ил-12, Ил-14, Ил-18, Ил-62. Самолеты среднего радиуса полета — Ан-10, Ан-12.

В Правительстве СССР приняли решение специализировать конструкторские бюро по типам самолетов и уменьшить номенклатуру разрабатываемой ими техники:

- КБ А. И. Микояна — по маневренным истребителям ближнего боя;
- КБ А. С. Яковлева — по самолетам с вертикальным взлетом и посадкой;
- КБ П. О. Сухого — по истребителям-перехватчикам;
- КБ С. В. Ильюшина — по фронтовым бомбардировщикам (штурмовикам), транспортной и гражданской авиации;
- КБ О. К. Антонова — по транспортным самолетам для грунтовых аэродромов, гражданской авиации;
- КБ А. Н. Туполева — по тяжелым бомбардировщикам, гражданским самолетам.

Необходимо отметить, что внимание развитию авиации в СССР уделяли первые лица государства. Заслуги советских выдающихся авиаконструкторов были отмечены введением в 1956 г. звания «Генерального конструктора» по авиационной технике. Это было особое звание для тех, кто осуществил и продолжал работы по семействам определенных типов самолетов.

Вспомним наиболее выдающихся людей, получивших звание «Генерального конструктора» за создание передовых образцов авиационной техники.

1. Туполев Андрей Николаевич (1888—1972). Авиаконструктор. Генерал-полковник-инженер. Трижды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

2. Ильюшин Сергей Владимирович (1894—1977). Авиаконструктор. Генерал-полковник инженерно-технической службы. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

3. Лавочкин Семен Алексеевич (1900—1960). Авиаконструктор. Генерал-майор инженерно-авиационной службы. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

4. Микоян Артем Иванович (1905—1970). Авиаконструктор. Генерал-полковник инженерно-технической службы. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

5. Яковлев Александр Сергеевич (1906—1989). Авиаконструктор. Генерал-полковник-инженер. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

6. Сухой Павел Осипович (1895–1975). Авиаконструктор. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

7. Мясищев Владимир Михайлович (1902–1978). Авиаконструктор. Генерал-майор-инженер. Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

8. Антонов Олег Константинович (1906–1984). Авиаконструктор. Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1962 года.

9. Микулин Александр Александрович (1895–1985). Генерал-майор-инженер. Разработчик первых советских поршневых двигателей водяного охлаждения и ряда турбореактивных двигателей. Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1943 года.

10. Климов Владимир Яковлевич (1892–1962). Генерал-майор инженерно-авиационной службы. Разработчик поршневых и турбореактивных двигателей. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

11. Люлька Архип Михайлович (1908–1984). Разработчик турбореактивных двигателей. Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1957 года.

12. Кузнецов Николай Дмитриевич (1911–1995). Генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы. Разработчик турбовинтовых, турбореактивных и ракетных двигателей. Дважды Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

13. Швецов Аркадий Дмитриевич (1892–1953). Разработчик авиадвигателей воздушного охлаждения. Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1947 года.

14. Туманский Сергей Константинович (1901–1973). Разработчик двигателей для самолетов и крылатых ракет. Герой Социалистического труда, Генеральный конструктор с 1956 года.

Ярким представителем отряда конструкторов авиационной промышленности был Владимир Николаевич Челомей. О Челомее мне вспоминать пристало, как проработавшему с ним с первых дней трудовой карьеры — по окончании Ленинградского Военно-механического института, — и сменившему В. Н. Челомея на посту Генерального конструктора после внезапной смерти академика. Таким образом, я на себе почувствовал нелегкий труд, лежавший на плечах Генеральных конструкторов.

Владимир Николаевич Челомей родился 30 июня 1914 г. в г. Седлец Российской империи (ныне Польша). В 1937 г. с отличием окончил Киевский авиационный институт, в 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию. С начала Великой Отечественной войны В. Н. Челомей работал в Центральном институте авиационного моторостроения им. П. И. Баранова, занимаясь разработкой пульсирующего воздушно-реактивного двигателя (ПуВРД).

В 1944 г. В. Н. Челомей в возрасте 30 лет был назначен главным конструктором и директором завода № 51 Наркомата авиационной промышленности с заданием разработки беспилотного самолета-снаряда с ПуВРД. На этом этапе, при разработке самолетов-снарядов 10Х, 16Х, 10ХН, 14Х В. Н. Челомеем получена важнейшая практика создания новой техники, руководства творческим коллективом при выполнении работ государственной важности.

Полученный опыт был полностью востребован государством с 1954 г., когда созданная под руководством В. Н. Челомея специальная конструкторская группа по проектированию крылатых ракет победила в конкурсе на разработку крылатой ракеты П-5.

После расширения работ конструкторского бюро в части разработки противокорабельных ракет П-35 и П-6 Владимир Николаевич Челомей в феврале 1959 г. назначен Генеральным конструктором ОКБ-52 Министерства авиационной промышленности.

Как известно, уникальные способности В. Н. Челомея как конструктора, ученого и организатора привели к небывалому в то время расширению направлений деятельности возглавляемой им организации. Успешное выполнение работ по космическому направлению, баллистическим ракетам и ракетам-носителям привели к необходимости перевода ОКБ-52 в ведение Министерства общего машиностроения. Таким образом, В. Н. Челомей фактически стал единственным в СССР Генеральным конструктором «триединой» тематики.

Владимир Николаевич не щадил себя в решении необходимых для страны задач. Он умел подобрать единомышленников и добиваться веры в положительные результаты работы как у руководства страны, так и у коллектива своего конструкторского бюро, кооперации.

В борьбе за выдающийся результат он «вынимал душу» у своих работников, причем тем больше, чем больше каждый мог сделать.

По воспоминаниям современников, такими «иезуитскими» способностями обладали многие советские авиационные Генеральные конструкторы.

Смысл, заложенный в высокое звание «Генеральный конструктор», первоначально относившийся исключительно к авиационной промышленности (одной из самых передовых в послевоенный период), подразумевавший высшую ответственность за направление создаваемой техники, начал девальвироваться в 1967 г. Постановлением Госкомтруда СССР, утвердившим перечень должностей руководящего состава промышленности. Квалификация «Генеральный конструктор» была установлена как высшая независимо от сферы деятельности.

Это была первая попытка государства «унять» упорных, часто непреклонных в своих подходах и решениях людей из авиастроения. Конструкторов, привыкших по рабочим вопросам общаться лично со Сталиным.

Эффект девальвации термина «Генеральный конструктор» сработал не сразу. Как-то в начале 1980-х годов, собрав нас для обсуждения технических вопросов, Владимир Николаевич Челомей произнес: «Что же это такое? Вчера по телевизору показали розыгрыш “Спортлото”. И представили Генерального конструктора “Спортлото”!..»

Должности Генеральных конструкторов были введены в Министерстве судостроения, Минобщемаше, электронной промышленности и других оборонных отраслях. Например, в НПО «Рубин» были четыре Генеральных конструктора по разным типам подводных лодок.

Вторая атака на теперь уже многочисленных Генеральных конструкторов, направленная не на их упорядочивание, а укрощение, была оформлена в 1983 году.

Над Генеральными конструкторами предприятий были назначены Генеральные директора.

Так, над В. П. Глушко, Генеральным конструктором НПО «Энергия», был назначен Генеральным директором В. Д. Вачнадзе, над В. Н. Челомеем в НПО машиностроения — Э. А. Вербин.

Полномочия между Генеральными директорами и Генеральными конструкторами были разделены весьма расплывчато. В основном, коллективами КБ и кооперацией по-прежнему руководили Генеральные конструкторы.

Окончательно роль Генеральных конструкторов, уже как наемных творческих личностей, была установлена в 1988 г. законодательством, провозгласившим принцип единоначалия во всех организациях научно-производственного профиля. Генеральный конструктор стал отвечать за уровень научно-технических решений и во всем остальном зависел от руководителей организации (Генерального директора, директора, других руководителей). Это было дополнительно подчеркнуто изданным «Положением о Генеральном конструкторе».

Мне, поработавшему как Главным конструктором ракетного направления «Метеорит» у В. Н. Челомея, так и Генеральным директором и Генеральным конструктором НПО машиностроения после его смерти, довелось в полной мере испытать разницу положений и возможностей.

Помню, ко мне обратились Генеральные конструкторы Алексей Андреевич Туполев и Сергей Иванович Ребров, возмущенные бесправным положением Генерального конструктора, с предложением «идти в атаку на врага». Пришлось зачитать им положения законодательства «о принципе единоначалия в организациях и на предприятиях промышленности», указав на бессмысленность их игнорирования. Я пояснил, что теперь Генеральный конструктор мог руководить делом, только став одновременно и Генеральным директором организации. Мне это в НПО машиностроения пришлось сделать, но повторить мало кому удалось.

Эпопея с советскими авиационными Генеральными конструкторами осталась в истории. О некоторых из них написаны книги, на родине дважды Героев Социалистического труда установлены бюсты. Уже отмечены столетия со дня рождения каждого из главных героев этой публикации.

Многие из них жестко конкурировали между собой в работе над проектами сложнейших машин, но их объединяет одно — святое и бескорыстное служение Отечеству. Поэтому и в памяти России и народа они навсегда остаются святыми тружениками Отечества.

В заключение хочется отметить, что необходимость наличия должности Генеральный конструктор как эффективной совокупности значительных полномочий и полноты ответственности понимается нынешними властями государства. Подтверждением этому является недавно изданный Указ Президента Российской Федерации «О Генеральном конструкторе по созданию вооружения, военной и специальной техники».

Такая квалификация требуется Отечеству. Уверен, найдутся и люди такого масштаба.

Северная СТОЛИЦА

Михаил ЗАРУБИН

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СТРОЙКА...

*Очерк из истории
Нарвской заставы*

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В июле 1962 года первый секретарь Ленинградского обкома партии Василий Сергеевич Толстиков проводил совещание в Смольном по вопросам оборонно-промышленного комплекса. Работали без перерыва три часа, все устали, и даже в таком помещении, где объем и высота много превышали привычные стандарты, дышать было нечем. Открыли окна, но это не помогло: лица мужчин, сидящих в зале, заметно блестели от пота. Наконец, совещание закончилось, и все потянулись к выходу, негромко переговариваясь.

К Толстикову подошел директор Кировского завода Иван Сергеевич Исаев.

— Василий Сергеевич, назначьте встречу. Много времени не займу, а вопрос для завода важный, можно сказать, чрезвычайный.

— Ну, раз много не займешь, давай прямо сейчас. Пойдем.

По длинному коридору прошли в кабинет первого секретаря.

Они знали друг друга давно, отношения у них были простыми, но без фамильярности. Сели за длинный стол, что стоял у двери, соединяющей кабинет с секретарской. Высокие окна были прикрыты плотными шторами, в кабинете царил полумрак, было прохладно, а может, это казалось после душного зала заседания.

— Хочу поздравить тебя, Иван Сергеевич, — начал Толстиков. — И коллективу передай добрые слова. Я знаю, что семисотый ты выпустил из сборочного, несмотря на трудности. Извини, что меня при этом не было. Когда серийный с конвейера сойдет, обязательно приеду.

— Чего серийного ждать, Василий Петрович? Приезжайте сейчас. Во-первых, есть что показать, во-вторых, ваш совет нужен.

— Не смейся, Иван Сергеевич. Тебе ли советовать?

— Решения нужны серьезные, без вас не обойтись...

— Не пойму, куда ты клонишь, товарищ директор.

— Согласитесь, чтобы выпускать современную технику, нужно реконструировать металлургическое производство. Это — главное. По моей просьбе министерство создало правительственную комиссию во главе с академиком Бардиным. Мы к ней подключили свою группу по механизации металлургических процессов. Результат этой работы, на мой взгляд, трудно переоценить. Теперь мы знаем, что нужно реконструировать, а что — ликвидировать.

— Вот и прекрасно. За чем же дело встало, Иван Сергеевич?

— Дело за малым. Кто строить будет?

— Опять не понимаю. Завод твой, тебе и строить.

— Правильно, завод мой. Но строителей-то у меня — «кот наплакал».

Так, кое-где дырки заткнуть да фасады к праздникам подкрасить. А чтобы металлургию, по сути, создать с нуля, нужны профессионалы в самых разных областях. Это ведь не жилые дома, которые мы для своих же работников пытаемся строить. Там я собственными ногами глину замешиваю и людей из цехов выдергиваю по необходимости. А здесь — прокатный стан нужно построить с мартеновским цехом, а на закуску к ним добавить чугунолитейный с фасонолитейными цехами, и вокруг еще куча всякой «мелочи» и инженерии...

— Все это я себе представляю, Иван Сергеевич. Я все-таки строитель, и не только по дипломным корочкам. Трест возглавлял. Значит, если я правильно понимаю, вопрос в кадрах. Неужели в нашем городе строителей поубавилось?

— Скорей всего, больше стало. Стройки везде идут. Куда ни глянь, везде краны. Но дело не в этом. Мне не «залетные» нужны, а профессионалы. Кроме реконструкции металлургии и другие цеха нужны. Нет гальваники, нет цеха окраски кабин, да что там перечислять! Трактор «на коленке» собираем, в серию запускаем, а конвейера нет.

Исаев говорил напористо, убежденно, было видно, что он этот разговор буквально выстрадал. Эта напористость передалась и его собеседнику. В данном случае они не были оппонентами, наоборот — они были земляками и единомышленниками, жителями Ленинграда, великого города, который они должны были сделать еще краше...

— Мне понятна эта проблема, Иван Сергеевич. Это дело не простое, здесь решение Совмина нужно.

— Было бы простое, Василий Сергеевич, сам бы решил.

— Хорошо, дай мне время. Тут нужно все как следует обдумать, документы подготовить, поддержкой заручиться.

Недели через две после этого разговора в кабинете Исаева раздался телефонный звонок. Звонили по «вертушке».

— Здравствуй, Иван Сергеевич, — узнал он голос Толстикова. — Ничего, что поздновато?

— Наоборот, очень вовремя. Я как раз по цехам собирался пройтись.

— Да я не надолго оторву тебя. На следующей неделе договорились встретиться в Совмине, один из вопросов — твой. Свяжись завтра с отделом обкома, нужно подготовить документы. Иван Сергеевич, все должно быть учтено: конкретные задачи, объемы, сроки. Не нужно высоких слов и всяческой болтовни — только конкретика.

Два дня вместе со своими службами Иван Сергеевич готовил документы, лично проверял каждую цифру, каждый факт, каждое утверждение. Ведь читать эти документы будут профессионалы, для которых самое главное — научно обоснованный расчет, в рамках которого и будут происходить важнейшие события для города и страны.

Поездка в Москву, как сказал первый секретарь, была удачной, план реконструкции поддержали. Теперь оставалось ждать. Наконец, в ноябре 1962 года вышло долгожданное распоряжение Ленсовнархоза о создании строительного треста № 47 «Кировстрой». В документе для служебного пользования уточнялось: «...с целью расширения и строительства новых, современных производственных мощностей для отечественной оборонной промышленности...»

Так начинался 47-й трест «Кировстрой».

Первый управляющий трестом Владимир Геннадьевич Высотский на Кировский завод пришел с тонкой папкой, в которой лежали два документа: распоряжение о создании треста и приказ о назначении его управляющим. Дежурный на проходной, видимо, предупрежденный, сопровождал высокого гостя в заводууправление, к директору. Иван Сергеевич ждал его. Он вышел в приемную, тепло поздоровался, помог раздеться, пригласил к себе.

— Заждался я вас, Владимир Геннадьевич.

Высотский удивился.

— Но я только вчера получил приказ о назначении.

— Да я не об этом. Строителей заждался, дел неуворот. Да что там говорить. Сейчас мы пройдем по заводу, и вы сами все увидите. Заодно познакомлю со службами.

Уже через полчаса они шагали по огромной территории завода, начав свой путь от Алексеевской проходной. Шли, где-то заходя в цеха, иногда упирались в Финский залив, иногда обходили старые почерневшие здания, и Иван Сергеевич взволнованно и влюбленно говорил о заводе, о его прошлом и настоящем, но большей частью — о будущем.

— Представляете, сколько нужно сделать? — он обводил руками вокруг. — Вот здесь нужно построить прокатный цех. Я даже вижу, какое будет это здание: легкое, ажурное, оно прямо взлетит ввысь... Пройдет несколько лет, и Кировский завод преобразится. Надеюсь, это произойдет с вашей помощью, Владимир Геннадьевич... А какая прокатка без мартена? Вот там он и будет стоять, видите? Чуть левее. Рядом с ним — чугунолитейный и фасонолитейный цеха. Вы что-нибудь слышали о нашем новом тракторе, «Кировце»? Мы же его по старинке делаем. Надо построить главный тракторный конвейер. Значит — понадобятся склады, не обойтись без механических цехов, без цеха штампов и приспособлений, без кузнечного цеха, цеха гальваники, цеха окраски кабин. А изготовление турбин? Это же наша гордость, но одновременно и слабое место. Нужна как воздух стендовая котельная для испытания турбин, нужен сборочно-сварочный цех... Одним словом — много всего нужно...

На этой удивительной заводской экскурсии говорил, по сути, один Иван Сергеевич, Высотскому только изредка удавалось вставить словечко-другое. Стоило ему о чем-либо спросить, как сразу на него обрушивался поток информации. Чувствовалось, что человек, ведущий его по огромной заводской территории, знает все: и людей, работающих в цехах, и сколько лет просто-

яли здесь эти старые, почерневшие здания, и типы станков, установленных в тесном пространстве, и главное, что нужно сделать, чтобы людям стало удобно работать, а страна получила долгожданное и необходимое.

Закончился «поход» у заводоуправления.

— Владимир Геннадьевич, когда ожидать первые бригады?

— К нам придут люди из других трестов, Иван Сергеевич. А это всегда болезненно: новые коллективы, новые места работы, все другое. Вы это, конечно, понимаете.

— И понимаю, и знаю на практике. Для того чтобы вам было полегче разговаривать с людьми, администрация с нашим профсоюзным комитетом решила: всем работникам треста, а это касается и инженеров, и рабочих, выдать постоянные пропуска. Они будут пользоваться всеми социальными благами, что предусмотрены на заводе. Проще говоря, вы вливаетесь в семью кировчан. И знайте — мы, старые работники завода, всегда рядом. Надо будет — и поможем, и подскажем, да и у вас, строителей, совета спросим. Мы не гордые.

После этого разговора прошло несколько недель, и первый бетон был уложен при реконструкции цеха, изготавливавшего кабины нового трактора. В цехах турбинного производства, где сваривали задние мосты, стали менять мостовые краны, подводить инженерные сети, и все это без остановок производства. План реконструкции Кировского завода вступил в действие.

Пока разрабатывался и утверждался проект нового трактора, запустили конвейерный цех. Трудности и проблемы возникали на каждом шагу, при строительстве фундаментов, каналов для коммуникаций, да практически всего, что ниже земли на метр — все заливалось грунтовыми водами. Тогда строители впервые применили металлическую изоляцию. Сроки сократили немало, но и «разборок» у высокого московского начальства было немало. Ну, конечно, расход дефицитных материалов не был предусмотрен ни правилами, ни нормами. Грозилась даже отдать под суд управляющего трестом. Поставил точку в этой склоке Исаев. На одном из заседаний в обкоме партии он в сердцах сказал: «Отстаньте от строителей! Если надо, судите меня».

И вот первый трактор, построенный на обновленном заводе, проложил первую борозду на полях совхоза «Предпортовый», недалеко от поселка Горелово. Его, первый серийный К-700, провожал за ворота весь заводской коллектив. Когда трактор вышел на проспект Стачек и остановился, Иван Сергеевич Исаев подошел к своему «детищу» и, коснувшись крыла, словно бы подтолкнул его вперед, отправив на долгую жизнь. Так и врезалась в память заводчанам картина: пустынный проспект Стачек, посередине медленно, как на показе мод, катит К-700, а позади стоит директор и со слезами на глазах смотрит вслед.

Вечером Исаев разыскал Владимира Геннадьевича по телефону.

— Спасибо вам, Владимир Геннадьевич, и всему вашему коллективу. Вам особенно. Поверьте моему жизненному опыту: очень многое, если не все, зависит от руководителя, от его компетентности, зрелости, инициативы, умения сплотить вокруг себя людей. Вы на ровном месте создали практически новое предприятие, а это ох какое нелегкое дело. Спасибо за то, что вы уже сделали, но сделать предстоит еще больше.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С чего начинается стройка?

В первую очередь, с человеческого фактора. Нужно подобрать руководителей строительных управлений, строительных участков, производителей работ, инженеров, проектировщиков, снабженцев и много других работников, без которых стройка остановится. Но самое главное — нужны рабочие. И не просто люди, освоившие простую истину: «Бери больше, кидай дальше». Нужны рабочие-специалисты. Все эти правила и законы касаются любого производства, однако для строительства их важность первостепенна.

Для нового цеха или завода заранее известно, сколько потребуется рабочих и руководителей, и каких специальностей, в каких условиях, почти не зависящих от погоды, они будут работать. Все учтено в инструкциях, технических картах. Взять ту же мартеновскую печь. Процесс варки стали влияет на организацию коллектива; печь нельзя оставить без надзора, ее невозможно остановить, пока не выдана готовая сталь, и многое другое. Вся эта цепочка прописана в соответствующих регламентирующих документах.

Совершенно иное мы видим на стройке.

Строительство — непрерывный процесс организации производства. Любой строительный объект, будь это цех, административное здание, жилой дом — всегда индивидуален. Различны инженерные сооружения, необходимые для решения вопросов экологии, инфраструктура, дворовые территории. Многое зависит от условий, где идет строительство. Одно дело — стройка на чистом месте, где нет тесноты, помех, и можно применить механизмы, способствующие повышению производительности труда. Другое дело — когда идет реконструкция цеха, при этом ставятся жесткие условия — без остановки производства.

При нашей российской погоде строить летом или зимой — совершенно разные вещи. Одни и те же работы организуются по-разному на земле и на высоте.

Строительство — взаимодействие огромного количества организаций, цехов, заводов и проектных организаций. А это все люди — мастера, прорабы, бригадиры, рабочие и инженеры, связанные единой целью, увлеченные созиданием. От их профессионализма, трудолюбия, настойчивости, знаний зависит успех. Строитель трудится для своего и будущего поколений. Это умение заложено в самой сущности профессии: архитектора, когда он определяет внешний вид сооружения, конструктора, рассчитывающего прочность здания, бетонщика, каменщика, монтажника, штукатура и маляра, воплощающих своими руками все то, что задумали проектанты.

Сейчас можно прочесть только в книгах рассказы о прежней жизни потомственных российских строителей. Они начинаются с упоминания о сезоннике — каменщике или плотнике, который собирал свой инструмент, упаковывая его в холщовый мешок, где кельма и рубанок лежали рядом с краюхой черного хлеба. Не было еще машин, основные орудия труда — лопата, носилки, тачка и другие инструменты, названия которых давно забыли. Сейчас много техники, много сложных

и разнообразных инструментов, убыстряющих и облегчающих строительство.

Один из главных факторов, при наличии которого строительство возможно, это собственная производственная база, которая включает в себя: бетонно-растворный узел, арматурный цех, хотя бы небольшую столярку, ремонтные мастерские для средств малой механизации, без которой не уложить ни одного кубометра бетона, гараж для автомашин, боксы для экскаваторов и бульдозеров. Все это необходимо, а за этим подтягиваются электроэнергия, вода, канализация, подъездные железнодорожные и автомобильные нити.

Руководство Треста № 47 «Кировстрой» начинало стройку с чистого листа, не имея ничего, что нужно строительному предприятию, и за короткое время сумело превратить Кировский завод в огромную строительную площадку, создавая уникальные корпуса, разбирая закопченные старые цеха, напоминавшие сараи. Они несли колоссальную ответственность за сроки выполнения работ, порой взятые «с потолка» — как подарок к какому-либо празднику или юбилею. При этом руководители хорошо понимали, что без развития своих мощностей не обойтись. Выростал завод железобетонных изделий недалеко от станции Автово. Туда уже через год поступали вагоны со щебнем, цементом, арматурой, металлом. В две смены выпускали раствор и бетон, готовили деревянную опалубку, ремонтировали механизмы.

Конечно, главные объекты строительства были на Кировском заводе, а «у себя» строили без призывов и афиш, как правило, в выходные дни, по ночам выполняли работы, проектировали на ходу. Иногда эскиз, нарисованный главным инженером треста, был основным и единственным документом при выполнении работ. Через два месяца после создания треста исчез в очередной перестройке Совнархоз, появилось Главное управление по строительству в западных районах страны — Главзапстрой, очередной посредник между трестом и министерством. Основной лозунг аппарата — «Даешь план!».

Попробуй не дай. Не хватает людей, нужно жилье. Руководство треста ставит эти вопросы перед главком, райкомом партии. Вопросы бумерангом возвращаются назад. Трест проводит организованные наборы по всей стране. Приезжают люди и становятся «лимитчиками», нужно построить для них хотя бы общежития.

Но это временная мера. Вокруг ведь «не море тайги», люди приехали сюда навсегда, они будут здесь жить и работать. И работа увеличивается. Вот уже и судостроительный завод, что рядом с Кировским, приступил к реконструкции цехов, эллингов, там строятся бытовые корпуса для рабочих. Видя такой размах, наверху решили, что все промышленные предприятия на территории Кировского района способен реконструировать и построить трест № 47. В теплых и светлых кабинетах легко строить планы, трудно их реализовывать.

Вот только краткое перечисление объектов, реконструировать и построить которые было поручено тресту номер сорок семь:

Комплекс профессионально-технического комбината «Фосфорит» в Кингисеппе. Цеха заводов им. Калинина, «Знамя Октября», «Темп», имени Карла Маркса, имени Ворошилова, «Ленинская искра», «Равенство», «Вторчермет», «Компрессор», «Слоистые пластики», «Красный треугольник», десятки

фабрик различного профиля, электродепо «Автово», мельничный комбинат «Предпортовый», новые корпуса гидролизного завода и много других, более мелких объектов, память о которых сохранили только архивы.

На мольбы о нехватке рабочих трест получил военно-строительный отряд. Это была неквалифицированная рабочая сила, солдаты плохо говорили по-русски, потому что все были выходцами из Средней Азии и с Кавказа, от работы отлынивали, вероятно, следуя армейскому завету: «Солдат спит — служба идет». Руководители стройки пробовали жаловаться высокому армейскому начальству, но результат остался прежним.

Вскоре, чтобы закрыть возросшие объемы работ, трест получил второй военно-строительный отряд. Слава Богу, опыт уже был. Учили работать, русскому языку, дисциплине и один раз в месяц стрелять из автомата.

В то же время партия и правительство великой страны решили сделать российские деревни похожими на города. И дополнительные задания, разумеется, получил трест. Нужно было построить фермы, жилые дома, сельские школы, больницы, инфраструктуру. И опять груз проблем: доставить людей к месту строительства, накормить, сделать работу ритмичной и выполнить ее в срок, установленный партийным штабом.

Надо, надо, надо, — твердило начальство. И только для своего коллектива все в последнюю очередь, по остаточному принципу — если хватит рабочих рук, материалов и техники.

Когда начальство узнало, что по улице Лени Голикова заложили несколько фундаментов под жилые дома для сотрудников треста, скандал разгорелся невообразимый. Значит, хватает еще резервов, сделали вывод верхи. А если так, то возьмите и постройте учебные корпуса Института целлюлозно-бумажной промышленности (сейчас Университет полимерных материалов). Опять перестройка: в организации работ, в обеспечении материальными ресурсами. Но разве тем, кто дает подобные указания, есть до всего этого дело?

Однако на какие бы объекты не отвлекался трест, главным всегда было одно — цеха Кировского завода. Вдоль проспекта Стачек, напротив Кировского рынка стоит прекрасный архитектурный ансамбль. Вверху, над парапетом, летящие в небе буквы — «Кировский завод». Внутри здания — мечта Ивана Сергеевича Исаева — прокатный стан, чуть сбоку — трубы мартеновского цеха.

Только с высоты птичьего полета можно увидеть огромный корпус, что стоит на берегу Финского залива. Таких размеров зданий в городе по пальцам сосчитать. Назван скромно — корпус «Б». Он построен на намывной территории. После окончания строительства сюда входил атомоход и огромные, уникальные турбинные установки занимали свои места. И бороздили атомные подводные лодки моря и океаны, иногда всплывая на Северном полюсе. Жизнь им давал Кировский завод, а вот строили цех работники треста.

Конечно, не строители ведут проектирование. Однако именно им достаются самые трудные задачи, и трест достойно и в нужные сроки справляется со сложнейшей проблемой переустройства Кировского завода в высокоразвитое предприятие двадцать первого века. Помимо создания на заводской территории новых корпусов, в цехах времен еще путиловской постройки было создано современное производство с замкнутым конвейерным циклом. При этом на всем протяжении реконструкции цеха ни на минуту не прекращали работы.

1984 год. На завод пришел новый директор, Станислав Павлович Чернов. Слово «новый», конечно, к нему мало подходит. Более двадцати лет он был связан с Кировским заводом, с тех самых пор, когда после окончания института стал работать технологом на «старой кузнице», которая в незапамятные времена выпускала штамповки для трактора «Фордзон-путиловец». Он шагал по ступенькам карьерной лестнице легко, без напряжения. Поэтому неудивительно, что очень скоро его, талантливого руководителя, избрали первым секретарем Кировского райкома партии. Той самой партии, которая руководила всей нашей жизнью и направляла ее туда, куда считала нужным.

Однако после двухлетнего перерыва он вернулся на завод, но уже генеральным директором. Такова была воля партии.

Станислав Павлович возглавил огромный коллектив, составляющий почти шестьдесят тысяч человек, а если добавить семьи работников, то получится город средних размеров. И опять задачи, задачи, задачи...

Идут испытания и доработка трактора К-701М, призванного заменить устаревшие модели, продолжаются работы по модернизации танка Т-80, самоходной артиллерийской установки большой мощности, паротурбинных установок для судов гражданского морского флота и кораблей ВМФ.

Ну разве может все это обойтись без строителей? Да нет, конечно. И вновь сжатые до предела сроки требовали одновременного ведения огромной работы по реконструкции и строительству новых производственных мощностей, где трест координировал работу нескольких десятков субподрядных организаций.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Речка Емельяновка, что разделяла Кировский завод и теперешние Северные верфи у Алексеевской проходной, метров сорок шириной. По улице Корабельной она давным-давно текла под землей. Именно эта невидная никому речка и явилась причиной беспокойства заводских специалистов. Поздней осенью, возле «зуборезного» цеха, прямо под окнами треста, стояла небольшая группа людей. Среди всех выделялся генеральный директор — Станислав Павлович Чернов. Он медленно ходил по дорожке, останавливался, задумчиво смотрел на воду, на другой берег. Неожиданно остановившись, он нарушил молчание, обращаясь к своему заместителю:

— И что же, в другом месте нельзя построить?

Заместитель, высокий, рыхловатый мужчина, молчал. Станислав Павлович, на секунду взглянув на него, продолжил:

— Совсем недавно здесь корюшку ловили.

— И сейчас ловят, только есть эту корюшку нельзя, — вдруг сказал заместитель.

— Почему нельзя? — Генеральный директор подошел к своему заму.

— А вы на воду поглядите. Одно название. Больше мазута, чем воды. Последнее предупреждение завод получил от «санитаров», вплоть до остановки цехов.

Станислав Павлович снял кепку, платком протер лоб.

— Да, дела... — задумчиво протянул он. — Рассказывай, Всеволод Львович, что вы тут придумали.

— Мой разговор будет короткий. Проектанты приняли решение, и я с ними согласен. В пойме речки Емельяновки нужно построить очистные сооружения. Со всей площадки Кировского завода. Собрать сточные воды на очистку.

— А речку куда денем?

— Взгляните, Станислав Павлович. — Заместитель стал разворачивать большой лист ватмана.

— Чертежи посмотрим в кабинете. Ты на пальцах покажи и расскажи, что делать будем.

Вперед вышел молодой мужчина.

— Станислав Павлович, я главный инженер проекта. Если позволите, расскажу суть идеи.

Чернов посмотрел на заместителя, на директора проектного института, на управляющего строительного треста, подошел к черно-бурой воде, по поверхности которой плыли радужные маслянистые пятна.

— Рассказывай.

Проектант, быстро, боясь, чтобы его не перебили, начал докладывать.

— Воду из речки мы забираем в два коллектора, у противоположного берега.

— Каких размеров коллектор?

— Четыре на четыре метра каждый, — медленно, как бы сомневаясь, повторил докладчик.

— Это что же мы тоннель метрополитена прокладываем?

— Да, размеры внушительные, но и объем воды огромен.

— Продолжай, — махнул рукой Чернов.

— После прокладки коллекторов вся пойма засыпается и строятся очистные сооружения.

— Вроде бы все просто, — вставил Станислав Павлович.

— Да нет, коллектор и очистные — только небольшая часть проекта. Главное — со всей территории собрать воду и направить ее на очистку.

Главный инженер остановился, глубоко вздохнул, и уже спокойно продолжил.

— Главная работа — пройти по заводу и проложить десятки километров труб, построить восемь насосных станций глубиной от десяти до двадцати метров.

Все молчали, старались не глядеть на генерального. Станислав Павлович обратился к директору проектного института.

— И сколько все это стоит?

Тот назвал цифру, оговорившись, что она приблизительная.

— Вы что, обалдели? Да за такие деньги новый завод можно построить.

— Можно, — согласился директор. — Однако Кировский завод уже построен, забыли только самую малость.

— Какую малость? — перебил его Станислав Павлович.

— Об экологии подумать, — закончил директор института.

Все замолчали, темная, радужная вода плескалась внизу.

— Да, наверное, вы правы, про экологию мы забыли, — вдруг неожиданно для всех задумчиво повторил Станислав Павлович.

— Всеволод Львович, — обратился он к своему заместителю, — подготовьте техническое совещание по строительству очистных сооружений с полной схемой, где пройдут коллектора, какие цеха затронет эта работа. Желательно, чтобы была уже готова техническая документация, хотя бы примерные сроки строительства, и объем работ. Сколько времени надо для этого?

— Месяц

— Тогда за работу.

Инженерные сети любого здания, а тем более огромного завода — это кровеносные сосуды. Без них все мертво. Прокладка новых сетей или замена старых всегда трудна и проблематична. Жители городов частенько наблюдают, как на городских магистралях вскрываются асфальтобетонные покрытия и укладываются трубы. Какие неудобства возникают сразу! Перекрываются улицы, меняются маршруты движения автотранспорта. А здесь — Кировский завод, которому почти двести лет. Страшная теснота вокруг, так что о сетях и говорить не приходится.

И снова тресту нужно было перестраивать всю организационно-технологическую структуру. Главное — подготовить и обучить людей. Вновь весь завод, от Алексеевской проходной до Калининской, стал огромной строительной площадкой. Графики производства работ составлены по часам. Главная задача для всех одна — при всей сложности работ все цеха должны функционировать, проезды и проходы к ним должны быть свободными.

Основная работа идет в ночные часы, в выходные и праздничные дни. Забиваются в землю тысячи тонн металлического шпунта — иначе нельзя, пространство между зданиями не позволяет выкопать траншею, настолько оно минимально. Железобетонные «стаканы» канализационных насосных станций опускаются глубоко в землю. Здесь все просто: внутри копается земля, и стакан опускается под своим весом. Главное для «стакана» — найти место.

Это в фантастических фильмах такую работу можно сделать при помощи автоматов, а в обычной жизни без человеческих рук не обойтись. Бывает, вмешивается в процесс и пресловутый «человеческий фактор» — это и разрывы электрических кабелей, и других существующих сетей. Однако сигналы SOS на заводе звучали редко, а простоев цехов и вовсе не было. Хотя мелкие неприятности все же случались. Чрезвычайные происшествия устранились быстро, и до беды дело не доходило.

Время бежит незаметно. Сегодня, когда прошло тридцать лет с той поры, можно удивляться: почему прокладку коммуникаций осуществляли траншейным способом. Ведь он требует проведения работ по стабилизации грунта, а это чрезвычайно трудоемкое занятие. Траншеи часто заливали грунтовыми водами, и вся работа шла насмарку. Сейчас бестраншейные методы лишены многих недостатков открытых способов строительства, жаль, что они появились относительно недавно.

Главные работы велись в русле речки Емельяновки. Все мы видели, как в метро поезд вылетает из темного пространства. В эти пространства не водят экскурсии. Никто не знает, что ждет человека в таинственных и темных тоннелях метро. Порой и заглядывать туда страшно.

О темных и таинственных тоннелях здесь сказано вот для чего: два коллектора диаметром чуть меньше метро были построены вдоль берега завода

имени Жданова, нынче «Северной верфи». Поезда в коллেকторах не ходили, но груженные КАМАЗы спокойно, на малых скоростях развозили материалы.

После сдачи железобетонных тоннелей вода речки Емельяновки была перенаправлена, для нее они стали новым руслом, а для корюшки — новым местом обитания.

После засыпки территории были построены песколовки, маслоуловители, нефтеотделители, масло-бензоуловители, нефтеловушки и другие сооружения, необходимые для высокого качества очистки и длительной работы системы канализации.

Выполняя работы по строительству инженерных сетей и очистных сооружений, требовавших повышенного внимания и тотального контроля, как правило, привлекались лучшие инженерные и рабочие кадры, но при этом руководство главка не забывало нагружать трест дополнительными работами, от которых было невозможно отказаться. Шло строительство мельничного комбината «Предпортовый» — суперсовременного предприятия со швейцарским оборудованием — таких комбинатов было всего два в стране. Контроль был жесточайший. Шеф-монтаж осуществляли швейцарцы, и требования их к монтажу держались на уровне мировых стандартов. На заводе «Равенство», выпускающем продукцию военно-промышленного комплекса, шло строительство цехов первой и второй очереди. Завод «Северная верфь», как и Кировский завод, был охвачен по всей площади стройкой. И еще с десятков предприятий требовали к себе внимания треста. Кто-то подсчитал, что за рабочую неделю проходило до сорока различных планерок, летучек и т. д., не считая совещаний в райкоме, обкоме и главке.

Режим работы всех служб треста был четырнадцать-шестнадцать часов в сутки. Времени оставалось только на сон. Для руководства треста дополнительной нагрузкой являлись эксплуатация жилого фонда, что находился на балансе, и строительство производственной базы. Но во все времена строительство и реконструкция объектов на Кировском заводе было задачей номер один.

Рядом с заводоуправлением стал расти цех окраски кабин, благодаря ему завод вскоре решил многие проблемы. Были при этом, конечно, и трудности. Но строители уже привыкли к тому, что легких объектов не бывает.

Трест приступил к строительству второй линии главного тракторного конвейера, заодно реконструируя и первую линию. А на знаменитой «Лужайке» — так называлась площадка строительства за дачей Дашковой, где нынче располагается районный отдел по регистрации браков, поднялся огромный корпус площадью более ста тысяч квадратных метров — в нем собирались изготавливать кабины тракторов. Планировалось строительство нового кузнечного цеха. На вторую площадку сумели подать воду, пройдя несколько километров в труднейших условиях. Там же заложили мощную котельную со складом мазута и масел, подведя к ней железнодорожные пути. В это время трест достиг численности в три тысячи человек. Случалось, что на строительстве объектов, особенно при их сдаче, трудились до сорока субподрядных организаций.

А потом пришла перестройка, гласность, к власти пришла первая волна демократов. Испарились министерства и ведомства. Тихо исчезла советская власть, а за нею и Страна Советов. Новый флаг стал развеваться над нашей Родиной.

Наконец, в Россию пришел его величество рынок. Улицы, площади, стадионы, концертные залы превратились в торговые ряды. Все, от рабочих до инженеров, стали торговать.

Какие заводы, какая стройка! Никто не думал о перспективах, жили сегодняшним днем, уповая на рынок и рыночные отношения. Рынок все определит и все поставит на свои места. Все будет, «как у них». Да, да, точно так же, как в Лондоне и Париже. Потерпите еще немного.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Генеральные секретари коммунистической партии, они же руководители государства, умирали друг за другом. Брежнев, Андропов, Черненко... Видимо, в политбюро устали от похорон, и в марте 1985 года Генеральным секретарем был избран пятидесятичетырехлетний Михаил Сергеевич Горбачев.

Находясь на вершине власти, Горбачев дал старт «перестройке»; проводил многочисленные реформы и кампании, которые в итоге привели к рыночной экономике, свободным выборам, уничтожению монопольной власти коммунистов и распаду великой империи по имени Советский Союз.

Он обещал за короткие сроки поднять промышленность и благосостояние народа, отчаянно боролся с алкоголем и «нетрудовыми доходами», которые в действительности касались бабушек, продающих на городских рынках зелень и редиску, репетиторов, за скромную оплату вдальблывающих российским недорослям школьную науку, автомобильных «бомбил», и т. д. Повсеместно внедрялись кооперативы с одновременным исчезновением продуктов из государственных магазинов. Закончилась вся эта вакханалия введением карточной системы практически на все виды продовольствия. Каждый месяц россияне ждали новшества, иногда оглушительные: вывод войск из Афганистана, падение Берлинской стены... Мир приветствовал Горбачева и его реформы, хотя во внутренней политике дела шли очень неважно. Республики, особенно прибалтийские, хотели большей экономической самостоятельности и политической свободы, отсюда конфликты и кровопролитие: события в Тбилиси, ситуация в Приднестровье, конфликт в Фергане, беспорядки в Душанбе, ввод войск в Баку.

Главным в жизни, конечно, оставалась экономика. Ключевое понятие в реформах — ускорение производства, развитие социальной сферы, научно-технического прогресса. Приоритетная задача — машиностроение. При этом упор делался на укрепление производственной и исполнительской дисциплины, на всех предприятиях ввели госприемку.

Мы радовались новой жизни. Разве можно было остаться равнодушным к призывам Горбачева повернуть экономику к человеку, создать достойные условия труда и жизни советских людей, переориентировать экономику на социальные нужды, реформировать село, создать нормальные условия для крестьянина, повысить жизненный уровень населения, обеспечить каждую семью квартирой или домом к 2000 году, позаботиться о ветеранах войны и труда, сократить управленческие расходы, установить полнокровный социалистический рынок, создать правовое государство.

Казалось, страна вступает в новую жизнь: формировалась политическая демократия, появлялась конкуренция, трудовая мотивация. Государству же отводилась роль гаранта. К сожалению, это только казалось. Вместо дела пошла болтовня, демагогия, прикрытая заботой о людях. Приняли законы и постановления, регламентирующие управление предприятиями, участками, бригадами. В организациях появились советы трудовых коллективов, пошли повсеместные выборы всех мастей и уровней. Возглавляли эту работу, как всегда, партийные организаторы.

...В кабинете управляющего 47-м трестом Юрия Александровича Сенина только что прошло совещание. Повестка — ввод объектов в эксплуатацию. Народу пригласили много, никак не рассчитав с площадью помещения, так что духота здесь стояла невообразимая.

После совещания секретарь парткома попросил меня задержаться на минуту, и мы остались вдвоем.

— Ну, что ты хотел сказать? — обратился управляющий к партийному секретарю. — Только не тяни, Семеныч, а то мы здесь вымрем от духоты...

— Выборы нужны, дорогие товарищи руководители, — выдохнул партсекретарь.

— Какие выборы?

— Выборы управляющего трестом.

— Давай в следующий раз, — попытался избежать неприятного разговора Сенин.

— Следующего раза не будет, Юрий Александрович, и так райком партии нас в черные списки занес. Если сейчас не договоримся, придется мне срочно собрать партком.

— А что тебе эти выборы приспичили?

— Партия велела. Как будто ты не знаешь... Время такое.

— Хорошо, а кто моим соперником будет?

Партсекретарь раздраженно махнул рукой.

— Да вот хотя бы он, — он кивнул на меня.

Я не вмешивался в их диалог, потому что не понимал до конца, о чем идет речь. Похоже, они не в первый раз обсуждали эту тему, и сейчас разговор достиг своей кульминации.

— Пиши заявление, — обратился ко мне секретарь парткома.

— Какое заявление?

— Что ты согласен на выборах управляющего быть его соперником.

Меня поразил и разозлил этот цинизм, хотя партийный секретарь был, в общем, мужиком неплохим.

— Слушай, мне не до шуток, — я встал и вышел из кабинета.

Часа через два раздался звонок по внутренней связи. Звонили из парткома, срочно просили быть у секретаря.

— Что случилось-то?

— Вопрос обсудим на месте.

В кабинете находились четыре человека: секретарь, его заместитель по идеологии, управляющий трестом и секретарь партийной ячейки аппарата треста.

Секретарь не стал тянуть время, сразу приступил к делу.

— С выборами управляющего трестом медлить нельзя. Мы остались последними, кто не проводил такого важного политического мероприятия.

— Но я же сказал, что согласен, — перебил его Юрий Александрович Сенин.

— Вы-то сказали, однако соперник ваш должен быть серьезным, нам ведь не галочки нужны.

— А что, главный инженер треста не годится? — опять перебил секретаря управляющий.

— Годится, но он к этому относится как к игрушкам и не желает участвовать в выборах.

Все повернулись ко мне. Я тоже смотрел на них и лихорадочно придумывал ответ. Разные мысли одолевали меня. Господи, ну чего этим людям от меня нужно? Я главный инженер треста, многие хотели бы работать на моем месте. Я строил уникальные сооружения, аналогов которым нет не только в нашей огромной стране, но и в мире. Я люблю свою работу, что тоже немаловажно...

Что нужно этим людям: выполнить очередное указание вышестоящих партийных чиновников, или они радеют за судьбу нашего предприятия?

Сенин, обращаясь ко мне, как-то устало сказал:

— Соглашайся, Михаил Константинович... Я и сам понимаю, что это профанация, но надо, значит надо.

— Но у вас же три заместителя, им по рангу положено вас замещать и участвовать в таких «ролевых» играх.

— Да мне-то все равно, кто будет участвовать в выборах, но у замов моих возраст пенсионный. Я прошу тебя, не отказывайся. Чего мне бояться на выборах? Я двадцать пять лет работаю в тресте, начинал прорабом, каждую ступеньку прошел до управляющего. Людям я только добро делал. Потому и уверен, в нашем случае вся эта затея — формальное мероприятие. И что плохого в этом? Пусть и тебя люди узнают, лишний раз показаться перед ними не вредно. Ну как, убедил я тебя?

— Не готов я, Юрий Александрович.

— К чему не готов?

— К выборам.

— А кто тебя выбирать собирается?

— Зачем тогда участвовать, если результат заранее известен?

— Может, на колени встать перед тобой?

— На колени не надо.

— Значит, по рукам?

Я молчал, опустив голову.

— Ну, вот и решили, — с облегчением сказал секретарь. Юрий Александрович, не глядя на меня, встал и вышел из кабинета. Вышли и другие, мы остались одни с секретарем. Он дал мне лист бумаги, и я под его диктовку написал текст заявления. Делал все молча. Отдав бумагу и ручку, пошел к двери.

— Ты чего боялся-то? — спросил он вдогонку.

— Ничего не боялся.

— Не вздумай отказаться перед выборами, партия не простит.

Я повернулся и посмотрел на него.

— Ладно уж... Не смотри на меня, как на врага народа... Может, конечно, ты и прав — лучше бетон на стройке принимать, чем интригами в партийных кабинетах заниматься...

Большой зал Дома культуры имени Газа, что стоит рядом со станцией метро Кировский завод, был заполнен до отказа. Желающих было так много, что открыли второй ярус и балконы.

Офицерский состав военно-строительных отрядов, не имеющих права участвовать в выборах руководителя треста, явился при параде и в полном составе.

Я пытаюсь найти себе место, хочу укрыться от людских глаз. Но где уж тут скрыться! Сотни взглядов, самых разных: оценивающих, равнодушных, радостных. Что ждет меня впереди? Как бьется сердце, все-таки я волнуюсь.

Стих гул в зале. Дошла очередь до меня. Я стою на огромной сцене, освещенный светом ламп. Мне видны первые несколько рядов, а дальше — темнота. Но я знаю, что отовсюду за мной наблюдают сотни людей, я слышу их дыхание и приглушенные голоса.

Мое выступление длилось несколько минут. Я был готов к вопросам. Молодой мужчина спрашивает, почему я не рассказал о своей программе? Отвечаю, что она у меня точно такая же, как у Юрия Александровича Сенина. Слышу недовольные голоса. Задают вопросы о строительстве жилья для работников треста, о повышении заработной платы.

Все как всегда. Но неужели люди не понимают, что здесь происходит игра? Пытаюсь отвечать честно.

Наконец, испытание закончилось. Я ухожу с освещенной сцены в темный зал. Началось голосование. И вдруг я замечаю беспокойные лица секретаря парткома, работников райкома и Главка, участвующих в собрании. Они о чем-то шутюкаются, счетная комиссия вновь собирается где-то за кулисами.

Вижу, что-то пошло не так, как планировали. Что? Наконец, президиум занял места. Удивительно, но зал по-прежнему полон, никто не расходится. Обычно народ не удержишь, разбегаются сразу же после голосования. Юрий Александрович присел на первый ряд, до выборов мы сидели вместе в центре зала.

Думаю, правильно делает, рядом со сценой, чтобы поблагодарить за оказанное доверие. Но почему-то не радостны лица членов президиума. И вот финал. Председатель счетной комиссии зачитывает протокол. Я не верю своим ушам. Юрий Александрович Сенин, руководитель треста, отдавший ему столько лет своей жизни, здоровья, сил, умный, способный ко многим свершениям руководитель, отвергнут коллективом, причем убедительным большинством. Кого же выбрали люди? Меня?

Меня. Но разве я могу быть руководителем такого ранга? После того как председатель зачитал протокол, люди в зале встали и долго хлопали. И вот тут я и начал понимать, что это вовсе не игрушки, а дело вполне серьезное. Я тоже стоял вместе со всеми, кому-то кивал головой, кому-то пожимал руки. Я с трудом осознавал, что со мной происходит, чувства переполняли меня.

Никто из организаторов собрания не подошел ко мне. Вероятно, они просто не знали, как им вести себя. Я убежден в том, что сразу же после собрания они побежали советоваться со своим начальством: как им жить

дальше после этой оглушительной оплеухи? Через короткое время они снова стали организаторами. Партия не любила случайностей, поэтому вскоре были назначены повторные выборы руководителя треста. Но это уже другой рассказ, не менее драматичный. Скажу лишь, что я все-таки возглавил 47-й трест, и руковожу им и по сей день.

* * *

Тресту пришлось перестраиваться. Через много лет он вернулся к строительству жилых домов. На первый взгляд — ничего необычного. Стройка, она и есть стройка. Однако это только на первый взгляд. На строительстве жилых домов все другое — и краны, и механизмы, и детали. Надо набраться терпения, и учиться заново — и рабочим, и руководителям. В жизни треста это уже бывало, и не раз.

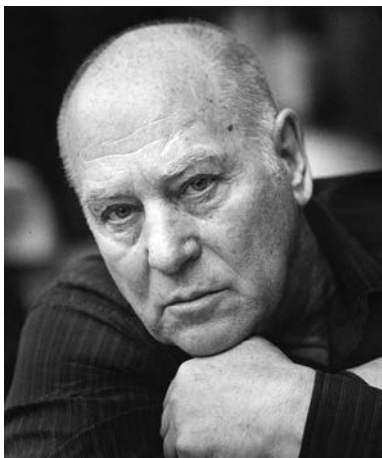
И вот на городских улицах и площадях появились здания, построенные трестом № 47. Здания, где живут и работают петербуржцы. Пережив сложные структурные преобразования, трест начал поднимать производство. Не были забыты навыки реконструкции зданий. Старый фонд — «больная мозоль» Петербурга, его социальная и градостроительная проблема. С одной стороны, разрушаются памятники архитектуры, постройки, представляющие ценность как культурное наследие, с другой — нечеловеческие условия проживания петербуржцев, и как следствие — неуверенность жителей в том, что когда-нибудь их жизнь наладится.

Реконструкция жилых домов началась с жилого дома по улице Пограничника Гарькавого. От здания, построенного в конце сороковых годов, строители оставили только фундамент и стены, обеспечив сохранение изначального облика постройки, и, как следствие, историко-культурной среды микрорайона. Кировский район города, родина треста, имеет богатое прошлое, в котором причудливо пересеклись исторические коллизии Санкт-Петербурга, Петрограда, Ленинграда, создав феномен имперско-пролетарского города.

Во время Великой Отечественной войны тихому и домашнему району «Нарвской заставы» был нанесен значительный ущерб, а перестроечная и постперестроечная неразбериха завершила дело. Многие дома приобрели аварийный вид. Судя по сегодняшней ситуации, окончательное разрушение жилых построек, относящихся к культурному наследию, — вопрос ближайшего времени. Однако даже в такой ситуации трест не побоялся взяться за реконструкцию домов по Турбинной улице. Весь свой опыт и знания специалисты треста применили на первых домах квартала. Планировалось реконструировать все дома, но, как это часто у нас бывает, появилось множество «но», а потом у власти возникли новые идеи, так что стоят аварийные дома, приходя в негодность, и поныне.

В истории треста много славных страниц, без которых сложно представить развитие современного строительства в Санкт-Петербурге. На счету одной из старейших строительных организаций города — сотни тысяч квадратных метров жилья, множество объектов, жизненно важных для страны, огромный вклад внесли строители и в культуру города. Но это — тема для других статей и очерков...

Живи и здравствуй, сорок седьмой трест!

**Константин
СКВОРЦОВ**

«ВДАЛИ ОТ ВЕЧНОГО ОГНЯ...»

Константин Васильевич Скворцов — родился в 1939 г. в городе Туле. Русский поэт-драматург, признанный мастер изящной словесности и сценического искусства — продолжатель традиций русской классической литературы и византийского театра в самом широком смысле этого слова. Его произведения отличаются глубиной исторической памяти, смелой трактовкой исторических событий, афористичностью языка, то есть тем, чем издавна славилась русская драматическая поэзия. Действительный член Петровской академии наук и искусств (2005). Живет в Москве.

* * *

Вдали от Вечного огня,
Вблизи от Вечного покоя,
Мой друг, не спрашивай меня,
Зачем живу, чего я стою...

Холодной бронзой мне не быть,
И патина меня не тронет.
Живу, чтоб с радостью кормить
Синичку зяблую с ладони.

И в этом не моя вина,
Что на торгах не знают люди,
Что красная моя цена
Взлетит, когда меня не будет

Седую голову клоня,
Пред Богом на коленях стоя,
Сгорю от Вечного огня
Вблизи от Вечного покоя.

* * *

На горячем ветру,
У земли на краю
Села бабочка вдруг
На ладонь, на мою...
И сидит, не дыша,
Мир собой заслоня, —
Это чья-то душа
Отыскала меня.

Торопись, мотылек!
Скоро дождь, скоро снег.
Этот теплый денек —
Твой единственный век.
Не вершится ничто
На миру просто так.
Это, видно, Господь
Посылает мне знак.

То ли, вправду, я слеп,
То ли путает бес...
Это — мама моя
Опустилась с небес.
Что-то хочет сказать
Легким трепетом крыл
На родном языке,
Что я знал и забыл.

Чтобы маму понять,
Стал я памятью — весь, —
Не исправится ТАМ,
Что напутано здесь.

...Вот и падает снег
На поля, не спеша...
Пусть недолог наш век,
Но бессмертна душа...

ВОЛКИ

Три дня мело. Стреляли, как из пушки,
Заряды снега, нагоняя жуть.
Собак и тех не выгнать из избушки.
Мы тоже не спешим в последний путь.

Мы с другом все прочли,
Все съели, кроме
Самих себя... Такая канитель!
Но знали мы,
что в нашем дальнем схроне
Мы все найдем, лишь кончится метель.

И улеглось.
И, вихрями продута,
Сияла нам тоннелей бирюза,
Но нам, голодным, виделись продукты,
Как чистый снег ни ослеплял глаза!

Мы шли легко и весело, но скоро
Вдруг замерли, в предчувствии беды:
На все четыре стороны от схрона
Тянулись волчьи свежие следы.

Они до нас здесь побывали только,
И ворон черный все еще кружил.
Но схрон был пуст.
Все растащили волки...
Ну, что ж, похоже, всем охота жить.

.....
Я сам как зверь... И понимаю волка,
И встречи с ним я здесь не убоюсь.
Но, господа! Вы оглянитесь только —
Вокруг следы — растаскивают Русь!

* * *

Не зная, сколько весен впереди,
Как завещанье я шепчу любимой:
— Мой друг, орех маньчжурский посади —
Зеленый парус над моей могилой.

Родная, лишних слов не говори,
Одна ты знаешь: там мне будут сниться

Зимою расписные снегири,
А летом беспокойные синицы.

И не зальется песней соловей,
Промчится гром, как всадник прыгнув в стремя.
И капли будут опадать с ветвей,
Отсчитывать до нашей встречи время.

В кругу друзей, бокалами звеня,
В благой тени маньчжурского ореха
Не говори, что он ЛЮБИЛ меня...
Смерть для любви бессмертной не помеха.

* * *

Нелепо говорить в мои лета,
Что миром правит только красота.
Но что поделать, если этот стих
Запекся кровью на устах моих?!

Я не лукавлю, да простит мне Бог,
Я ждал, когда распустится цветок,

В котором, как бы написал поэт,
Все совершенно: форма, запах, цвет.

И он расцвел. И ангелы кричат:
К цветку не прикасайся — это яд.
Но мой удел, не слушая их впредь,
Вдохнуть тот аромат и умереть.

* * *

Какая с миром этим связь?..
Лежали лодки у причала,
И медленно река лилась,
И песня русская звучала!

И было тихо на реке,
И с неба падал свет неброско...
Но, как от сабли, по щеке
Прошла горячая полоска.

Я знаю, никакой тиран
Слезы бы из меня не выжал!

Но здесь, от этих сладких ран,
Я, не сражаясь, еле выжил!

И ты, Любовь моя, жива!
Но кто мне разрешит задачу:
Звучат знакомые слова,
Так почему ж я снова плачу?

И замираю всякий раз
У песни той на самой кромке.
И над собой, как Божий глас,
Я слышу голос твой негромкий...

* * *

Ты на руках моих качалась, словно в зыбке,
Безумно хороша, вся в солнечных сетях...
Я обретал себя в лучах твоей улыбки
Любимая моя — невинное дитя!

Еще мгновенье и... утихнут моря волны,
И птицы замолчат на елях смоляных...

Всего лишь год назад мы были всем довольны,
Еще не зная, чем с тобой обделены!

Увядавшие цветы... Их чья рука срезала?..
Осыпались на стол — узорчатый овал..
Ты становилась той, какой себя не знала.
Я становился тем, каким себя не знал...

Пусть вянут все цветы — нам прошлого не жалко!
Мы расстаемся с ним, играя и шутя...

Вон на окне моем уже цветет фиалка
Прекрасная, как ты, любимое дитя!

* * *

Так любить суждено лишь немногим...
На глазах родового села
Рядом с кленом у самой дороги
Золотистая липа цвела.

Суждено им по прихоти ветра
Лишь касаться друг друга листвою...

И шутили сельчане над этой
Незадачливой с виду четой.

Но они на судьбу не в обиде.
Все им в радость: и ветер, и зной.
Ведь никто из прохожих не видел,
Как их корни сплелись под землей!..

* * *

Как жалко жизни уходящей...
Как далеко ее исток...
И осыпается цветок,
Еще недавно свет дарящий.

И все ж тебе спасибо, Боже!
Отмеренное время мне

Звенит, сбегаю по скале,
А убежать никак не может.

О юности былой скорбя,
Лить слезы не в моей природе.
И мне не жаль, что жизнь уходит...
Жаль, милая, что без тебя.

* * *

— Собирайся, сынок, —
Я шепчу, свой платок теребя, —
Вот и вышел твой срок,
Чем могу я утешить тебя?
В свой дорожный мешок,
Что и прадеду правдой служил,
В потайной уголок
Ты иконку мою положи.

Так ушел и отец
От земных нескончаемых дел,
Он последний венец
На колодец поднять не успел.

Это, сын, не укор.
Это кто-то играет Судьбой.
Взялся ты за топор —
Те же птицы зовут за собой!..

Мы служили Руси,
Той единственной, нашей, святой.
И, кого ни спроси,
Ни под чьей не бывали пятой.
Коль тебя, не дай Бог,
Жизнь погонит в чужие края,
Что же делать, сынок?
Нынче власть на Руси не твоя.

И в иные года
Нас пытали тюрьмой и сумой,
Только ты никогда
Власть не путай с Россией самой.
Не моя в том вина,
Что не стало на свете любви.
А случится война,
Ты уж матери не посрами.

Я прошу об одном,
Зная сердцем, как страшен твой путь:
В уголке потайном
Об иконке моей не забудь.
Среди белых снегов
Не сойти бы мне только с ума...
А колодец чего?
Я дострою колодец сама.

* * *

Пронеслись мои годы —
Столбы верстовые.
Залихватская молодость,
Ты не права.
Мы торопимся жить,
Забывая простые,
Голубые, как лен,
Белоснежные наши слова.

Словно память о детстве,
Висит моя зыбка,
Как пустое гнездо,
Где не стало птенца...
Не взойдет надо мной
Моей мамы улыбка,
Не блеснет, как росинка,
Хмельная слеза у отца.

Не вернуть ничего...
Словно нищий у храма,
Я, прощенья моля,
Со слезами шепчу:

— Не успел я сказать
Главных слов тебе, мама,
И во здравье твое
Не успел я поставить свечу.
На холодной земле
Мы тобою согреты.
Я кричу
Через эти шальные года:
— Золотая моя
И любимая, где ты?
...Только ты этих слов
Не услышишь уже никогда.

Говорите слова!
Мы беду пересилим.
Пусть ложатся они,
Как на стол кружева...
Говорите слова,
Говорите России.
Говорите России:
— Да будет Россия жива!..

Олег ЧУПРОВ

«В ЭТОТ ДЕНЬ ЧАСТИЦЕЮ НАРОДА Я ВПЕРВЫЕ ОЩУТИЛ СЕБЯ!»

*К 70-летию
Великой Победы*

Олег Акимович Чупров — родился в 1939 г. в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил литературный институт им. А. М. Горького, работал на радио, в газетах. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. И. Фатьянова, А. А. Прокофьева и других. Награжден Почетным дипломом Законодательного Собрания «За выдающийся вклад в культуру Санкт-Петербурга и создание текста Гимна города». Академик Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ЭТОТ ДЕНЬ

Целых пять мне было,
целых пять
В этот год,
великий для народа!
Рассиялась майская погода!
А людей, людей! —
не сосчитать...
Папка мой совсем помолодел,
Раньше хмурый был,
а нынче — весел!
Ордена на грудь свою повесил,
А протез сегодня не надел.
Я бегу, в кого-то
целюсь: «Пли!»
Я кричу: «Фашистов побороли!»
А у мамы
(маленькая, что ли?)
Слезы почему-то потекли...
Было пять всего мне...
Шел, сопя,
Но, видать, отцовская порода:
В этот день частицею народа
Я впервые ощутил себя!
Он все дальше —
сорок пятый год,
Этот майский день —
все ближе, ближе!
Лишь глаза закрою — ясно вижу:
Мой отец —
сияющий! —
идет!
Он ли только?
Праздничен — любой!
Все мы — победили!
Даже дети...
На моей рубашке голубой,
Будто орден,
солнце ярко светит.

* * *

Село, в котором я родился,
Дом с покосившимся крыльцом...
Я снова вспомню, как гордился
С войны вернувшимся отцом!
Ну у кого еще похожий —
На все на сто дворов окрест! —
Был вот такой, обитый кожей,
Никелированный протез?

Теперь пригрезится
 сквозь муку,
Как я отца не раз просил
Снять металлическую руку —
Перед ребятами форсил!
И он снимал...
Глядел в окошко.
Блестели тускло ордена.
И, словно мерзлая картошка,
Катилась по небу луна.

Потом... отцовская могила
И скудный хлеб
Тех трудных лет.
И тихо мама говорила:
«Учись, сынок! Учение — свет!»
Но, пережив и с ней разлуку,
Увижу вновь,
Как станет мать
Ту — словно бы живую — руку
К груди иссохшей прижимать...

* * *

Не выпить —
 выплакаться вдоволь!
(«Когда еще
 вот так спою?»)
И медленно тянули вдовы,
Как будто пели
 жизнь свою.
И мама скромно подпевала,
Но — от начала до конца!
И чай по чашкам разливала,
И добавляла
 чуть винца...

А тетя Поля,
 вспыхнув свечкой:
«Эх, озорную бы —
 не грех!»,
Хоть обручальное колечко
Сияло слева —
 как у всех.
И, вроде, не был я отмечен
Пред ними
 никакой виной,
Но вновь дышать мне
 стало нечем —
Запахло в воздухе войной...

НА ПИСКАРЕВСКОМ

Я в море людском
Иду Пискаревкою снова,
Где вечная Скорбь
Торжественна так и сурова.
Слеза задрожит,
Как в прошлое тоненький мостик.
Отец мой лежит
Не здесь — а на сельском погосте.
Он был рядовым,
Под Питером насмерть сражался.
Остался живым,
Да вот ненадолго остался...

В том море людском
Вовеки не будет отлива!
И в сердце моем
Стучит метроном сиротливо.
Здесь люди лежат,
Нам город вручив, как награду.
Прости, Ленинград,
Что не был с тобою в блокаду..

МОЛЧАЛИВЫЙ СОЛДАТ

Тихим светом струится
В небе майский закат.
На скамейку садится
Молчаливый солдат.
И бывшие походы
Вдруг припомнив на миг,

Вновь шагает сквозь годы
В ту весну фронтовик.
Смотрит он на дорожку,
Затуманился взгляд.
Фронтovou гармошку
Вспоминает солдат.

И, очнувшись внезапно
Посреди тишины,
Слышит мирные залпы,
Словно эхо войны.
Столько верст за плечами,
Столько памятных дат!

Отчего ты печален,
Молчаливый солдат?
А вокруг — ликованье,
И салют, и цветы!
С той Весною свиданье
Тихо празднуешь ты...

МЕДСЕСТРА И ЛЕЙТЕНАНТ

И припомнится им снова
Жар походного костра...
Лейтенанта боевого
Полюбила медсестра!
Оба были молодые,
Только много лет назад.
Вот стоят они, седые,
Средь ровесников-солдат!
Все смогли, преодолели,
Этот свет в душе храня.
И любовь идет в шинели
До сегодняшнего дня!
Под свинцовым жутким градом
Охраняла, как могла...

Шла любовь со смертью рядом,
Но — бессмертною была!
Потому — стоят живые,
В окружении внучат.
А над ними фронтовые
Песни юности звучат.
Снова в годы огневые
Память высадит десант!
Там, как прежде, молодые —
Медсестра и лейтенант!
Майский полдень солнцем вышит,
Всюду музыка слышна!
Словно орден, самый высший,
Им любовь навек дана.

ПАТЕФОН

Черный диск,
Словно лодка без весел,
Покачнется и поплывет...
Чью-то жизнь
На семьдесят восемь
Оборотов
вновь повернет!
Чуть потрескивает пластинка,
Сквозь мембрану
Трудно дыша...

Просочившаяся слезинка,
Пробудившаяся душа...
Век стремительно
мчит к закату!
Ритмы — жестко —
Со всех сторон!
...Спой
«про синий платочек»
солдату,
Прощайся с ним, патефон!

* * *

Когда оркестр играет духовой,
Ты о родимом доме вспоминаешь.
Не слухом, а душой воспринимаешь
Всю силу этой музыки живой!
Вот вспыхнула —
салютом над Невой!
Звучит труба, на битву призывает...

И вся судьба проносится, бывает,
Когда оркестр играет духовой!
Не смять эстрадно-сорною травой!
Победный марш
Звучит светло и строго!
Пускай на миг,
душа взлетит до Бога,
Когда оркестр играет духовой!

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

лирическая баллада

Солдата подвиг непростой
Воспой, торжественная муза!
Живет он
На Руси святой,
Звездой отмечен Золотой —
Герой Советского Союза!
Вот вышел ночью
В тихий сад.
Весну припомнил
В сорок пятом...
И, словно листья, шелестят
Былые годы над солдатом.

...Когда ударил пулемет
И вмиг прижал к земле пехоту,
Солдат сказал себе: «Вперед!»,
И встал —
И в бой повел всю роту!
И «высота» — была взята!

А на аэродроме где-то
Под хриплый выкрик —
«От винта!» —
Взмыл летчик
В сторону рассвета.
Где вражьих укреплений ряд,
Он люк освободил от «груза»,
И повернул к своим, назад...
И стала
Вышей из наград —
«Герой Советского Союза»!
На поле брани
Шла страда,
Орудий грохот был неистов!
И разве сосчитать тогда
Артиллеристов и танкистов,
Кто лишь одним на свете жил —
Как отстоять свою Державу?
Солдатской честью дорожил
И заслужил
Звезду по праву!

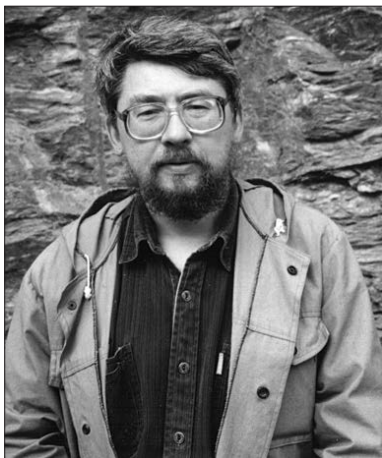
...Но с каждым днем
Все меньше их,
Нам подаривших мир, как диво.
Прославим витязей седых —
От рядового до комдива!
Войной не сломлен человек,
И никому он не обуза...
Пусть время продолжает бег,
Вошел достойно
В новый век
Герой Советского Союза!

Хотя сегодня суждено
Одолевать иные беды,
Пригубит терпкое вино
В свой главный праздник —
День Победы!
Он счастлив —
Правнуков растит!
Он верит —
Радость в дом вернется!
И Золотой Звездой блеснит
На гимнастерке неба —
Солнце!

«Дай Бог, солдат,
Подольше жить...» —
Я сердце выплесну в молитве.
Дай Бог нам Родине служить,
Как ты
Ей послужил в той битве.
Поверь — мы выстоим в борьбе!
Не разорвать святые узы...
Ты вехой стал в моей судьбе.

...Я жизнь равняю по тебе,
Герой Советского Союза!

Владимир ВОРОПАЕВ

«ХРАНИТЕЛЬ АНГЕЛ МОЙ НЕВИДИМО СО МНОЙ...»

*Памяти монаха
Лазаря (Афанасьева)*

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза писателей России. Живет в Москве.

5 марта 2015 г. в ЦКБ святителя Алексия, митрополита Московского, после продолжительной болезни на 83-м году жизни преставился о Господе монах Лазарь (Виктор Васильевич Афанасьев) — старейший русский писатель, поэт, прозаик, литературовед, из-под пера которого вышло более пятидесяти популярных книг. Читателю хорошо известны его биографические сочинения о Жуковском, Лермонтове, Иване Козлове, Батюшкове, Языкове, а также жизнеописания великих подвижников, как древних, так и прославленных в наше время: преподобных отцов Антония Великого, Нила Сорского, Серафима Саровского, Оптинских старцев. Известен он и как духовный поэт. Многие его стихи положены на музыку. Профессор Московской Духовной академии М. М. Дунаев в шестом томе своего фундаментального труда «Православие и русская литература», где творчеству монаха Лазаря посвящен специальный раздел, отметил, что его поэзия «подлинная и православная по духу».

7 марта, в субботу второй седмицы Великого поста, в монастыре Оптиной Пустынь после ранней заупокойной литургии состоялось отпевание монаха Лазаря, которое возглавил скитоначальник игумен Тихон (Борисов). Оптинский постриженник, монах Лазарь был погребен на монастырском кладбище рядом с могилами убиенных оптинских насельников иеромонаха Василия, инока Ферапонта и инока Трофима, жития которых он написал. После похорон состоялась поминальная трапеза в Иоанно-Предтеченском скиту, за которой читались стихи почившего монаха Лазаря, в том числе напечатанные в мартовском номере журнала «Фома».

Вот одно из последних его стихотворений (помеченное 30 июля 2013 года):

*Заходит солнце, и по полкам книг
Скользят его лучи, — как бы привет прощальный, —
Мне по душе спокойный этот миг,
И даже то, что он чуть-чуть печальный.*

*Хранитель Ангел мой невидимо со мной,
Я за молитву, — он со мною рядом, —
И два раба — небесный и земной —
Устремлены душевным к Богу взглядом.*

*Безгрешен Ангел. Я... что говорить?
А если бы не он, то было б много хуже...
Оставь он Бога за меня молить —
Быть мне в геенских пламени и стуже.*

*Закат... Лучи уже не золото, а медь,
Темнеет небо... Ночь уж на пороге...
Из нас кто не боится умереть?
Но вера места не дает тревоге.*

*Друзья, родные — многие уж там!
А мир все холоднее и жесточе...
Вот солнце и зашло... Что принесешь ты нам,
День, воссиявший после этой ночи?*

* * *

Судьбы поэтов никогда не были легкими, особенно в России. Виктор Афанасьев начал подбирать рифмы еще в детстве. Ему было девять лет, когда началась Великая Отечественная война, которая и ему принесла тяжелые испытания, продолжившиеся и в послевоенные годы. Учиться не пришлось, надо было работать. Свой трудовой стаж писатель исчисляет с 1943 г., когда он стал работать помощником продавца в букинистическом магазине, потом учился переплетному делу и в дальнейшем освоил немало разных профессий и побывал во многих отдаленных уголках России. Однако при этом он постоянно занимался самообразованием, много писал.

Стихи начал печатать с 1946 года. В отроческие годы Виктор Афанасьев вместе с другом детства Вадимом Кожинным посещал литературную студию «Объединение юных московских поэтов» при газете «Пионерская правда». «Первые наши публикации были именно в “Пионерской правде” в 1946 году, — вспоминал он впоследствии. — Тогда, отроками, я и Вадим не без удовольствия видели свои стихи в “Пионерской правде” и слышали в “Пионерской зорьке” по радио, а она звучала каждое утро». В 1971 г. Виктор Афанасьев принят в Союз писателей. Его учителями стали переводчик Сергей Шервинский и поэт Павел Антокольский.

И вот в начале 1970-х гг. уже зрелый поэт, издавший несколько поэтических сборников, почувствовал, что не может больше написать ни одной строчки. Источник оказался исчерпанным. Всегда любивший русскую поэ-

зию и хорошо знавший ее, Виктор Афанасьев серьезно занялся изучением жизни и творчества поэтов первой половины XIX в., засел в архивы и библиотеки. Начали появляться книги — документальные повествования. В серии «Жизнь замечательных людей» им были изданы жизнеописания Рылеева, Жуковского, Лермонтова. В московских издательствах вышли книги об Иване Козлове, Батюшкове, Языкове, сборник литературных портретов «второстепенных» поэтов той же эпохи. Однако все это явилось как бы подготовкой к творчеству иного рода. Биографии поэтов вдруг отошли в сторону, когда Господь вразумил Афанасьева взяться за жизнеописание преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Это была первая полная биография великого святого («Дивный старец», 1993), вызвавшая поток читательских откликов. С этого времени и началась близкая душе православному писателю работа. Затем вышла «Жизнь святого Антония Великого», напечатанная Издательским отделом Московской Патриархии (1994). Оптиной Пустынью были изданы «Житие священномученика архимандрита Исаакия» (1994) и «Житие Оптинского старца Варсонофия» (1995). В ту же пору в журналах появлялись написанные Афанасьевым духовные очерки и жития святых. Целый ряд его работ был напечатан в «Журнале Московской Патриархии», «Православной беседе», «Литературной учебе», «Москве» и других периодических изданиях.

До осени 1995 г. Виктор Афанасьев не писал стихов, хотя и делал попытки. Но вдруг (именно так) появился целый цикл духовных стихотворений. Поэт был несколько смущен: надо ли продолжать? Есть ли на то воля Божия? И решил испросить благословения у близкого ему духовно оптинского иеромонаха и тогдашнего скитоначальника отца Михаила (Тимофеева; ныне иеросхимонах Серафим). Послал стихи с твердой решимостью в случае неодобрения — не писать их более. Но одобрение было получено. Через год вышел первый сборник духовных стихотворений Виктора Афанасьева «Лествица» (1996). Появились публикации стихов в журналах и альманахах. Затем вышел сборник духовных стихотворений и поэм «Зреет жатва» (1999).

«Названия сборников примечательные и опасность для автора таящие, — заметил по поводу этих поэтических книг профессор Михаил Дунаев, — они сразу ориентируют наше восприятие не только на известные образы Священного Писания (Быт. 28, 12; Мф. 13, 30; Ин. 4, 35; Откр. 14, 15), но и на великий труд преподобного Иоанна Лествичника, — а с ним соизмерение кому выдержать? Но вот парадокс: память о святоотеческой мудрости не мешает, а помогает полнее воспринять и осмыслить поэзию Афанасьева. Соотнесенность же с библейскими образами всегда дает верный ориентир в понимании любой истины. Поэт раскрывает состояние человека, совершающего жизненный путь в нелегком восхождении от дольного к Горнему, в постоянном памятовании о грядущей *жатве Господней*».

И далее доктор богословия и одновременно доктор филологии пронищательно указывает на характерные черты подлинно духовной поэзии: «Истинно православное религиозное чувство, нужно помнить, отличается всегда сдержанностью, строгостью выражения и отсутствием какой бы то ни было экзальтации и слащавости (что весьма ощутимо бывает у католиков), — и это составляет важную особенность Афанасьева как поэта. Также и в том особенность его стихов, что при всей искренней индивидуальности

выраженных в них переживаний — они всегда могут быть соотнесены с мудростью надличностной. Это укорененное в православном сознании свойство миропонимания: ничего не вносить в него слишком от себя, от своего мудрствования, от стремления выпятить неповторимость собственного взгляда на мир. Православная вера поверяется всегда истинами Писания и духовным опытом Святых Отцов. Оттого она и истинна. Потому-то автор «Лествицы» и не боится сопоставления его стихов со святоотеческой мудростью: они, напротив, рассчитаны на такое сопоставление».

Завершая характеристику поэтического творчества монаха Лазаря, Михаил Дунаев говорит и об особенностях его стиха: «Однако содержание содержанием, но еще раз скажем, что у Афанасьева сам стих формой своей влечет к себе. Выразителен язык этой поэзии, чуть-чуть — в меру! — архаизированный, уподобляемый церковному. Необычайно красив ритмический рисунок многих стихотворений... Фраза у поэта всегда емко насыщена, часто четко афористична — и тем врзается в сознание».

В 1999 г. Виктор Афанасьев принял монашеский постриг и наречен Лазарем в честь преподобного Лазаря Иконописца. Постригал его схиархимандрит Илий (Ноздрин) на московском подворье Оптиной Пустыни в Ясенево. С этого времени оптинская тема стала едва ли не главной в творчестве монаха Лазаря. Им написаны жития Оптинских старцев (помимо Исаакия и Варсонофия) преподобных Моисея, Антония, Нектария, книги «Житница жизни» (2005), «Оптинские были» (2011), «Древо чудоточное» (2011). Он подготовил к изданию фундаментальный труд по истории Оптиной Пустыни (в печати).

Как автор многочисленных просветительских очерков и статей монах Лазарь стоит у истоков православной журналистики в новой России, на протяжении четверти века он активно печатался в церковной периодике, а в начале 1990-х гг. был даже главным редактором православного журнала «Глаголы жизни». Академическая наука также признала литературоведческие труды монаха Лазаря. Его статьи и очерки о Крылове, Фете, Тютчеве, Хомякове, супругах Н. П. и И. В. Киреевских печатались в различных научных изданиях. В Энциклопедическом словаре «М. Ю. Лермонтов» (2014), приуроченном к 200-летию со дня рождения поэта, им написана обширная вступительная статья «Парус одинокий» и около 150 энциклопедических статей и очерков о Лермонтове и его окружении.

Хорошо знакомы читателям и книги монаха Лазаря для детей, самая известная из которых «Удивительные истории маленького Ежика», выдержавшая несчетное число переизданий. Среди последних его книг — «Утренняя песнь. Стихи. Приношение православному отрочеству» (2013) и «Ставка на сильных. Жизнь Петра Аркадьевича Столыпина. Документальное повествование» (2013). Ждет своего издателя книга о поэте К. Р. (Великом князе Константине Романове).

Последние два года своей жизни монах Лазарь тяжело болел и был прикован к постели. Но не утратил твердости духа, ясности ума и неколебимой веры в Господа нашего Иисуса Христа. В свое время святитель Филарет, митрополит Московский, узнав, что Иван Киреевский похоронен в Оптиной Пустыни рядом со старцем Леонидом, изумился, какой великой чести он удостоился. С того времени монах Лазарь, нашедший свой последний приют среди дорогих ему могил, первый большой русский писатель, погре-

бенный на братском кладбище великой обители. Да упокоит его Господь в селениях праведных!

В Оптиной Пустыни к изданию подготовлен сборник стихов монаха Лазаря «Добрая весть», который составлен самим автором и может рассматриваться как его поэтическое завещание. Помимо духовных стихотворений, написанных в разные годы, в него вошли стихи последних лет жизни. Большинство из них печатаются впервые. Стихи монаха Лазаря весьма заметное явление в нашей поэзии — в них есть и высокое мастерство, и принципиально новая (но не лишенная русских поэтических корней) содержательность.

ВЫШЛА КНИГА

Парпара А. А.

Заметы. Думая о Лермонтове. — Нижний Новгород: изд-во «Вертикаль. XXI век», 2015. — 72 с.

ОТ АВТОРА

Михаил Юрьевич Лермонтов — это огромная планета в космосе мировой культуры. И невозможно ее изучить всесторонне и окончательно. Ибо каждый раз при встрече с творчеством великого поэта новым поколениям неожиданно открывается новая сопричастность его русской истории и современности. Потому я и предполагаю, что русский гений и до сих пор не полностью известен нам. Если верить Л. М. Леонову, а я верю этому великому писателю, ибо имел честь неоднократно беседовать с ним, он держал в своих руках «Дневник Лермонтова», который принадлежал художнику И. С. Остроухову, а после смерти его исчез из дома. Легко себе представить сколько поэтических шедевров, неожиданных для нас, может быть заключено в нем!

Я предлагаю уважаемому читателю свои миниатюры с надеждой на его интерес к этому малому труду, который складывался неспешно не одно десятилетие.

ДЕСТВИЩА

**Валерий
СДОБНЯКОВ**

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА)

*К 135-летию
замечательного духовного
русского писателя*

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 г. в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Председатель Н. Новгородской писательской организации. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Живет в Нижнем Новгороде.

Первой книгой, которую я прочитал у митрополита Вениамина (Федченкова), была «Божии люди». Именно после нее сразу и навсегда Владыка стал для меня одним из самых любимых русских писателей. Как можно так просто, доступно и красиво рассказывать о сложнейших вещах, касающихся человеческой души, — для меня и по сей день остается непостижимой загадкой. Творческое наследие митрополита Вениамина очень обширно. Тут и мемуары, и рассказы о подвижниках благочестия (например, книга «Из того мира»), и размышления о духовной жизни русского человека, и непосредственно толкования молитвы «Отче наш» (целую книгу написал Владыка на эту тему — «Молитва Господня»), и богословские труды. Но о чем бы митрополит Вениамин не писал, произведения его пронизаны невероятной любовью к русскому человеку, к читателю. Оттого-то они так просты и доступны для понимания, оттого-то они так трогают сердце. Не премудрая заумь собрана в них, а простота и любовь. И то, и то может быть только от Бога.

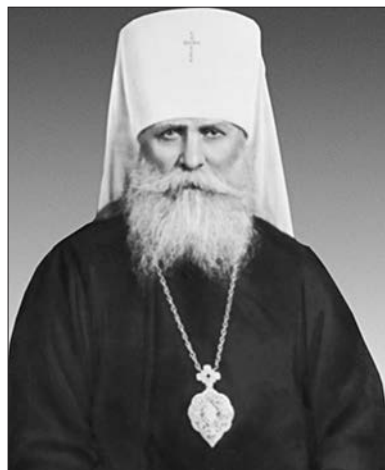
Но тут необходимо отметить, что подавляющее большинство книг этого автора увидело свет только в последние два десятилетия. В большинстве своем Владыка писал, находясь на покое и, что называется, в стол.

Теперь биография этого праведного служителя русскому народу широко известна. Но мне, в канун его юбилея, особенно хотелось бы поговорить об одной его книге.

1

Книгу «На рубеже двух эпох», написанную митрополитом Вениамином (Федченковым) (1880—1961), никак не хочется назвать мемуарами — так непринужденно, естествен-

но и откровенно она написана, так близко и понятно ее содержание подготовленному верой, любящему свое Отечество сердцу. И не вина Владыки, что не вышла книга в свет тогда, когда писалась — в тяжелую для России годину Великой Отечественной войны (1943). Но всему свой час. И вот, бережно хранимая в библиотеке Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря (в этом монастыре на покое провел Владыка последние годы своей земной жизни) среди других бумаг митрополита рукопись, наконец, явилась книгой тем, кому и была предназначена.

*Митрополит
Вениамин (Федченков)*

Удивительна судьба человека, написавшего ее. Родившись в семье дворовых людей, он с малых лет, когда отцу после 33-летней службы конторщиком в имении господ Боратынских было отказано в работе, познал нужду, недоедание, тяжелый труд. Но любовь матери, ее желание видеть своих детей образованными, достойными людьми превозмогли все преграды. В итоге из шестерых детей (и об этом не раз с гордостью упоминает митрополит Вениамин в своем труде) трое получили высшее образование, а еще трое среднее техническое. Причем пятеро закончили свои учебные заведения первыми учениками. Но об этом мы будем говорить еще впереди. А первые главы книги: «Деревня» и «Школа, общество и церковь» посвящены описанию нелегкого крестьянского быта и труда, вечной борьбы за хлеб насущный и за нравственное стояние в семье. Вот как об этом пишет автор:

«Какое общее впечатление осталось у меня от рассказов отца о крепостном праве?

Казалось, нужно было бы ожидать от него грустных историй и трагических событий. Но должен сказать правду: за всю жизнь с ним я буквально не слышал ни одного осудительного слова о господах и всем крепостном строе... Даже наоборот, он иногда вспоминал о прошлом времени с одобрением.

— Что же, — бывало, скажет, — тогда народ был лучше, не то, что теперь, самовольники... Ну, по субботам, понятно, секли кое-кого на конюшне... Да ведь поделом же!

...Может быть, и в самом деле мы теперь слишком сгущаем темные краски далекого прошлого, а в действительности все было проще? И теперь ведь много нужды и горя в мире: и экономическая зависимость одних от других и вообще от всего строя жизни давит людей... Или уже данная многовековая, укрепившаяся привычка повиноваться, подчиняться, со всем мириться облегчала ему суровость жизни?».

И отвечая самому себе, митрополит Вениамин приходит к следующему выводу: «Затрудняюсь ответить решительно... Больше я склонен думать ... что наш народ есть народ-философ, народ-христианин, “хрестьянин”, крестьянин, как он сам прозвал себя. Никакой другой народ в мире не называл себя по вере, лишь русские».

В подтверждение этого вывода Владыка приводит эпизод из своей жизни: «Моя мать в последний раз моего посещения семьи весной 1918 года, провожая меня из дома, между прочим сказала со слезами:

- Трудно нам жилось! Но одно лишь скажу: отец у нас был святой!
- Почему — святой?
- Уж очень терпелив был: во всю жизнь свою не роптал».

И в этом глубочайший смысл русского православного мировоззрения, характера, идеи. Народ-богоносец, святой народ. И то, что произошло с этим народом затем, может в том и не его вовсе вина. Ведь предупреждал апостол Павел: «Отцы! Не раздражайте чад своих!» (Еф. 6, 4; Кол. 3, 21). А еще раньше царь Давид в псалме восклицал: «Когда гордится нечестивый, то возгорается нищий» (Пс. 9, 23). Митрополит Вениамин приводит и другой пример из Ветхого Завета: «Ровоам, сын Соломона, стал жестоко обращаться со своими подданными. Они взбунтовались, и отделились 10 колен израильских от Ровоама. Он собрал войнство, чтобы подавить эту революцию, но пришел к нему пророк и сказал от имени Господа: “Не ходи и не воюй, ибо это — от Меня произошло!” Значит, Божье поущение или изволение. Иногда у людей (не святых) уже не хватает сил терпеть».

В заключение автор констатирует: «И я не тому дивлюсь, что бывали восстания крестьян, а нужно дивиться тому, что их было все же очень мало... И это оттого, что народ наш был необычайно терпелив и кроток... Крестоносец народ. Но потом начало иссякать и смирение, а с ним и сила терпения».

Но уже в следующей главе воспоминаний, рассуждая о состоянии Церкви, подготовке священников для служения, митрополит Вениамин приводит страшные в своем пророчестве слова профессора В. О. Ключевского, произнесенные относительно первой русской революции 1905 года: «Народ, вступивший на революционный путь, обманул своего Царя, которому клялся... Наступает время, когда он обманет и Церковь, и всех тех, кто его считал “православным” и “богоносцем”. Придет пора, что он умело обманет, проведет и социалистов, за которыми сначала пойдет».

Владыка не хочет верить этим предсказаниям. Боится поверить в них. Но доживи он до наших дней и...

Опять этот «проклятый» вопрос: почему тогда все произошло? И почему все с точностью наоборот произошло теперь?

Вновь и вновь утверждая, что основы воспитания, образования, нравственности, патриотизма, религиозного чувства закладываются в семье (российское крестьянство, как это показано в воспоминаниях, было глубоко проникнуто, в силу сложившихся патриархальных традиций, этими чувствами), Владыка никак не может ответить на вопрос, почему же эти, казалось, незыблемые, «глубинные» традиции так стремительно, так в одночасье рухнули. И даже гибель Царской Семьи была воспринята в стране довольно буднично и равнодушно.

Воспоминания своего детства у Владыки светлы и радостны. Словесная ткань произведения, лишенная художественного изыска или нравоучительной назидательности, выразительно и точно передает главное — духовное состояние героя повествования и людей, его окружающих, а через это восприятие и всего многогранного мира окружающего их — природного, социального, политического. Книга написана необыкновенно добрым, ласковым

и отзывчивым человеческим сердцем. Чего только стоят страницы, посвященные матери, столько сил и старания положившей, чтобы прокормить и обустроить свою семью, выучить детей. Но с какой любовью и теплотой пишет о ней сын. Вот его рассказ о первом своем посещении духовного училища.

«Так шли дожди... А время бежало. Тогда мать предлагает мне идти, хоть в дождь, пешком... И после обеда, когда облака поределли, пошли. Разумеется, оба босиком: обувь на палках, за спинами... Идем, идем... вдруг сгустилась туча, и нас поливает, как из ведра. Иной раз нагнемся под высокую волнующуюся рожь, что, разве это поможет? Опять идем, идем. Дождь перестанет — сохнем. Так добрались до реки Вороны... Мать предложила обуться. Сошли мы к воде и начали мыть ноги от налипшей грязи. Вижу: у матери слезы катятся.

— Бедный, бедный мой Ванюшка (меня прежде звали Иваном), с какой поры приходится тебе горя хлебать!

— Мама, — кричу я весело на всю реку, — зато протопопом буду!

И мне совсем не было печально: как с гуся вода, скатывалось детское горе...»

И опять не за себя страдает материнское сердце, а за родное чадо.

Прошел первый год обучения. Мать делится с затаенной гордостью со знакомым. А тот страшает — посмотрим, мол, что дальше будет!

«Мать пришла расстроенная, в слезах.

— Ты же учись, учись там! — умоляла она меня...

Так и дошел я первым до пятого класса семинарии. Все это время, чтобы заплатить за учебу детей, мать, сама не доедая и не досыпая, пешком, в любую погоду, таскала в Тамбов за десятки верст ведра с маслом».

«Да, подвижница житейская была наша мать», — заключает далее митрополит Вениамин.

Должен признаться, что пока я читал книгу Владыки, то и сам сердечно полюбил эту кроткую и трудолюбивую женщину.

Но тут мне хочется немного отвлечься от повествования книги «На рубеже двух эпох» и вспомнить случай, описанный Владыкой в книге «Из того мира». Когда он еще только учился в семинарии, то для разрешения вопроса принять иноческий постриг, или нет, Иван с товарищем отправился на Валаам. Там монах переправил их на лодке на один из островков, в скит. И видят они, как пожилой монах полощет в воде какие-то свои тряпки. Заприметив гостей, он поднимается к семинаристам и, обращаясь в Ивану говорит: «Пойдемте Владыка, я вас чаем напою». Смутились молодые люди. «Что вы, я еще и не решил, принимать ли мне постриг». А монах все свое — Владыка да Владыка. Вот когда уже была определена судьба «бедного Ванюшки».

Наступили революционные времена. Владыка тщетно пытается их осмыслить, соотнести с прежней крестьянской жизнью. Он пытается найти место либеральным идеям в народной душе, для этого приводя в общем-то объективные факты трудной крестьянской жизни — многодетство, безземелье, нужда. Особенно, если противопоставлять этому быт помещичий. Но стоит свести эти два класса в одном месте, в храме, и антагонизм вроде бы пропадает. Тогда в чем же причина? Почему началась смута, поджоги? И тут замечателен один случай. «Однажды летом после будничной вечерни

вместе с самим отцом Николаем вышел из храма за ограду. Перед нами раскрывалась полукругом панорама на десяток верст. Вечер был прекрасный, тихий, ясный. И видим мы, как в разных местах за горизонтом поднимаются зловещие темно-багровые столбы дыма от пожарищ: это горели имения... Смутно было на душе, надвигалось с этим страшным дымом на нашу страну что-то грозное... Я не знал, что ответить себе на свои невеселые думы. И вдруг пронеслись в голове слова Христовы: «Надлежит всему этому быть!» (Мф. 24, 6).

Надлежит... Неизбежно в путях истории человечества и промысла Божия. И никто этого мирового процесса остановить не в силах, ибо «надлежит».

— И что ты особенно этим терзаешься? Разве же ты управляешь миром? Если Бог, Который всем правит, на него и положишься.

И всякий делает свое дело. Довольно этого с тебя!»

В этом-то, по моему глубокому убеждению, и следует искать ответ, объяснение случившегося. И тогда остальные факты — встречи с людьми, выдающимися в свое время, их речи, поступки, мысли, оказывается, играют в истории уже не столь выдающуюся, а то и мелкую, ничтожную роль. Жаль только, выводов из случившегося мы традиционно не делаем, опыта для себя не извлекаем. А иначе разве бы мы пошли в теперешние «реформаторские» времена путем, уже однажды Россией отвергнутым как чуждый и неприемлемый. Вот что пишет по поводу столыпинской земельной реформы очевидец ее проведения митрополит Вениамин: «Ему (Столыпину. — В. С.) приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея сельскохозяйственной системы, так называемого «хуторского» хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение...» Но «спасать русский народ лишь буржуазным соблазном личной корысти было совсем неглубоко, — продолжает автор, — недуховно, негосударственно. Православный великорусский народ привык к общинному укладу жизни. И хутора в народе провалились».

Но нет, на исходе века, как и в его начале, мы, вновь разрушив крупные сельскохозяйственные предприятия (как когда-то помещичьи усадьбы), пытаемся создать класс собственников, крестьян-фермеров.

Вообще, сколько бы я ни читал книг (а прочитано уже немало — теоретических работ, посвященных этой теме, мемуаров и т. д.), я все больше и больше осознаю, что мистический смысл происходящих революций непостижим, материалистическими воззрениями, бытовыми и социально-экономическими условиями необъясним. И если пытаться объяснить происходящие общественные катаклизмы только этими материальными условиями, то непременно увидишь всю их несостоятельность, несвязанность условий и действий, чувств и поступков. Будто движет всем происходящим некая необратимая, неостановимая сила, некий РОК.

Любая революция — это болезнь духа. Плоть выступает здесь лишь составляющей общей болезни, констатацией ее диагноза. Революция пытается совместить, спаять несовместимое — совесть и высшее беззаконие, достижение гуманистических идеалов через жестокость и насилие. И как итог — горят усадьбы, разворовывается, грабится чужая собственность, зверски, посреди улицы убиваются губернаторы, и толпы глумятся над своими па-

стырями. Причем гибнет, страдает всегда лучшее, совестливое достояние страны.

Трудно оспорить дальнейшие размышления Владыки по поводу признания народом новой власти. Только мне кажется, что в признании большевиков большую роль сыграло не только то, что у них видели силу и решительность в достижении «соблазнительных» для народа целей, но и гражданская «усталость» обывателя от безвластия, а значит, и безвременья. Однако с дальнейшими «политическими» размышлениями митрополита Вениамина, с его оправданием Брестского мира, изъятия церковных ценностей, неприятием посланий Патриарха Тихона и другими подобными мыслями согласиться трудно. Но сделаем здесь поправку на год (1943) написания воспоминаний. Тогда Владыке еще не были известны многие документы, опубликованные в нашей печати значительно позже.

2

Вторая половина воспоминаний митрополита Вениамина, так я условно, на две смысловые части разбил книгу «На рубеже двух эпох», как бы отделив одну эпоху от другой, начинается с рассуждения о трех революционных цветах — красном, черном, белом. И что-то меня в этих рассуждениях насторожило, недоброе предчувствие закралось в сердце. И чем дальше, тем все больше и больше автор начинает выступать как довольно поверхностный политик. А как хотелось услышать о тех страшных для России временах глубоко осмысленное, духовное слово. (Слава Богу, что затем этот недостаток автор побеждает, отчего книга, конечно же, выиграла.) Ведь вот и он отмечает, что даже само название «Россия» с победой революции на десятилетия ушло из употребления. Что же тогда должно было твориться в соборной душе народа? С другой стороны, сопротивление, оказанное большевикам, дошло своей границей с юга до Орла (армия Деникина), с запада теснили поляки, у Петрограда власть принадлежала Юденичу, в Архангельске хозяйничали англичане с американцами. У большевиков оставалась лишь Москва с центром, «сердцевиной» страны. И, тем не менее, белое движение было разгромлено. Не видеть в этом мистический смысл произошедшего (а лишь экономические, политические, национальные предпосылки), к тому же лицу духовному, глубоко верующему, мне кажется невозможным. К тому же мною уже приводился пример из воспоминаний митрополита, где осознание неслучайности происходящего у автора книги сомнений не вызывало. Упрекать же белое движение в национализме и империализме, наверно, можно. Но выстраивать всю концепцию своих выводов, главным образом, только на этом (умалчивая, какая именно национальная горсточка, благодаря революционным событиям, оказалась у власти, и как легко она отказывалась от кусков огромной страны, ей, этой горстке людей, не принадлежавшей, их предками не созидавшейся и не наращивавшими ее территории) мне кажется делом поспешным и недальновидным. И пусть затем «еврейский вопрос» еще будет затронут митрополитом в главе «Белое движение», где автор утверждает, что эта тема трудна и неоднозначна в русской истории, но то, как сам он довольно поверхностно и облегченно подходит к размышлению о ней, вызывает сожаление и разочарование. Впрочем, специально этой теме посвящены две другие книги митрополита Вениамина:

«Еврейский вопрос» и «Письма к еврейке». В рамках этой статьи мы на их разборе останавливаться не будем.

Вообще, события Гражданской войны в Крыму и на Украине вначале описаны довольно безпозиционно. И только начиная с личности генерала Врангеля описание событий принимает более последовательный характер. Самой личности генерала посвящена отдельная глава, где автор, наконец, и определяет свою позицию, объясняя это вот как: «Одно было ясно: победим или не победим, но белую борьбу нужно довести до конца... И пусть этот конец оказался печальным, пусть белые даже не правы исторически, политически, социально. Но я почти не знаю таких белых, которые осуждали бы себя за участие в этом движении...

Много было недостатков и даже пороков у нас, но все же движение было патриотическим и героическим... Пусть мы были и сероваты, и нечисты, но идея движения, особенно в начале, была бела. Христиане мы плохие, христианство — прекрасно...

Я тоже не думал о конце или победах, как и другие, а шел на голос совести и долга... Пусть это было даже практической ошибкой, но нравственно я поступил по совести. И мне тут не в чем каяться».

О своем пути в белое движение митрополит Вениамин пишет довольно откровенно и самокритично, обличая в себе и некое приспособленчество к рабочей власти, сочувственную пассивность добровольческому движению, свою «нейтралитетность», столь присущую в те времена русской интеллигенции. Но именно в этой главе мы полностью осознаем те причины, которые побудили многих русских людей встать под знамена белого движения, — голос совести!

Взгляд изнутри на белое движение показывает противоречивость и уязвимость его по многим вопросам: дальнейшего строительства государства, политического выбора, отношения к вере. И оттого его обреченность становится как бы предсказуемой, ожидаемой. Вот только один пример нравственного, этического плана, о котором рассказывает архиерей, к тому времени ставший епископом армии и флота (митрополит Вениамин сменил на этом посту, по желанию вновь избранного главнокомандующим П. Н. Врангеля, протопресвитера Г. И. Шавельского), после своей поездки на фронт, к знаменитому Перекопскому валу — полное неверие среди офицеров в Бога, матерщина, нравственная нечистоплотность. А ведь обращение Врангеля, его «политическая платформа», начиналось словами: «За что мы боремся? За поруганную веру и оскорбленные ее святыни».

«Когда я вернулся с фронта, — вспоминает Владыка, — то доложил нашему Синоду, а потом и генералу Врангелю буквально так:

— Наша армия героична, но она некрещена! Вывод, в сущности, ужасный».

Глубочайшее разложение духа потрясло архиерея. Как говорил писатель Иван Александрович Родинон: «Чтобы победить большевиков, нужно одно из двух: или мы должны задавить их числом, или же духовно покорить своей святостью». У войск Врангеля не было ни того, ни другого.

Особняком стоят в книге воспоминания о проходившем в Москве в 1917–1918 годах Поместном соборе, первом с 1700 года, после закрытия их российским Императором Петром I.

И вот какие чувства владели тогда автором: «Меняются эпохи, а Церковь стоит две тысячи лет! Уходят цари, а она все остается! Меняются

режимы и социальные формы, а здесь тысяча лет, две тысячи ведется одинаковый способ служения. Да, Церковь прочнее государственных форм правления... И Церковь всегда будет делать свое вековечное дело до конца мира, у нее есть свое собственное дело — душа человеческая». И эти мысли митрополита очень важны для общего понимания его книги.

Главным деянием Собора было избрание Патриарха. 217 лет Русская Православная Церковь жила без своего Патриарха. Но именно в страшное и смутное время, предчувствуя ту беду, что готова была обрушиться на страну, а значит и на веру, не иначе как по Промыслу, пройдя все преграды, под пушечную канонаду Церковь выбирает своего предстоятеля.

«Мы настолько ясно чувствовали всю опасность и зло этой стороны революции, что у нас еще сильнее обострилось желание твердой организации, упорядоченности. Это понятно. Нам хотелось власти!»

Чудом можно назвать и то, что именно революция (вольно или невольно — не нам судить), как увидим, во многом помогла этому процессу. Все будто бы было движимо чьей-то непоколебимой волей, противостоять которой не мог никто. Мыслимо ли, что в это же время в Москве идут бои за Кремль, который поочередно переходит в руки то к одним, то к другим. Но никто из воюющих не смеет помешать работе Собора.

«Взяв власть, большевики ни единым жестом не проявили враждебного отношения к Собору, хотя довольно было простого слова их для его роспуска. И, конечно, никто бы и пальцем не шевельнул в защиту его.

В день интронизации Патриарха 21 ноября (ст. ст.) по просьбе Собора было дано нам совершенно исключительное разрешение совершить службу в кремлевском Успенском соборе, хотя во все прочие дни для всех других Кремль был закрыт.

После интронизации Патриарх Тихон, по старинному русскому обычаю, объезжал вокруг Кремля, где приветствовал его народ».

То, что пишет митрополит Вениамин, кажется вдвойне невероятным еще и потому, что пройдет совсем немного времени и, как нам теперь уже известно, по попущению новая власть «всласть» отыграется на Церкви, предпримет титанические усилия по ее разрушению и уничтожению. Но тем и удивительнее произошедшее чудо, доказывающее, что эти вопросы не во власти земных правителей.

«Живым силам Церкви теперь была дана возможность проявлять энергию на созидание веры, Церкви и охраны духовенства. А времена приходили страшные...»

ПРОЗА

Сергей КУНЯЕВ

«ПОГОРЕЛЬЩИНА» И «КАИН»*

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака...», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве.**

* Продолжение. Начало в № 3 и № 4 2013 г., в № 2 и № 3 2014 г.

В окружающей Клюева жизни все явственней виделся ему апокалипсис, о котором пели давным-давно староверы в духовных стихах (книга Т. С. Рождественского «Памятники старообрядческой поэзии», изданные в 1909 году, была одной из его настольных книг):

*Идут лета всего света,
Приближается конец века;
Пришли времена лютыя,
Пришли года тяжкие:
Не стало веры истинныя,
Не стало стены каменныя,
Не стало столпов крепких,
Погибла вера христианская...*

«Конечно, идея патриотизма — идея насквозь лживая... Задача патриотизма заключалась в том, чтобы внушить крестьянскому парнишке или молодому рабочему любовь к “родине”, заставить его любить своих хищников...» Луначарский, произнося сие в 1925 году, не сделал никакого открытия — до него еще в годы Гражданской войны подобное отчеканивали и Бухарин, и Зиновьев... И все же именно с середины 1920-х годов антипатриотические, антирусские инвективы достигли наивысшего градуса как в политических речах, так и в поэтических виршах.

*Время пришло стволам вороненым
Правду свою показать затонам,
Время настало в клыкастый камень
Грянуть свинцовыми кругляками...*

Это — Эдуард Багрицкий.

А это, конечно, Александр Безыменский:

*Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить век.
Расеюшка-Русь, распроклятое слово
Трехполюя, болот и мертвеющих рек.*

«Пристрастие к русскому лицу, к русской речи, к русской природе... это иррациональное пристрастие, с которым, может быть, не надо бороться, если в нем нет ограниченности, но которое отнюдь не нужно *воспитывать*...» Это — снова Луначарский. Понятно, что там, где есть или видится ограниченность — там начинается борьба. Борьба не на жизнь, а на смерть.

(Эти же мотивы снова обрели свое полнозвучие в конце 1980-х — начале 1990-х, с новым «революционным подъемом».)

Для Клюева это время стало временем рождения новых песен — песен русского сопротивления.

*Кто за что, а я за двоеперстье,
За байку над липовой зыбкой...
Разгадано ль русское безвестье
Пушкинской золотой рыбкой?*

*Изловлены ль все павлины,
Фениксы, струфокамылы
В кедровых потемках овина,
В цветике у маминой могилы?*

Апология русской тайны, русской сказки, не разгаданной до конца и отечественной классикой, воплощается в клюевских строках воедино с «иррациональным пристрастием» к русскому лицу и к русской природе — к тому, что вызывает зубовный скрежет новых идеологов «безнациональности».

*Погляди на золотые сосны,
На холмы — праматерние груди!
Хорошо под говор сенокосный
Побродить по Припяти и Чуди,*

*Окунать усы в квасные жбаны
С голубой татарскою поливой,
Слушать ласточек и ранним-рано
Пересуды пчел над старой сливой:*

*«Мол, кряжисты парни на Воляни,
Как березки девушки по Вятке...»
На певущем огненном павлине
К нам приедут сказки и загадки.*

Это стихотворение Клюев понес в журнал «Звезда», где еще не до конца опомнились от разгрома напечатанной там же «Деревни». Редакторы полагали, что поэт предоставит им что-нибудь в духе и стиле «Юности», но, прочтя стихи, тут же отказались от публикации.

А на столе у поэта лежало еще одно, недописанное.

*Наша русская правда погибла,
Как Аленушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки.*

*Уж не выйдет на переные крыльца
В куньей шубоньке Мелентьевна Василиса,
Утопил лиходея-убийца
Сердце князево в чаре кумыса.*

Новое татарское иго. С которым, мнилось, навсегда покончено было, когда слагался гимн Ленину, когда мнилось, что «Черной Неволи басму попраля стопа Иоанна...» Здесь уже нет места вопросу: «Изловлены ль все павлины?..» Изловлены. И времена татарского набега сменяются лихими временами никонианства и мученичества непокорных — и все едино в ока-
янной современности.

*И боярыни Морозовой терем
В тощей пазухе греет вьюгу,
На иконе в борьбе со зверем
Стратилат оборвал подпругу.*

И не сыщешь более щемящей картинки гибели неистовой боярыни. Сразу вспоминаются последние минуты Феодосьи Прокопьевны в Боровской земляной тюрьме и ее последние слова — к стрельцу, к охраннику: «Принеси мне хлебушка...» — «Боюсь, госпожа...» — «Ну, яблочка дай...» — «Не смею...» — «Ну, так последнюю просьбу исполни. Выстирай мою сорочку и положи меня подле сестры неразлучно».

Хлебушка... Так и Клюев милостыню просил, которую однажды сам напроорочил: «Я был когда-то поэтом. Подайте на хлеб, Христа ради...» Просил возле Сенного рынка, когда «Деревню» складывал. О чем и напишет через несколько лет в объяснении правлению Всероссийского Союза советских писателей: «...с опухшими ногами, буквально обливаясь слезами, я в день создания злополучной поэмы впервые в жизни вышел на улицу с протянутой рукой за милостыней. Стараясь не попадаться на глаза своим бесчисленным знакомым писателям, знаменитым артистам, художникам и ученым на задворках Ситного рынка, смягчая свою боль образами потерянного изыяного рая, сложил я свою “Деревню”...»

Впервые является в его стихах образ святого Георгия, побеждаемого змием. Он воплотится и далее — в «Погорельщине». И — пророчество на будущее. Словно провидел 1940-е и 1990-е, когда писал о горестной судьбе двух великих православных народов:

*Так погибла русская доля —
Над речкою белые вербы.
Вновь меж трупов на Косовом поле
Узнают царя Лазаря сербы.*

И все же, как и в «Деревне», не дает себе Клюев поддаться смертному греху — впасть в отчаяние. Да, «отлетела лебедь-Россия в безбольные тихие воды», но в грядущем — «сквозь слезы, звериные муки прозревают родину очи...», где «исцеленный мир смугло-розов, на кувшинках гнезда гагар...» Через кровь и муки — к новому миру, новой Руси, очищенной от скверны. Этим пафосом будут пропитаны строки его новых поэм.

Замысел «Погорельщины» возник в 1927 году, сразу после кампании против «Деревни», а писалась поэма с весны по осень 1928 года сначала в Ленинграде, а затем — на Украине, в Полтаве и в селе Старые Санжары.

Когда Клюев рассказывал Виктору Мануйлову о том, как он путешествовал в глухие леса за Печорой, как по зарубкам на вековых стволах находил отдаленные северные скиты, где «живут праведные люди, по до-никоновским старопечатным книгам правят службы и строят часовенки и пятистенные избы так же прочно и красиво, как пятьсот лет тому назад», — иной слушатель мог бы и усомниться в услышанном, а в Клюеве «распознать» сказочника или фантазера... Но вот что докладывал Наркомпросу РСФСР о своей поездке в Онежский край летом 1925 года композитор Борис Асафьев. До самых глухих мест, подобно Клюеву, он, конечно, не добрался, но и того, что увидел и услышал, — было предостаточно для чуткого уха и внимательного взгляда.

«...Удивляет и привлекает своей музыкальностью, былинной напевностью, мерностью и полнозвучием даже обыденная бытовая речь, не говоря уже о речи с оттенком поучения и повествования. Мне приходилось беседовать со стариками-раскольниками. Я поразился все еще крепкой, истово моральной и даже философской основе северного раскола и не почувствовал гнета обряда. Книги еще пишутся от руки. Пишутся и иконы по старинным лицевым подлинникам... Не так сложно услышать пение по крюкам и достать крюковые записи. Поскольку XVII век в русской музыке не так уж детально изучен, постольку северная певческая культура почти совсем не изучена... По небольшому числу услышанных мною напевов и виденных крюковых нот я считаю дело записи, перевода и купли памятников певческого старообрядческого искусства — спешным, важным делом. Не менее важна запись причитания, воплей, плачей и т. д. Известная книга Барсова преступна в том отношении, что лишает все записанное музыкальной ценности. Между тем, как мне приходилось наблюдать, — это ряд градаций: от говорка до напева, от речевой интонации до интонации песенной... Народное творчество на Севере большей частью не знает ценности только напева самого по себе. Важно слышать, как живет этот напев в процессе интонирования, а этого никакой записью не уловишь... Еще живы и старые песни. Хоровых мне слышать не приходилось, но одноголосные встречались часто: очень строгого рисунка... Материала достаточно, но добыть его нелегко: надо ходить, наблюдать, выжидать, искать случая и уметь войти в доверие. Особенно это важно в отношении раскольников. Один из них, старик, которому я почему-то полюбился, сказал мне: “Что же кому, ежели он не в смех возьмет, можно и пение послушать, и службу познать, есть такие места”. Есть еще старицы с белицами — что-то вроде скитов. В Поморском крае за Повенцом встречаются очень строгие начетчики и блюстители былых заветов. Думаю, что беспоповскую службу еще возможно наблюдать в ее нетронутом обличье, думаю, что еще удастся набрести не на один след братьев Денисовых. Ходить по Северу неопасно — воров и злых людей нет. Вот только медведи. Их боязно...

Самый удобный в смысле “даваемости в руки” материал — это, конечно, архитектурный изобразительный. Я был поражен прежде всего красотой ансамблей, то есть спайки между фоном (природа: лес, холмы, поля, вода, острова, дальние линии берегов) и церквями, колокольнями, избами,

часовнями, крестами и т. д. Чутье северянина не обманывает его, когда он удачно расположенной деревней, домом, часовней, церковью, а иногда и просто крестом отмечает как бы центральную точку и побочные центры, вокруг которых смыкается или собирает себя многообразие природы... В пути я перевидал много разного люда (и бывших солдат, и бывших рабочих, и раскольников, и селькоров, и комсомольцев, и сельских священников, и учителей школы, и крестьян-ремесленников, и торговцев, и бойких стайных-хозяек, и рабочих, и т. д.). За редким исключением у всех живет здоровый художественный инстинкт и чуткое отношение /к/ красивому виду, красивому убору. Мастерство сохранилось главным образом в области архитектурнойстройки и резьбы. “Сказ” живет, по-видимому, севернее... Вообще посещение восточного берега озера Онеги обещает много заманчивого. Мне не удалось там побывать, потому что север Онеги и особенно западная озерно-островная часть при внимательном обследовании и при вхождении вглубь отнимает много времени и энергии. Край здоровый, манящий при всей своей суровости. Надо его не только изучить в художественно-творческом прошлом, но и найти возможность удовлетворить художественные потребности настоящего и попытаться сдвинуть с мертвой точки оцепеневшее и омертвевшее искусство...»

Все духовное и материальное сокровище северных скитов воплотилось в тончайшей инструментовке «Погорельщины», где память о древнем Выге, о выговской общине — поморском оплоте раскола — органически совместилась с памятью о разгромленных и пожженных скитах Керженца. Герои «Погорельщины» — мужики-богомазы под руководством первого мастера — Павла — пишут образы красками, ни одна из которых не названа своим именем. Как некогда свершалось в поэзии Клюева «Рождество избы», рождение избыного космоса под рукой Красного Древодела, так теперь свершается «Рождество Иконы», оставляя при этом ощущение нерукотворности. Само явление иконы — «прилет журавля». И «доличное письмо», обрамляющее «Видение Лица», — пишется не собственно кистью, а «смирному Павлу в персты и зрачки слетятся с павлинами радуг полки», что выводят «голубых лебедей»... А далее:

*«Виденье Лица» богомазы берут
То с хвойных потемок, где теплится трут,
То с глуби озер, где ткачиха-луна
За кросом янтарным грустит у окна.
Егорию с селезня пишется конь,
Миколу — с крещатого клена фелонь,
Успение — с перышек горлиц в дупле,
Когда молотьба и покой на селе.
Распятие — с редьки — как гвозди креста,
Так редечный сок опалает уста.
Но краше и трепетней зографу зреть
На птичьих загонах гусиную сеть,
Лукавые мерды и петли ремней
Для тысячи белых кувшинковых шей.
То Образ Суда, и метелица крыл —
Тень мира сего от сосцов до могил.*

Сама природа помогает мастерам в их работе, отдавая свои лучшие краски образу, который перестает восприниматься как собственно искусство иконописца. Творение его рук вбирает в себя все богатство и разнообразие мира внешнего, природного, зримого. «Соком земным» напоен образ Спаса и образ Богородицы в иконах дониконовского письма, отличавшихся прозрачностью света и строгой красочностью палитры... Во время своих скитаний по тайным тропам, ведущим в древние скиты, Ключев обретал все новые и новые иконописные сокровища... В самые тяжелые времена он не желал продавать хотя бы часть своей богатейшей коллекции, и только крайняя нужда могла заставить его расстаться с любимыми ценностями своего обихода.

«Извините за беспокойство, — писал Николай искусствоведу Э. Голлербаху, — но Вы в Камерной музыке говорили мне, что любите древние вещи. У меня есть кое-что весьма недорогое по цене и прекрасное по существу. Я крайне нуждаюсь и продаю свои заветные китежские вещи: книгу рукописную в две тысячи листов со множеством клейм и заставок изумительной тонкости — труд поморских древних писателей; книга глаголемая “Цветник”, рукописная, лета 1632-го с редкими переводами арабских и сирских сказаний в 750 листов, где каждая буква выведена от руки прекрасного и редкого мастерства; ковер персидский столетний, очень мелкого шитья, крашен растительной краской — 6-ть аршин на 4 ар/шина/; древние иконы 15-го, 16-го и 17-го веков дивной сохранности; медное литье; убрус — шитый шелками, золотом и бурмитскими зернами — многолистный, редкий. Все очень недорого и никогда своей цены не потеряет. И даже за большие деньги может быть приобретено только раз в жизни...»

С подобным письмом тогда же, в январе 1928-го, Ключев обратился к Алексею Чапыгину:

«Вещи музейные, в мирное время стоящие пять тысяч рублей (я предлагал их в музее Александра III, но там нет никаких ассигновок на какие-либо приобретения), для горницы в твоей избе на Моше более прекрасного и глубокого украшения не найти... Раз в жизни такая красота и редкость и встречается и дается в руки. Мне обидно и горько пустить святое для меня на рынок. Быть может, ты сможешь дать мне за все двести рублей — и я утешился бы сознанием, что мой Китеж в руках художника...»

В «Погорельщине» образы, писанные Чириным, Парамшиным, Андреем Рублевым, — оплот избяного космоса северной деревни Сиговый Лоб, которую грозит опустошить змей. Исчезновение с иконы образа Георгия Победоносца — предвестие неминуемой катастрофы. «На божнице змей да сине море...» Насельники Сиговца станут жертвами чудовища, волны поглотят последнее пристанище родного поэту древлеправославного мира, живущего по своим древним законам. Воды Светлояра поглотили древний Китеж, спасая его от нашествия татар. Сиговцу же — нет спасения.

И последняя молитва жителей этого сказочного мира — мольба о возвращении на икону Егория, обращенная к Святому Николе, к Богоматери-Приснодеве перед иконами великих русских мастеров, воплотивших лики Сладкого Лобзания, Споручницы Грешных и иных ликов Богородицы, — исполнена силы поистине трагической:

*Обрадованное Небо —
К Тебе озера с потребой,
Сладкое Лобзание —
До Тебя их рыдание!
Неопалимая Кутина —
В чем народная вина?
Утоли Моя Печали —
Стань березкой на протале!
Умягчение Злых Сердец —
Сядь за теплый колодец!
Споручница Грешных —
Спаси от мук кромешных!*

*.....
По моленным нашим
Чири да Парамшин,
И персты Рублева
Словно цвет вербовый!
По зеленым веснам
Прилетает к соснам
На отцов могилы*

*Сирий песнокрылый.
Он, что юный розан,
По Сиговцу прозван
Братцем виноградным,
В горестях усладным!*

А начинается поражение Великого Сига, где «отец «Ответов» Андрей Денисов и трость живая Иван Филиппов суземок пили, как пчелы липы. Их черным медом пьяны доселе по холмогорским лугам свирели, по сизой Выге, по Енисею седые кедровые дымы веют...» («черный мед» отсылает к диалогу Платона «Ион», где мед собирается «слепыми лирниками» — поэтами, подобными Гомеру)... Начинаются потрясения со страшной песни Настеньки, Анастасии Романовны, которую слишком соблазнительно было соединить то с Настасьей — Воскресением из песнопений, то с якобы спасшейся младшей дочерью Николая II... Но свою Анастасию Клюев не рвущейся нитью связывал с трагически гибнущей Настенькой — героиней П. Мельникова-Печерского, ибо под знаком его романов «В лесах» и «На горах» писались поэмы этого периода... Мы видели это в «Плаче о Сергее Есенине». И в «Погорельщине» не менее явственные текстуальные совпадения.

«Лежит Настя не шелохнется; приустали резвы ноженьки, притомились белы рученьки, сошел белый свет с ясных очей. Лежит Настя, разметавшись на тесовой кроватке, — скосила ее болезнь трудная... Не дождей вода в мать сыру землю уходит, не белы-то снега от вешнего солнышка тают, не красное солнышко за облачком теряется — тает-потухает бездольная девица...»

Так у Мельникова-Печерского. Его Настенька жизнью заплатила за грех допущенный. А у клюевской Настеньки — грех того страшней.

*Не белы снеги да сугробы
Замели пути до зазнобы,
Не проехать, не пройти по проселку
Во Настасьину хрустальную светелку!*

*Как у Настеньки женихов
Было сорок сороков,
У Романовны сарафанов —
Словно у моря туманов!..*

.....
*Уж как лебеди на Дунай-реке,
А свет-Настенька на белой доске,
Не оструганной, не отесанной,
Наготу свою застит косами!*

Это — не «тесовая кроватушка» и не мирная кончина на ней. И «сорок сороков женихов» — не единственный суженый. Тут волей-неволей вспомнишь (и без сомнения — Клюев помнил!) адские радения Пимена Карпова в начальных сценах романа «Пламень». Неонилу, «сладкую, как яд».

«...Увидев, как встrepенулась Неонила на кресте в диком выгибе, мужики, сбивая друг друга с ног, ярим кинулись на нее шквалом. Припали к розовым горячим ее щекам, к алому вишневому рту, к глазам, мутно-синим, задернутым сумраком страсти. Лютое лютого был им поцелуй Неонилы — змеиный поцелуй ненависти... Неонилы ли, веселой яровухи-полонянки, не знать? Ее ли ласк, любж и присух не помнить? Кто ни припадал больно и страстно к знойной ее ландышевой груди, к сладким вишневым устам?»

Весь грех Анастасии Клюев, в отличие от Карпова, оставляет за пределами поэмы — и лишь в песне Настеньки, перебившей только начатую песню, что завела зозуля, о «батыре-есауле» (тут же — отсыл к «сказочному богатырю», которого так и не дождалась Настенька Мельникова-Печерского) — слышится щемящая нота позднего раскаяния.

*Ты, зозуля, не щemi печенки
У гнусавой каторжной девчонки!
Я без чести, без креста, без мамы
В Звенигороде иль у Камы
Напилась с поганого копытица,
Мне во злат шатер не воротиться!
Ни при батыре-есауле,
Ни по осени, ни в июле,
Ни на Мезени, ни в Коломне,
А и где с опитухи не помню,
Я звалась свет-Анастасией!..*

С этих «слов лихих» и начинаются все нестроения. Как сокровища собирают по камушку, как нотка к нотке обретает звучание симфония, как ниточка к ниточке ткется полотно — так и человеческий микромир, община держится на каждом — блюдущем закон и нравственную чистоту. Змий бессилен перед крепостью духовной и душевной, но стоит впустить его в себя...

Резчику Олехе слышится в песне Настеньки голос деревьев, жаждущих стать срубом или дровнями, кружевница Проня слышит голос кукушки, нагадывающей свадьбу, гончарник Силиверст угадывает стон гончарного котла — все вместе предвещает недоброе. И лишь иконописец Павел знает, что это — конец. Конец гармоничной жизни, конец родного, вспоившего и вскормившего мира.

*Чадца, теля не от нашей рыси,
Стала ялова праматерь на удои,
Завывают избы волчьим воем,
И с иконы ускакал Егорий —
На божнице змий да сине море!*

«Иконник Павел — насельник давний из Мстер Великих, отец Дубравне...» Словно улавливаешь не сразу, а всмотревшись в клюевский образ «иконника» — Сергея Клычкова, чья «Дубравна» еще недавно была у всех на слуху. И к клычковскому «Чертухинскому балакирю» отсылает «медведь», несущий в зубах книгу «Златые уста» — что сродни легендарной «Голубиной», медведь, которого Клюеву, в отличие от Асафьева, не было «боязно»...

*Когда Олеха тесал долотцем
Сосцы у птицы, прошел Сиговцем
Медведь матерый, на шее гривна,
В зубах же книга, злата и дивна.
Заполовели у древа щеки,
И голос хлябкий, как плеск осоки,
Резчик учуял: «Я — Алконост,
Из глаз гусиных напьюся слез!»*

Вселенская, человеческая, Божеская и природная гармония царит в первой части поэмы, где «изба — криница без дна и выси — семью питает сосцами рыси. Поет ли бахарь, орда ли мчится, звериным пойлом полна криница...» И как страшно было услышать вещий голос Павла: «Чадца, теля, не от нашей рыси...»

«Рысь» — царство греческое, откуда пришло на Русь христианство — по толкованию Апокалипсиса... И перед окончательным поглощением Сиговца змием — уходят святые и уходят в мир иной насельники дивного старого мира. Двуликий Сирий посреди снежного февраля поет по-гречески молитву Иисусову — и умирает Павел... В мае месяце видятся Олехе Зосима и Савватий, покидающие Соловки, — и Олеха уходит в мир иной. Проню зовет с собой Алконост — птица печали, и Проня покидает землю. «Степенный свекор с Силиверстом», поселившиеся в келье, получают весточку от Нила Столбенского, жившего за два века до основания Выга... Так смыкаются времена, так единая Святая Русь всех эпох, всех святых и героев уходит с этой земли. Два старца приуготовляются к смерти в огненной купели, собирая вокруг себя на прощание всю живую тварь. Как писал в «Истории Выговской пустыни» Иван Филиппов — «трость живая», по слову Клюева, которого читал и перечитывал Николай, обливаясь слезами:

«Не к тому проповедашеся восточный закон благодатный, но западный ратный. Всюду бо мучительства меч обогранный кровию неповинною новых страстотерпцев видящеся, всюду плач и вопль и стонание, вся темницы во градах и весях наполнишася христиан древняго держащихся благочестия. Везде чепи бряцаху, везде вериги звеняху, везде тряски и хомуты никонову учению служаху, везде бичи и жезлие в крови исповеднической повсядневно омочахуся. Проповедницы никоновых новин, яростию и гневом и мучительством вместо кроткого духа дыхяху: биением и ранами, а не благодатию Христову увещеваху, лукавством и коварством злобным, а не апостольским смирением к вере своей привождяху, и от такового насильованного лютаго мучительства облияхуся все грады кровию. Утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плачи и в стонании пустыни и дебри... А елицы не могоша вышписанных мук терпети, мнози же и число превосходящий народи вооружающеся верою собирахуся, кому где возможно бяше. При нашествии мучителей и от них сожигахуся, а овия от их наезду со оружием и пушками боящеся из мучительства сами сожигахуся».

То был подвиг духа несломленного, веры благодатной. Ныне же на месте бывшей некогда гармонии и красы — «в горенке по самогонке тальянка гиблая орет» (и как тут не вспомнить есенинский «Сорокоуст»: «Не с того ли вплелась тужиль в переборы тальянки звонкой, и соломою пропахший мужик захлебнулся лихой самогонкой!»)... А на месте Олехи, Прони, Павла —

*Несло валежником от суши,
Глухою хмарой от болот,
По горенкам и по валушам
Слонялся человечесий сброд.
И на лугу, перед моленной,
Сияя славою нетленной,
Икон горящая скирда...*

Тех, кто ушел — не вернуть. И лишь «песнописец Николай» — последний из них — свидетельствует современникам «нерукотворную Россию», Святую Русь, которая и ему открывается, лишь когда сердце песнопевца, покинув свое грудное обиталище, открывает медные врата... Видно, Николай знал, что и на нем грех велик. Принял лютых безбожников за восстановителей правой веры, шел с ними бок о бок, песни им слагал от души — не из «страха иудейска»... И вот она — награда.

Картина пожирания Сиговца змием — сродни дореволюционному полотну Николая Рериха «Град обреченный», где город окольцован гигантским змием — и нет в него ни входа, нет из него и выхода. Картины людоедства, взаимопожирания «человечьего сброда» (да ведь и дети там же были!) отнесены к 1919 году, что «горше каторжных вериг» — году клюевского евразийства и революционных гимнов.

Тонкая песенная инструментовка голосов Святой Руси, разнообразие ритмов начала поэмы сменяется кованым ямбом, когда вступают в свое право смертные голоса: в этом кованом ритме проходят перед нашими глазами сцены смертей, самосожжения и людоедства... И к финалу поэмы — ритм снова меняется. Вступает мелодия старины — и начинается рассказ о «славном Индийском помории» — клюевской мечте, которое цветет и хорошеет

подобно Сиговцу в начале повествования. Но и Лидда, выстроенная сказочным князем Онорием, обречена — не устоять ей перед сарацинскими мечами.

Кручинилась Лидда, что краса ее вся рукотворная, а цветов нет на ее земле. И лишь после гибели на месте града стольного — «вырастали цветы белоснежные». Ордой иссечен лик Одигитрии, но Богоматерь награждает землю, на которой стояла Лидда, вымоленными цветами.

Вспоминал, вспоминал Ключев в другой жизни виденную и слышанную оперу Н. М. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии»:

*А и сбудется небывалое:
Красотою все изукрасится,
Словно райский крин процветет Земля,
И распустятся крины райские...
...Время кончилось — вечный миг настал...*

Лидда — родина Георгия Победоносца, оставившего свое место на иконе в распадающемся Сиговце...

Поразительно и это прозрение Ключева. Двадцать лет спустя после создания «Погорельщины», 11 июля 1948 года палестинская Лидда, город, где мирно уживались христиане и мусульмане, был расстрелян боевиками. Было убито 250 человек, остальные — изгнаны по дороге на Рамаллу. Завоеватели вывезли из города 1800 грузовиков награбленного добра на продажу...

* * *

Ключев хлопотал об издании «Погорельщины» на протяжении двух лет. Ни одна из попыток не кончилась, да и не могла, по сути, кончиться удачей. Кампания против «Деревни» и объявление Ключева «кулацким поэтом» даром не прошли: он был подвергнут самому настоящему литературному ostracismu.

Поэт, чьи стихи входили в самые основные антологии и хрестоматии, включая хрестоматии для юношеского чтения на протяжении всех 1920-х годов, — к 1929-му оказался выброшен из литературы. В периодике его стихи больше не появлялись — редакции категорически отказывались иметь с ним дело. В том же году прекратились и официальные публичные выступления — Николай больше ниоткуда не получал приглашений.

В 1928-м вышел в издательстве «Прибой» его последний прижизненный сборник стихов — «Изба и поле», состоящий из трех разделов («Изба», «Поле», «Урожай»). Полторы тысячи строк из книги выбросила цензура, но даже того, что осталось — хватило для представления молодому поэтическому поколению уникального творческого мира. Книга открывалась «Рождеством избы», а завершалась плачем Первой мировой, который уже совсем по-иному звучал в 1928-м.

*Что ты, нивушка, чернешенька,
Как в нужду кошель порожнешенька,*

*Не взрастила ты ржи-гуменницы,
А спелегала — к солнцу выгнала
Неедняк-траву с горькой пестушкой?*

Преимущественно в книгу вошли стихи из «Сосен перезвона», «Лесных былей» и «Мирских дум». И лишь в последнем разделе Ключеву удалось сохранить несколько стихотворений послереволюционной поры, вошедших некогда в «Львиный хлеб».

А кампания против него все нарастала, а смертоносная волна все набирала силу.

«Что опасно?». «За живых — против мертвых». «Кнутом направо». «Деревенский отряд новобуржуазной литературы». «Избяной обоз». «Против пейзажства». «Вынужденные вопросы». Статьи Лелевича, Авербаха, Замоиского, Бескина сыпались на страницы журналов и газет, как из мешка Бабы-яги.

Дошло дело до того, что от своих старых друзей отрекся в «Красной ниве» Петр Орешин. Отрекся в стихах. В небольшой поэме «Моя библиотека».

Когда-то, мечущийся, пишущий без роздыху «революционные» поэмы («плохие коммунистические стихи», как охарактеризовал их Есенин), декларирующий: «Будет врать о любви и о боге, и о многом, о многом другом. Не вернут нас ни кони, ни дроги в старорусский родительский дом», — он, не могущий подавить в себе пронзительной лирической ноты, одновременно жаловался и тосковал — и создавал совершенно удивительные стихотворения, в каждой строчке которых слышались и радость, и отчаяние, и гнев, и удивление.

*Соломенная Русь, куда ты?
Какую песню затянуть?
Как журавли, курлычут хаты,
Поднявшись в неизвестный путь.
.....
И что ж? Крестом, как прежде было,
Никто себя не осенил.
Сама земля себя забыла
Под песню журавлиных крыл.*

*Ой, Русь соломенная, где ты?
Не видно старых наших сел.
Не подивлюсь, коль дед столетний
Себя запишет в комсомол.*

Приблизительно в то же время Орешин обратился с гневной поэтической инвективой в адрес имажинистов (и Есенина вкуче), в которой была симптоматичная строфа: «Вам Ключев противен до боли, по мне — он превыше вас, и песни его о русском поле запоются еще не раз!» Не слишком лирично и слишком декларативно — но гнев при виде стаи литературных дикарей в цилиндрах превалировал над всем остальным... Пройдет еще несколько лет — и Орешин создаст лиричнейший цикл, посвященный памяти Сергея Есенина, иные строфы которого и ныне вспоминаются как образцы высокой поэзии.

*Желтый лист несут метели
 Через перевал...
 Не Сережа ли с похмелья
 Кудри растерял?
 В поле холодно немножко,
 Белый ветер лих.
 Хорошо звенит гармошка
 В пальцах ледяных.
 Растрепать бы не пора ли
 Нам земную сонь?
 Три березки заплясали
 Под его гармонь...*

Прогремят на всю страну бухаринские «Злые заметки», и Орешин ответит на них стихами, исполненными недоумения и решительного несогласия с филиппиками партийного идеолога: «Не верно, сельские баяны, певцы крестьянской стороны, как будто родине багряной мы стали больше не нужны... Пускай кому-то не по нраву пришлось удары наших струн. Шумит же лес, поют же травы, гудит же ветер-рокотун...» А потом...

«Перестраивались» тогда многие. Башмаков не успев износить, жгли все, чему поклонялись, поклонялись всему, что сжигали (это же мы наблюдали сами уже в наше время — и это «с нами войдет в поговорку», перефразируя пастернаковскую строчку 1925 года). Подобные «переодевания» были как бы в порядке вещей... Но «переодевание» Орешина было воистину скоропалительным.

Года не прошло со времени «есенинского цикла», а уже складывались строки, подводящие черту под прежней любовью.

*На полке спит Сергей Есенин.
 Четыре тома — тоже кладь.
 Но мир ему в стране весенней,
 Где хорошо ему лежать.*

*Я ухожу, и не за славой,
 Чем дорожил ты, что берег...
 Прости, родной, прости, кудрявый, —
 Кричу тебе с других дорог.*

*Что ж делать, ежели я вырос,
 И брюки стали коротки,
 И тесен в поле сельский клирос,
 Твои снега и ямщики?*

*Мы знали взлет железной стаи,
 Но не воспели, кинув грусть,
 Как в поле, например, Чапаев
 Распулеметил нашу Русь!*

Этого не перескажешь — это нужно приводить в максимально пространственных извлечениях. Что перед этим всевозможные безыменные, бески-

ны и авербахи — которых изначально воротило от слова «Россия», которые всегда лютой ненавистью ненавидели русскую деревню и русского мужика! Это даже не «эстет» Городецкий, поменявший уже в своей «гардеробной» массу «костюмов» и решивший, что сейчас лучше всего по плечу — кожаная куртка... Нет, здесь совершается нечто грандиозное — перестройка самого русского поэта, которого влечет во «всемирность»!

Влечет? Который — сам себя за волосы в нее тащит! Который — буквально заставляет себя отрекаться от своих друзей, готовясь к воспеванию «распулемечиванья» Руси!

Кем был еще недавно для Орешина Сергей Клычков?

*Черный волос — две покрываши,
Образом — сосна.
Бор шумит. Луна — коврижкой
А в бору — Дубна.*

.....
*Буйным городом изранен,
Синим лесом пьян,
Ты по паспорту — крестьянин,
А душой — цыган!*

Теперь же — картина совершенно иная.

*Ты жив еще, здоров?.. Ну что же,
Давай простимся подобию,
Пришла пора, и ты, Сережа,
Быть другом перестал Петру.*

.....
*Благодарю! Пора настала.
Разлука к горлу подошла.
За нашу дружбу мы немало
Понаписали барахла.*

.....
*Послушай шум огня лесного,
О том ли шепчет наша рожь?..
Недалеко уйдешь с Лесковым,
Да и с Печерским не уйдешь.*

*Но есть конец всему, не так ли?
Коварна жизнь, коварен свет.
Я ухожу из русской сакли,
Я больше не мужик — поэт!*

«Лесков с Печерским» уже не пример и не ориентир потому, якобы, что «ведь были ж, были Уитмены, Верхарны и Эмиль Золя!» Да верил ли сам Орешин самому себе? Вопрос не зряшный — больно уж поверхностно это «отречение», слишком уж не выбираются слова, неуклюжи самооправдания. Совершенно Орешин теряет себя, когда набредает в своем «книжном шкапу» на подаренные томики Клюева:

*А это кто, почти безбровый,
Почти беззубый, как бабай?
Ахти, два тома Песнослава,
Смиранный Клюев Николай.*

.....
*Сочувствую, кто об эпоху
В беспутьи голову расшиб.
Кто старостью и нудным вздохом
Сочится, как в носу полип.*

Это — чуть ли не калька со стихотворения неугомонного Безыменского, который годом ранее в «Красной газете» прямо отправлял Клюева в белую эмиграцию:

*Скорей разбей свои скрижали
И потуши лампадный лик,
О, ты, — олонецкий рижанин
И милюковский рюсс-мужик!*

Но, похоже, разлад внутренний настолько вышиб Орешина из колеи, что даже Безыменский в своем клеветническом опусе кажется более грамотным и складным...

В конце декабря 1928 года Клюев пишет Сергею Клычкову. Делится новостями, благодарит за помощь — и жалуется, мечтает, недоумевает...

«Кланяюсь тебе низко и благодарю крепко за твою любовь ко мне и теплую заботу! Чем только я заслужил все это пред тобою. Поздравляю тебя с наступающим праздником Рождества Христова и Новым Годом! Желаю тебе груды лунного золота — из какого создан Чертухинский балакирь. И жемчугов-хризопрасов народных.

Я живу по-старому, то есть в бедности и одиночестве. Зима эта очень тяжелая — нет самого необходимого; что можно было продать — продано, и если я сообразно твоего письма заслуживаю персональную пенсию, то возьми на себя труд и милосердие собрать подписи писателей и ученых в Москве, а на подписном листе выработай соответствующий заголовок... У меня написано за это время четыре поэмы. Но навряд ли их можно издать, хотя бы и в “Круге”.

Если бы можно было переиздать “Львиный Хлеб” — книга эта на три четверти не вышла из типографии, и в продаже ее — по крайней мере, в Питере — нигде нет. Книгу эту можно было бы и дополнить. Если собрать мои поэмы: “Четвертый Рим”, “Мать Суббота”, “Деревня”, “Заозерье”, “Плач о Сергее Есенине” и большую поэму “Погорельщина”, то тоже бы получилась хорошая книжка. Но, повторяю, навряд ли это возможно.

Что за выступление Орешина? И что ему надо от нас — его подлинных братьев?..»

Вот так — называет себя и Клычкова «подлинными братьями» Орешина, и его, стало быть, считает «подлинным братом» — и словно невдомек ему, как эти «братья» предавать могут, хотя жизнь уже всему, чему могла, казалось бы, научила.

Тоскующий, изнемогающий от одиночества, он зовет Клычкова к себе в гости, в Ленинград, и сообщает ему, что келью держит в чистоте и опрят-

ности, что ни он к писателям не ходит, ни они к нему... «Приходит только узбек-юноша, споев песню про бедного верблюда, поплачет о своей Персии верблюжьими слезами. Я часто плачу... Ты знаешь — о чем. Ах, если бы мне дали ежемесячное вспомоществование! Ведь во всех школах и вузах учатся по моим стихам. Много моих песен переложено на музыку, существуют переводы и на европейские языки...»

Ведь так оно все и было. В то время, когда не прекращался огонь по Ключеву из всех журнальных и газетных орудий, школьники и студенты изучали его поэзию по «непрочищенным» хрестоматиям и антологиям. А что касается переводов — то к тому времени его стихи уже были известны и в Европе, и в Азии, и в Америке, переведенные на английский, немецкий, итальянский, французский, японский, чешский и латышский языки. Чапыгин в одном из писем к Горькому, сообщая, в частности, о том, как извелся непечатаемый и нищий Ключев, упоминал также о человеке, который осуществлял переводы Ключева на немецкий.

А что касается музыки... «...Недавно в Питере в бывшей Императорской Капелле шла моя поэма Песнь Солнценосца — очень красивый был вечер. Хор двести человек, оркестр — струнный, человек сто... Но мне не причиталось ни копейки. Расходы Капеллы далеко превысили доходы. Одних нот нужно было переписать рукой до тысячи листов. Музыка подлинно русского человека Андрея Пащенко...» Премьера героической поэмы «Песнь Солнценосца» для хора, соло и оркестра состоялась в Ленинграде 18 ноября 1928 года — и это было первое и единственное музыкальное исполнение ключевской поэмы. На экземпляре концертной программы Николай начертил своей рукой: «Музыка Пащенко на мою песню очень мне понравилась — она, как ветер в деревьях, так необходима для моих стихов. Прекрасны и свежительны поцелуи ветра с деревьями. Н. Ключев».

...Он не устал пробивать в печать «Погорельщину» — все попытки были безрезультатны. Он раз за разом устраивал публичные чтения поэмы — здесь была двоякая цель: ознакомить поэму с как можно большим количеством слушателей — *избранных* слушателей, и заработать хоть что-нибудь на жизнь.

Слушания были платными. Публично это не объявлялось, но каждый из приходивших на чтения знал: поэт нищенствует, и плата необходима. Деньги собирал заранее назначенный человек и потом в укромном уголке вручал «гонорар» Ключеву. А тот мог лишь вспомнить стародавние времена — когда был гостем литературных салонов, где подобное было в порядке вещей, но где смотрели на него преимущественно как на экзотическое существо. Теперь же — его созерцали и слушали, как представителя **последней Руси**.

Я могу лишь представить себе подобную картину, основываясь на личном опыте. В начале 1980-х годов примерно так же устраивались домашние концерты гениального русского певца Николая Тюриня. Доступ на большую сцену ему был закрыт, а на телевидение он пробился лишь однажды — благодаря усилиям, которые предпринял его неистовый поклонник — Вадим Валерианович Кожин. Собирались избранные поклонники тюринского певческого дара, после двухчасового концерта разливали скромный чай и раздавали домашнее угощение, а перед выступлением тихо проходил обязательный сбор денег.

...Клюев читал «Погорельщину» во многих домах. В Доме писателя, в Доме деревенского театра, на званых вечерах в квартирах людей, жаждущих послушать великое поэтическое произведение... В Доме писателей его выступление предварял молодой и самоуверенный критик Ефим Добин.

— Настоящий поэт лишь тот, кто умеет воспеть, как строится блюминг и добывается нефть. Все остальные — несозвучны эпохе. Сейчас перед вами один такой «чужак» выступит. Это, товарищи, поэт Николай Клюев. Творческий труп! Стихи его — устаревшая рухлядь. Я уверен, что вы встретите его пролетарским равнодушием.

О дальнейшем вспоминал через много лет Вячеслав Завалишин:

«Слушатели с любопытством ожидали, когда появится поэт, которого им предлагали “почтить” пролетарским равнодушием. Наконец появился мужичок с зоркими, с хитринкой глазами. Он был в длинной, украшенной узорами рубашке, сшитой из яркого шелка и доходившей ему до колен. Так обычно одеваются гуслиеры, выступающие в ресторанах, где бывают знатные иностранцы, — чтобы поразить посетителей экзотикой “кондовой” Руси.

Николай Клюев начал читать свою поэму... Все сразу поняли, что так может читать только настоящий крестьянин и настоящий народный поэт. Клюев держал в напряжении весь зрительный зал. Нам казалось, что мы чудом перенеслись в сказочный, легендарный край, имя которому — Русь. Клюев умел захватывающе читать стихи. Он, пожалуй, даже не читал, а распевал их, как это делают сказители былин. Выступление поэта имело исключительный успех, буквально ошеломивший мелкотравчатых урбанистов, выпустивших его...»

«Читал предельно просто, — вспоминала Валентина Дынник, — но все было словно заколдовано. Я считаю, что совершенно свободна от всяческих суеверий, но на этот раз во мне возникло ощущение, что передо мною настоящий колдун... Колдовство исходило от самого облика поэта, от его простого, казалось бы, чтения. Повеяло чем-то от “Хозяйки” Достоевского».

«...Клюев читал до второго часа замечательную “Погорельщину” и читал мастерски. Очень хорошо», — записывал в дневнике Михаил Кузмин.

А в Москве слушателями «Погорельщины» кроме Сергея Клычкова и Петра Орешина (пришел — и слушал безотрывно!) были и Александр Воронский, и Иван Катаев, и все критики и прозаики «Перевала», и Михаил Нестеров, и о. Павел Флоренский.

Иванов-Разумник, пришедший в дикий восторг от поэмы, отправил переписанные отрывки из нее Андрею Белому — и получил от того следующее послание:

«Дорогой друг, еще не ответил Вам ничего на Вашу любезность: спасибо за отрывки из Клюева; вероятно, “Погорельщина” вещь замечательная; читал отрывки, от некоторых приходил в раж восторга; такие строки, как “Цветик мой дитячий” и “Может, им под тыном и пахнет жасмином от Саронских гор”, напишет только очень большой поэт; вообще он махнул в силе: сильнее Есенина! Поэт, сочетавший народную старину с утончениями версификационной/технической XX века, — не может быть небольшим; стихи технически — изумительны, зрительно — прекрасны; морально — “гадостны”; красота имажинации при уродстве инспирации... Изумительные по образам, содержанию, ритму и технике стихотворения, “Виноградье мое со калиною” воняет морально: от этих досок неотесанных, на которых “на-

гота прикрыта косами”, идет путь неприемлемого, больного, извращенного эротизма; и если я услышал в «А/нтропософском/ О/бществе/ в 22/м/ году запах смеси “*парфюмерии с трупом*” и чуть ли не упал в обморок от него, то от стихотворений/ Клюева, прекрасных имажинативно и крупных художественно, разит смесью “*трупа с цветущим жасмином*”; я не падаю в обморок, потому что соблюдаю пафос дистанции между собой и миром поэзии Клюева...

Невыразимо чуждо мне в этих стихах не то, что они о “гниловатом”, а то, что поэт тончайше подсмаковывает им показываемое; в этом смысле и склонение “*сосцов*” (?!) “Иродиады” (?!). Клюев не верит ни в то, что Иродиада — Иродиада, в правду “*песни*”, долженствующей склонить “*сосцы*” (непременно “*сосцы*”!), ни в “Спаса рублевских писем”, которому “*молился Онисим*”. “Спаса писем» — “Онисим” — рифма-то одна чего стоит! Фу — мерзость!

Так Спаса не исповедуют!

...Гюисмансу много лет назад было простительно “гутировать” святости; но и он трепетал! А этот — не трепещет; и чего доброго, ради изыска, пойдет в кафе-кабаре прочесть строчку: “Граждане херувимы, прикажете авто!”

Наденет поддевичку, да и споет под мандолину свое прекрасное “кислоквасие”, проглотив предварительно не один “*ананас*” от культуры, кишашей червями. И оттого: “*двуногие пальто*”, презируемые Клевым, мне ближе: где им до эдакого изыска; у “*двуногих пальто*” нет и представления о том, что возможны такие кошунства: “*Мы на четвереньках, нам мычать да тренькать в мутное окно*”, — участь клюевской линии; ее дальнейший этап — “*четвереньки*”: Навуходоносорова участь!

А поэзия его изумительна; только подальше от нее; и говоря “по-мужицки, по-дуралцки”, я скорей с Маяковским; люблю его отмеренную, простой любовью: “*от сих до сих пор*”...»

Прочтя это письмо Андрея Белого, без труда угадаешь — какие, в частности, отрывки «Погорельщины» послал ему Иванов-Разумник. Послал с определенным расчетом.

После гибели Сиговца «сосновые херувимы» слетаются на стогны современного Ленинграда, города, которому по старинному пророчеству — Санкт-Петербургу тогда — пусто быти... Слетаются в жилище Иродиады — старшей дочери Ирода-царя, что потребовала главу Иоанна Крестителя, — дабы умиловить ее своей песней, умолить принять принесенные дары...

*Для нее мы в кошеле рысьем
Мирской гостинец несем:
Спаса рублевских писем, —
Ему молился Онисим
Сорок лет в затворе лесном!*

Андрей Белый, которого передернуло от этих строк, не знал и знать не мог — что раскрывает здесь Клеув: тайное тайных, вынесенное им из давнего общения с «христами». Они ведь поклонялись иконам, соединяя в своем воображении лики святых с образами собственных «святых». Икона Иоанна Предтечи с крыльями за спиной соединялась в их восприятии с образом почитаемого ими «христа» Онисима... Так в «Погорельщине» со-

единилось все самое одухотворенное, что воспринял поэт на своих русских путях: языческую радость воссоединения с миром природным, староверческие заветы, «духовные полеты» сектантства...

Нежному гласу херувимов отвечает грубая советская улица, которую готов был предпочесть Белый:

*Выла улица каменным воем,
Глотая двуногие пальто.
«Оставьте нас, пожалста, в покое!..»
«Такого треста здесь не знает никто...»
«Граждане херувимы, — прикажете авто?»*

Это утрированное воспроизведение «диалога» Клюева с новыми редакторами газет и журналов. Но это — лишь поверхностный слой. А на глубине — кардинальный разрыв в языке, в понятийных категориях между поэтом и теми, кто взял на себя роль арбитров идейной и художественной шкалы ценностей. Между еще живой Старой Русью — и новым временем, беспощадным к старине, безжалостным к традиционным ценностям, еще не ведающим, что предстоит к ним вернуться.

Иванов-Разумник знал, что делал, когда посылал Белому, некогда триумфально величавшему Клюева, именно этот отрывок «Погорельщины». Он не единожды уже высказывал своему старому литературному другу недовольство его «перестройкой», как написал Разумник в своих позднейших воспоминаниях: «Давняя дружба соединяла нас, но за последнее время стали омрачать ее непримиримые политические разногласия; не то, чтобы черная кошка пробежала между нами, но черный котенок не один раз уже пробовал просунуться — с тех пор, как... Андрей Белый сделал попытку провозгласить “осанну” строительству новой жизни, умалчивая о методах ее...» Послание одного бывшего «скифа» другому должно было символизировать «литературный документ сопротивления» третьего, а ответ второго «скифа» (перестраивавшегося гораздо более тонко, чем тот же Петр Орешин) — говорил о неприятии именно идейного содержания присланного, хотя неприятие это всеми возможными средствами маскировалось под неприятие эстетическое. И Белый, и Разумник поняли друг друга прекрасно, но ни один из них не понял в целом (а скорее, и не захотел понять) одно из гениальнейших творений русской и мировой поэзии.

Исключительно как «документ сопротивления» расценивали «Погорельщину» и в ленинградских кружках молодежи, хорошо знакомой Иванову-Разумнику, где частыми гостями были старые социалисты-революционеры. Когда руки ГПУ дошли до этих кружков, то на допросах стали выясняться весьма интересные подробности.

«Кружок принимает, и в этом сказалось влияние Иванова-Разумника, — определенное эсеровское направление, это сказалось и на характере литературных чтот, которые принимают народнический характер. На собрании кружка, происходившем на квартире В. А. Гаммер, был приглашен кулацкий поэт Клюев, который прочитал свою контрреволюционную поэму “Погорельщина”, увлекшую слушателей. На одно из собраний по специальной договоренности должен был приехать Иванов-Разумник для чтения одной из своих эсеровских статей, но в день приезда предупредил

по телефону, что приехать не может, так как опасается это делать в связи с происходящими арестами...

Для эсеровских настроений кружка характерен факт распространения в 1932 году среди его членов размноженных мною на машинке экземпляров нелегальной поэмы Клюева, оплакивающей уходящую кулацкую Русь. Поэма получила известность, для совместных чток ее собирались группами, в частности, совместно читали ее, восторженно комментируя, Громов, Ку克林, Бианки и Павлович. Поэму привез от Клюева из Москвы Павлович. Поэма цитировалась и заучивалась членами кружка и распространялась дальше. На отпечатку этой поэмы, на бумагу и пр. мною были собраны от членов кружка необходимые средства. Максимов мне заявил, что, распространяя и размножая эту поэму, я делаю «истинно культурное дело» (из показаний библиотекаря Е. Н. Дубова по «делу» «Идейно-организационного центра народничества»).

Но думается, что наблюдение за Клюевым и первые документы его так называемого «агентурного дела» (которое, безусловно, существует, но к которому нет доступа) начали складываться до привоза поэмы из Москвы, — тогда, когда первые экземпляры «Погорельщины» стали ходить по рукам. Поэма с самого начала стала восприниматься как оружие, направленное против становящегося строя.

А к этому времени у Клюева сложилась еще одна поэма, содержание которой в этом отношении было, выражаясь современным жаргоном, «круче», чем содержание «Погорельщины».

Поэма, название которой Клюев подбирал долго и мучительно. Сначала она называлась «Каин». Потом имя первоубийцы сменилось местоимением «Я» — так Клюев отождествил себя с проклятым сыном Адама. И, наконец, остановился все же на «Каине».

Горечь и боль за уничтоженную родину смешивается здесь с пронзительной нотой самобичевания. Вкусившие отраву политической демагогии простые люди так же наравне с идеологами разрушения принимали участие в истерических сборищах, называемых «митингами», так же с упоением отрекались от старого мира, разрушая свои же духовные святыни. Да и сам поэт, быстро, по счастью, опомнившийся, послужил своим пером этой адской революционной вакханалии.

Вспомним, еще раз, однако...

*Ура, Осанна — два ветра-брата
В плащах багряных трубят, поют...
Завод железный, степная хата
Из ураганов знамена ткнут.*

*Убийца красный — святей потира,
Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...
Браду морскую, волосья мира
Коммуна-пряха спрядает в нить.*

«Пулемет... Окончание — мед. Видно, сладостен он для охочих — Пробуравить свинцом народ — Непомерные, звездные очи...» Эти строки, кото-

рые сейчас поистине страшно читать, тогда сменялись другими, в которых восторг от происходящего смешивался с душераздирающим ощущением духовной катастрофы: «Кровохарканьем Бог заболел, — оттого и Россия пурпурна...» Негодяя и язва, восторгаясь и иронизируя с горькой усмешкой, Клюев временами доходил до откровенного кощунства, своим примером как бы подтверждая мысль одного из героев Достоевского: «Широк русский человек. Я бы его сузил...»

Осознав со временем, к чему эта широта привела Россию, Клюев в 1929 году пишет поэму покаяния. Братоубийцу Святополка в народе называли окайнным — «окаинившимся». Раскаяние — освобождение из-под власти Каина. Клюев понимал, что ему самому это покаяние за содеянное с Россией нужнее, чем кому бы то ни было. Сотни стихотворцев, талантливых и бездарных, были в этом отношении безнадежны. Охмелев от крови бессудных расправ, они продолжали петь в том же духе, независимо от того, что одни герои их виршей, вставшие к стенке, сменялись другими, еще не вставшими.

*Задонск — Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой.
Где лик России — львы и козы
Расшиты ангельской рукой —
Все пережной, жилище сора.
Братоубийце не нужны
Горящий плат и слез озера
Неопалимой купины!*

*Узнай меня, ткач дум и слова,
Я — враг креста, он язва нам,
Взалкавшим скипетра срамного
Державным тартара сынам!*

В этих словах Каина слышны то громогласные, то приглушенные речи миллионов наших соотечественников — от современников поэта с их проклятиями «опиуму для народа» и «лапотной Расеюшке» до нынешних одурманенных остолопов, еще совсем недавно радостно вопивших о «конце империи».

Уже в «Погорельщине» отчетливо выявилась у Клюева музыкальная нота пушкинского «золотого века». Эта нота еще отчетливей звучит в «Каине», в самой поэтической материи произведения. В то же время прямые отсылки поэта к Пушкину и Лермонтову создают потрясающий душу контраст — словно бесследно исчез чистый горный Кастальский источник, и страждущий путник оказался перед зловонной лужей.

*Ах, Зимний сад — приют Эроту,
Куда в разгар любви и сил
Забить мирскую позолоту
И злоязычную заботу
Великий Пушкин заходил.
Зачем врага и коммуниста*

*Ты манишь дымкой серебристой,
Загадкой грота и скамьей
С разбитой урной над водой.*

Прекрасное манит всякую нечисть. Вторжение в обитель грез и муз нового хозяина жизни «с товарищем наганом» на боку (слишком явственна отсылка к Маяковскому с «товарищем маузером») заканчивается печально. Сад наполняется гнусавым хором варваров, оргия которых заканчивается полным разгромом и кровопролитием, ибо ни одно поругание святыни не проходит задаром. «Отыскали тебя в гроте на последнем повороте. Френч разодран, грудь в крови от невинной, знать, любви!»

В записных книжках Клюева 30-х годов встречаются пространные выписки из «Преступления и наказания», в частности, «Сон Раскольников» и его исповедь перед Сонечкой. Видно, мысль о покаянии настолько сильно овладела душой поэта, что он до конца жизни пронес ее в себе, что, естественно, отразилось и на круге его чтения.

Как во многих вещах у Клюева, в «Каине» явлен сплав мистического и реального, образы дьявольщины и образ чистой и непорочной Великой России перемежаются жуткими реалиями современности. «Все чаще говорят газеты: самоубийцы тот да эти...» Набор хулиганских реплик (этот же прием использован в «Погорельщине») сменяется лермонтовской классической нотой: «Не прячется в саду малиновая слива, не снится пир в родимой стороне...» Вся же поэма целиком воспринимается в ключе сновидения, в котором перемежаются картины прошлого, настоящего и будущего. Отдельные строфы напрямую воспроизводят сны, которые записывал со слов Клюева Н. И. Архипов.

«Будто где-то я в чужом месте и нету мне пути обратно. Псиный воздух и бурая грязь под ногами, а по эту сторону и по другую лавчонки просекой вытянулись, и торгуют в этих ларьках люди с собачьими глазами... Стали попадаться ларьки с мясом. На прилавках колбаса из человеческих кишок, а на крючьях по стенам руки, ноги и туловища человеческие. Торгуют в этих рядах человечинной. Мне же один путь вдоль рядов, по бурой грязи, в песьем воздухе...»

Через семь лет это сновидение воплотилось в 3-й части поэмы, в которой отчетливо явлено предчувствие будущей гибельной ссылки в Колпашево. «Мне снилось: заброшен я в чумазый гиблый городишко, где кособокие домишки гноились, сплетни затая...» И здесь же вопреки угрожающему монументу Каина в начале поэмы, в воображении Клюева встает вечная Россия, которая подобно Китеж-граду становится незримой в лихие годы, но объявится снова человеческому взору, когда чаша Божьего гнева переполнится.

Черная свинцовая туча накрывает Россию, кажется, ни единый проблеск света не разорвет ее, голос Каина, «верховного мастера и супруга», явившегося к поэту «в завечеревший понедельник» (и здесь в памяти Клюева, без сомнения, всплыла поэма А. Ганина «Сарай»), пронзает насквозь каждой нотой, словно вбивает несчастного все глубже и глубже в землю.

*«Да, я! Приход мой неслучаен
В страну октябрьской мглы и вьюг.
Но, чтоб испытать последних Таин,*

*Мой вожделенный смертный друг,
Вот камень от запястья З/мья/
Тебе дарован за труды.
Сестра дракона — И/ндустрия/
Грозит кимвалами беды.
/.../ поклонится /Россия/
Рогам полуночной звезды...»*

И на совершенно иной ноте пишется финал — где на наших глазах свершается «Руси крещение второе», неизбежно грядущее во ее спасение. Древнее язычество не уничтожается огнем и мечом, не покорствуется поневоле, но с радостью принимает слово Христово ранним чудесным утром:

*Проснись, Буй-Тур, иди к брегам!
Тебя сам милостник Никола
В кресчатой ризе ждет у мола.
Уж златокося Моряна
Наречена святой Татьяной,
Она росистой звездой
Глядит в оконце слюдяное!
Восстань, о княже Гаврииле,
Пришел конец Сварожьей силе.
От мертвой Сити воев сонмы,
Сиянием креста ведомы,
Идут к родимой черемисе...*

Чаша еще не испита, и кровь еще прольется, и явятся новые мученики и мученицы.

По воспоминаниям В. А. Баталина, «в 1932–1933 гг. Клюев “скадал” (его слова) поэму “Песнь о Великой Матери России” во многих планах. Одна из глав — о Пушкине — называлась “Зимний сад”, отрывки из нее неоднократно им читались в студенческих квартирах у его знакомых».

Так у современников поэта совмещались в восприятии «Песнь о Великой Матери» и «Каин», текстов которых до последнего времени никто не знал.

...Клюев продолжал дописывать поэму и после разрыва по частям первоначальной рукописи. Отдельные строки были выписаны, как памятка, дабы можно было восстановить по памяти уничтоженные во избежание возможного обыска куски — но ни восстановлены, ни записаны они не были. Лишь отдельные строки сохранились в памяти художника Николая Минха:

*Твердыня чувствовалась в тыне
От костромского топора,
А на заморской половине
Велась затейная игра.*

*Там Нестеров — река из лилий,
С волшебной домброй Бородин,
Шаляпин пел во «Вражьей силе»,
Славянской песни исполн.*

*Толстой, в базальтовой пещере,
Отшельник Лев, — чей грозен рык,
Ведун из Городища — Рерих,
Есенин — сад из повилик.*

...Впервые я услышал об этой поэме в мастерской художника Анатолия Яр-Кравченко, который показал мне небольшую свою акварель: угол деревенской избы, окно, край стола, на котором горшок, покрытый полотенцем.

Анатолий Никифорович повернул акварель и дал прочесть на обратной стороне подпись, сделанную рукой Клюева:

«Изба в Вятской губ., где мною написана поэма “Каин”, 1929 г. Августа. — Н. Клюев».

— Что это за поэма? — спросил я.

— Не знаю, — ответил художник. — У меня ее нет.

И лишь летом 1991 года я обнаружил ее текст в архиве Комитета государственной безопасности, в «деле» Клюева, без четырех рукописных страниц и с разорванными пополам остальными (по 26-ю страницу включительно), и лишь 4-я часть с описанием «Руси крещения второго» осталась почти неповрежденной.

Поэма эта писалась в селе Потрепухино Саратовской области. К этому времени Анатолий Кравченко стал одним из самых близких людей для Николая.

А познакомились они годом ранее, а апреле 1928-го, на выставке картин Общества имени А. И. Куинджи.

ВЫШЛА КНИГА

Паршина Е. А.

Динамит для сеньориты — М.: Алгоритм, 2014.

Елизавета Александровна Паршина родилась в 1913-м году, окончила Военную академию им. Фрунзе и Московский Институт Иностранных Языков. В 1936 была направлена ГРУ РККА в Испанию, где воевала в отряде Артура Спрогиса. Далее работала в главных разведывательных и контрразведывательных управлениях КГБ СССР под руководством генералов Эйтингона, Судоплатова, Белкина. После войны была на нелегальной службе за границей. Книга «Динамит для сеньориты» представляет собой мемуары легендарной разведчицы. Риск, азарт, авантюры, холодный расчет — обо всем этом в книге советской разведчицы Е. Паршиной.

Иван САБИЛО

ПРО ЧТО ЭТА СКАЗКА?

Иван Иванович Сабил — родился в 1940 г. в Минске. Окончил Институт физической культуры им. Лесгафта. Был победителем одного из первенств Ленинграда по боксу. Работал преподавателем в ВВМУ им. Фрунзе, литсотрудником в газетах и журналах. Автор 15 книг прозы, а также многих публицистических статей. В 1992–2005 гг. возглавлял Санкт-Петербургское отд. СП России. В 2006–2009 гг. являлся зам. председателя Исполкома МСПС. Лауреат нескольких литературных премий, в их числе Премии правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Москве.**

Литературная общественность страны отмечает 90-летие со дня рождения большого русского писателя Радия Петровича Погодина (16.08.1925–30.03.1993). О его творчестве немало сказано и написано. Я хочу сказать несколько слов о нем самом.

Много лет назад, когда я был школьником и зачитывался книгами Купера и Стивенсона, Майн Рида и Конан Дойла, мой двоюродный брат, который уже отслужил армию и работал на заводе, как-то спросил: «Ты книжку “Муравьиное масло” Радия Погодина читал?» — «Муравьиное масло?! — рассмеялся я. — А комариной сметаны не бывает?» — «Ты не остри, — сказал брат. — Ты прочитай».

Книжку «Муравьиное масло» я так и не прочитал. А название запомнил...

В начале шестидесятых, а тогда я учился на первом или на втором курсе института, мне попался журнал «Юность», где был напечатан рассказ Радия Погодина «Дубравка». В то время, когда физики с каким-то устрашающим ускорением вырвались вперед, а лирики, устремившись за ними, подняли к поэзии интерес всего народа, я пробовал писать стихи и не помышлял о прозе. Даже в мыслях не было, что когда-нибудь решусь на повесть или на рассказ.

Прочитав «Дубравку», чуть не расплакался, хотя никогда не считал себя сентиментальным, и к тому времени был уже победителем первенства Ленинграда по боксу. Но здесь не было никакого чуда. Просто на страницах рассказа я неожиданно встретился с величавой и нежной красотой. Пока читал Купера, Стивенсона, других знаменитых писателей, я хорошо представлял себе

жизнь литературных героев Запада: их яростную силу, их удачливость и дерзость ума.

И вот в «Дубравке», а чуть раньше в «Дикой собаке Динго» Фраермана, в «Зимнем дубе» Нагибина я увидел, почувствовал, что меня окружают новые, трогające своей человечностью люди. Их даже трудно назвать героями, потому что никаких подвигов они не совершали. Более того, ничто необычное не окружало героев — ни прерий тебе, ни джунглей, ни островов сокровищ. Наоборот, море как море, берег как берег, люди как люди. А необычное было в самих героях, в самой Дубравке. Необычность ее в том, что нашему сознанию предстала не функция, а личность — живая, думающая, душа которой в постоянном поиске, в постоянном движении. Дубравка из тех, о ком говорят, что они чаще других ошибаются в поисках истины, друга, смысла жизни. При этом больше всего ушибаются.

Но как же непросто искать самого себя, сколько нужно проявить самостоятельных, отважных усилий, чтобы почувствовать в себе хотя бы одну качественную черту и понять, что она и является истинно твоей, кровной. А значит, надо беречь ее, чего бы это ни стоило.

Прочитав «Дубравку», я в ту же ночь сочинил свой первый рассказ. Мне казалось, это так просто — написать правду и красоту. Через три дня перечитал написанное и поразился его нелепости и неуклюжести. Однако начало положено. И я пошел на солнечный свет, держась за руку погодинской «Дубравки».

Пройдет немало лет, прежде чем я познакомлюсь с самим Радием Петровичем. К тому времени он был уже автором двух десятков книг, лауреатом Государственной премии СССР, одним из самых известных детских писателей страны. Случится это в Ленинграде на конференции молодых писателей Северо-Запада на семинаре, руководителем которого будет Погодин. И здесь узнаю, что в том возрасте, когда я взялся за перо, чтобы написать первые стихи, ленинградец Радик Погодин принял Присягу и пошел защищать Родину от фашистов. Он стал фронтовым разведчиком, добывал «языков», форсировал Днепр, был ранен. После госпиталя воевал во 2-й гвардейской танковой армии. Освобождал Варшаву, брал Берлин. В 1945-м, в звании сержанта, уволен в запас.

Вернулся домой, в Ленинград, закаленным бойцом, награжденным многими орденами и медалями, среди которых — два ордена Славы. Посылали документы и на третий, но они где-то затерялись.

А парню нет и двадцати. И впечатлений от войны — хоть отбавляй. Воевать научился, но кто он теперь, в мирное время? Начались поиски работы и самого себя...

Помню давнее... Свою повесть я назвал, как мне казалось, интригующе: «Тайник Кайковского леса». Отдал в издательство «Детская литература» — там приняли к печати и сказали, что построена она методом «двойной ретроспекции», о котором я даже не догадывался. Потом прочитал Погодин. Позвонил мне по телефону, к построению предъявил претензию:

— Для чего ты все перетасовал? Это ж не колода карт, которую, как ни тасуй, все равно останется колодой. Повесть — живое дерево: у него корень должен быть в земле, а верхушка в небе. Я рецензию на твое «Пробуждение» написал. Мне кажется, книга твоя — о пробуждении юной души. Так пусть и называется «Пробуждение». Приезжай ко мне на дачу в Рощино, потолкуем.

В Рощино я приехал днем. Скоро нашел дом Погодиных. Типичный дачный дом: огород с грядками переспелой клубники, яблони, банька. Вокруг бани носится керри-блю-терьер Алан. Глаза шальные, челюсть отвисла.

— За крысой гоняется, — сказала Маргарита Николаевна, жена Погодина. — Одну уже поймал.

— Хочешь, посиди с Маргаритой, пока меня не будет, — сказал Погодин. — Я скоро вернусь.

— Ой, не смей меня своей деликатностью, — рассмеялась Маргарита Николаевна. — Сам ждал — вот Иван приедет, кирпичи привезем. А теперь один собрался.

— Так, может, он устал с дороги, а я напрягать буду?

— Какие дела, Радий Петрович, — сказал я. — Где ваши кирпичи?

Взяли тележку, покатали по дороге. Вскоре вошли во двор, где у забора сложено штук сорок кирпичей.

— Придется два раза, за один — тяжело.

— Тележка выдержит? — спросил я.

— Тележка и не столько возила.

— Тогда все заберем.

Погрузили. Повезли. По дороге к нам пристроился подгулявший кривоногий мужик. Стал острить:

— Эй, Чебурашки! Дом дружбы строите?

— Нет, вытрезвитель, — подчеркнуто устало сказал Погодин.

Мужику понравился ответ. Он сам включился:

— В том вытрезвителе будете вы, я, а кто еще?

Везти полтора центнера и поддерживать светскую беседу сложно. И пока мы подбирали хоть какой-нибудь ответ, мужик спросил:

— А чего это вы оба с бородой? Козлы, что ли? Состричь бы ваши бороды мне на валенки.

— Будешь так говорить — и у тебя вырастет! — напугал я.

— И у жены твоей! — добавил Погодин.

Мужик схватился обеими руками за подбородок и дал деру.

Остановились передохнуть.

— Радий Петрович, мне говорили, что вас, Героя Великой Отечественной, после войны посадили. За что?

— По моей глупости, за что ж еще. На войне хорошо, там ты при деле. Воюешь себе и победу ждешь. Орденами тебя украшают, медалями. А взяли Берлин — делать нечего. После войны в поисках работы мотался по стране, осел в Москве. Познакомился с ребятами из пожарной части, стал работать в газете пожарной охраны. Платили за работу, кормили. Можно жить. А тут вышло постановление ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград». Нас, сотрудников, собрали в редакции — читали это постановление. Я возьми и ляпни: «Через пятнадцать лет Жданова никто знать не будет, а Зощенко и Ахматову будут знать и любить еще больше». И пошел домой. А ночью ко мне прибежал сотрудник нашей газеты и говорит, мол, редактор, испугавшись таких моих слов, написал рапорт. Так что, Радик, беги, а то заметут. Ну, побежал. Полтора года бегал. Поймали. Все воинские награды отобрали. Судил военный трибунал — газета военизированная. В трибунале нет народных заседателей, только судьи. Перед судом судья-офицер, проходя мимо, ударил меня по лицу: «Недоносок, он еще в политику лезет!» Но

потом, разобравшись в моей прежней жизни, он как будто жалел о своей выходке и положенный мне срок по статье 58-10 укоротил в два раза. Его и «оттянул» я на Металлострое, недалеко от Ленинграда. И еще там, в заключении, пообещал своим друзьям-зекам, что выйду и напишу книжку. Смеялись, конечно. А я вышел и написал детскую книжку «Муравьиное масло».

— Мне кажется, вы должны написать роман, — сказал я.

— Какой роман, старичок! Роман из меня не получится — жизнь моя слишком благополучная. Не как у Достоевского. Вот он — настоящий литературный генерал, а я — рядовой. Или уж если отбросить скромность, то сержант, каким я стал на войне. А теперь на сверхсрочной службе в литературе. Хотя бы потому, что молодым помогаю.

Он действительно помогал, и не только мне. И это совсем не редкость, когда известные, опытные писатели помогают начинающим поэтам, прозаикам, критикам. Но помогают по-разному. Одни начинают безудержно расхваливать своих подопечных на собраниях и в печати. Другие ходят по журналам, уговаривая редактора напечатать рассказ или повесть молодого автора. Часто редактор уступает доводам известного мастера, и на свет появляется недоношенное, нежизненное дитя, вызывающее боль, а не радость. И больнее всего самому автору такого произведения (если он способен трезво оценить свою работу).

Помню давнее... Моя жена работала тогда на Государственном заводе имени Морозова, что у самой Ладоги, в истоке Невы. Изумительное место: Шлиссельбургская губа, крепость Орешек, делящий Неву на два рукава — сама История смотрит тебе в глаза. Позвонил Погодину и пригласил его там побывать.

Едем в электричке. Погодин попросил, чтобы я захватил с собой «Сто лет одиночества». Теперь читает. Неотрывно, страницу за страницей. Но вот оторвался, повздыхал и пошел в тамбур курить.

Я остался с газетой — не курю. Сажу к тамбуру спиной. Слышу возню, вскрики. Оборачиваюсь — в тамбуре драка. Врываюсь туда — Погодин держит за шиворот двух франтов, что-то им внушает.

— Кто посмел? — спрашиваю и пытаюсь отнять один шиворот у Погодина.

— Оставь, — сказал Погодин. — Сам разберусь.

И отпустил парней, которые тут же перескочили в другой вагон. Мы вернулись на свои места.

Оказалось, парни в тамбуре стали задирать Погодина, он и осерчал.

— Радий Петрович, что же вы с ними один? А я на что?

— А ты на всякий случай, — трогая ссадину на лбу, — сказал он. — Если бы еще двое-трое... Ладно, может, вернутся с подкреплением, тогда выступим вдвоем. Как тебе Маркес? — спросил он, чтобы не продолжать тамбурную тему.

— Не знаю, Радий Петрович. Локальный он какой-то с этим своим Макондо. По-моему, цирк, да и только.

— Сначала ты хорошо сказал: «Не знаю». А потом словечко употребил — «локальный». Не твое оно, не с твоей пашни. Вот и я не знаю, а писатель прочный. Лепота!

Мне эта «лепота» напомнила «Зодчих» Дмитрия Кедрина и то, что его, бывшего фронтовика, безмозглое жулье убило, сбросив с подмосковной

электрички. И я стал внимательнее поглядывать за стеклянные двери вагона — не идут ли конфликтные парни с подмогой?

Станция Петрокрепость — на правом берегу Невы, город Петрокрепость — на левом. Между ними — остров Ореховый. На нем крепость Орешек, она же Шлиссельбургская. Та самая, легендарная.

От станции Петрокрепость в город Петрокрепость ходит маленький теплоход «Тургенев» с дизелем от трактора «ДТ-54». С заходом в Орешек, куда высаживаются туристы и прочий люд. В том числе служебный, так как в крепости — знаменитый музей.

Я предложил Погодину отправиться в Орешек.

— Там тюрьма? — спросил он.

— Да, Шлиссельбургская, каторжная. Из нее никто никогда не совершил побег.

— Здесь брата Ленина казнили?

— Здесь, — сказал я. — Зайдем?

— Спасибо, ста... старичок, — сказал Погодин, поворачивая бороду к солнцу. — Тюрьму я уже видел.

Двинулись по берегу Ладоги. Слева — одноэтажные деревянные домики. Справа — через Неву — остроконечные башни Орешка. Впереди — синий, солнечный простор самого большого в Европе озера.

— Лепота-а, — протянул Погодин. — Русь новгородская! Или, как называли ее варяги, Гардарика — страна городов.

— Точно, — поддакнул я, чтобы он говорил дальше.

— Много своей и вражьей кровушки уронили тут новгородцы, сородичи мои. А все ж отстояли эти места. Крепок был Новгород. Бывало, что новгородские князья киевских частенько учили уму-разуму. Те расшались, а новгородские соберут дружину и поучат киевских. Чтoб не особенно буянили, знали меру... Интересно, какая площадь Ладоги?

— С островами более восемнадцати тысяч квадратных километров. Двести двадцать в длину и сто сорок в ширину.

— Можно сказать, внутреннее европейское море, — уточнил он.

В это время по фарватеру, обозначенному красными и белыми бакенами, шел пузатый танкер «Волга-нефть». Отсюда, с берега слышна работа его двигателей. На палубе капитан, курит трубку. Может, и не капитан.

— Лирик, — сказал Погодин. — Думает о барышне.

— Почему вы решили?

— В наших краях курительная трубка предназначена исключительно для женщин. Я спрашивал у любителей трубок, они этого не отрицают.

— Все?

— Да, почти... Ушла «Волга-нефть»... Вот просто писатель напишет, какой большой, белый, прочно сработанный теплоход; какой он труженик; какой важный капитан на палубе с трубкой в зубах; какая синяя вода с золотыми и серебряными искрами под солнцем. А хороший писатель увидит это же, но еще и проникнет под днище корабля: увидит дно морское, или, как у нас, озерное; увидит, как бурый краб ползет на свидание к своей крабихе; какое там илистое дно и как глубоко в иле, затянутое водорослями, покоится тело подбитого в войну другого корабля. И уже никогда не строить ему с этого места.

Погодин говорил, будто пел — так складно у него получалось. И улыбался. Я вместе с ним под голубой поверхностью воды видел ее глубину, краба и крабиху, дно озерное, тело покойного корабля. Хотелось и самому добавить несколько слов из того, что я знал про эти места.

— Орешек стоял, — кивнул я в сторону крепости. — Не будь его, не установили бы спасительную Дорогу жизни.

— И Ладожская военная флотилия держала тут оборону, — сказал Погодин. — Моряки тоже постарались.

— Да, были здесь наши канонерские лодки и бронированные катера. Даже две подводные лодки на платформах по железной дороге доставили. Но немцы с итальянцами и финнами поступили иначе — изготовили и приволокли сюда легкие катера-катамараны. Установили на них мощные моторы и крупнокалиберные пулеметы. И давай чинить расправу. Вихрем налетят — наши катера по ним торпедами, а у катамарашек осадка всего двадцать сантиметров — торпеды и прошмыгнут под ними, не причинив вреда. А немцы из крупнокалиберных пулеметов ка-ак жажнут — и нет наших моряков. С умом действовали, гады.

— Видишь как! — сразу отмежевался от моего понимания Погодин. — Тебя послушать, так немцы воевали умнее нас. Если б так на самом деле было, они бы и праздновали победу. А вышло-то напротив. Нам понадобилось время, чтоб войску собраться. Отойти до большой реки, до Волги, опереться на нее и уж оттуда врезать басурману, чтоб аж из глаз у него сопли брызнули. Так и было. После Сталинграда все пошло иначе. А со второй половины войны мы уже знали, где у него хвост, а где грива.

— Я не говорю про всю войну, во всей войне понятно. Я говорю про конкретное место, про Ладогу.

— Про «локальное», да? — рассмеялся Погодин. — Если так, тогда ладно. А если в глобальном масштабе — много здесь русским попортили крови не только немцы, но и шведы... Как это Россия и Швецию тогда к себе не присоединила? Хотя запросто могла, если б захотела. Вот упрекают Россию, дескать, была тюрьмой народов. А все народы, какие входили в Россию, остались целыми и невредимыми. Со своей культурой, обычаями, верой. Взять Финляндию. Она ведь и в составе России была Княжеством Финляндским. Со своей лютеранской верой, храмами, традициями, шведским и финским языками. А Царство Польское? Или Бухарский эмират? Уже не говоря о татарах, башкирах и подобных им. Та же Англия, завоевывая колонии, начинала все в них менять и переделывать на собственный, английский лад. При этом объявляла народ данной колонии нецивилизованным, диким, требующим коренного переустройства. А скажи, где это в России?

— Вон там, — показал я в сторону Шлиссельбургской крепости, — сидели всякие. И поляки тоже. Один из них — польский офицер-судья Валериан Лукасиньский установил даже рекорд по отсидке. За то, что присудил малые сроки полякам, готовившим мятеж против России.

— Ну да, сидели. А свои, русские не сидели? Тот же народоволец Николай Морозов, именем которого назван поселок и завод, наверное, отсидел не меньше твоего поляка. Но это же разные, как ты говоришь, локальные дела. А я говорю в целом, исходя из общей жизни на протяжении веков. Российская империя! Российская империя! Кто только не называл ее тюрь-

мой народов! И мало кому в голову стукнет, что эта единственная в мире империя была, по сути, федеративным государством. С различными формами самоуправления... В той же Финляндии два века назад финские офицеры подняли мятеж против шведского короля Густава III, который строил планы о независимой от России Финляндии...

Он прервал свою речь и, взглянув на залитую солнцем Ладогу, вздохнул: — Лепота, а мы не купаемся.

Разделись и пошли плавать. Я не представлял себе, сколь плотно сбит, атлетичен Погодин. При невысоком росте — массивный торс, длинные мускулистые руки с мощной капсулой плеча — такой мог быть разведчиком на войне. И языка брать такому по силам.

— Вас можно принять за спортсмена-борца, — сказал я.

— Гимнаста, — поправил Погодин. — Я до войны гимнастом был, по первому разряду работал. Если б не война, может, и чемпионом стал.

— То-то разведчиком были!

— Нет, старичок, у настоящего разведчика не столько здесь должно быть, — тронул бицепс, — сколько здесь — коснулся пальцем лба. — И положительная совесть. Без совести в разведке, да и вообще на войне, делать нечего.

— Вы столько знаете! Где вы учились?

— В школе, на большее война не дала. А документом о моем образовании служит мне билет члена Союза писателей СССР...

Помню давнее... Летом 1975 года в Новгород приехали артисты Одесской киностудии снимать фильм по сценарию какого-то важного городского чиновника. На этой студии было снято несколько фильмов по произведениям Радия Погодина («Дубравка», «Включите северное сияние» и др.) Пригласили Погодина, а он позвал меня.

Великий Новгород встретил нас июльским зноем и чистым небом. Поселились в гостинице «Волхов». Артисты где-то пропадают на съемках и вернутся в гостиницу только вечером. А мы с Погодиным, не теряя времени и не обращая внимания на жару, обошли множество церквей, дивясь их внешнему виду и внутреннему убранству. И, наконец, пришли в главный храм — Новгородскую Софию. Никаких сил уже не было, и мы упали во двореке в тень на траву. Смотрели в небо. Погодин спросил:

— Ты когда, Ваня, впервые подумал о Боге?

— Давно, Радий Петрович, еще мальчиком. Лежал на берегу крохотной речки Птички, что мягким голубым светом струилась недалеко от Минска, смотрел в небо — там плыли белые облака, и вдруг, неожиданно для себя, проговорил: «Господи, если ты есть, сделай так, чтобы я вырос высоким, а голос мой был таким же красивым, как у Рашида Бейбутова».

— Ну и как, помог он тебе?

— Нет, Радий Петрович, вы же видите: и роста я не высокого, и красивый голосом не обладаю.

Он долго молчал, думал. И говорит:

— Это потому, что ты для себя просил, а все, что тебе надо, Он уже дал. Бога для других просить надо...

Чем, какими чертами характера был наиболее привлекателен Радий Погодин? Прежде всего, глубиной понимания. Вот, например, как он понимал смысл знаменитой русской сказки «Курочка Ряба».

— Про что эта сказка? — спросил он у меня. — Все ее знают, а мало кто задумывается, про что она. Даже кто-то скажет — ни про что, просто словесная погремушка. И ошибется. Потому что в ней про то, как жили на свете Он и Она. И подарила им Судьба (курочка Ряба) любовь (золотое яичко). Но не особенно берегли это чувство ни Он, ни Она: дед бил, бил — не разбил. Бабка тоже била, била — не разбила. Видать, сильной была между ними любовь, что не поддавалась. И вот непредвиденный случай: мышка бежала, хвостиком махнула — яичко упало и разбилось. Плачет дед, плачет баба — плохо жить без любви. А курочка Ряба, то есть Судьба, их утешает: «Не плачь, дед, не плачь, баба. Снесу я вам еще яичко, но не золотое, а простое». То есть останетесь вы и дальше вместе, но уже не будет между вами любви, а только дружба».

Еще его отличали мужество и присутствие воли в самом себе и в его героях. Каждый рассказ, каждая повесть Погодина утверждает мысль, что самую большую драгоценность мы получаем в миг своего рождения от матери — жизнь. И от нас самих зависит, как распорядиться этой драгоценностью, на что ее потратить.

Так могут ли быть в нашем литературном деле учитель и ученик? Вероятно, да! Но это определение мне представляется не совсем точным, ибо можно ли кого-то научить писать стихи или романы? Мне кажется, помощь художника своему начинающему собрату являет собой качественно иное действие. Она схожа с помощью и влиянием донора, то есть передачу чего-то такого, что переходит не через книги, не через наставления, а появляется из души мастера в долгом, искреннем общении с молодым. Прежде всего, это честное отношение к миру, к самому себе; это правдивое изображение жизни, где каждый видит, что здесь не сфотографировано, а сочинено, не разукрашено, а выстрадано и пережито. И наделено душой.

Кто разговаривал с Погодиным, тот знает, насколько точен он был в каждом слове. Как тонко оценивал всякое явление или поступок. И как много знал о людях, о Родине. Он всегда и везде оставался писателем, а значит, самим собой. Это постоянство привлекало к нему молодых. В «донорской» помощи Радий Петрович не отказывал никому.

И сегодня я с глубокой благодарностью могу сказать о том, что я один из тех, кому он помог.

Николай ЛУГИНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ

Повесть-притча

Николай Алексеевич Лугинов — народный писатель Якутии, родился в 1948 г. Окончил физико-математический факультет Якутского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Секретарь правления Союза писателей России, член Президентского Совета Республики Саха (Якутия). Автор повестей «Роща Нуоралджыма», «Песня белых журавлей», «Дом над речкой», рассказов и пьес. **Живет в Якутске.**

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У Синь наконец-то вернулся домой. Пять лет службы на чужбине, пять лет! И вот — во всем своем великолепии весна возвращения. Все цвело, благоухало. От запаха буйной зелени слегка кружилась голова.

Постаревшие родители, возмужавшие сестра с братом радостно встретили его. До поздней ночи сидели за разговорами, наговориться не могли. Столько накопилось за эти годы! Деревенских новостей было великое множество. Кто умер, у кого дети родились, у кого свадьба. Из сверстников и на год на два младше-старше кто куда подался, кого призвали, как в свое время и его, на службу, кого на принудительные работы.

Между новостями родные, гордые его успехами, расспрашивали о службе, о заставе, каким чудом он попал в ряды пограничников — недостижимой элиты армии.

Он рассказал о генерале Дин Хуне, его преемнике Инь Си, великом мудреце Лао-Цзы и, конечно же, о своем самом близком друге Дин Лю. О заставе Саньгуань, защите крепости, о поездке в Хунские степи.

Тут впервые осенило его странное щемящее чувство утраты или сожаления по утраченному. Вначале он не мог понять, что это. Теперь издавна все показалось иначе. Намного лучше, даже возвышеннее, чем было на самом деле. А застава Саньгуань, если вдуматься всерьез, была, оказывается, обителью избранных. А он, каким-то чудом допущенный туда, взял и бросил все, ушел в никуда. Как его уговаривал остаться Инь Си! Водил с собой в какую-то темную комнату, в которой У Синь ничего не понял.

Впервые в душе зашевелилось пока еще легкое, не осознанное до

конца подобие сожаления об отказе от службы. Он очень удивился, ведь служба казалась ему настолько принудительной и нежеланной, что и думать о ее продолжении тогда показалось бы дико.

* * *

Назавтра, прямо с утра У Синь впрягся в весенние полевые работы. Ремонтировали регулируемые заливные поля на горных террасах. Чтобы укрепить их, таскали землю, камень и песок. Работа тяжелая и грязная, но необходимая. Затем, как только подготовили поля, настала пора сажать рис, бобы и еще много чего. Постоянно требовалось напрягаться из последних сил, чтобы успеть: то орошение террас, то спуск воды, то борьба с сорняками. Так продолжалось до первого урожая. Собрали его, но передышки не получилось, надо было начинать новый цикл.

Год выдался удачный, трехурожайный. В разгаре сбора третьего к У Синю приехал друг Дин Лю, получивший отпуск. Радости встречи однополчан предела не было. Но поджимали работы, и Дин Лю принялся помогать.

Говорили на ходу. Если у Дин Лю, выбравшего судьбу служивого, впереди все было ясно, то будущее У Синя было в сумерках. Он еще ничего не успел обдумать. Пришлось рассказывать другу небылицы о том, что решил готовиться сдавать экзамены на чиновничью службу. А что оставалось делать? Говорить о том, что останется тут и всю жизнь посвятит беспросветному крестьянскому труду, он не мог. Было ясно только, что жить так, как живут родители, он не хотел.

После отъезда друга наступили слякотные осенние дни, постепенно перешедшие к зимним. Народ праздновал завершение урожая, радовался, что удалось рассчитаться с долгами и налогами.

У Синь представил свое будущее в этой родной среде и ужаснулся. Вот он скоро женится, заведет свой дом, получит надел, народит детей. Чтобы кормить семью, надо будет всегда вот так надрываться из последних сил. Если, не дай Бог, наступит неурожай, за неуплату налога отнимут сына...

* * *

Истинная суть китайских праздников долгое время оставалась недоступной для хуннов. Медленно вживались они в китайскую среду. Живя не первый век вместе, бок о бок, хунны не понимали главного содержания этих праздников. А оно исходило из того, что жизнь китайского крестьянина была строго зависима от времен года: зима — лето, весна — осень. Большинство праздников обычно приурочивались к зимнему времени. Широта и роскошь этих праздников поражали воображение. В этих праздниках человек вдоволь наслаждался тем, что в обычное время было ему недоступно. Это было обилие всякого изыска, еды, танцев, украшений, гостеваний, разговоров, вообще отдохновения души и тела.

Китаец за эти праздничные дни как бы насыщался всем, о чем, может быть, мечтал целый год. Это было одним из главных источников его долго-терпеливого характера, выносливости и покорности.

Для хуннов же было непонятно даже временное раскрепощение. За многие века они, народ, живущий в суровых степных и горных условиях,

почти никогда не расставались с оружием, днем и ночью были начеку. Что касается праздников, вольная жизнь хунна длилась круглый год. Постоянно кочевья, новые открытия, новые просторы давали радость разнообразия впечатлений.

Отсюда была их нетерпимость ко всякого рода ограничениям и запретам, к проявлению малейшего намека посягательства на свободу.

Китайские же законы исходили из требований хозяйственных, бытовых и государственных. Они часто противоречили даже традициям, но народ, проявляя терпение и покорность, подчинялся. Конечно, во всяком деле есть своя мера, своя граница, перейти которую ни в коем случае нельзя, не часто, но бывало, когда оборзевшие чиновники на местах, надеясь на безмерное терпение подданных, доводили их до крайнего состояния — до бунта. У Синь, однажды бывший свидетелем такого бунта, заметил, что бунт чем-то неувлимо напоминал праздничное состояние. Чем именно? Этому ему не понять. Скорее всего, видимо, прежде всего тем, что в этот краткий период зажатый всякими ограничениями, загнанный нуждой несчастный человек наконец-то пытался выпрямиться.

Но это было печальное зрелище.

* * *

Хотя У Синь ничем внешне не проявил свое внутреннее смятение, все же мать каким-то образом чувствовала назревающее в нем решение уйти. Но куда? Она переживала, но молча. Ведь из уходивших из крестьянства мало кто выживал. Большинство пропадало. А тут пусть трудная, но испытанная многими поколениями жизнь.

Еще ничего не свершилось, но мать, изо всех сил пытаясь предотвратить, как ей казалось, роковое решение сына, однажды заговорила с ним...

— Ты еще больше стал похож на отца... Ты почти настоящий китаец, я этого очень хотела, — сказала однажды мать, теребя его темные волосы.

— Но пытливые все равно угадывают во мне хуннское и сразу отстраняются. Почему так? Почему люди так боятся нас и всего хуннского?

— Видимо, потому, что наши слишком много бед свершили. Много проблем из-за нашей нетерпимости, неуступчивости. Поэтому и не доверяют. Это недоверие, возможно, сидит у них в крови, и так они поступают, даже не понимая, не вникая, по глубинной памяти... Ээ, сколько мы натворили... Это только Бог и помнит.

— Но одного не пойму... Там, на окраине, все, ну почти все имеют хуннскую кровь. Почему человек, более меня похожий на хунна, смотрит на меня голубоватыми глазами с таким недоверием?

— Это сложно сказать. Возможно, он сам пытается освободиться в себе от всего хуннского, которое везде торчит, мешает обыденной жизни... Вот они и буйствуют против себе подобных.

— Но почему?

— Это из области необъяснимого... Многие вещи необъяснимы, ибо корни их уходят вглубь, очень глубоко, в недостижимую глубину. Вот эти-то корни питают многие наши метания, странные стремления, несвойственные и часто абсурдные желания.

— Я обрублю эти корни и оторвусь от ненужных мне побуждений... Непредсказуемых, неожиданных.

— Как ты отрубишь? Многие пытались. Не получалось.

— У меня получится, — решительно заявил У Синь.

— По мне, надо просто жить. И не пытаться насильно изменять жизнь и обстоятельства. Надо смириться... — уговаривала мать.

— Смириться?! Никогда! Я буду менять свою жизнь так, как она нужна мне.

— Как, как ты собираешься тогда жить? — с тревогой спросила она.

— Пока не знаю. Но не буду жить так, как вы живете. Хватит терпеть эту нужду, эту зависимость от урожая... От прихотей начальства.

— Сынок, пойми, люди, где бы ни были, не могут жить без распорядителей, устроителей жизни. Куда бы ты ни попал — везде будут начальники, требующие что-то от тебя. Всегда надо будет находить с ними общий язык.

ВЫБОР ПУТИ

У Синь понял одно: надо быстрее принять решение. Иначе жизнь затянет как болото, и ты уже никогда из него не выберешься.

Уже заглядывались на него девушки на выданье. Их родители как бы незаметно стали чрезмерно учтивы. Куда это клонится, он скорее чувствовал, чем понимал. Для него это было великой опасностью. Жениться, поддавшись сложившейся ситуации, значит, обречь себя на такое же безысходное существование, какое было у родителей. Он этого решительно не хочет. Но как? Как жить дальше? Пока он отринул два пути: первое — службу на границе, где остался друг, второе — крестьянскую жизнь...

А что третье? Выбора было не так много. Да совсем не было. В нем зрело одно-единственное решение: разбогатеть и тем самым выбиться из безысходной жизни, окружавшей его.

Но каким образом это сделать?

Мать сердцем поняла, что сын уйдет из родного дома в поисках лучшей доли. Не он первый и не он последний выбирает путь, полный опасностей. Многие сгинули на этом пути. Из их деревни почти никто не достиг желаемого. Это и пугало мать. Но где-то в душе она поддерживала решение сына...

А сын чувствовал это и был безмерно благодарен матери.

Все! Надо идти! Но куда податься? Конечно же, туда, куда обращался взор, на север, в сторону бескрайних земель предков.

И вот наступило это утро. У Синь взял свою солдатскую, заранее заготовленную котомку и отправился в дорогу. Мать проводила его до околицы. Пожелала счастья. Заплакала она уже тогда, когда он решительно пошел к горизонту и не оглянулся.

Дорога привела его к переправе через реку Хуанхэ. Здесь кончалась земля государства Чжоу. Весь тот берег считался хуннским, хотя она на самом деле была нейтральной территорией, ибо хуннское кочевье простиралось досюда только во времена великих засух, когда степь превращалась в пустыню, что, слава Богу, бывало крайне редко.

Та сторона всегда славилась возможностью добыть деньги, и это манило в нее авантюристов всех мастей. Там, подальше от жестких китайских

законов, царили уже иные порядки. Это была уже заграница, которая всегда тянет людей определенной породы. Типа легендарного контрабандиста Чжан Чжэня.

Для обычного же человека там нет спокойного места, где бы он мог устроиться и жить. Там все чужое, чуждое, враждебное. Многие вещи там истолковываются совсем превратно, превращая добро в зло, порядочность в бесчестье и наоборот...

Все это так.

Но все относительно.

Особенно прельщает то, что многие вещи, невозможные здесь, — там становятся доступными.

Если здесь У Синю — человеку низшего сословия, почти нет надежды вырваться из своей среды, то там это можно. Если повезет, конечно.

То, что здесь можно обрести только посредством неимоверного рабского труда, потратив всю жизнь, да и то без гарантии, там можно добиться, говорят, в считанные месяцы, от силы год-два. Наверное, в таком непростом деле и риск большой, должно быть. Но игра стоит того.

ПЕРЕПРАВА

Переправа здесь действовала издревле. Видимо, в этом месте было наиболее удобное место. Сюда сходились несколько крупных дорог. Здесь был большой базар, где продавались всякие диковинные товары. Сотня, не меньше, самых разнообразных лодок принадлежали старику очень крупного телосложения по прозвищу Старый Лодочник.

Он с восхода да заката сидел на высоком берегу, на камне, похожем на лежанку, и следил за передвижениями своих лодок и за всем, что происходило вокруг. Удивительно было то, что он все запоминал, начиная с того, в какой лодке сколько человек и какие передвижения и события происходили на обоих берегах. Многие споры приходилось решать ему тут же, сидя на своем троне.

У Синь чем-то понравился ему и был сразу принят гребцом на маленькую лодку со старым кормчим.

Работа была тяжелой, но интересной. Целый день приходилось бороться с бурным течением Хуанхэ. В первое время течение сносило их далеко вниз, и после переправы приходилось лодку тянуть вверх. Но со временем У Синь наловчился и уже ничем почти не отличался от опытных гребцов. Старый кормчий часто впадал в дрему, и У Синь сам держал курс. Это сразу заметил Старый Лодочник и одобрительно хмыкнул.

На ночь У Синь устраивался на ночлег тут же в лодке. Спал, подстелив одну соломенную циновку и укрывшись другой.

Под легкое покачивание и шум воды он, уставший за день, почти мгновенно засыпал. Иногда просыпался от холода и сырости и, смотря на звезды, думал о своем по-прежнему туманном будущем.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Если днем на реке шла обычная трудовая жизнь, то ночью все было иначе. Переправа закрывалась, и до утра на первый план выходило трехэтажное роскошное здание, возвышающееся на самом берегу реки.

С наступлением темноты в нем зажигалось множество разноцветных фонарей. Это был дом, где развлекались богачи. Для их удобства и удовольствий там было предусмотрено все. Порой такое, что обычному человеку и в голову не придет. Посетители этого земного рая были особыми людьми, со множеством слуг и помощников.

У Синь с жадностью следил за ними. Для него наконец-то прояснилась цель жизни. Каким-то, может быть, даже невообразимым чудом, но он должен попасть в этот круг счастливиц. Вот где, оказывается, настоящая, подлинная жизнь, полная свободы, безграничной воли и прочих прелестей. Все то, чего полностью лишен маленький человек.

А каким образом У Синь войдет в этот круг, дело десятое. Способов это сделать должно быть немало. Надо будет только выбрать способ по себе, по своим возможностям. А он ощущал, что они у него большие. Только вот как ухватиться, за что взяться, с чего начать?

Где-то через пару месяцев старый кормчий совсем ослабел, и на его место назначили У Синя. Теперь он, освобожденный от тяжелого труда гребца, оглянулся, осмотрелся вокруг. Среди переправлявшихся попадались и богачи, посещающие заветный дом с разноцветными фонарями.

У Синь пристально и жадно следил за их повадками, привычками, слушал и запоминал их разговоры. Разные среди них попадались люди. Видимо, не все завсегдатаи заветного дома были настоящими богачами. Их как раз и было немного. А в основном там околачивались разного рода проходимцы с сомнительными занятиями, которые спускали здесь свои случайные заработки.

Они, в основном, занимались контрабандой редких здесь и поэтому пользующихся большим спросом товаров, которые тайно завозили с хуннской стороны: сушеное мясо, хурут, шкуры, кожа, оружие, драгоценные камни.

Это было опасное, запрещенное законом и преследуемое государством занятие. Попадешься — пойдешь на каторжные работы.

Но контрабанда была как магнит — она была самым легким и доступным способом быстро разбогатеть. Но она не прельстила У Синя, бывшего пограничника. Поэтому он не согласился ни на одно даже заманчивое предложение контрабандистов.

Раз в неделю кормчие со всех лодок в определенное время отчитывались перед Старым Лодочником. Старик, сидя на своем плоском камне, внимательно слушал каждого, при этом не упуская ничего, что происходило на переправе.

Его зеленые глаза как бы пронизывали всего тебя, и от этого становилось не по себе. Казалось, он видел все твои тайные мысли и намерения.

Непростой был старик. Крайне придирчивый и дотошный к подчиненным, но обычно строгий к новичкам, он с самого начала очень благосклонно отнесся к У Синю.

А У Синь долго не мог к нему привыкнуть. Он боялся старика, ибо чувствовал, что тот каким-то образом догадывался о его мыслях о богатстве, и что он уже не намерен тут долго задерживаться. Но старик молчал. Почему? Может, от того, что у него была единственная дочь, видимо, осчастливившая его на склоне лет своим появлением на свет. Это была всегда нарядно одетая белолицая, рыжеволосая, как отец, толстуха.

Она-то сразу обратила внимание на юношу. Видимо, понравился бывший пограничник своей выправкой. У Синь же боялся исходящей от девушки непонятной, всесокрушающей силы воли, чувствуя в ней источник опасности, да и вообще толстушки никогда не нравились ему. Такая родит ему толстых рыжих мальчиков, а это не входило в планы его будущей жизни. От хуннского начала ничего хорошего не жди, надо отойти в сторону преобладающего большинства. Это возможно. Только через маленькую, черноглазую южанку — без всякого своенравия и норова, мягкую и нежную, терпеливую и надежную.

Работа шла своим чередом. У Синь внимательно вглядывался в каждого, кто садился в его лодку. В основном это были собиратели трав, заготовщики всякой съедобной растительности, рыбаки и охотники.

Редко, но бывали и деловые люди. Эти резко отличались от основной массы трудового черного люда. Они имели слуг и помощников. Всегда о чем-то сосредоточенно думали. Были неразговорчивы, видимо, что-то высчитывали, рассчитывали.

А трудовой народ был очень разговорчив. Они охотно и с удовольствием делились новостями с кем попало, что было у них на уме — то и было на языке.

Говорили в основном о ежедневных заботах и делах, у кого как, и особо о далеких вещах и не думали, не загадывали.

ПОДОБИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Кто надеялся заработать лишние деньги, устраивался на ночлег поближе к ночному заведению. Если везло, можно было за одну удачную переправу сорвать дневной заработок. Но это было редко. Зато для того, кто хотел знать побольше о богатых посетителях ночного дома, было много интересного. У Синь вслушивался в их разговоры, следя за их поведением, взаимоотношениями между собой.

Да, это был совершенно иной народ, чем обычный дневной — рабочий.

Они отличались друг от друга, как черное и белое, как день и ночь. Но, возможно, эти, мягко выражаясь, несовместимости можно и продолжить: богатство и бедность, порок и добродетель...

Хотя все в Поднебесной построено на сочетании, если не на единстве этих, казалось бы, взаимоисключающих и противоположных начал. При пристальном взгляде их можно сопоставить.

Если обычная жизнь просыпается утром, весь день проводит в тяжелых трудах и после вечернего чая отходит ко сну, то ночная жизнь начинается с этого момента и проводит время до зари очень бурно — за закрытыми дверями и занавешенными окнами. Подробностей не видеть. Но утром они расходятся крайне усталые, понурые, невеселые...

Много непонятного и таинственного происходит в доме.

Каким же образом все блага мира достаются кучке богачей на их веселья, наряды, всевозможные утехы? А народ круглый год еле сводит концы с концами.

У Синь много, но безрезультатно думал о жизни, глядя на бурное течение Хуанхэ... Сколько же еще впереди будет разочарований, крушений очередных иллюзий? Издалека кажется одно, но приблизишься, вникнешь, выходит совсем другое...

Все постоянно меняется, и никак не угадаешь, что чего на самом деле означает. В заставе Саньгуань в подобных сложных размышлениях обязательно упоминался великий учитель, бахсы Лао-Цзы...

Чтобы не ошибиться в выборе цели и ее достижении, надо много думать... Проникнуть бы в суть вещей верными размышлениями, не упрощая сложное и не усложняя простое. Но как это сделать, если необученный, непосвященный, ты тупее тупого, глупее глупого? Какое упущение он сделал, когда из-за лени и непонимания не стал заниматься изучением трудов великого учителя! Теперь уже поздно. Все надо делать вовремя, когда оно возможно и доступно.

Однажды Старый Лодочник сказал:

— Я смотрю, ты выделяешься из толпы. Думаю, ты был причастен к окружению великого человека. Ты знал Лао-Цзы?

— Я слышал, что Лао-Цзы некогда служил у нас... Да и только. А так я ничего не знаю о его учении.

— Но ты имел великое счастье общаться с его последователями и поклонниками, а это совсем немало! Ты ходил по тем же каменным ступеням, на которые ступал великий учитель, наконец, дышал тем же воздухом, что и он.

У Синя глубоко поразили эти высокие слова.

Тогда он еще не знал, что Старый Лодочник тоже пограничник, и служил он тоже при заставе Саньгуань, что он и ныне нес свою своеобразную службу... Которая потом после него будет иметь свое продолжение.

Впрочем, об этом — потом. В свое время, в своем месте...

УЖИН У СТАРОГО ЛОДОЧНИКА

Однажды вечером Старый Лодочник пригласил У Синя к себе, но почему-то через свою дочь.

— Отец ждет тебя, — сказала она, выделив это слово «тебя».

Старик сидел на своем излюбленном месте. Солнце клонилось на закат, дул северный холодный ветер.

На маленьком круглом столе дымились горячие травяные отвары. Налил У Синю в маленькую глиняную чашку.

— Знаешь ли ты, почему я пригласил тебя?

— Нет, не знаю. Но думаю, что поговорить о делах.

— О, нет. Дела того не стоят, чтобы тратить на них этот прекрасный вечер! — сказал Старый Лодочник, окидывая восторженным взором речную гладь.

У Синю, когда он шел на вызов, грешным делом, было не по себе. Он побаивался хозяина, вдруг да какое у него замечание по работе или еще что. Теперь, видя его благодушие, успокоился, но внимательно слушал каждое его слово, следил за выражением лица.

— Ты, должно быть, удивляешься, видя этот мой восторг. В ваши годы так бывает, что человек замечает, выделяет, восхищается такими вещами, которые затем превращаются в ничто. А, казалось бы, совершенно бесполезные, несущественные вещи вдруг начинают обретать значение. Но печально то, что на постижение этой истины иногда уходит если не вся жизнь, то ее самая лучшая, созидательная часть. А многие и не достигают ничего. Так

и уходят из жизни с пустой душой, потратив все силы на набивание кто желудков, кто карманов. Но вся беда в том, что содержимое карманов не уносят с собой... — Старый Лодочник вдруг умолк, глядя па пурпурный закат, затем спросил. — Ты ничего не понял из моих слов?

— Да... — слегка смешавшись, честно признался У Синь.

— Ничего, потом поймешь, спустя многие годы, — широкая, теплая улыбка озарила лицо старика. — Я не затем говорю, чтобы ты сейчас меня понял. Это сложное дело. Так не бывает, чтобы человек все сразу понимал. Не-ет. Так устроен мир, что всякая истина дается только через сравнение, через постижение разных состояний бытия. Все бы хорошо... Но печально то, что на постижение истины, как я говорил, уходит почти всегда вся жизненная энергия, так что не остается и желаний, и довольствуешься одним только созерцанием.

— А может, и хорошо, — впервые робко заметил У Синь, скорее всего из чувства жалости к старику. — Ведь и многие недоразумения происходят из-за чрезмерных желаний.

— Да... Это ты хорошо заметил. Мягко сказано: недоразумение. Точнее сказать, многие беды порождают необузданные желания... — Старый Лодочник как бы заново с удивлением посмотрел на юношу. — Интересно ты выразился. Ты об этом заранее думал или как?

— Нет, конечно... Просто... Просто к месту, к слову случайно вырвалось... — искренне признался У Синь, слегка покраснев от такого внимания к себе.

— Это хорошо, что ты сразу признаешься, а не корчишь из себя мудреца. Но хорошо и то, что ты так удачно выразился. Это редко случается. Надо уметь ценить удачные мысли. Часто в них кроется сокровище. Запомни это. — Лицо Старого Лодочника было возбужденное, он замолчал, как бы примериваясь к чему-то. — Я призвал тебя, чтобы рассказать одну очень поучительную легенду.

Старый Лодочник, немного помолчав, медленно начал.

ИСТОРИЯ МЕЧТЫ

Это было так давно, что никто уже не помнит, когда, где и с кем случилась эта история. Она кажется, на первый взгляд, похожей на многие сомнительные рассказы, но она на самом деле подлинная... особенно тем, что в ней ясно вырисовываются многие заблуждения человечества. Очень жаль, что мало кто внимает мудрости прошлых веков. По крайней мере, до сих пор. Но по всему видно, что и в дальнейшем будет так же. К великому сожалению, если один человек еще может многое в жизни постичь, то человеческое сообщество так уже ничему не научится.

Этот номох (легенда) — об алчности.

Действие происходит в хуннской стороне, где-то на севере. То ли на берегу великой реки, то ли озера Байхал. Жил-был мальчик-лодочник, как ты, денно и ночью мечтающий обрести большое богатство. Переправа была в стороне от крупных путей, заработки были небольшие. Но мальчик не унывал, ждал, что настанет миг удачи, который превратит его из слуги, которым помыкал всякий проезжающий, в важного господина.

И воистину, кто жаждет, тому везет. Повезло и нашему мальчику: настал-таки долгожданный миг. Был ветреный неуютный вечер. К переправе подъехали трое явно чем-то возбужденных, но молчаливых путников. Все было странно в них. От одежды до поведения.

Путники потребовали немедленно их переправить, но мальчик ответил, что при такой погоде лодку сразу захлестнет и все пойдут ко дну. Но те не унимались, всячески стали уговаривать, просить, даже грозить. Мальчик не поддавался, и предложил дожждаться утра, небось, погода сменится.

Они явно чего-то опасались. Это было видно. Наметанным глазом мальчик сразу догадался, что это были темные личности, а торопились, скорее всего, опасаясь погони... У них была странная поклажа — небольшие мешочки, но чувствовалось, что тяжеленные — словно булыжники напиханы в них.

Когда все увещевания не помогли, к мальчику подошел старший и, подзвав в сторону, вручил ему небольшой, но увесистый мешочек.

— Держи, мальчик. Вижу, что сирота ты. И это не в оплату за услугу. Пусть это поможет изменить твою судьбу. Это золото, мальчик, ты его спрячь в надежном месте. А нас перебрось на тот берег. Мы люди деловые, нам некогда тут прохлаждаться.

После старика к мальчику подошли двое остальных и тоже вручили ему по мешочку один побольше, другой поменьше. Их мальчик засунул в карман, а тяжелый плотный кожаный мешочек с крепко завязанным узлом спрятал на берегу в надежном месте. Мальчик воспрял: вот он, миг удачи, который он столько ждал! Как быстро и просто он наступил!

Он не стал даже раздумывать, раз наступил такой баарт (фарт). Как-нибудь переправятся. Овладев золотом, он совершенно потерял страх. Хлопнув по левому и правому карманам, в которых было по мешочку золота, обрел еще больше уверенности. Решительно направился к лодке. Путники несказанно обрадовались, загрузили тяжелые мешки и... отчалили.

Волны подхватили тяжелую лодку и хищно забежали вокруг. Двое, которых мальчик по размерам их мешочков успел про себя окрестить Щедрым и Жадным, сели за весла, мальчик — на корму и направил лодку на тот берег, к алому зареву заката. Старик, стоя впереди, нервно теребил пальцами, крепко прижимая к себе свой мешок.

Как только отошли от берега, громадные волны начали нещадно заливать лодку, и она стала тонуть.

Еще была возможность до конца бороться, и если бы гребли упорно, доплыли бы до берега. Но гребцы бросили весла и схватились за свои мешки.

Старик прохрипел:

— Все... все тонем. Хватайте свое золото. Золото не потеряйте напоследок, ведь ради него гибнем... Золото... Золото!

Это были последние слова, которые услышал мальчик. Трое путников с тяжелыми мешками сразу утонули. А мальчик еще какое-то время держался за перевернутую лодку...

Старый Лодочник замолк.

Солнце уже закатилось, его заменило удивительной красоты зарево, отражаясь на изгибе реки.

— Жалко парня... — вздохнул У Синь. — Зачем он только согласился. Ничего бы с ним не случилось, жил бы да жил.

— Возможно... Но ведь корысть... — Старый Лодочник усмехнулся, с удовольствием затаился и выпустил в сторону заката синий дым.

— Да, ему же золото отвалили. А жаль, что пропало оно... Наверное, затем кто-то счастливый нашел тот заветный мешочек...

— Да, золото жалко. Должно быть, много его было, — усмехнулся старик, заметив, как заблестели глаза у парня. — А ведь эта история имеет продолжение...

— Не может того быть! — радостно воскликнул У Синь. — Ведь они утонули и погибли. Разве не так?

— Так-то оно так... — старик, загадочно улыбаясь, глянул на закат. — Так, да не совсем... Вот слушай дальше... А случилось вот что. Алый закат закатившегося за горизонт солнца стал последним земным видением мальчика. Как только волны сомкнулись над ним, сознание погасло. И неизвестно, сколько времени прошло, может, много, а может, и ничего, но он начал приходить в себя.

Оказался он в подводном мире. Это ощущалось везде, но почти очень схожее с земным. Только не было ни солнца, ни луны. Звезд на небе тоже не было. Светало и темнело одновременно со всех сторон, а небо — видимо, это была поверхность воды — всегда было одинаковым, без облаков.

Удивительно было обнаружить, что людей там было великое множество. Все кишело людьми, как в наших городах на рынке. Когда мальчик и путники пришли в себя, то первым делом ухватились за свои мешки, которые почему-то оказались совсем не такими тяжелыми и даже мягкими на ощупь. Удивились, но промолчали, никто не хотел развязывать тугие ремешки, которыми мешки были тщательно завязаны.

Подошла охрана и стала выпытывать: кто такие, откуда?

— Мы купцы, — сказали трое и показали на мальчика. — А это наш слуга.

— Чем вы докажете свое купеческое сословие?

— Состоянием...

— А где оно, ваше состояние?

— С собой, здесь, в мешках.

— А ну, показывайте.

Стали развязывать мешки, а там оказался один песок и глина.

— Это же глина с песком, а где же ваше золото? — строго спросил начальник охраны.

— Господин начальник, оно точно было, только вчера еще. Спросите хоть его, — путники показали на мальчика.

— Видеть я не видел, что у них в мешках, но они были тяжелые.

— Врут! — отрезал строго начальник. — Так не бывает, чтобы вчерашнее золото превращалось в песок с глиной. Этих троих — в тюрьму!

Когда увели путников, стали обыскивать мальчика. Вывернули карманы, нашли мешочек побольше, который ему дал Щедрый. Вскрыли его, а там также оказалась глина с песком.

— Что это?

— Теперь не знаю что... Но было золото.

— Этот опять врет.

Развязали второй небольшой мешочек, который вчера ему дал Жадный и ахнули: там сверкнули самые настоящие самородки.

Охрана сразу изменила к нему отношение с пренебрежительного на уважительное, и мальчика отпустили.

И стал он жить-поживать как в сказке, потому что золото открывало ему все двери. Удивительным было то, что там не надо было за услугу платить, стоило только показывать его, и все бросались исполнять его поручения, поэтому золото его не кончалось.

Получалось, главное — иметь золото, и не важно, много его у тебя или мало. Поэтому там никто не старался наживаться, обманывать, воровать. Все жили спокойно, мирно.

Была там прекрасная жизнь, описать невозможно.

Но для человека, познавшего иную, земную жизнь, хоть малость, но все же оставалось ощущение неполноты, несовершенства, незавершенности что ли...

Надоедало днем мутно-серое небо без солнца, беззвездные и безлунные ночи. Да мало ли чего. Если вдуматься, много было несуразностей, привыкнуть к которым невозможно.

И ожила в нем жуткая тоска, что хотелось волком выть...

И стал он денно и ночью искать пути возвращения назад на землю.

И он вернулся! Выплыл, отдышался, оглянулся... О-о, какая это была прелесть! Какое обилие ярких цветов!

Первым делом он с великим волнением вскрыл заветный мешочек с золотом, а там оказались вместо самородков обычные речные камешки.

Но мальчик не стал выкидывать их, а предусмотрительно спрятал в лодке, в которой соорудил тайник. Так, на всякий случай...

Он вспомнил спрятанный мешок, и какова же была его досада, что там тоже оказались обычные речные камешки! Значит, тот старый прохиндей обманул его. Но мальчик не стал держать обиду на того, и так обездоленного и несчастного: он не только попал в мутный подводный мир, но и там оказался в неволе. Можно ли придумать наказание страшнее?

Мальчик по-новому взглянул на окружающий его мир, полный стольких неповторимых красок и оттенков, мир, в котором нельзя не быть счастливым...

Старый Лодочник замолк, с видимым удовольствием затянулся длинной трубкой и снова выпустил синий дым в сторону догорающего багрового заката.

— И что мальчик? — не выдержав, спросил У Синь. — И как у него сложилась последующая жизнь?

— А мальчик зажил счастливо и долго. Конечно, женился, обзавелся домом, народил множество детей.

У Синь тоже вздохнул. Но это был не вздох облегчения: он знал, что не все так просто в реальной жизни... Можно, конечно, жить долго и народить множество детей. Но будет ли счастье в нужде и стеснении?

Видимо, Старый Лодочник заметил его интерес к дому с фонарями и эту поучительную историю рассказал ему неспроста.

Жизнь при фонарях, которую они наблюдают издалека, возможно, чем-то схожа с подводным миром своей перевернутостью к реальности. Да, конечно, завлекает, призывает, увлекает. Когда вокруг беспросветная тьма, так и хочется к свету фонарей, подобно несчастным мотылькам.

В почти полной темени, по тропинке на ощупь пробирался он к своей одинокой лодке. Стояла тихая душная ночь.

В доме с фонарями только начинался очередной праздник жизни, который продолжится до утра. Звучала музыка, игривый женский смех, самодовольный мужской бас.

Все-таки это не то... надо что-то другое. Но — что? Этого У Синь не знал.

(продолжение следует)

ВЫШЛА КНИГА

Коняев Н. М.

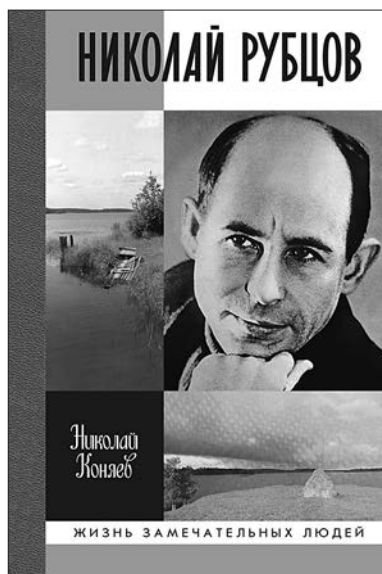
Николай Рубцов. — М.: Молодая гвардия, 2015.

Впервые эта книга о замечательном русском поэте Николае Рубцове, лирике и провидце и своей судьбы, и судьбы нашей Родины, вышла в серии «ЖЗЛ» в 2001 году.

Автор глубоко изучил и воспоминания современников, знавших поэта, и архивные документы, многие из которых впервые были обнаружены им. Взгляд Коняева на судьбу и творчество поэта взвешен и убедителен, хотя и лишен холодной беспристрастности. Повествование исполнено любви и горечи. И это делает книгу вдвойне интересной для широкого читателя.

Четырнадцать лет, миновавших с первого издания, выявили новые свидетельства и новые документы о жизни Николая Рубцова, и все они оказались учтенными Николаем Коняевым при подготовке нового, дополненного, исправленного и переработанного издания.

Без сомнения, и на сегодняшний день эта книга является самой полной и обстоятельной биографией поэта.

ПОЭЗИЯ

Сергей ХОМУТОВ

«РУССКАЯ ДУМА...»

Сергей Адольфович Хомут — родился в г. Рыбинске. Издал более 20 книг стихов. Печатался в журналах: «Новый мир», «Наш современник», «Октябрь», «Русь», «Молодая гвардия», «Юность», «Огонек», «День и ночь» и многих других журналах, коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Почти 20 лет возглавляет издательство «Рыбинское подворье». Лауреат литературных премий им. К. А. Симонова и им. А. К. Толстого. Член Союза писателей России. **Живет в Рыбинске.**

* * *

Русская дума, о чем ты, о чем,
Как же сегодня твой дух воплощен
В мире глумления да суеты,
В мыслях каких

проявляешься ты?..

В грустных признаньях

извечной вины,

В устных сказаньях живой старины;

В памяти неразделимой с тобой,

В том, что когда-то

назвали судьбой;

В храмах, где свечи дрожат у икон,

А с колоколен разносится звон,

И вопрошают святые кресты:

«Русская дума, осталась ли ты?..»

ГРАЖДАНСКАЯ

Не могли мы представить,

что все повторится:

Голод, холод и слезы,

и трупы вокруг...

Но уже Украина горит и дымится,

Где сегодня мой брат

погибает и друг.

Неужель не хватило ста

лет промежутка,

И придет, и грядет тот

же самый исход?

Вот семнадцатый год

приближается жутко,

Ну а следом за ним —

восемнадцатый год.

Те же злобные,

звероподобные лица,

Та же дикая и вероломная новь...

Рушат каменных идолов,

только сочится

Из-под них и за век

не застывшая кровь.

* * *

Старики завещания пишут

На остатки житья своего...

Что еще обретут и отыщут, —

Да, пожалуй, уже ничего.

Вот сидят по конторам подолгу
И друг с другом беседы ведут
Об ушедшем, что отдано долгу,
Непонятному нынче и тут.

Но и эти повинности строго
Соблюдают, коль надо теперь

Успевать до последнего срока,
Чтобы не было больших потерь.

Завещают... Хотя чем-то окупят,
Что под старость на нет сведено.
Только изредка слезы подступят,
Их почти не осталось давно.

* * *

*Что, выплыв на лодке,
повсюду достану шестом...*

Николай Рубцов

Выцвел некогда пойменный луг,
Хоть и не было засухи долгой,
Предсказанье Рубцовское вдруг
Обернулось мелеющей Волгой.
Даже морем,
 где нынче пройти
Стало трудно большим сухогрузам, —
Тают водные наши пути,
Ил зеленый по плесам и шлюзам.

Только вера осталась пока,
Что природа воистину чутка,
Оставайся рекою река,
Не скудейте ни мысли,
 ни чувства.
И пускай за прошествием лет,
В той дали, где уютно и вольно,
Успокоится грустный поэт,
Он в миру настрадался довольно.

* * *

Не раз и не два вспоминалось:
Портфельчик, пенал и тетрадки...
Ученье мое начиналось
На кромочке школьной площадки.
Я, маленький, тихий,
 сметенный,
Весь из неподдельных наитий,
Как будто вторично рожденный,
Стою на пороге открытий.
Их столько еще предоставят
И жизнь, и судьба, и природа,

И в чем-то,
 быть может, прославят
На поприще каждого года.
То празднично, чудно, картинно,
То буднично и незаметно
Сольются они воедино,
Застынут вдали безответно,
Как разные буковки в строчке,
Уже неразрывно и цельно.
...Но, маленький,
 там, в уголке,
Я как-то отдельно... Отдельно.

* * *

Колокола Преображенья,
Любви и святости сближенья
С твоей душой, твоей судьбой, —
Вхожу, как в храм, в аллею парка,
Какого ждать еще подарка,
Коль этот свет перед тобой.

В колоколах Преображенья
Господней воли постиженья
И обретенные высоты.

И между Волгою и храмом,
На праздничном пределе самом
Стоишь завороченный ты.

Как будто молишься, и кроны
Вокруг — похожи на иконы,
И в этом — никаких чудес.
Возможно все в пречистом звоне,
А яблоки в твои ладони
Не с веток падают — с небес.

* * *

Во времена, когда слезами
Святые грешный век омыли,
Мы все ж росли под образами,
Что наши бабушки хранили.

Они, быть может, упреждали
Нас верою своей всеильной
И ненароком ограждали
От всякой нечисти обильной.

Мы нынче понимаем сами,
Какую мудрость отвергали:

Хоть и росли под образами,
Но Бога в душу не пускали.

И я довольно поскитался,
Безверие из сердца выжег,
Тот образок со мной остался,
Стоит на полке среди книжек.

Но в срок ли, впрок ли эта школа,
Ведь я давно уже не школьник?..
Скажи, ответь, святой Никола,
Хоть что-то... Но молчит Угодник.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Речка, да ивы, да роздых
Трав над звенящей водой,
Взбитый стрекозами воздух,
Словно нектар золотой.
Пей, наслаждайся, купайся
В мире, похожем на рай,
Прямо к теченью спускайся,
Камушки перебирай.
Детство... Ничто не забыто.
В солнечном времени том...

Сколько же было испито
Всяческой мути потом?!
Может, и жил, — чтоб очнуться,
Через больные года,
Век завершая, вернуться,
К берегу детства... Сюда.
С родиной заново слитый,
К чистой воде наклонюсь...
Воздух, стрекозами взбитый,
Пью и никак не напьюсь.

* * *

Годы, горы забот, слишком часто пустых,
И ошибок, и просто слепого брожения —
Все оттиснулось в чем-то, хоть нет понятых,
Но и сам принимаешь свои прегрешенья.

Что пока еще можно решать, поправлять,
В чем пристойном твой опыт способен излиться?
Ты уже опоздал сыновей наставлять,
Остается сегодня за них — лишь молиться.

* * *

Входящий в мир —
уже почти герой,
Поскольку вызов жизни принимает,
Которая не выглядит игрой,
А схваткою, что слабого ломает.

То — поле брани, где самим собой
Быть надо каждый час,
а не казаться...
Ты принял этот вызов, этот бой,
Осталось не предать
и в плен не сдаться.

ПОЭЗИЯ

Валентин ГОЛУБЕВ

МЫ ЖИВЫ СЛОВОМ

Валентин Павлович Голубев — родился в 1948 г. в пос. Сосновая Поляна под Ленинградом. Учился в Ленинградском университете. Первая книга вышла в 1976 году. Автор 8 книг стихов. Лауреат нескольких литературных премий. Занимался переводами современной западноевропейской поэзии. Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда), других регионов, за рубежом. Член СП России с 1990 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Кто-то плачет над ветхим листом
Древней повести —
 труд не для робких.
Все в нас лучшее —
 Пушкинский Дом,
Свет в часовенке на Пискаревке.

Сыт ли, голоден? Дело не в том!
Блажь звала иль житейские вихри?
Знай: в душе твоей
 Пушкинский Дом
Костромские предтечи воздвигли.

Мы по самому краю пройдем
Бездны, долу приклоним колени.
Все не вечно, лишь
 Пушкинский Дом
Да утробная память — нетленны!

Дым Отечества, годы гуртом,
Авакумовы жгучие угли...
В нашей памяти Пушкинский Дом
Отзовется — лишь только аукни.

Коль хребты становые на слом
Пустит Время,
 что с дьявольской меткой,
Нашей совести Пушкинский Дом
Станет миру ковчегом и Меккой.

Неужель за чертою, потом,
В виртуальной дали, из потемок:
— Дом родной, ты уже за холмом! —
Удивленный воскликнет потомок?

РОДИНКА

Это ж надо так влюбиться,
Разорвать безвестья клетки,
Чтоб в таком краю родиться
И в такое лихолетье!

Даже родинка в предплечьи —
След стрелы на теле предка.
Говорят, что время лечит,
Остается все же метка.

Мы другой судьбы не чаем,
Хоть беду, как зверя, чуем.

Этот выбор не случаен
И отчаянностью чуден!

Мы, как в «яблочко», попали
В век, где бед, что звезд и чисел.

Самый светлый здесь в опале,
Самый честный — беззащитен.

В Райском саде, где тревожит
Тишину лишь птица Сирин.
Затоскует Мать Божья:
Как там Сын ее в России?

* * *

Нет ни города, ни страны,
Где мы были обручены,
Скрыла прошлое лет фата,
А дотронешься — пустота.
Под дождями судьбы померк
Шубы свадебной рыбий мех.
Затекают мне в рукава
Речка Лета, река Нева.
Весь изрезан палец кольцом,
Как фортуновым колесом.
И выходит, как ни крути...
Уплывут по реке круги.
Стало рыбкой кольцо в воде,

Быть разлуке, потом беде.
Нет ни города, ни страны,
Дни сосчитаны, сочтены.
Мой остаток возьму с собой:
Крест нателный в Морской собор.
Там Никола Святой Отец
Ждет на одр и под венец.
Он укажет кому куда,
В речке Лете быстра вода.
И прохладой неvkских струй —
В лоб старушечий поцелуй.
Нет ни города, ни страны,
Где мы были обречены.

МЫ ЖИВЫ СЛОВОМ

Ах, что за ветер? Времена пастушек
И пасечников замела метель.
Поблекла Гжель, ямщицкий сгинул Ямбург,
Сорвало крышу, дом сошел с катушек,
И пьяный плотник двери снял с петель,
Ключи забросив в выгребную яму.

Нас всех давно поставили «на счетчик»,
Как выбывших насельников, жильцов...
И прокричит: — Вас затащило ряской...
Когда нас мерять вздумает начетчик,
Куражась тупо, тыча нам в лицо
Своей дубовой меркой канцелярской.

Вас не было! Забудьте, изыдите...
Вас не стояло здесь! Вы кто такие?
— Мы живы словом! Жив глагол родитель!
Чу, слышите: земля внутри гудет.
А надо будет, и в престольный Киев
Язык, почти забытый, доведет.

БЕРЕГ

Берег, слепящее солнце, и самосожженье
Снега. На плесах лишь галька да пух лебединый,
Если шиповника бурые грозди не в счет.
Знаменье было: всю ночь над заливом сраженье
Жителям снилось, а утром в разорванных льдинах
Мальчик ли, воин? Куда его Лихо влечет?

Не разобрать, что кричал он: «...берите, бегите...»?
Шапкой махал нам, достигший предела и края.
Голос сорвался, остался лишь чайный крик.
Птицы кружили над ним, мол, птенцов берегите.
Солнцем апрельским мосты за собою сжигая,
Вот и пропал он за дымкой, откуда возник.

Не расходились и катера ждали «Бурана»,
Он-то пробьется сквозь эти торосы... Напрасно!
Лишь на закате кузничек небесных лугов
Был вертолет, но какой-то без номера, странный.
Служба спасенья, но чья и откуда — не ясно,
С нашего берега или с других берегов?

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАСТОЧКЕ

В осеннем поле птичья рать
С поникших кормится колосьев...

Я стал твой голос забывать
В нахлынувшем разноголосьи.

Прислушиваюсь — все не то!
Жизнь — погремущка, птичий рынок.
Просеял дни сквозь решето —
Не так и много золотинок.

А было ли? Поди проверь...
Остыл в печи каленый камень.
Стучит распахнутая дверь,
Одаривая сквозняками.

Есть в слове «ласточка» — уют
И домовитость женских пут.
Когда под крышей строят гнезда,
Они смолкают — не поют.

ЯНВАРСКИЕ ПЧЕЛЫ

Николаю Чулову

Вроде был по жизни ты не пасынок,
И привечен, и судьбой не клят.
На твоей январской псковской пасеке
Пчелы, вдруг проснувшись, загудят.

Пестовал кого — остались сирыми
В лабиринтах жизни потайных.
Пусть тебя там будут птицы Сирины
Тешить наподобие земных.

Красный Бор как молнией расколется
Вестью, что дитя не уберет...

Где ж ты, сорванец теперь Николенька,
За черту шагнувший, за порог?

В небеса из наших будней выбыл ты,
Суетных, где воспарить нельзя.
И теперь на Волковском под глыбами
Прах схоронит мать сыра земля.

Так живем мы в ожидании случая
Всех тревог земных отбросить гнет.
Церковь Воскресения Словущего
Пусть свои объятия распахнет.

Все земные страхи и побасенки
Выбравшему вечность — нипочем!
На твоей январской псковской пасеке
Гул стоит осиротевших пчел.

ЧАСЫ

Светлане Молевой

Как ты оглянулась!
Нечаянный взгляд твой пронзительно долог.
Уходит не время, мы сами уходим.
Часы — только повод.
В небесных курантах
Гремит петербургское наше «12».
Уже не спешим, просто время торопит.
Не в силах расстаться,
Идем по Расстанной.
Нам под ноги осени медные деньги,
В окладе серебряном зимние фрески...
С последней ступеньки
Мне машешь рукою.
В глазах твоих зябкие белые птицы
Прносятся мимо.
Неужто забыла? Успеть бы проститься...
Меж цифрами прочерк.
За стрелкой секундной последнее слово.
Часы на Разъезжей...
Часы на Фонтанке...
Часы на Садовой.

* * *

Домик подвязан дымком к оловянному небу,
Кошка на крыше решила забраться на тучу
По ручейку восходящего тлена печного.
Кто распустил на сугробах подтаявших вербу?
Глянь, а по снегу-то клинопись знаков летучих,
Птичьи следы иль письмо из пространства иного.

Я нараспев эти знаки читаю с опаской
Голос сорвать или в пропасть сознания сорваться.
Выполнен долг, и тогда поражение лишь средство,
Чтоб через гибель воскреснуть.
Неделя до Пасхи.
В грае вороньем слышны отголоски оваций
Драме старинной.
Пойду у печурки согреться.

Свет отключали. Часов электронных улитка
Уснула. Что же, о грустном в безвременье лучше
Не думать.
Настя на праздник одарит побывкой,
То-то, обрадуясь, вскрикнет на петлях калитка,
Кошка, соскучившись, прыгнет, мяукая, с тучи,
Сам я застыну в дверях с виноватой улыбкой.

* * *

1

Он был моим предтечей, значит, другом,
На дудочке играя Ярославне,
Кичился статью, выходил из круга
Играющих, как первый, самый главный...

Скудеет поле памяти, пути ли
Сплелись в клубок?
Поправ Времен коросту,
Посланник мой, который век в Путивле,
Почтовый голубь кружит над погостом.

Оплошности довольно пустяковой,
Чтоб сбиться с ритма, потеряться в счете.
На дудочке играя тростниковой,
Не надувайте так вальяжно щеки.

2

Не дай вам Бог, храни вас от греха
Обидеть чем-то в небо звук летящий.
Здесь дать, как говорится, «петуха»,
Ровно «сыграть (как злыдни шутят) в ящик».

Хоть непригляден времени разор,
Я пригляжусь: вот дождь осенний вяжет
Просторы, и меж тучами зазор
Зияет бездной. И вопрос не важен:

Играет кто? Откуда свет и звук?
Как мотыльки летим, тесня друг друга.
Возьмет ли снова дудочка в свой круг
Всех тех, кто вышел за пределы круга?

Ирэна СЕРГЕЕВА

НАСЛЕДНАЯ ИКОНА

Рассказы

Сергеева Ирэна Андреевна — поэт, критик, литературовед, член Союза писателей России с 1976 года. С 1977 по 1991 гг. работала литературным консультантом журнала «Звезда». Автор многих поэтических сборников, литературоведческих статей, переводит стихи с грузинского, украинского, сербского, белорусского и др. языков. Инициатор и составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы». Лауреат премии им. Н. Заболоцкого. Живет в Санкт-Петербурге.

Когда в Петербург привезли мощи святой Елизаветы, Ольга, чтобы приложиться к ним в Казанском соборе, долго ждала у колоннады. Очередь прихотливо закручивалась возле сквера. Народ терпеливо, спокойно стоял: кто беззвучно читал молитвы, кто — негромко пел псалмы. Мягко светило солнце. По мере приближения к мощам в душе Ольги нарастало тихое волнение.

В храме раздавали иконки святой мученицы. Взяв из рук монахини иконку, Ольга приложила ее к святыне — к деснице — и приложилась сама. Сердце словно бы остановилось на секунду, а потом стало необыкновенно легким...

Выйдя из собора, Ольга услышала сигнал своего мобильного. Звонила Инна, вдова двоюродного брата, с которой в последнее время приходилось часто и подолгу разговаривать. Чем дольше шел разговор, тем более сбивчивой, порой бессмысленной становилась речь. И сейчас так же. Но в конце отчетливо прозвучало ругательство.

Ольга отключила телефон. Тревога охватила ее: сегодня Инна была особенно нехороша. Похоже, она спивается. За последние годы уже вторая женщина в этой семье. Сначала дочь, теперь — мать. Ольга решила на днях съездить в Купчино.

Семья двоюродного брата огорчала Ольгу. Друг друга члены этой семьи тоже не радовали. А все началось с неверного поступка главы семьи. Сказано: «Чти отца и мать своих». Алексей, как видно, не чтит и не слушал советов отца, Ольгиного дяди.

Дядя, участник Великой Отечественной войны, дружил с другим ветераном. И дети их — красивая пара — стали женихом и невестой.

Тогда, в пятидесятые годы, не принято было сходиться до брака, отношения их были целомудренными. Свадьбу решили играть после окончания Алексеем военного училища.

Но за год до этого курсанты отправились в летний лагерь. Юноша вернулся оттуда другим человеком: он женился. Там, однажды получив увольнительную и пойдя на танцы, Алексей встретил Инну. С копной светлых волос, с большими голубыми глазами, высокой грудью и тонкой талией Инна воздействовала на мужчин убийственно. Алексей влюбился сразу. Он тоже привлекал к себе взгляды женщин. Хватка Инны была железной, она обольстила юношу — и не отпустила.

Отец Алексея не смог пережить случившееся — скончался от инсульта.

Мать, овдовев, не простила невестку и почти не разговаривала с ней. Но двух внуков любила, сама и воспитывала. Инна целыми днями была на работе, она преподавала в школе.

Ольга по традиции посещала семью Алексея два раза в год: в день рождения его и его матери, вдовы своего дяди, а когда тетя скончалась — только в день рождения брата. Радости эти посещения ей не приносили.

С годами чаще приходилось участвовать и в похоронах. Умерли многие: двоюродный брат — от инфаркта, потом — от рака в возрасте двадцати четырех лет — младшая племянница, потом у старшей племянницы, удивительной красавицы, убили мужа, и она снова вышла замуж. Денег хватало на всяческие прихоти и на алкоголь, даже беременность не остановила ежедневные возлияния. И родилась полуслепая дочь Лиза.

В последний год опять случилось горе: от пьянства умерла мать Лизы. Муж оставил семью еще раньше. Несчастья неуклонно преследовали их. А все события имели одну причину, понимала Ольга: давний поступок Алексея.

Отправляясь в Купчино, Ольга решила порадовать внуку двоюродного брата — Лизу. Этой Ольгиной внучатой племяннице завтра должно исполниться шестнадцать. Подарок для нее куплен.

Лиза встретила, замкнутая, мрачная. Ольга пошла за ней в ее комнату по коридору и заметила через открытую дверь лежащую в гостиной на диване Инну: голова запрокинута, рот открыт. Да она пьяна в стельку!

Полуслепая девочка один на один с пьющей бабушкой... Кто поможет ей?.. Ольга вспомнила про иконку новомученицы Елизаветы, достала ее из сумочки, положила в карман жакета и вошла в комнату к Лизе. Та не заметила Ольгу — в наушниках звучала музыка.

— Лиза! — тронула Ольга девочку за плечо. — Тебе сейчас нелегко. Но бабушке тоже трудно, еще год не прошел, поэтому она в таком состоянии.

— Ерунду не говорите! Она давно так, еще при маме пила. А сейчас она все быстрее становится не в себе. Иногда с утра.

— А как же вы с хозяйством? Кто в магазин ходит?

— Я хожу. Тут, рядом, я знаю дорогу.

— Она водку пьет?.. Я сейчас постараюсь привести ее в чувство. Есть нашатырь?

— Вино дешевое пьет... Аптечка в ванной.

После нашатыря, крепкого чая и контрастного душа Инна произнесла первую фразу:

— Да все нормально. Ты не суетись.

Говорить с ней было бесполезно. Она сидела на диване, тупо глядя в телевизор.

Ольга сходила в магазин, наполнила холодильник, объяснив Лизе, где какие продукты, отдала подарок, а потом вложила ей в руку иконку и сказала:

— Это образ святой новомученицы Елизаветы...

Она знала, что в этом доме никто не молится, и все же, всем сердцем надеясь, что Бог вразумит невинное создание, продолжила:

— Ты ведь Елизавета! И святая поможет тебе.

Пора было уходить, Ольга перекрестила Лизу так, чтобы она почувствовала это крестное знамение, поцеловала троекратно и обещала через неделю приехать.

На следующий день вечером раздался звонок. Инна трезвым голосом сказала:

— Лиза случайно упала из окна. Такое страшное падение... Случайно осталась жива. Она в больнице...

И заплакала... Ольге не удалось узнать у нее, как все произошло, та только всхлипывала. Ольга понимала, что пятый этаж, даже при современных низких потолках, — это высоко, Лизе грозит полная инвалидность. Ехала в больницу с трепетом, не зная, в каком состоянии девочка. Ехала и молилась.

В отдельной палате она увидела Лизу с неповрежденным лицом и головой, которая ела виноград, отщипывая его от грозди собственными руками. Только одна нога ее была в гипсе.

— Лизочка! Ты как себя чувствуешь? Что у тебя болит? Как все случилось? — Спрашивала Ольга. Она не верила своим глазам. Что же произошло вчера? Может, Инна напоила внучку вином в день рождения? Для чего девочке надо было открывать окно, забираться на подоконник? На суицид не похоже... Почему, как сказал ей врач, всего лишь перелом ноги и синяки? Это невероятно. И вспомнила тут Ольга, что святую Елизавету сбросили в шахту с такой же высоты — в пятнадцать метров...

— Как случилось — не помню. Нормально чувствую, — невозмутимым тоном, в своей манере, отвечала племянница. И понимая, что говорит что-то не то, добавила:

— Голова немного болит. Вы не волнуйтесь, тетя Оля. У меня в кармане кофты ваша иконка была.

НАСЛЕДНАЯ ИКОНА

Скончалась Антонина Митюшина, последняя из большой семьи. И нет после нее — ни детей, ни внуков. Только крохи имущества некогда богатого дома. Удивительно, что по истечении шестидесяти лет в этом доме все еще что-то оставалось. До переворота в семнадцатом Иван Михайлович владел банями у Финляндского вокзала и жил неподалеку в большой, богато обставленной квартире. Как только пришла новая власть, обладавший здравым смыслом, хорошо умеющий считать деньги и видеть выгоду Митюшин отдал народу всю свою недвижимость, а сам стал работать бухгалтером в

хозяйственном кооперативе. В его документах написали, что он происходит из крестьян Тверской губернии — так оно и было.

Он переехал с женой и тремя детьми в тесную квартирку на Лесном, полную запасов тканей, посуды, одежды, постепенно распродаваемых. Хватало и продуктов. В тайнике скрыты были золотые десятки, драгоценные ожерелья и кольца, купленные на крестины его дочерей, чтобы украсить в будущем их свадьбы.

Но Мария и Антонина так и не вышли замуж. А сын, двадцатилетний Петя, погиб на Ленинградском фронте в первые дни войны. Запасы пищи, всегда вовремя обновляемые, не дали погибнуть семье во время блокады.

Слава Богу, глава семьи скончался в канун войны в шестьдесят лет, так и не узнав трагических подробностей истории страны и семьи. Но его предусмотрительность сыграла благую роль в судьбе Митюшиных.

Вдова Митюшина, Анастасия Федосеевна, никогда нигде не служила и продолжала вести дом. С соседями была не враждебна, но замкнута, и всегда щедрым застольем встречала дочкиных подруг — Дину с ее дочерьми и Раю с племянницей.

Первой в пятьдесят пять от инсульта умерла Маруся, потом Анастасия Федосеевна — от старости, и в муках, от рака — Антонина, которую все — от мала до велика — ласково называли Тонечкой.

— Леночка, помоги мне с разбором вещей Тонечки, — попросила племянницу Рая. — Ты ведь любила ее и на похоронах была...

— Раечка, у меня так мало времени, надо писать диплом, — попробовала отговориться Лена. — Ей не хотелось идти в мертвую теперь квартиру. Лучше бы оставить в памяти ту, гостеприимную, с большим овальным, накрытым крахмальной скатертью столом под оранжевым абажуром. Да, она любила Тонечку, и Тонечка всегда радовала ее — то книгой, то красивой вазочкой, то серебряной ложкой на день рождения. Она все это помнила, пришлось идти.

Да, квартира совсем не походила на прежнюю — почти пустая. Когда Лена с тетей вошли, там уже хозяйничала Дина, как оказалось, — не первый день. Ведь ключи были у нее.

На что уж не жадной была тетя Рая, но видно было, что она неприятно поражена. Дина заявила командным тоном:

— Раечка, вот возьми скатерть, жаль, она не новая, две вазочки, этот чайничек можешь взять.

— А где же чайные сервизы? — справедливо удивилась Раечка.

— У моих девочек скоро свадьбы. Тонечка обещала подарить им.

— Дина, ты знаешь, как давно я дружу с Тонечкой, как она со мной откровенна. Ничего подобного она не говорила, — возразила обычно романтически настроенная, но сейчас не желающая упустить своего Раечка. — Тонечка говорила, что один сервиз завещает мне.

Лена не хотела слушать эти разговоры, она удивлялась словам тети: ведь та всегда слыла бессребреницей. А Дина выглядела отвратительно — с горящими глазами, пылающим лицом, ни минуты не стояла на месте, руки ее тоже все время двигались — что-то доставали, упаковывали, увязывали.

— Дина! Тебе не стыдно? — Увещевала тетя. — Ты пользуешься тем, что Тонечка не может тебе помешать. Но я-то все знаю и вижу, что совести

у тебя нет. Представь: ты умрешь, и за наследство будут драться две твои дочери. Именно так все и произойдет. Они наверняка похожи на тебя своей жадностью. Страшно подумать.

— Да успокойся, Рая! — снизила тон Дина. — Вот еще скатерти. Вот хрусталь. Здесь рулон тюля, бери, если надо. Вот столик, очень хороший, целый. Бери!

Лена мучилась, не зная, что ей делать: никогда не была она свидетелем ничего подобного. Выждав интервал в споре, она позвала тетю:

— Раечка! Я пойду. Ведь я не нужна.

Только тут, кажется, Дина заметила Лену:

— Леночка! Возьми книги — «Чтец-декламатор», журнал старинный «Пробуждение». И вот еще, — Дина не знала, что сказать, передавая Лене коробку. И Лена увидела в ней икону. Она поняла, что Дина просто не представляет, что с иконой делать, ей икона не нужна.

Таким образом Лена унаследовала икону Митюшиных. В раннем детстве крестила ее бабушка, но вскоре умерла. Все иконы бабушки взяли себе ее приятельницы. Мама не возражала, в церковь она никогда не ходила. И Лена не получила православного воспитания. Теперь, когда она стала взрослой, ей предстояло, если можно так выразиться, самой выстроить отношения с Богом.

Лена рассматривала свое наследство: Богоматерь на золотом фоне с Младенцем, Младенец — на левой руке Богородицы. Надпись Лена смогла прочитать или, скорее, догадалась — Казанская. Икону она поставила на стеллаж и часто подолгу смотрела на нее. Предстояло заменить треснувшее стекло на футляре, который, как Лена прочитала в православном справочнике, взятом в библиотеке, называется — киот.

Заменив стекло, Лена решила: теперь надо правильно расположить икону.

В справочнике также говорилось, что образ должен находиться в правом углу комнаты. Каждый день, когда Лена просыпалась, ее встречал чудный взор Богоматери, а юный Христос благословлял по-особому сложенными перстами. Читая разные православные книги, Лена узнала много новых слов, стала понимать язык Евангелия. Икона в ее комнате пролила свет на всю ее жизнь. Стоя перед иконой, Лена стала читать молитвы. В молитвах своих она обязательно поминала Антонину, Марию, Анастасию, Ивана и свою бабушку Александру. И все они стали казаться ей очень близкими.

Вскоре она решила отпраздновать свои именины, а не день рождения.

Пришли две институтские подруги и удивились, откуда икона.

— Эта икона — наследная, — сказала Лена.

— Бабушкина? — Спросили подруги.

Лена ничего не ответила: пусть так думают, ей очень хотелось, чтобы это было на самом деле, чтобы что-то перешло ей от предков.

Простившись с гостями и оставшись одна перед иконой, Лена вдруг почувствовала себя неуютно, свет от иконы словно бы слегка ослабел.

— Прости Богородица, прости меня, Христос! Не знаю, зачем солгала я, — проговорила Лена, и слезы брызнули из глаз. А когда она вытерла слезы и вновь подняла глаза на икону — она опять сияла ей своим неизъяснимым светом.

**Протоиерей Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

«СТАНОВЯЩИЙСЯ СМЫСЛ»

Главы из романа

Геннадий Рязанцев-Седогин — окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП России, член-корреспондент Академии Российской поэзии, действительный член ПАНИ, МАПП. Автор семи книг. Лауреат Литературной премии имени Евгения Замятина. Протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в городе Липецке, который построил тщанием прихожан и помощи Божьей. **Живет в Липецке.**

Мой дорогой мальчик!

Тебе может показаться, что мне важно, чтобы запомнили меня в истории. Нет, это не так. Я не тщеславен. Моя задача — составить документ эпохи. Мы все проходим через время путь от рождения до смерти. Каждый должен что-то понять, осмыслить и оставить после себя самое важное.

Царское церковное сознание. Я никогда не мог рассказать тебе, что это такое. Ты не слышал меня. Понимаю, ведь ты пришел жить свою судьбу.

Царское церковное сознание всегда было у русских. Оно закодировано в ментальности. Это невозможно убрать из сознания. Пример этому явлению то, что все принимают крещение. Никто ничего не понимает в этом, но народившегося младенца несут в церковь и крестят. Это спрятано в сознании, где-то в глубинах, в самых корнях его. Оно словно напоминает, «что надо поставить свечку», «надо сходить в церковь в следующее воскресенье», «надо помянуть», «надо съездить в Лавру к преподобному». Все одним миром мазаны. Этого не смогли выбить даже большевики, которые отстреливали попов и им сочувствующих, гноили их в лагерях, а из мест поклонения сделали психушки, отхожие места и оставили одни камни.

Царское церковное сознание — это полнота жизни Церкви. Если мир сотворен ради Церкви по слову Святых Отцов, то из этого следует, что это понятие является полнотой самой жизни, абсолютное осмысление ее. Оно открывает особое видение жизни. Оказывается, у нее есть не только горизонталь, плоскость, на которой копошится все живое, но и вертикаль, структура, призванная

организовать это движение текучей, меняющейся, ускользающей жизни. Святейший Патриарх, Предстоятель, глава Церкви на самом верху. Далее — чиновничество, священство. За ними мальчик в белых одеждах с льняным полотенцем на плечах и с кувшином воды в руках, чтобы умыть Святейшему Патриарху руки во время богослужения; пониже народ, стоящий в храме, и какой-то мальчишка, в рваных джинсах, бегущий по улице с залепленными наушниками ушами. А в наушниках речитативом реп, бесвязная свалка слов и нелепых понятий. И все это и есть Царское церковное сознание. Полнота всей многообразной жизни. Это — как круги на воде. Помнишь, мы с тобой были на море вечером, когда садилось солнце, тонуло в спокойной уже холодной глади воды. Я еще снимал тебя, твое лицо внутри солнца, и оно светилось аурой, как на иконах сияют святые лица. Солнце покоилось на твоём худеньком загорелом плече, а ты укладывал на него свою взлохмаченную голову и закрывал глаза, понарошку засыпая. Потом все больше остывающее солнце в пригоршне твоей ладони. А когда опускалась прохлада, вода становилась тяжелой и по цвету сизой, и мы бросали в нее голыши. Представь себе картину, мой мальчик, твердый камень это — Святейший Патриарх, на нем все стоит, все держится, а круги, расходящиеся от этого главного камня при соприкосновении с водой, — это все мы, кто на каком круге. Кто ближе, кто дальше. Так вот, этот мальчишка в наушниках может быть на самом последнем круге. Он ничего не знает, кроме своего репа. Но и он включен в это Царское церковное сознание, в эту полноту жизни. Потому что там, на камне, где стоит Святейший, и происходит ось мироздания, и вокруг этой оси все вращается.

Мне надо написать об этих кругах. Они всегда разные, как бывают разные времена. Они всегда расходятся по воде. Но сейчас круги расходятся особенно далеко, и последние почти незаметны, это означает, что они теряют связь с местом падения камня. Потеря связи — это уход в небытие, это смерть. Мне кажется, что сейчас самое главное время для русского народа, для всех нас. Сходятся все пророчества. Чтобы это видеть, нужно иметь особое духовное зрение. В современном мире получает все большее развитие новая религия, религия золотого тельца. Деньги являются символом власти и земного благополучия. Они олицетворяют привязанность человека к земле и силам материальной природы. Новое Пятикнижие из стекла и бетона, демонстрирующее комфорт жизни, достигает своего кульминационного развития. И мысль русского классика XIX века о том, что «деньги не Бог, но полбога» в XXI веке звучит уже по-иному: деньги не полбога, а Бог.

Мне надо пройти по этим кругам, понимаешь, мой дорогой мальчик. Мы все смертны, мы все когда-нибудь умрем. Но тот дом, который достраиваю я, будет местом, где заговаривают смерть. Где заговаривают последнего врага человека. Все люди внутри себя испытывают страх. Но все они помнят, или догадываются, или может быть знают наверняка, что это место где-то на свете есть. И они придут в этот дом, чтобы уничтожить животный страх, который унижает человека.

Даже власти предрежающие, богатые и сытые, любят встретиться со Святейшим или нашим Владыкой, попить водки под грибочки, послушать рассказы о чудесном, о бессмертии, по привычке перемежая эти рассказы анекдотами. Но и этим, и всем простым людям некогда. Их убаюкивает жизнь, как младенцев в колыбели. Они откладывают и откладывают последнее

сражение. Когда же кости станут хрупкими, а кожа начнет свисать и морщиниться, когда глаза, увидев медсестру со шприцем, в котором морфий, будут выражать страх, когда физическая боль составит главную мысль в сознании, тогда поздно искать это сакральное место, где заговаривают смерть.

Все стоят на этих кругах, кто-то ближе, кто-то дальше. Даже в реальной жизни ходят вокруг храма. Он возвышается на тридцатисемиметровую высоту в нашем городке. Самую высокую точку венчает крест. И все кружится вокруг этой точки, то приближаясь, то отдаляясь от нее, а то исчезая в стране далекой.

О БЛАГОЧЕСТИИ

Дорогой Иван! Я обещал тебе рассказать о таинственном слове «благочестие». Тайна Христа — это как раз и есть тайна благочестия.

Буду говорить на понятном тебе языке. Благочестие — это ресурс. Его можно сравнить вот с чем. У тебя есть компьютерная игра. Твой герой идет по уровням, и у него в запасе несколько жизней. Проходишь разные препятствия, и твой герой теряет жизни, одну за другой. И вот, наконец, сгорает последняя, и машина возвещает «game over», игра закончена. Может быть, ты пройдешь все уровни и останешься жив, но это зависит от многих факторов. Не будем вдаваться в тонкости игры. Для меня важен этот образ.

В жизни бывает так: у кого-то много благочестия, этого таинственного ресурса, у кого-то меньше. От чего он зависит? Он зависит, в первую очередь, от наследственности. Если предки человека сделали в жизни что-то хорошее, например, делали много добра людям, служили Родине и Церкви, были военными, помогали нищим, любили все живое, они передадут много благочестия потомкам. А если предки не делали добрых дел, а наоборот, убивали, разрушали, притесняли, терроризировали людей, издевались над животными, они оставят меньше благочестия. Меньше жизней. Как в компьютерной игре! Так вот, этот ресурс очень важен. Мы проходим уроки жизни и поднимаемся по уровням, чтобы стать совершенными. И этот ресурс, ресурс благочестия, помогает преодолевать препятствия в жизни и подниматься по уровням.

Например, святой человек. Он имеет огромный запас благочестия. Его ресурс впечатляет. В нем большие жизненные мощности. Он может совершить противоестественный для себя поступок, согрешить, съесть кусок мяса, которого он не вкушает уже, может быть, двадцать пять лет, и это не осквернит его сознания, потому что он покроет этот поступок, этот грех своим благочестием. Он даже может совершить более страшный грех, но Бог не вменит ему грех в грех, то есть не осудит его, потому что сила благочестия покроет это преступление. Другой же человек, обладающий небольшим ресурсом благочестия, совершая преступление, может пострадать и даже лишиться жизни из-за болезни или несчастного случая. Потому что нет у него столько благочестия, чтобы покрыть преступление. Машина — жизнь, может сообщить «game over», окончание игры.

Конечно, мой мальчик, святой человек не станет искушать Бога, совершая преступление, потому что сила разума его такова, что он стремится к творчеству, к тому, чтобы создавать целые миры.

В одном из апокрифических Евангелий есть очень известный сюжет. Маленький Христос у реки Иордан из глины лепит птичек. Он творит, как все дети, любящие рисовать и лепить. Ты тоже в детстве любил это. Проходит мимо саддукей, хранитель Моисеевых законов, и обличает его в том, что он работает в субботу. Отрок Христос огорчается, что прерывают его детскую игру. Он ставит своих птичек в ряд и, взмахнув руками, произносит:

— Шух, летите!

Птички становятся живыми, вспархивают и радостно взмывают в небо. Каждый человек способен творить, вдыхать жизнь в материю. Но для этого нужна энергия благочестия. Сакральная вещь, это благочестие!

Я думаю, дорогой мой мальчик, что сейчас деградация современного человечества такова, что люди живут уже в сновидении ада. И их самосознание находится на уровне неразумных детей. Задача же человека, приходящего в этот мир, состоит в том, чтобы понять, через высокие принципы самосознания, какая сила благочестия скрывается в нем! Или какие страсти, какие немощи разрушают его судьбу, уничтожают его жизнь. Человек должен стать существом с высоким принципом самосознания. От этого зависит вся жизнь человека и его счастье.

Глубинная память ума хранит всю информацию о жизни наших предков. В тебе живу я, твоя мать, мой отец и моя мать, родители моей матери и моего отца и так далее по роду. Все генетические программы рода живут и проявляют свою непреложную силу. Они раскрываются в твоих мыслях, твоих желаниях и привязанностях. Все, что желали наши предки и не получили в жизни, переходит желаниями в тебя. И часть из них может быть тобой реализована. Потому что все желания имеют непреложную силу, и все они осуществляются, только вопрос: когда? В жизни моего отца, в моей жизни, твоей или жизни твоих детей? Желания стоят в очереди, но какие это желания? Это вопрос Гамлета «Быть или не быть?», совершить поступок или не совершать его?

Многие люди не задумываются об этом, они просто живут. Но человек, понимающий глубину жизни, размышляющий о своем призвании, жаждет понять, зачем жизнь кончается смертью? Он становится на путь самопознания. Он воспитывает в себе высокие принципы самосознания. И те желания, которые хаотично возникают в его голове, контролируются им. Особенно те, которые способны уничтожить его цели на пути к высокому счастью и разрушить его судьбу. Он освобождается от них, он отсекает их от себя. Весь смысл жизни человека-аскета (ты знаешь смысл этого слова) заключается в том, чтобы очистить глубинную память ума от всех разрушительных привязанностей и желаний и сделать хотя бы один шаг к духовному миру, к истоку, из которого все произошло.

И в этом — ответственность личности за судьбу своего рода. Понимаешь? Жители земли не осознают этой ответственности. Вместо того, чтобы очищать себя от преступлений и порочных привязанностей, накопленных по цепи рождений и смертей рода, и приближать свой род к духовному миру, они приобретают новые желания и новые привязанности и страсти и тем самым осложняют жизнь будущих поколений. Это как селевой поток, сорвавшийся с горы, все живое уносящий и погребаящий под толстым слоем грязи и камней. Кстати, мой дорогой, природные катаклизмы возникают как раз из-за отсутствия творческого участия человека в космических

процессах мироздания. От этого, кстати, исчезают целые виды растений, животных и птиц.

Ты спросишь меня, что же делать тем, кому не повезло? Тем, кто при рождении не получил достаточно благочестия, чтобы быть здоровым и преодолеть все удары судьбы? Я отвечу тебе. Общение. Вот самое главное, что должен помнить человек, не имеющий ресурса благочестия. Общение с благочестивыми людьми. От этого соприкосновения он будет получать духовную энергию и восполнять свой скудный ресурс.

Гениальность нашей Церкви — в ее Таинствах, и в этом смысле Таинства священства удивительны. Я знаю несколько случаев из жизни, когда неблагополучная семья выбирала себе духовника и становилась счастливой. У главы семьи хорошо складывался бизнес, сын оканчивал университет, дочь, не отличавшаяся целомудренной жизнью, удачно выходила замуж и рожала детей, мать молилась и участвовала в строительстве храма. Она, мать, во всем помогая священнику, через его благочестие устраивала жизнь своей семьи. Но потом священника оклеветали, и она отошла от него. В течение трех лет муж потерял бизнес и не выходил из судов, дочь заболела тяжелой болезнью, которой по женской линии матери страдала ее бабушка, и в семье воцарился страх.

Россия знала великих старцев, которые окормляли (то есть кормили пищей благочестия) тысячи и тысячи русских людей, управляли их жизнями, давали им и веру, и надежду, и любовь. Их святые мощи и память о них хранят этот неисчерпаемый ресурс благочестия и продолжают окормлять несчастных. Но чудес становится все меньше, потому что велико падение сознания современных людей.

Вот что такое благочестие, мой дорогой мальчик. Помни об этом. Помни всю свою жизнь. И когда ты задумаешь согрешить, подумай, хватит ли у тебя благочестия покрыть твой грех.

СЫНУ. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Дорогой мальчик! Как-то я для себя вывел формулу, которая объясняет, по крайней мере для меня, процесс деградации всего человечества. Она строится на известном выражении принца датского Гамлета. Ты, конечно, знаешь эту трагедию Уильяма Шекспира. Так вот, принц датский, сын короля, узнает о том, кто является убийцей его отца. И перед ним стоит выбор, который заключается в следующем: отомстить за смерть отца или оставить убийцу суду Божьему. Надо понять, в какое историческое время происходят события, описываемые в трагедии. Это время в культуре называется Возрождением. Для него характерно то, что человек начинает сомневаться в бытии Бога. Это происходит потому, что, достигнув огромных успехов в области философии, медицины, искусства, он начинает возвеличивать себя и ставить чуть ли не выше Творца. Провозглашает себя мерилом всех ценностей. Средневековый человек верил в Бога, доверял Ему и был Ему верен. И он не сомневался, в отличие от человека Возрождения, в бытии Бога и во всех Его обещаниях. Гамлету приходит мысль о том, что, возможно, неотвратимость Божественного наказания — это всего лишь метафора, придуманная для воспитания людей. И в таком случае преступление, связанное с убийством его отца, окажется не отмщенным. Тогда ему

нужно осуществить это отмщение. Но в его генетической памяти заложена мысль о том, что если все обещания Бога — правда и наказание не метафора, а суровый Божественный суд в вечности, то он, Гамлет, будет осужден этим судом после совершения убийства Клавдия. Вот Гамлет и ставит перед собой этот сложный вопрос: быть или не быть? Оставить суд над преступником Богу, который говорит: «Мне отмщение и аз воздам» (то есть за нас есть кому мстить), и тогда остаться живым в вечности, не погибнуть. Или, совершив преступление убийства, погибнуть в вечности. В этом вопросе сомнения человека эпохи Возрождения. Союз «или» в этой формуле говорит именно об этом.

Почему я привожу эту формулу первой? Потому что она более всего понятна. До этой формулы существовала другая формула, то есть другое содержание сознания человека. Это средневековое сознание. Что для него характерно? Вера в существование Бога. Вера в загробную жизнь после смерти, в неотвратимость наказания. Существует большое количество произведений, в которых осмысливается то, как взаимодействуют друг с другом эти два мира. Мир реальной жизни и мир загробный. Они буквально пронизывают друг друга с пугающими подробностями явления умерших людей и т. д. В таком случае известная формула выглядит так: быть и быть. Союз «и» говорит в ней об отсутствии сомнения средневекового человека. Он был здесь и будет там, в другой жизни, после смерти.

Далее появляется человек уже не с сомнениями, как в эпоху Возрождения, а с отсутствием веры. Человек, несущий в своем сознании нигилизм. Отрицание Бога. Иван Сергеевич Тургенев впервые использовал это словечко в русской литературе. И прививка оказалась столь сильной, что прижилась и пустила корни. Изображая нигилиста Базарова, он говорит его устами:

— Вот ты умрешь, тебя в могилу зароят, лопух на могиле вырастет и ничего больше не будет.

Базаров утверждает, что Бога нет и загробной жизни тоже нет. Человек бесконечно смертен. Подлежит естественным законам живой природы: смерть, разложение, тление. И формула, характеризующая сознание человека того времени, выглядит так: быть и не быть. Союзы «и» и «не» выражают отсутствие веры в сознании человека.

Наконец, в двадцатом веке появляются люди, которые несут в своем сознании не только отрицание Бога, но и отрицание самой жизни. Они создали философию экзистенциализма (философию существования), утверждая, что жизнь, наполненная страданиями, болезнями и смертью, не является привлекательной. Жизнь для них — кем-то поставленная трагикомедия, в которой они категорически не хотят участвовать. Они задавались вопросом, почему родители без их на то позволения дали им жизнь. Там, на том свете, — говорили они, — нет никакого Бога и никакой загробной жизни, но и от этой жизни их мучит метафизическая тошнота. И формула, которая выражает последнее состояние человечества, такова: не быть и не быть, где союзы отрицают не только Божество, но и самую жизнь.

Я знаю людей, которые являются носителями подобных убеждений. А искусство лишь выражает глобальные процессы, происходящие с сознанием человека.

ДОРОГОЙ МОЙ МАЛЬЧИК!

Творцу угоден и приятен уравновешенный, гармоничный человек.

С чем можно сравнить гармоничность личности? Со стройным звучанием космоса, со звездным небом, с настроенным музыкальным инструментом, с совершенной музыкой, с благовонием горных смол — ладаном, со всем совершенным, что есть в мире, что имеет печать первобытности, первородности творения. Именно неизменяемостью, первородством сохраняется всякая вещь под солнцем. Как только она начинает меняться или ей помогают меняться — она мутирует и вырождается. В этом великая тайна мироздания. Неизменяемость вещей — залог их жизненной силы и вечного пребывания на земле. Посмотри на семена растений. Они неизменны. Из желудя родится дуб, из семян клена рождаются клены, и каштановый орех скрывает в своей гладкой красно-коричневой скорлупе могучее дерево, способное нести свою крону к солнцу на десятки метров! А какая энергия движет соки жизненной силы от корней, которые получают питательные элементы, и поднимает их под корой по стволу величественной сосны, снабжая живительной влагой каждую иголку развесистой кроны?!

Все вещи, сотворенные Богом, совершенны, потому что устроены по законам гармонии. И человек должен нести в себе эти божественные законы.

Образованный человек — это человек просвещенный, гармоничный, красивый человек — человек угодный Богу. Он способен понимать. Только развитый человек способен к пониманию. Понимание приводит к погружению в сущность вещей. Оно рождает любовь, потому что нельзя не ценить того, что открывает ведение глубин творения. Любовь, загоревшаяся в сердце, постигает тайну творения, потому что в вещах она созерцает Творца. Только через любовь можно встретиться в неизменяемой вещи с Богом, источником всего сущего.

Может быть, мой мальчик, я пишу слишком сложно для тебя? Но эти сложности преодолимы. Образование, на котором я настаиваю, — это развитие, это гимнастика для ума, это усвоение неких форм мышления, которые являются инструментами для принятия знания, образование — это всего лишь путь, метод к постижению тайны творения и творчества.

Чтобы было понятно, приведу тебе пример из Великих Отцов Церкви, таких как Василий Великий, Григорий Богослов. Они получили блестящее светское образование в Афинах, и это позволило им вместить и выразить через интеллектуальный аппарат афинской философской школы истины нового учения, которое принес Спаситель. При этом они не выдумывали новую терминологию, они использовали старые слова и обороты для выражения новых мыслей.

Я вижу, как тебе трудно читать книги. Ты читаешь одну книгу два месяца или даже три. Это тебе представляется трудной работой. Но любая работа трудна, ибо, сказано Пушкиным, «сложен первый шаг и труден первый путь, преодолел я первые невзгоды».

Я также расскажу тебе притчу, как один отец подарил своему сыну надел, участок земли, и сказал:

— Обработывай землю, и она принесет тебе плод.

Но сын ленился работать и тянул время. Когда он пришел на свою землю, то увидел, что она сплошь заросла травой, сорняками и колючками.

Сын спросил у отца, что ему делать. Отец увидел опечаленное лицо сына и приказал ему:

— Сними твой плащ и брось на землю.

Когда сын это сделал, он указал ему на плащ, расстеленный на траве, и сказал:

— Сегодня ты обработаешь землю под этим плащом. Завтра бросишь плащ рядом с этим участком и продолжай дальше. И так возделаешь свою землю.

Не надо бояться работы, ее надо делать. Твоя работа — читать каждый день. Когда ты почувствуешь, что читаешь, как дышишь, незаметно, ты перестанешь испытывать неудобство от труда чтения и будешь наслаждаться образами и событиями удивительных книг.

Не угоден Господу человек, не умеющий получать знания, ленивый нерадивый. Такой человек не просветлен образованностью, знанием. Он принадлежит не гармонии, а хаосу и является игрушкой темных, разрушительных сил. Надо преодолеть невежество. Теснить тьму сначала в себе, а потом в мире. Нужно быть воином света, который отодвигает хаос и темноту. Призвание воина света не сражаться напрямую со злом, а приращивать свет в себе и теснить тьму в мире.

Кто же является идеалом для человека? Я думаю, ты догадываешься, мой мальчик?! Это Богочеловек Христос. Это Он — идея человека. Это Он — совершенный человек, это Он — гармоничный человек, это Он — личный Спаситель каждого человека, потому что является сущностью или содержанием всякого человека.

Как желудь является идеей дуба, как орех каштана содержит в себе весь каштан, так Спаситель являет собой совершенного, подлинного человека, в котором нет лжи и греха. Он собственно человек, небесный человек, Божественный, блистательный замысел о человеке.

Подлинную силу небесный человек показал тогда, когда был веден на смерть, одетый в кровавую багряницу. В этот момент он показал, что абсолютно свободен.

Когда силы тьмы увидели, что он не боится смерти, они устрашились и оказались побежденными. С тех пор начертание креста является не только символом победы, как все считают, над силами тьмы, а подлинной победой, так как силы хаоса и тьмы не могут начертать изображение креста Его, ибо бесстрашием Богочеловека и Его свободой они побеждены. Вот путь для каждого человека, который я указываю и тебе, мой дорогой мальчик. Чтобы не ошибиться в пути, человек не должен идти один. Он должен найти тех, кто проложил путь к спасению и сам прошел по этому пути. Приведу тебе небольшую цитату из книги, которую читаю сейчас:

«Дух Божий, живущий в Церкви, правящий ею и умудряющий ее, действует в ней многообразно: в Писании, Предании и в деле, ибо Церковь, творящая дела Божии, есть та же Церковь, которая хранит Предание и писала Писание. Не лица и не множество лиц в Церкви хранят Предание и пишут, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной. Потому ни в Писании искать основы Преданию, ни в Предании доказательств Писанию, ни в деле оправдания для Писания и Предания — нельзя и не должно. Вне Церкви живущему непостижимо ни Писание, ни Предание, ни дело. Внутри же Церкви пребывающему и приобщенному к духу Церкви единство их явно по живущей в ней благодати.

Не предшествует ли дело Писанию и Преданию? Не предшествует ли Писанию Предание? Не угодны ли были Богу дела Ноя, Авраама, родоначальников и представителей ветхозаветной Церкви? И не существовало ли предание у прародителей, начиная от первого родоначальника Адама? Не дал ли Христос свободу человекам и словесное учение, прежде чем апостолы, своими Писаниями, засвидетельствовали дело искупления и закон свободы? Посему между Преданием, делом и Писанием нет противоречия, а совершенное согласие. Ты понимаешь Писание, поскольку хранишь Предание и поскольку творишь дела угодные мудрости, в тебе живущей. Но мудрость, живущая в тебе, не есть тебе данная лично, но тебе, как члену Церкви и дана тебе отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь; дана же Церкви в полноте истины и без примеси лжи. Посему не суди Церковь, но повинуйся ей, чтобы не отнялась от тебя мудрость.

Всякий, ищущий доказательств Церковной истины, тем самым или показывает свое сомнение и исключает себя из Церкви, или дает себе вид сомневающегося, и в то же время сохраняет надежду доказать истину и дойти до нее собственной силой разума; но силы разума не доходят до истины Божией, и человеческое бессилие делается явным в бессилии доказательств. Принимающий одно Писание и на нем одном основывающий Церковь, действительно — отвергает Церковь и надеется создать ее снова собственными силами; принимающий только Предание и дело, унижающий важность Писания действительно отвергает также Церковь и становится судьей Духа Божьего, говорящего Писанием. Христианское же знание не есть дело разума, пытающего, но веры благодатной и живой. Писание есть внешнее и Предание внешнее и дело внешнее; внутреннее же в них есть Дух Божий. От одного Предания, от Писания, от дела может человек почерпнуть только знание внешнее и неполное, которое может только в себе содержать истину, ибо отправляется от истины, но в то же время и необходимо ложно, потому что оно не полно. Верующий знает Истину, неверующий же не знает ее или знает ее знанием внешним и несовершенным. Церковь не доказывает себя ни как Писание, ни как Предание, ни как дело, но свидетельствует собой как и Дух Божий, живущий в ней, свидетельствует собой в писании.

Не спрашивайте Церковь: какое Писание истинно, или какое Предание истинно, какой собор истинен, какое дело угодно Богу, ибо Господь Иисус Христос знает Свое достоинство, и Церковь, в которой живет Он, знает внутренним знанием и не может не знать своих проявлений. Священным Писанием называется собрание ветхозаветных и новозаветных книг, которые Церковь признает своими. Но нет предела Писанию, ибо всякое Писание, которое Церковь признает своим, есть Священное Писание. Таковы, по преимуществу, исповедания соборов и особенно Никео-Константинопольского. Пребывает до нашего времени Священное Писание и, если угодно Богу, будет еще Священное Писание. Но не было и не будет никогда в Церкви никакого противоречия, ни в Писании, ни в Предании, ни в деле; ибо во всех трех единый и неизменный Христос».

Буду молиться, мой дорогой сын, чтобы ты выбрал путь, который приведет тебя к счастью и спасению.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОТОИЕРЕЕ БОРИСЕ НИКОЛАЕВСКОМ ЕГО ДУХОВНЫХ ЧАД

Из книги «Дивеевские предания»

Евгений Поселянин — составитель «Подвижников благочестия» — перед кончиной жил в Петрограде. И вот видит он сон: звонят по телефону, а затем приходят ночью и уводят его. Проснулся утром и пошел к своему духовнику о. Борису. Исповедался, приобщился Святых Таин. В ту же ночь сон сбылся буквально: позвонили по телефону, потом ворвались, обыскали и увели. Через некоторое время сестра узнала: расстрелян.

Она была неверующая и отпевать его не стала и никому из священников не сказала об этом.

Через какое-то время его духовник о. Борис служит в храме, выходит покадить на амвон и вдруг видит: стоит на клиросе Поселянин. Когда священник подошел поближе, тот раскрыл свой пиджак, и о. Борис видит у него на груди рану от пули.

Отец Борис спрашивает: «Когда это случилось?» В ответ Евгений Николаевич указывает на икону Трех Святителей. Священник говорит: «Мне надо кадить; подождите, я сейчас вернусь», — и уходит в алтарь. Когда вернулся, на клиросе уже никого не было.

Воспоминания Ларисы Алексеевны Филипповой

18 февраля 2001 года

Я, Филиппова Лариса Алексеевна, свидетельствую, что в день похорон отца Бориса Николаевского венки и цветы перед гробом несли молодые девушки, назначенные заранее. Одна девушка на похороны не пришла, и мою родную сестру Марию выбрали нести венок вместо нее, из всех желающих, пришедших провожать батюшку в последний путь.

В следующем учебном году она поступила учиться в Педиатрический институт. В предыдущие годы она не могла никак поступить в институт. Мы считаем, что это было чудо и милость Божия по молитвам батюшки. Она состоялась как врач (как говорят в народе — врач от Бога). В настоящее время ее нет в живых.

Воспоминания Евгения Кабанова

Когда мы молимся в храме, то вслед за возгласами диакона многократно повторяем: «Поддай, Господи». И только один раз пытаемся «дать» что-то и Богу, когда восклицаем: «Тебе, Господи!»

Мне кажется, нечто подобное совершается и в наших отношениях со священниками. Священник постоянно что-то делает для нас, он молится о нас, мы просим его о молитве за нас. А что мы делаем для него? Увы, слишком мало, а иногда совсем ничего.

Когда он уходит от нас в иной мир, мы нередко забываем о нем совсем, прозябая тем самым собственную черствость и неблагодарность.

Мне, мирянину, приходилось часто общаться со священниками с молодых лет. В 19 лет я приехал в Санкт-Петербург, чтобы поступить в технический институт. Это было в 1947 году, более полувека назад. Тайно от институтского начальства любил ходить на церковные богослужения. Особенно часто посещал Троицкий храм на улице Большая Спасская (теперь эта церковь давно снесена) и Князь-Владимирский собор на Петроградской стороне.

Как-то очень быстро священники замечали меня и затем внимательно и с большой любовью относились ко мне. И я проникался к ним сыновней любовью. О некоторых из них мне и хотелось рассказать сегодня.

В Троицком храме служили три священника. Кратко вспомню о них в нескольких словах.

Священник о. Борис Николаевский. В 1947 году он только что вернулся из ссылки. Было ему тогда около 70 лет. Он любил молиться о покойниках. Их имена он записывал в свои толстые книги и во время богослужения, как мне рассказывали, в алтаре прочитывал их полностью, поминая поименно всех покойников. Если мне приходилось встретиться с о. Борисом вне храма, он неизменно спрашивал меня, был ли я в храме и были ли там покойники (надо сказать, что в Санкт-Петербурге очень принято завозить покойника в храм и оставлять его на ночь).

О. Борис был прекрасным проповедником. По воскресеньям вечером в храме расставлялись скамьи для прихожан, и батюшка проводил так называемые беседы на церковные темы. На эти беседы съезжался верующий народ со всего Санкт-Петербурга.

В частных разговорах он и мне рассказывал много интересного. Как-то рассказал об известном церковном писателе Евгении Поселянине, с которым был в дружбе. Однажды о. Борис служит литургию и вдруг видит в алтаре Евгения Поселянина, на теле которого были кровавые раны. О. Борис знал, что Е. Поселянин был арестован, но тут он понял, что писатель расстрелян. Мысленно спросил его: «Когда?» Е. Поселянин указал на икону святого в алтаре. Незадолго перед этим был день памяти этого угодника Божия. Так о. Борис понял, в какой именно день был убит Евгений Поселянин.

Воспоминания Анастасии Михайловны Бодылевой

Отца Бориса я узнала в 1947 году. Была на акафисте Святителю Николаю в Никольском соборе. Там мне сказали, что на Большом Спасском (теперь пр. Непокоренных), в Лесном, служит о. Борис прозорливый. Я решила поехать, но враг рода человеческого не хотел меня допустить. Очень трудно я к нему попала. Я стала к нему ездить на его службы (среда, пятница — исповедь, суббота и воскресенье). Он взял меня в духовные дочери.

О. Борис после службы (среда и пятница) давал советы. Как-то я подошла к нему, и он мне сказал: «Я тебе, Настенька, нашел жениха». Это было в 1952 году, и я ему ответила: «Я не пойду замуж». А он мне и говорит на это: «Твоему жениху 90 лет, а пока ты моя, я тебя никому не отдам».

После Всенощной мы, духовные чада, старались подойти под благословение к нему. И вот он при всех говорит мне: «Настенька уже невеста». И через 2 недели меня знакомят с семинаристом. А потом, когда приехала к нему на службу, он сказал: «Он тебе не жених». И тогда я все поняла. А этот семинарист взял у меня Библию и Жития святых, да так и не вернул.

А когда о. Борис болел после операции, я пришла к нему домой в день своего Ангела, и он мне сказал: «Как ты любишь своего духовного отца!». И еще сказал: «Тебя ожидают скорби и болезни». И как-то протяжно добавил: «Может быть, после всего этого будет и хорошее». И вот, видимо с этих слов, я перенесла 7 операций и сейчас страдаю щитовидкой, очень душит. Но надеюсь на милость Божию.

15 августа 1954 года о. Борис провел прощальную беседу. Первая часть беседы — о молитве Иисусовой; вторая часть — духовное завещание. Он сказал: «Твердо надейтесь на прощение и горько, горько плачьте». А еще просил так молиться:

1. Когда священник произносит слова «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое...», что хотите просите, тут Сам Господь, он все слышит, *и кайтесь в эти минуты, грехи свои говорите, не пропустите эти минуты.*

2. А когда будут петь «Тебе поем, Тебе благодарим...», помяните меня — живого или мертвого. И еще говорил: «Обо мне с чужими, не знающими меня, не говорите ни плохого, ни хорошего».

25 августа 1954 года отпевал о. Бориса епископ Роман, который сказал так: «Еще в это воскресенье ты наставлял свою паству, учил Иисусовой молитве, а сегодня ты уже ушел из этого мира». И еще епископ Роман сказал так: «Ты уже дома, а мы еще на пути». После похорон о. Бориса мы возвращались с кладбища как с великого торжества: видимо, он свою духовную радость нам передал.

После смерти о. Бориса я приехала в Печоры, к отцу Симеону, — жениху, которого предсказал мне о. Борис, — 90-летнему старцу, который принял меня очень хорошо. Ездил до самой смерти о. Симеона, до 1960 года.

Воспоминания Наталии Андреевны Абаза

16 марта 2001 года, Санкт-Петербург

К батюшке я пришла в конце 1950 года. Привели меня к нему мои друзья, так как это был один из тяжелых отрезков моей жизни. Мне нужна

была духовная поддержка. В то время я была очень далека от Церкви и совсем ничего не знала и не понимала в службе. Мама наша только сумела заложить в нас веру в Господа, благодаря которой мы, «дети врагов народа», во время войны открыто повесили в нашей комнатухе иконы. Но молитв я не знала, и ничего не читала, и не чувствовала в этом потребности.

По возвращении в Ленинград друзья старались привлечь меня к Церкви, стали водить в Никольский собор, приводить к исповеди. Но я была как-то вся съезжена, оставалась совсем отчужденной, и сердце мое было наглухо закрыто.

И вот я попала на воскресную беседу Батюшки, отца Бориса. Когда я увидела его — небольшого роста, с белыми пушистыми волосами, с такими добрыми и ласковыми глазами, то всей душой сразу потянулась к нему.

О чем шла беседа — я не знаю. Может, я плохо слушала и мало понимала, но все мое внимание было только обращено на него. Забыть я его уже не могла и в следующее воскресенье поехала в храм на беседу уже одна. Состояние мое было такое же. После беседы я никак не могла уйти из храма. Люди расходились, а было их — полная церковь, а я стояла и никак не могла решиться уйти.

Наконец, я увидела, что почти все разошлись, осталась группа женщин и девочек, которые были между собой знакомы. Я это почувствовала. Они дождались выхода Батюшки и вместе с ним вышли из храма. Я пошла за ними следом. До остановки трамвая было порядочное расстояние. Батюшка шел не торопясь. Они все окружили его. Разговор оживленный, даже веселый. Все радостные. Одна я шла в самом конце, на некотором расстоянии. Мне было так тяжело и так горько, но подойти к Батюшке я не могла. Чувствовала, что совсем чужая им.

Так мы дошли до остановки трамвая и стали ждать его. Пришла нужная нам «девятка». Американский вагон, впереди длинные сидения. Батюшку сразу посадили и обступили кругом плотным кольцом. Я села напротив на скамью, но в самый отдаленный край. Слезы стояли у меня в горле, и я боялась совсем разреветься. Вдруг ко мне подходит женщина, которую я заметила в их компании, и она говорит мне:

— Батюшка зовет вас.

Я совсем обомлела, но встала и пошла к нему. Меня сразу посадили около него. О чем он меня спрашивал, что я ему отвечала — я ничего не помню. Слезы душили меня.

Скоро я приехала на мою остановку, и со мной вышла еще женщина, Вера Николаевна. Оказалось, что мы живем в соседних домах. Батюшка поехал дальше, благословив нас. Вера Николаевна успокоила меня, рассказывала мне о Батюшке, какой он ласковый и как с ним хорошо.

В воскресенье я пошла на Литургию, к исповеди. Исповедь была общая. Много народа. Но все время чувствовался взгляд Батюшки, полный жалости к нам и огромной любви. О чем шла исповедь и что говорил Батюшка — я не помню. Знаю только, что слез у меня и у всех стоящих вокруг меня было в изобилии.

Больше уже от Батюшки отойти я не могла.

Жизнь моя была очень сложная и трудная. Окружающие любили меня, но многого во мне не понимали. Из-за этого бывали недоразумения, которые я очень переживала. Как-то прихожу к Батюшке в ужасном состоянии,

говорю: «Батюшка, мне очень плохо, я совсем каменная, ни слезинки не выдавить».

А он мне отвечает:

— Ну, иди сюда.

Взял мою голову, положил себе на плечико, прижал крепко... Слезы, конечно, сразу ручьем полились.

— Ну вот, а говоришь — каменная. Иди к Дедке, ведь ему все можно сказать, все пройдет.

И Батюшка мне всегда говорил, что я должна терпеть все неполадки и самое главное — хранить мир в доме и идти на компромиссы, даже в ущерб моим желаниям.

Однажды мои друзья, зная, что я уже духовная дочь Батюшки, попросили его через меня причастить больную даму, которая была очень требовательна к священникам и никого не хотела принять из тех, кого ей предлагали. Она услышала о нашем Батюшке и сказала, что хочет только, чтобы он пришел. Батюшка согласился, был у нее, и она осталась довольной и счастливой.

Прошло некоторое время. Я была дома. Вдруг раздается звонок. Я иду открывать — стоит девушка, которую я хорошо знала, Батюшкина духовная дочь. Она говорит:

— Батюшка у Веры Николаевны и хочет тебя видеть.

Неожиданность потрясающая, и я, счастливая, иду к ней. Приходим. Сидит Батюшка, улыбается, ласковый. Говорит:

— Ну-ка, примерь!

Мне дают новые туфли на шнурках, как раз по моей ноге, бежевенькие!..

Оказалось, что больная дама дала Батюшке 100 рублей. Он не хотел брать, но она настояла. Тогда он взял, сказав ей, что потратит на что-нибудь необходимое. И вот Батюшка, посоветовавшись с Верой Николаевной и той девушкой, купил мне туфли. Девушка эта, не зная точно моего адреса, только дом, сразу нашла нашу квартиру.

А как Батюшка смотрел на меня, когда я мерила эти туфли!!! И как я их любила!!!

Батюшка столько ласки и любви мне оказывал! Раз, мы шли к остановке трамвая, и я уже храбро старалась быть к нему поближе. А была я страшно худая, даже в больнице лежала с дистрофией. А Батюшка посмотрел на меня и говорит:

— Ты, когда едешь куда-нибудь, всегда короб с собой носи, как твои косточки рассыпятся, чтобы было куда сложить!

Батюшка, дорогой!

Как я благодарна Господу за то, что Он послал мне на жизненном пути такого Духовного Отца!

Теперь я могу подойти на исповедь к любому священнику, и к хорошему, и к такому, о котором наслушалась всяких небылиц. Батюшка научил меня почувствовать это таинство, что исповедуюсь я Самому Господу, а он, Батюшка, — только свидетель, который любит меня и жалеет.

И мы, все его духовные дети, любим его и вспоминаем. И забыть его никогда не сможем.

И бесконечно ему благодарны. Нашему Батюшке — Дедушке!!!

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Олег СЕЛЕДЦОВ

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ ИЗ КРОНШТАДТА

*Отрывки из повести
«Страсти по Иоанну»*

*К 25-летию всероссийского
прославления в лике святых
о. Иоанна Кронштадтского*

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 г. в г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 г., участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8-ми поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Майкопе, Республика Адыгея.**

В нашем дворе на улице Советской жил дядя Ваня. Это было давно. Очень давно. Нет уже того дворика, и улица изменилась до неузнаваемости, да и сам дядя Ваня умер лет сорок назад, но почему-то я до сих пор помню его. Помню с добром, как светлую страничку из далекой сказки — моего детства.

Дядя Ваня был инвалид войны. Сколько я помню, он всегда сидел на скамеечке, кажется, самодельной, играл на гармошке, пел фронтовые песни и всегда радостно улыбался. Всегда. Говорили, он сильно пил, что случалось тогда с такими вот инвалидами-ветеранами, но я этого не помню. Зато хорошо помню, как вырезал он нам, мальчишкам и девчонкам того, ушедшего в небытие дворика, деревянные кораблики. А еще сабельки и кинжалы. Дядя Ваня был безотказен. Подбежишь к нему бывало:

— Дядь Вань, сделай мне сабельку!

— А мне кораблик!

— А мне эсминец!

Он лишь улыбался во все лицо, доставал откуда-то, уже не помню откуда, широкий нож, вовсе не страшный, брал деревянную чурку, коих у него с избытком хватало в мешке, всегда находившемся около скамеечки, и начинал творить волшебство.

И вот уже угадывались за белесой тайной немного дерева очертания труб, надстроек и кормы легкого эсминца, готового вот-вот отбить первые склянки новой корабельной жизни. Уже сверкал на солнце лучистым серебром стальной клинок беспощадной к фашистам и прочим

буржуям лихой кавалеристской шашки. Мы прыгали от восторга. А дядя Ваня все также улыбался всем лицом. И дарил нам свои чудо-подарки. Дарил словно своим собственным внучатам. А своих внучат и деток у него не было. Их у него без всякого спроса забрала война.

Давно нет того двора. Давно нет дяди Вани. Время не знает жалости, забвение не терпит пощады. Но пока жив хоть один мальчишка, в чьих руках оживали корабли и сабельки, вырезанные безногим гармонистом, будет жить в нашей памяти и дядя Ваня — один из добрых лучиков нашего лучшего в мире детства.

Пожалуй, из таких вот лучиков памяти и соткана вся наша жизнь. Некоторые из них чуть теплятся где-то на самых дальних окраинах нашего «Я». Другие горят ярким, добрым огнем, согревая и утешая в тяжелые минуты, коих, к сожалению, достаточно у каждого из нас. И что бы мы делали, и кем бы мы были, не будь в нашей памяти таких лучей Надежды и Любви.

Но есть, и это поразительно, есть особый огонь. Его невозможно увидеть, невозможно приобрести, но счастлив, невыразимо счастлив тот человек, чья жизнь согрета этим необыкновенным огнем духовной, генетической даже, памяти. Памяти о далеких, забытых в веках предках, о чудаковатой русской святости, не расстрелянной в эпоху культов, не растерзанной гусеницами тяжелых «Тигров», не выжженной идеологической ложью мироправителей века сего.

Я хорошо помню, как выходили, именно выходили, а не наоборот, из глубин моего сознания неизвестные мною прежде Сергей Радонежский, Серафим Саровский и Иоанн Кронштадтский.

Я еще ничего не знал о Боге, о вере, о Православии. Я был убежденным комсомольцем, активистом и коммунистом. Но эти три имени жили во мне. Эти имена, пока только имена, в какой-то момент затмили во мне весь полный ряд имен, портретов и биографий всех членов Политбюро ЦК партии. И на вопрос моей бабушки:

— Да разве могут быть на земле совершенно честные, бескорыстные, справедливые, независтливые люди, живущие, забыв себя, исключительно для других?

Я, не задумываясь, ответил, кажется, это был девяностый или девяносто первый год. Я ответил и твердо верил в безошибочность своего ответа:

— Конечно, есть! Сергей Радонежский, например.

Спроси меня тогда бабушка об этом Сергии, кто, что, когда, где? Ничего бы не ответил. Ничего. Но твердо знал. Твердо! В этих трех именах: Сергия, Серафима и Иоанна скрыт вековой код нашей нации, зашифрован смысл всей нашей истории. И мне предстоит хотя бы попытаться этот код и этот смысл разгадать.

Разгадал ли? Прошло много лет. Четверть века. Буду честен. Нет. Не разгадал. Понимаю сейчас, что не хватит жизни для этого. Тем важнее и нужнее для себя считаю заниматься этой расшифровкой.

Буду честен... Хорошее выражение. Сейчас вдруг вспомнил, как в середине восьмидесятых нас, молодых матросиков, только что закончивших обучение-заточение в пресловутой «учебке», привезли на корабли. Командир бригады, капитан второго ранга Асеев собрал нас всех на штабном судне для беседы.

— Сынки, — сказал он тогда, — я буду с вами честен. Вам выпало служить на противолодочных кораблях первой линии. А что это значит? Это значит, что если завтра начнется война, мы с вами погибнем в первые три, ну, от силы четыре часа войны. Погибнем все: и вы, и я, и мои офицеры. Но за эти три-четыре часа мы должны выпустить все торпеды и все до единой бомбы в нашего противника. И если в торпедных аппаратах и бомбометных установках не останется ни одного изделия (он так и сказал «изделия»), значит, погибли мы с вами не напрасно, с честью выполнив свой долг русского моряка.

И вот эти «буду честен», «и вы, и я, и мои офицеры» так врезались в душу, что мы все тут же поверили своему командиру — суровому морскому волку. Поверили так, что, случись война в эту самую минуту, пошли бы умирать с радостью, абсолютно счастливыми людьми.

К чему я это вспомнил? А вот к чему. Я хочу быть с вами, с теми, кто отважился читать эти строки, предельно честным. Ни я, ни мои родители, ни родители родителей никогда не видели святого праведного Иоанна, чудотворца из Кронштадта. Даже о самом этом городе многие годы я знал лишь по революционному фильму. Но очень люблю этого святого человека. Правда, люблю! Словно своего близкого предка, который жил когда-то совсем рядом, но и не умер вовсе. Вот так, не умер и все. И зная об этом, веря в это, начинаешь понимать, что смерти, как таковой, нет вовсе. Во всяком случае, в том виде, в каком представлялась она нам прежде. Вот был человек. Ходил себе по земле. Работал. Вырезал детишкам из деревянных чурок красивые кораблики. Или не вырезал, а крутил всю жизнь шоферскую баранку. Или у станка стоял. Да мало ли. И вдруг, бац... Все. Тьма, и тишина, и вечный холод.

Так вот, и я знаю об этом точно, такой смерти больше нет. Нет и быть не может. Потому что живы, не скрылись во тьме и холоде праведный Иоанн Кронштадтский, преподобный собиратель русских земель Сергей Радонежский, святой старичок Серафим из притаившегося в лесах Сарова. Живы. С ними можно говорить, к ним можно идти, раскрывая душу, с надеждой на утешение и скорую помощь в бедах и скорбях житейских. Живы. Я не вру. Я предельно честен. Уверовавший в это и сам не умрет во век.

Помню, очень хорошо, словно это было вчера, как стоял я на уставших от долгого, многодневного паломничества непрочных коленках у раки святого Иоанна в монастыре на Карповке. Пытался молиться, но не шла молитва, пытался о чем-то просить, но забыл то, чего хотел и зачем ехал. Просто стоял на коленях, припав горячим лбом к прохладе мрамора. Кто-то тронул за плечо. Супруга. Пора уступить место другим людям. Я прошептал что-то, не помню уже что, попросил о чем-то или попрощался. Встал, сделал несколько шагов и тут, словно некая сила подхватила меня и бросила обратно, на мрамор святой раки. Именно так. Рухнул я снова на колени, а сам, словно в забытии каком. Что-то шепчу, о чем-то прошу. Со стороны, наверное, выглядело это смешно и нелепо. А мне легко-легко вдруг сделалось. Лицо мокрое. От пота ли, от слез, не помню. Помню, что капельки остались на зеркальной чистоте белого мрамора. И нет сил отойти от заветной раки. Так бы и лежал вечность.

Что это? Экзальтация? Проблема с головой, расшатанные нервы? А как хотите, так и называйте. Но это было. Было на самом деле. Я предельно че-

стен. Уже после от святой раки меня то ли оттащили, то ли я сам поднялся и ушел. Ходил по монастырю, что-то покупал в свечном ящике, писал традиционные записочки о здравии родных, еще раз спускался в усыпальницу, но такого блаженства, такого общения с ЖИВЫМ старцем уже не было. Не было единения с ЭТИМ необъяснимым, настоящим. Ах, как это важно, как необходимо знать, что есть, ЕСТЬ на свете белом вот это НАСТОЯЩЕЕ, проявляемое, казалось бы, в мелочах. В обыденности слов-клятвы командира, обещающего вместо легкой и доброй службы на благо партии и народа неминуемую смерть в первом же бою, но вместе с ним, который не спрячется за твою спину, а будет стоять на корабельном мостике, равный среди равных, презревших смертельное небытие ради вечной жизни; в ласковой готовности безногого гармониста доставить радость незнакомым мальчишкам, ставшим почему-то ему родными детьми вместо погибших сыновей и внуков; в явственном и явленном присутствии небесной святости посреди воцарившихся повсеместно житейской суеты, нешуточной борьбы всех со всеми за призрачный успех в княжестве земных наслаждений; в живых, наперекор всем смертям, вопреки недоверию сверхобразованных скептиков, именно ЖИВЫХ старцах, обитающих не где-то за семью небесами и десятиями мирами, а вот тут, рядом, только оглянись да вслушайся. Вот же они. Рядом. С нами. Живые!

Сергий, Серафим, Иоанн... И иже. Мы помним их. Они помнят нас. И память эта, наша общая память дает нам право на жизнь. Пока мы помним — мы живем. Вот так. Все предельно просто и предельно честно. Помним — живем. Забудем — потеряем право быть вписанными в книгу памяти там... Где там? О чем говорит этот безумный писателишка, распустивший сопли у могилы некогда известного попа из северного морского городка? Да он бредит! Закройте скорей его книжку. Скорей! Вы еще успеете на распродажу стирального порошка, зубной пасты и булочек с соевым маслом и синтетическим сыром, вы еще успеете полюбоваться европейским шоу с участием бородатой женщины. Скорей. Скорей...

Уже отблестили детско-юношеским капризным волшебством питерские белые ночи, уже августовская утренняя стынь все чаще пеленает сонно-зыбкие тела Мойки, Фонтанки, Монастырки и Карповки, уже мудрее и задумчивее становится отсвет куполов Никольского собора в ряби вод Финского залива. Уходит лето. Тихо, неброско, некапризно. Как некогда ушло и наше детство. Чистое, доброе. Где у каждого из нас остался свой неповторимый дворик, свои самые лучшие и самые веселые игры, лучшие друзья. И свой, обязательно свой дядя Ваня, а по-христиански Иоанн, безногий гармонист, мастер на все руки, добрый, улыбчивый, родной. Обыкновенный и незабываемый святой нашего необыкновенного детства.

1

Лето в этом году не обошлось без сюрпризов. Весь май, весь июнь и две декады июля лили дожди, на улицах было слякотно и холодно. В двадцатых числах июля воцарилась жара. Зной выжигал все живое, добывая пытающихся укрыться под зонтиками или на теневой стороне улицы людей раскаленным до кипятка ветром. Немногочисленные смельчаки, выползавшие в полдень из сплитсистемных бункеров на «свежий воздух», мгновенно

попадали в жесткие и даже жестокие объятия духоты, огня и пекла. Лишь к десятым числам сентября в город пришла спасительная прохлада. Причем, как это часто у нас бывает, произошло это в одночасье. Еще вчера садист зной душил калеными лапами неприкрытые шеи несчастных «хомо обваренных», а уже сегодня небо затянуто прочным брезентом дождевого месива, и иссохшая до глубочайших трещин земля пьет, пьет и никак не может утолить жажду проливающимися периодически дождевыми струями.

Такая резкая перемена погоды, конечно же, сказывается на метеозависимых людях, к коим, к несчастью, отношусь и я. С утра уже почувствовал себя не самым лучшим образом. Вялые руки, ноги, шумок в голове. Приехал на работу и сходу окунулся в бездонный водоворот служебных забот и обязанностей. Полегчало, но ненадолго. К обеду чувствовал себя так плохо, что стало темнеть в глазах, а ноги отказывались держать на себе тяжесть остального моего, хоть и худосочного, но все же имеющего вес тельца. Пришлось отпроситься у начальства и отправиться домой.

Как уж доехал, помню плохо, да это и не суть важно. Дома, едва скинув с себя одежду, рухнул на диван. В голове тайные молотобойцы с беспощадным остервенением крушили гранитные глыбы москворецких, а заодно и невских набережных. Отдышавшись, я выкушал какие-то таблетки, запив их минералкой из холодильника, и снова лег на любимый диванчик. Машинально включил телевизор. На канале «Спас» шел документальный фильм о святом праведном Иоанне Кронштадтском. Фотографии Андреевского собора, скромное убранство квартиры всенародно известного пастыря, рассказ о его церковном и общественном служении. Замечательный батюшка. Надежда и утешение тысяч и тысяч страждущих. Причем на протяжении уже более века.

Я бывал в Кронштадте, был и в квартирке святого пастыря. Закрыв глаза, я даже представил себе город-крепость, солнечный пожар на купольном кресте соборного Никольского чуда, представил городскую площадь, где высился некогда известный на всю Россию Андреевский собор. А затем память по волнам накатывающегося сна понесла меня через Финский залив, в устье Невы и далее по небольшой речке Карповке, к стенам чудного монастыря, где... Э, да я уже сплю.

* * *

Проклинаю, проклинаю вас, злые, беспощадные, бьющие коварно под дых, чтобы задохнуться, чтобы вскочить с остановившимся сердцем, словно пораженный тысячевольтным разрядом электрического тока, захлебываясь потоками льющегося с тебя пота. И нет спасения, нет оберега, нет пилюли от этой напасти. Даже молитва застревает в памяти, скованной льдом и коварством ночного кошмара. Проклинаю вас, подлые, страшные сны!

Ох, прости меня, Господи. Не сразу приходишь в себя от сонного ужаса. Шепчу молитву, осеняю себя крестом. Тихо, чтобы не потревожить милосердие снов сопящей рядом супруги. Ну вот, вроде бы отпустило. Дыхание стало ровней, ушел подленький такой озноб. Даже стыдно за вырвавшиеся невольно проклятия. Нет, в самом деле, подумаешь, сон. Кому из нас не снились кошмары? И что? Давайте рассылать направо и налево проклятья? Прости, прости меня, Боже мой!

Нет, ну, а как иначе-то? Такие сны наверняка навевает... понятно кто. Не верите? Хорошо. Вот мой ночной кошмар. Слушайте.

Снился мне далекий северный город...

Склянки на флагманском броненосце возвестили утреннюю вахту. Зеркальная гладь Финского залива, нежившегося в штиле июньского утра, отразила очертание не построенного еще величественного собора. Чайки, разбуженные щедростью солнечного золота, вырвавшегося внезапно из полубытья белой ночи, хохотали, как дети у площадки аттракционов. Доброе, тихое, золотое утро.

В Андреевском соборе литургию служит всенародно известный батюшка. Сотни, тысячи людей теснятся у стен и у паперти храма, чтобы хоть издали увидеть, уловить слово любимого пастыря. С трудом пробираемся в собор. О, как здесь многолюдно! Но странное дело, дышится здесь легко и свободно. Где-то за стенами, там, в мире, все больше вязнущем в топи безверия, безнаказанности и вседозволенности, остались кислый дух мужицкого пота, зловоние гноящихся ран убогих нищих, смрад трупов, мнящих себя живыми властителями дум и душ. Здесь же, в соборе, царил спасительный дух ладана и воска. Медленно пробираемся сквозь сотнелюдие соборного тела туда, где уже сейчас, в эти мгновения, в золотой чаше обычные хлеб и вино пресуществляются в истинные Тело и Кровь Спасителя.

Но тише, прошу вас, тише! Забудьте на время слова и думы. Велия тайна вершится в мире и над миром. Идет евхаристический канон.

«Примите, ядите: сие есть Тело Мое...» — выплывают из глубин сознания недоступные рассуждениям, умозаключениям, теориям и законам слова тайновидца. Господи, Господи, велика любовь Твоя! И за что мне, грешному, недостойнейшему из недостойных ТАКАЯ награда? Чем заслужил я, последний из последних, это чудо Богоединения? Почему не разверзлись небеса, и молнии, жарящие сверхжарким беспощадным огнем, не испепелили меня, дерзающего прикоснуться к Святыне? Господи! От всего трепещущего естества моего молю Тебя, прости мне дерзость эту, укрепи меня, помоги моему неверию.

Но не отверзлось небо, не громыхнули молнии, не встрепенулись крылья огненных херувимов. Замер мир. Замерло время. Лишь Царские врата отверзли объятия свои навстречу человекам, страждущим и обремененным, готовым претерпеть боль и унижения земные, ради радости вечной в Царствии Христовом. Претерпеть до конца, до смерти и смерти крестной, ибо нет в раю нераспятых...

Всероссийский батюшка вышел на амвон, неся на руках Святая Святых, неся на руках Самого Бога.

И тут... Что-то случилось во Вселенной. Что-то сдвинуло с привычной оси мироздания размеренность минут и часов, покой галактик, хронологию человеческих историй и нерушимость физических законов. Флагманский броненосец вздрогнул от коварства внезапного шквала. В помутневших водах залива успел отразиться падающий с купола, не сейчас, не весть когда, но неотвратимо, величественный крест. Чайки пугали друг друга зловещим, адским хохотом. Дети у площадки аттракционов завывали волчьими голосами, сбиваясь в лютую стаю. День померк.

На амвон, навстречу тайновидцу и Святой Чаше поднялся человек в форме студента. Ухмыляясь, он достал из-за уха сигарку и прикурил от лампы иконостаса.

В недоумении и испуге смотрит на него батюшка. В немом изумлении замерла церковь. Остекленели диаконы и чтецы, остолбенели морские офицеры и купеческие дочери, одеревенели старики и младенчики на руках у молодых.

— Что ты делаешь?! — в гневе вскричал батюшка.

— Что ты делаешь? — немой вопросом лица и сердца прихожан.

Человек в форме студента не ответил. Левый уголок его правильного и губастенького рта полез вверх к подергивающемуся, словно в глупом анекдоте, глазу, обнажая ряд сияющих белизной ровных зубов. Человек вдруг стремительно шагнул к священнику и резко, наотмашь ударил его по лицу открытой ладонью. От удара пастыря качнуло в сторону. Евхаристические дары...

Юный Агасфер занес было ногу, чтобы довершить глумление над расплескавшейся по каменным плитам собора Святой Кровью, но передумал, хихикнул коротко и вдруг обернулся прямо ко мне. И тогда я увидел ад.

В одну секунду открылась перед моим взором ужасающая своей явью картина преисподней, страшная, обращающая кровь в жилах в ледяные заторы. Рушились церкви, пылали деревни, тонули в крови города. Священников душили епитрахилью, семинаристам выжигали сердца, мудрецам вырывали языки, вставляя на их место раздвоенные жала ядовитых гадюк. Младенцы пожирали своих матерей. Матери ножницами вырезали нерожденных детей из собственного чрева. Нищие питали свои худосочные тела гноем прокаженных братьев. Бесстыжие девки, задрав юбки, плясали на клиросе кафедрального собора, а увешанные перьями молодчики целовали друг друга взасос на параде извращенцев. И над всем этим смрадом, воем, огнем и копотью роились песьи мухи с красными, кумачовыми глазами, с мордами, вымазанными голубой слюной.

Вынести этот ад я не мог. Сердце мое разорвалось, дыхание остановилось. Я умер... И проснулся.

Мертвая чайка на льду замерзшего залива надела траур вороньего оперения.

* * *

Целый день я ходил точно не в себе, стараясь понять, к чему был мне этот сон. В голове издевательски крутилось пушкинское: «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек»... И вот ближе к ужину включаю теле-новости. Словно ледяной водой в знойную нежить июльского пекла окатило меня. Привыкшая к ужасам человеческого самоуничтожения в братоубийственных войнах телеведущая вещала почти равнодушно. Но послушайте, вы только послушайте, что она говорит!

— В городе Кировске Донецкой области во время артиллерийского обстрела один из снарядов попал в православный храм в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского. В результате попадания храм полностью разрушен. Три человека погибли, еще несколько пострадавших доставлены в больницы с тяжелыми травмами»...

Вот вам и сон в руку. Вот это да! Мне прямо дурно сделалось. Получается... «Да ничего не получается», — скажет мне иной скептик. И будет прав, конечно. Совпадение. Да мало ли что. Но память моя безжалостно и настойчиво возвращала явь недавнего кошмара. И не батюшка с Чашей

виделся мне. Я словно бы вновь лицом к лицу оказывался перед ночным студентом, проваливаясь в адскую пучину его мертвого взгляда.

Бесконечный вальжно-знойно-душный день, перевалив за Рубикон, готовился примерить вечерние морщины мудрости и седины заслуженного уважения. Был почти обычный, веками испытанный август — месяц ветров, месяц подведения летних итогов. И август этого года был бы таким же щедрым на тепло, но не испепеляюще жарким, как июль, милостивым на дождь, но не сырым, ржаво-лиственным, как сентябрь; был бы затейлив на игры забывшей о школах, «двойках» и шпаргалках детворы, богат на фотосессии надевших на себя пляжный загар городских модниц, вернувшихся «с морей». Это был бы обычный август, если бы ошалевшие от взрывов ветры не наполняли бы полумертвые, покинутые людьми кварталы стойким коктейлем вони из дыма, пороха и смрада разлагающихся трупов. Этот август был бы обычным, если бы не расстреливали его утреннюю непорочность и вечернее старчество снаряды, бомбы и ракеты, если бы не палили волки в обличье человека в людей, неизменно превращающихся в волков, из пушек и систем залпового огня. Словом, на смену обычному августу на эту землю пришла обычная гражданская война.

Но люди, боря в себе волчьи инстинкты, продолжали жить, продолжали любить своих детей и заботиться о больных родителях, продолжали работать, влюбляться, надеяться на милость Божию и верить, что Господь не оставит верных своих. Бегали по городу трамваи, гудели станки ремонтных мастерских, возвращались со смены чернокожие шахтеры, благовестили к вечерне злато- и синекупольные храмы.

Их звали Ольга, Виктор и Зинаида. Ольга — значит священная, Зинаида — божественная, а Виктор означает победу светлых, высших сил над бесовщиной и самим дьяволом. Снаряд, прилетевший с украинской стороны, пробил крышу храма и обрушил перекрытие на молившихся людей. Их звали Ольга, Виктор и Зинаида. Их души встречал и провожал в Царство Христово святой праведный старец Иоанн. Так и шли они к Славе Небесной. Три души: священная, божественная, победительная, в сопровождении святого батюшки Иоанна, Кронштадтского чудотворца, омывавшего эти души своими горячими слезами. Так и шли они вчетвером туда, где в неизреченной радости Божественной Любви ждал их Сам Спаситель со Своей Пречистой Матерью.

Августовский день клонился к закату, презрев гной и смрад информационных ран, наперекор стерильности политической изоляции, вопреки огненно-железной смерти, изрыгаемой из ненасытной пасти войны, день этот, обычный августовский день, не канул бесследно в череде дней-близнецов, ушедших в историю тихо и неприметно. Этот израненный, истерзанный, искореженный, но непобежденный день подарил нам всем маленькое чудо. Чудо вечности и бессмертия, явив в сонме мучеников за Христа трех новых святых. Так и будут они теперь вместе. До скончания веков. Ольга, Виктор, Зинаида, израненный август и праведный Иоанн Кронштадтский.

2

Сынок предложил посмотреть сюжет в Интернете. Из серии: «Привет, я мыло с мочалкой. И это хорошо!» Знаете, наверное? Да? Симпа-

тичный такой паренек отпускает глуповатые шуточки и показывает сюжеты сверхпопулярные в «сети». Сынок мой эту программу обожает. Хочет, горящими глазками телеэкран чистит, ручки потирает от восторга. Я иногда смотрю вместе с ним. Бывает прикольно. Чего уж там. Но ни в этот раз.

Сюжет был такой: некий «поц» с видом «ботана» — выражения из молодежного сленга, употребляемые моим сыночком, — проводит что-то подобное контрольной закупке. Заходит в сопровождении оператора в общественную столовую и решает протестировать имеющийся здесь кефир. Ну, до этого момента в принципе ничего смешного, классного, здоровьеского, прикольного, ништякового и проч. Все в одночасье изменилось, едва «ботан» взял в руки пластиковый стаканчик с вышеназванным кисломолочным продуктом. Вот тут-то и началась кефирная оргия. Под лихую музыку несколько молодых лоботрясов, ой, простите, представителей молодого поколения (эк же, я превращаюсь в брюзжащего ворчуна, давно ли сам был молодым повесой) стали с безумной энергией поедать, запивать, вливать в себя, брызгать друг на друга, макать друг друга (именно макать головой вниз, в чан с кефиром), купаться в кефире и что-то там еще. Словом, настоящая кефирная феерия.

При этом сыночку моему чуть ли не дурно сделалось от смеха. Он прямо-таки на пол свалился, хохочет, захлебывается. Прикольно, правда?

Только стало мне при этом... не весело что ли. Грустно стало. Скверно. Тоска такая навалилась. Ушел я на кухню, чтобы не мешать сыночку веселиться, а он, кстати, сюжет сей по второму кругу запустил. Ну, это его личное дело. Я не о нем. Сижу, стало быть, на кухне, перевариваю кефирное похмелье. Не поверите, так гадко на душе, словно туда не кефира, а дерьма чан вылили. Ну, вот не знаю почему, не могу объяснить, а только дурно мне стало до тошноты, до судорог в ногах. Захотелось вырветесь, омыть слезами оккупировавшую меня гадливость.

Вспомнился вдруг Ленинград середины восьмидесятых. Стал я там свидетелем прелюбопытной сцены. Сегодня в это трудно поверить, больше тридцати лет прошло, другая страна, другие люди, другие нравы, а тогда это было естественно и даже должно именно для Ленинграда. На Английской набережной дело было. Погода разыгралась. Солнце. Небо синючее. Чайки над Невой резвятся. Хорошо! Два молодых человека, скорее всего туристы, не те, не забугорные, а наши родимые, кормят чаек хлебом. Отрывают от свежееиспеченных булок, ой, простите, батончиков, Питер все-таки, куски хлеба и бросают их в Неву. Чайки вьются, хватают мокрое лакомство, дерутся слегка, не без этого. Словом, все довольны, всем хорошо.

Всем да не всем. Вдруг слышу крик. Оборачиваюсь. Летит на молодых людей, страшно оскалив лицо, выпучив почти безумные глаза, старичок с орденскими планками на потертом пиджачке. Летит! А ведь до сего момента передвигался по земле не без труда, с помощью трости. Эта трость и сейчас у него в руке, над головой занесена, вот-вот обрушится на ошалелых от неожиданности молодых туристов. И обрушилась. Ветеран самым что ни на есть нефигуральным образом отмутил парней, которым пришлось спастись бегством, да так, что Усейн Болт позавидует.

Самое интересное было даже не избиение, а то, что почти все свидетели происшествия встали на сторону ветерана. Почти все! В чем же дело? Ка-

кую-такую злобную каку свершили два молодых парня, чтобы заслужить публичную порку?

Хлеб! Тогда, в середине восьмидесятых, он еще был святыней для абсолютного большинства ленинградцев, для блокадников и их детей, которые, пожалуй, на генном уровне сопережили с родителями беспощадный, звериный, лютый морозно-смертельный голод. Так издеваться над святыней, над одним из символов Ленинграда, скармливая чайкам, было в те времена еще невозможно.

Все это происходило именно так. Я не вру, клянусь. Все это я видел своими глазами и запомнил на всю жизнь.

Сегодня другое время. Другая страна. Другие люди. Другие, повторяю, нравы. Можно кормить хлебом чаек и уток, можно бросать на землю, промахнувшись мимо урны, недоеденный пирожок, можно макать друг друга головой в чан с кефиром под зажигательно-убойную музычку. Все можно, ей Богу, все! Лишь некоторые брюзжащие ханжи погрузят минутку-другую, сдерживая рвотные рефлексy, но и они постепенно успокоятся, переключив телевизор на триста сороковую серию любимого сериала, и забудут далекий уже теплый день доброго ленинградского лета, ветерана с его праведным гневом, юных туристов, удирающих куда-то по графику мирового рекорда, и себя, оставшегося в том самом Ленинграде, на Английской набережной с увесистой тростью в руках... И это хорошо!

А вечером, около десяти, позвонила мама. Я, знаете ли, ярко выраженный «жаворонок». Ложусь рано и встаю засветло. Все мои друзья и близкие знают такую мою особенность, и после девяти вечера обычно мне никто не звонит. Поэтому я шел к телефону с нарастающей с каждым шагом беспричинной, казалось бы, тревогой. Тоска, как давеча после кефирной интернет-феерии, стала хватать костлявыми, когтистыми пальцами за сердце.

— Сынок. Папа умр...

— Как?!

Ноги подкосились, я рухнул на пол. Страшно. Как страшно! Никогда не думал, что может быть так страшно. Словно в этот миг, именно в эту секунду наступил конец света. Реальный конец света. Весь мир, вся моя прежняя жизнь, все, что я знал, все, о чем мечтал, все, что любил, все вдруг разом погрузилось во тьму и холод. И не крикнешь, не завоешь, не побежишь к некоему прекрасному включателю света и радости. Потому что не идут ноги, потому что непреодолимый ком овладел горлом, потому что поздно, исправить уже ничего нельзя, потому что порог твоего дома переступила смерть.

Папа угас всего за год. Здоровый, сильный человечище. Диагноз, подтвержденный исследованиями, не оставлял надежды. Операцию врачи делать отказались. Отправили домой. Умирать. Прямо так и сказали, мол, сколько проживет, столько и проживет. Вот так.

Но он еще боролся. Еще храбрился, все тяжелее с каждым днем передвигаясь с палочкой, еще шутил:

— Вот поправлюсь, куплю десантный берет и поеду защищать Севастополь.

А Великим постом слег и уже не вставал. Мы, конечно, знали, я знал, что рано или поздно... Что это произойдет. Готовился. Морально готовился, но все-таки оказался не готов.

— Сынок. Папа умер...

— Как?!

Оказывается, полностью быть готовым к смерти самого близкого тебе человека невозможно. У одного моего друга долго и мучительно болел отец. Все знали, что он умирает, и что смерть для него — избавление от страданий. Все знали и готовились. И вот отец моего друга скончался, и друг мой, который к этой смерти готовился, ждал ее, вдруг оказался вовсе к ней не готов, и после похорон слег в больницу с тяжелым инсультом.

Да ведь это же не кино! Мыслимо ли пережить такое! Дорогой, близкий, самый близкий тебе человек, на которого ты равнялся, которому подражал... А теперь все, нет его. Нет! А есть только леденящий ужас безвыходности и безнадежности. Как же теперь жить-то? Как теперь вновь и вновь встречать рассветы и любоваться закатами? Как кушать сладости и читать книги? Ведь самого, САМОГО дорогого человека больше... Нет! Это нельзя! Это невозможно! Как жить-то теперь, скажите мне? Как?

— Сынок. Папа умер...

— Как?!

Теперь я понимаю причину своей недавней тоски, скверны своей душевной. Кефир и глупое видео здесь ни при чем. Пусть, пусть у юных повес все будет хорошо, ибо не ведают, глупые, чего творят. Пусть производство кисломолочной продукции в России растет, вопреки америкосно-европейским санкциям. Не в этом дело. Просто именно в этот час умирал мой папа. А я не знал этого. Уверен был, что полегчало ему. Ведь еще третьего дня был врач, обнадежил, прописал лекарства. Да и не могло быть ничего ужасного. Не могло. Ведь это же мой... папа.

И вот я сижу на полу в коридоре. Вокруг суетится жена. Телефон в моих руках все еще попискивает от обиды. Он-то тут при чем? Жена вынимает из моих рук трубку, дает мне выпить корвалольных капель. Капли, таблетки... Как все это мелко и глупо сейчас. Сейчас, в эту страшную минуту безвремения.

Позже я прочел у батюшки Иоанна Кронштадтского:

«Что для человека всего ужаснее? Смерть? Да, смерть. Всякий из нас не может без ужаса представить, как ему придется умирать и последний вздох испускать. А как терзаются родители, когда умирают их любезные дети, когда они лежат перед их глазами бездыханными? Но не страшитесь и не скорбите, братия, через меру. Иисус Христос, Спаситель наш, Своею смертью победил нашу смерть и Своим воскресением положил основание нашему воскресению, и мы каждую неделю, каждый воскресный день торжествуем во Христе, воскресшем наше общее будущее воскресение и предначинаем вечную жизнь, к которой настоящая временная жизнь есть краткий, хотя тесный и прискорбный путь; смерть же истинного христианина есть не более как сон до дня воскресения, или как рождение в новую жизнь. Итак, торжествуя каждую неделю воскресение Христово и свое воскресение из мертвых, учитесь непрестанно умирать греху и воскресать душами от мертвых дел, обогащаясь добродетелью и не скорбите безутешно о умерших; научайтесь встречать смерть без ужаса, как определение Отца Небесного, которое, с воскресением Христовым из мертвых, потеряло свою грозность».

Учитесь непрестанно умирать! Вы поняли? Непрестанно умирать! Да возможно ли такое? Да мыслимо ли? Оказывается, возможно и должно даже. Если это будет смерть греху, понимаете? Смерть, за которой последует, непременно последует воскресение от мертвых дел. Я лично это понимаю и принимаю. Разумом принимаю. Но сердце! Как же болит оно, мое сердце. Тут никаким корвалолом и прочими валокординами не поможешь. Эх, видать плохой, скверный я христианин, если болит мое сердце, протестуя против смерти близкого человека, если болит сердце от тревожащих мой ночной сон криков погибающих детей Донецка и Луганска, если трудно, физически трудно понять и признать вечное, главное, исполненное любви: «Слава Богу за все!». За все, понимаете? И за кровавую нашу историю, и за войны и революции, через которые мы прошли и выжили, и за гибель близких наших, и за хлеб, летящий в Неву не как Тело Христово, а как символ сытости и довольства, и даже за смерть моего папы... За все, за все! Слава Богу!

«В конце концов, и мы все должны будем оставить здешний краткий век, перейти в вечность, явиться к святому и праведному Судии и Творцу всех, Богу, и дать отчет о своей жизни. Как и с чем мы явимся? Какой суд и приговор Его услышим на всю вечность? Вот о чем мы должны чаще размышлять, о чем заботиться. О, помышляйте все об этой будущей судьбе и готовьте дела свои благие, плоды свои духовные, да не явится никто бесплодным деревом».

Да будет так! Да не явимся мы перед Господом бесплодными растениями, чтобы не быть проклятыми, подобно евангельской смоковнице. Да наполним ветви и корни наши живительным соком настоящей Любви Христовой!

Любить! Вот что остается, вот чему нужно, обязательно нужно мне теперь учиться. В память о папе, для будущего моего сына.

Пусть смеется он, сыночек мой, над глупым интернетовским сюжетом, пусть посмеивается и осуждает стариканские мои взгляды и убеждения, пусть смеется над устаревшими моими вкусами. Но только пусть смеется! Пусть радуется и живет. Пусть родятся на свет его дети — мои внуки. А я... Я буду любить, бесконечно любить их всех. Я научусь этому. Обязательно научусь. Во славу Твою, Господи! В память твою, мой папа.

* * *

Но давайте вспомним, кем был святой пастырь для современников, и кем является для нас.

Вся верующая Россия нескончаемым людским потоком текла к великому и дивному чудотворцу. Слава о нем как о Всероссийском пастыре, проповеднике и чудотворце распространялась повсюду, по всем пределам Великой империи. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть отца Иоанна и получить от него ту или иную помощь, услышать его проповедь, увидеть его хоть одним глазком. Когда однажды святой Иоанн Кронштадтский служил в соборном храме города Харькова, на Соборной площади, по рассказам очевидцев, собралось свыше шестидесяти тысяч человек. Точно такие же сцены происходили и в других городах: в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде. Как только людям станови-

лось известно о приезде любимого батюшки, вокруг него собирались толпы. Толпились, старались протиснуться поближе и даже рвали на нем одежду. В буквальном смысле. Известен случай, когда жители Риги разорвали его рясу на куски, просто каждый желал иметь у себя хотя бы кусочек.

Отец Иоанн был выдающимся проповедником. В каждом слове его чувствовалась какая-то особенная сила. Такое, если хотите, отражение величия его собственного духа. Говорил батюшка о простых вещах: о вере и верности. И была в этих словах вся боль, вся радость, вся жажда Правды русской души и русского сердца.

Кстати, о боли. Объектом особых опасений отца Иоанна Кронштадтского была деятельность либерально-революционной антицерковной интеллигенции. Главной причиной революционного брожения в России батюшка убежденно считал отпадение людей от Церкви. Всего народа. И либералов — новых псевдопастырей русского человека, и простолюдина, крестьянина, работника, ищущего ответы на жизненно важные вопросы не в церковной ограде, но в речах и статьях «антиллегенствующей» разночинной шушеры.

С начала девяностых годов девятнадцатого века отец Иоанн стал резко критиковать популярного и влиятельного в обществе писателя графа Льва Толстого. Критиковал за то, что последний «извратил весь смысл христианства», «задался целью... всех отвести от веры в Бога и от Церкви», «глумится над Священным Писанием», «хохотом сатанинским насмехается над Церковью», «погибает вместе с последователями». Всероссийский пастырь считал, что учение Толстого усилило «развращение нравов» общества, что его писаниями «отравлено множество юношей и девиц», что толстовцы «испроверяют Россию и готовят ей политическую гибель». Святой пастырь написал большое количество проповедей против графа. Они публиковались. Это свыше 20-ти статей, брошюр, где Толстой назван сатаной, лъстивой лисой, львом рыкающим, который хочет пожрать, поглотить всю российскую молодежь.

Ответ либерастов не заставил себя долго ждать. После революции девятьсот пятого года и последовавшей либерализации цензуры в русской прессе стали печатать отвратительные статьи и карикатуры на праведного Иоанна Кронштадтского. Порой они носили не просто насмешливый, но и непристойный характер. Отца Иоанна издевательски высмеивали и ругали за выступления против Толстого, за резкое неприятие революционного движения и поддержку самодержавной формы правления. В газетах писали откровенную ложь и клевету, что, якобы, «черносотенец» Иоанн Кронштадтский окружил себя недостойными людьми, разворовавшими значительную часть пожертвований, контролировавшими общение паломников с батюшкой, допуская к нему преимущественно тех, с кого можно было получить мзду; что особой статьей доходов в этой «черносотенной» общине стало платное распространение молитв, якобы составленных Иоанном Кронштадтским, крестиков и других предметов, «освященных» им. И здесь, кстати, очень ярко видно, что при всей ненависти либералы прежде всего боятся святого старца, боятся этого обличителя лжи и глашатая соблюдения духовных и нравственных законов в России. И в тяжелейшие годы первой русской революции авторитет Кронштадтского пастыря сыграл далеко не последнюю роль в наведении порядка и преодолении смуты в нашем госу-

дарстве. Как же не хватало России такого безусловного духовного лидера в семнадцатом и последующих годах. Лидера, способного остановить надвигающуюся чуму дьявольского беззакония.

Что мог сказать в ответ своим критикам святой старец? Только правду.

«Интеллигенция наша — просто глупа. Несмысленные, поглупевшие люди! Россия, в лице интеллигенции и части народа, сделалась неверною Господу, забыла все Его благодеяния, отпала от него, сделалась хуже всякой иноплеменной, даже языческой народности. Вы забыли Бога и оставили Его, и Он оставил вас Своим отеческим промыслом и отдал вас в руки необузданного, дикого произвола».

«Царство Русское колеблется, близко к падению. ...Если в России... безбожники и анархисты не будут подвергнуты праведной каре закона, то... Россия... опустеет... за свое безбожие и за свои беззакония».

«...Мы не боимся нынешних лаятелей на ...Церковь, ибо Подвигоположник наш и всемогущий Глава Христос всегда с нами есть, и пребывает до окончания века, и нынешнее смутное время послужит только к большей славе Церкви Божией».

Мы не боимся лаятелей и хулителей. Просто потому, что с нами Истина. С нами сонм святых подвижников и молитвенников. Таких как преподобный отец наш Сергей Радонежский, святитель Тихон Задонский, святой патриарх Гермоген, благоверный князь, полководец Александр Невский. С нами великая история, великая культура, великая вера. С нами святость. С нами Бог!

ВЫШЛА КНИГА

Постолов С. В.

Если я так хочу... — Белгород:
ЛитКараВан, 2014. — 108 с.

*Светлой памяти моих родителей
Владимира Георгиевича
и Людмилы Константиновны*

Сергей Владимирович Постолов — автор шести поэтических сборников, член Союза писателей России, лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина, фестивалей авторской песни «Афганский ветер», «Куликово поле», «Орловское полесье» и многих других. Живет в селе Покровка Волоконовского района Белгородской области.

Точка ЗРЕНИЯ

**Священник
Евгений МОРОЗОВ**

ВЕРА И БОГАТСТВО

Священник Евгений Морозов — клирик Зачатьевского женского монастыря Москвы; референт Канцелярии Московской Патриархии. Образование: Томская Духовная семинария — 2007 г.; Московская Духовная академия (богословский факультет) — 2010 г.; Московский государственный гуманитарный университет им. Шолохова (исторический факультет) — 2011 г.

Возможно, это кого-то удивит, но в Библии ничего не говорится об экономическом равенстве. В Священном Писании сказано о равенстве полов, равных возможностях осуществлять свою трудовую деятельность, о равных правах для всех вне зависимости от национальности и социального положения исповедовать веру во Христа, Который говорит, что «жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12:15). Библия также не устанавливает нормы и пределы богатства. Кого можно считать богатым: того, кто имеет лошадь и земельные участки, как это было в Средневековье, или самолет и особняк на Манхэттене? Во все времена этот вопрос решался по-разному в зависимости от степеней сравнения и социального уровня проживания людей.

Не существует критериев для определения 100-процентного богатства или удручающей нищеты. Богатство, как и человеческая алчность, бездонно. Перед любым одержимым наживой всегда будет маячить очередное желание, без которого все имеющееся богатство — будет ли оно копеечным или многомиллиардным — так и останется неполным, а алчность — неудовлетворенной. «Мучительно богатство без довольства, И хуже во сто раз, чем нищета» — резюмирует Уильям Шекспир в пьесе «Отелло».

Сама постановка данной проблемы вызывает определенные сложности. Как сделать так, чтобы в XXI, XXII и XXIII веке от Рождества Христова люди богатые и не очень не забывали о своей ответственности пред обществом за свои бизнес-решения, которые в той или иной степени оказывают влияние на экономические процессы своей страны, своего города или даже всего мира.

Церковь не является третьей стороной, выискивающей и осуждающей все противоправные действия, в частности, экономические преступления, но само присутствие Церкви в жизни общества через провозглашение нравственных христианских норм обличает подобные преступления, которые в христианской терминологии именуются грехом. При этом Церковь в идеале своим не выделяет богатых людей и не отдает им большего предпочтения, чем бедным, также как и бедные в Церкви не должны превозноситься над богатыми. Блаженный Феодорит Кирский в своем слове «О том, что богатство и бедность полезны для этой жизни» пишет: «Можно найти, что избилующие богатством и живущие в нищете имеют попечение о добродетели, и в здравии песнословят Благодетеля, и в болезни пребывают терпеливы, и рабы отличаются целомудрием и справедливостью; и опять другие, живя в нищете, любят порок и не только крадут, но даже отваживаются на грабление мертвых и на святотатство, и имея богатство, делают его орудием неправды, в здравии предаются гордости и кичливости, в болезни изрыгают хульные речи. А из этого можно дознать, что богатство и нищета, рабство и господство, и подобное этому от употребления их тем, кто имеет в них часть, делаются то похвальными, то достойными порицания».

Церковь — это место встречи для молитвы, и в этом едином молитвенном обществе действительно присутствует равенство, когда плечом к плечу олигарх может молиться с прихожанами среднего достатка или малоимущими. Но, не вдаваясь в теорию вероятности и сравнения, можно определенно сказать, что перед Церковью стоит наиважнейшая проблема: как в современное время богатого, равно как и бедного, научить жить по-христиански, уважать и заботиться друг о друге; какие нужно произвести действия, после которых «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11:6).

Кто решится отрицать, что экономические проблемы в мире отчасти возникли от того, что некоторые христиане, коих в мире более двух миллиардов, разучились жить по-христиански или вовсе не хотят этого делать, создав себе культ золотого тельца и роскоши. Действительно, богатство может быть предметом веры, предметом поклонения. Существует некая убежденность в том, что деньги, а не Бог правят миром; в том, что богатые счастливы, а бедные жалки и несчастны. Но главное — богатство дает иррациональное чувство уверенности в жизни: богатому может казаться, что он может все или должен сделать все для преумножения своего достатка.

Вспоминается общение с риэлтором по недвижимости, некогда студентом семинарии. Он обманул пожилую женщину, оставил ее без квартиры и доказывал, что честного бизнеса в нашем мире быть не может. Стоит только пожалеть, что его незаконченное духовное образование нивелировалось, не найдя своего отражения в реальной жизни. Приведу другой пример из нашей современности. Когда-то весьма обеспеченный отец учил свою малолетнюю дочку: «Твоя тетя плохая, потому что она бедная. Ей нечего тебе дать. Ее не благословил Бог». На что ребенок ответил: «Я знаю, что она бедная, но я все равно люблю ее». Не всегда все средства хороши ради достижения цели. Действительно, великое искусство — умение жить по средствам.

Все эти единичные безнравственные события, как и другие серьезные экономические нарушения, финансовые махинации и семейное воспитание

привели к явлению, которое мы сейчас называем словом кризис, возникающий в самых разных местах нашей планеты и по всевозможным причинам с завидной периодичностью. «Известно, что одно из значений греческого слова “кризис” означает суд. Следовательно, с христианской точки зрения произошедшие экономические трудности можно понимать как суд над всей нашей общественной жизнью. И все же Бог дает нам шанс, чтобы мы извлекли уроки из своих ошибок и исправили наши дела» — говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В свете вышесказанного стоит вспомнить жизненный подвиг преподобного Иосифа Волоцкого — святого огромной силы духа, большого мужества, крепкой веры, несгибаемой воли. Он жил в непростое время — в XV — нач. XVI века. Это была эпоха образования единого Русского государства, возвышение Православной Церкви и укрепления роли России в Европе. Преподобный Иосиф Волоцкий видел в Церкви замечательный инструмент передачи народных богатств от богатых бедным. Как сказали бы сегодня, он видел в Церкви инструмент перераспределения материальных благ и полагал, что именно Церковь может нелицеприятно заниматься благотворительной помощью из поступающих пожертвований.

Некоторые богатые прихожане Российской империи просили настоятелей позволить им хранить свои сбережения в подвалах церквей. Как правило, единственными каменными строениями в Москве и других городах были храмы или монастыри, и именно они могли спасти денежные ассигнации от пожаров, так часто возникавших, например, в той же деревянной Москве.

Вместе с тем некоторые русские святые были весьма обеспеченными людьми своего времени. Так, преподобный Евстафий Киево-Печерский в миру был золотых дел мастер и очень состоятельным человеком. В одно время он собрал все свое богатство и отдал в монастырь, но в какой-то момент соблазнился мыслью, что его деньгами неправильно распоряжаются и тратят не по делу. За это святой Евстафий впоследствии поддался искушению — сильно пострадал, но потом раскаялся и понял, что если вверил свою судьбу Богу, то необходимо оставить свое плотское мудрование.

Праведный Василий Павлово-Посадский был совладельцем знаменитой платочной фабрики, тратил прибыль на помощь бедным, строил школы и богадельни, занимался миссионерской деятельностью. Преподобный Серафим Вырицкий до принятия монашеского пострига был владельцем крупной фабрики по заготовке и продаже пушнины. Значительная часть его товара поставлялась за границу — в Германию, Австро-Венгрию, Англию, Францию и другие страны.

До революции 1917 года многие русские промышленники и предприниматели, будучи людьми религиозными и воспитанными в вере и благочестии, ставили духовные цели превыше земных устремлений, были активными жертвователями и благотворителями, финансировали различные социальные проекты — больницы, дома призрения, сиротские приюты и т. п. Свой опыт русские бизнесмены передавали заграничным предпринимателям. Например, Генри Форд — один из основателей автомобильной промышленности в США, учился у русских купцов.

В настоящее время Русская Православная Церковь также в меру своих сил продолжает коррелировать соотношение между бизнесом и нравственностью. Так, в 2004 году по инициативе Русской Православной Церкви

Всемирный Русский Народный Собор принял «Свод нравственных правил и принципов хозяйствования», который был поддержан всеми традиционными религиями России.

В 2009 году при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси был создан экспертный совет «Экономика и этика», задачей которого является нравственное осмысление экономических процессов в российском обществе и на международной арене, поиск эффективных путей решения проблем отечественной экономики с опорой на базовые духовные ценности Православия. Существует также «Клуб православных предпринимателей» и «Российский клуб православных меценатов».

В данном вопросе усилия Церкви направлены на то, чтобы напомнить слова апостола Павла, который говорит, что «желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу. Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Тим. 6:9–10).

Денежные средства не сопоставимы с доведенными до абсурда желаниями человека, которые, как известно из курса экономической теории, абсолютно безграничны. Из газетных сообщений несколько лет назад можно было узнать о том, как в припадке безумия и отчаяния, отринув страх Божий, некоторые из некогда успешных менеджеров выбрасывались из окон небоскребов своих лопнувших мега-корпораций. С точки зрения христианской этики, это вполне закономерный результат жадности, лжи и гордыни, которая, несправедливо возводя человека на пьедестал экономической успешности, низводит его душу в ад. Но эти примеры никого не учат и не останавливают.

Задача Церкви — словом и делом, проповедью и молитвой поддержать людей в трудные времена, вселить в их сердца надежду и веру в спасительный Промысл Божий о каждом человеке, призвать людей, в том числе из мира бизнеса, не оставаться равнодушными к нуждам и скорбям многих своих соотечественников. Можно долго говорить о несовершенстве экономических механизмов, давать в очередной раз рецепты спасения финансовой системы. Но нужно помнить, что микро- и макроэкономика — это всего лишь инструмент в руках человека, и сам человек является местом борьбы добра и зла, центром принятия решений — правильных или ошибочных.

Глубинная причина кроется не в материальной сфере, но в сердцах людей, в их мировоззрении и фундаментальных жизненных ориентирах. Если эта аксиома будет принята современным миром в лице политиков, экономистов, бизнесменов, то тогда возможно реальное, а не призрачное улучшение мировой экономической системы. Но для достижения этого необходимо потратить еще очень много времени, а также духовных и интеллектуальных сил.

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

ЗВЕЗДА ЕВГЕНИЯ ПРИМАКОВА

*Памяти выдающегося
государственного
деятеля и ученого*

Нарочницкая Наталья Алексеевна, ученый-историк, публицист, в день похорон великого российского государственного деятеля Евгения Максимовича Примакова подготовила специальный материал о нем для сайта «Столетие».

Почему за бурные и очень неоднородные последние 20 лет нашей истории звезда Примакова не сходила с небосклона, как многие другие, а продолжала ярко гореть и вызывать уважение разных слоев общества и секторов общественного сознания? Ему считали за честь пожать руку славянофилы и западники, коммунисты, консерваторы и либералы... Причем происходило это на фоне повсеместной удручающей деградации политического класса на Западе.

Падение общегуманитарной эрудиции и оскудение мышления не позволяют системно воспринимать явления в широком историческом контексте и применять нужную призму для анализа усложняющегося мира. Глядя на большинство политических лидеров Запада и брюссельских структур, некоторых президентов и их сотрудников, вспоминаешь слова Талейрана: «Целые народы пришли бы в ужас, если бы знали, сколь мелкие люди над ними властвуют». В этом отношении наша растерзанная, немало утратившая Россия являет собой иной пример. Лидеров и деятелей с волей и духом, с панорамным мышлением и способностью с открытым забралом идти против «мейнстрима» вообще нигде нет кроме России, и недаром один мой коллега-англичанин, очень образованный человек, сказал недавно: «Смотрю на ваших — у вас титаны, а у нас одни пигмеи».

Итак, почему же Россия показала способность удержаться на краю пропасти еще в момент разлома и упадка, крушения, казалось бы, всех ценностей и мировоззренческих опор? Во многом благодаря Евгению Примакову.

Для ума, личности и мировоззренческой рамы Примакова были характерны панорамный взгляд

на историю, признание ее многообразных форм, видение цивилизаций. В нем, принявшем на себя обязанности практика, проявилась и миссия ученого-гуманитария — осмысливать исторические явления, закономерности экономики не в заимствованных кабинетных догмах, а связывая их с побуждениями и свершениями в высших этических критериях, заботясь о сохранении человека и нации в истории. Как премьер, он думал не только о том, что было рациональным и «правильным», но и о том, что «должно и праведно». Возможно, его принадлежность к востоковедению тоже сыграла свою роль. Ведь практически все высокообразованные востоковеды с нескрываемым скепсисом относились к новым «священным коровам» того времени — прежде всего к тезису «общечеловеческие ценности», ибо знали, как по-разному интерпретируются одинаково именуемые ценности в разных цивилизациях в зависимости от религиозной философской рамы. Примаков понимал мир не только как движение ресурсов и капиталов, но и как столкновение любой доктрины с прибоем великих исторических фактов и идей, как мир, где нет единого понимания, *что* есть Человек и его долг перед Богом и людьми, где по-разному трактуется грех и добродетель, где живут разные философии права, разные системы государственного управления, разная этика взаимоотношений мужчины и женщины, гражданина и государства. Слава Богу, что российское востоковедение — наше национальное достояние, было сохранено. С XIX века в мире лишь две серьезных востоковедческих школы — российская и британская, равных которым нет.

Но самое главное, что Примаков, хоть и был встроенным в высокие эшелоны власти и в советской, и постсоветской истории, к счастью, похоже, не отождествлял государство — всегда несовершенный и греховный политический институт — с Отечеством, у которого есть вечные и неизменные национальные интересы. Он осознавал, что судоходные реки, незамерзающие порты, защитимые границы одинаково важны для монархий XVIII века, коммунистических государств XX века и для демократий века XXI. Достаточно было посмотреть без розовых очков на внешнюю политику окружающего мира, который менторствовал нам об общечеловеческих ценностях и, пока мы упивались новым мышлением, пользовался испытанным старым!

Недюжинные таланты плеяды блистательных международников на глазах оказались безблагодатными, ибо они поменяли один догматизм на другой, совершенно бесплодный для столь сложного этапа нашей истории.

Примаков всегда служил именно преемственному Отечеству, ибо государства меняются, а вечные, неизменные национальные интересы остаются.

Когда Россия выходила из-за железного занавеса, весь мир ждал, что же скажет страна Достоевского в ответ на вызовы XXI столетия. Увы, устами идейных «гуру» перестройки она пролепетала: «Рынок, PEPSI». Кратковременный общественный успех такого незамысловатого исторического проекта можно легко объяснить: цель — привычно материалистична, тезис либералов о «переходе от тоталитаризма к демократии» — копия постулата научного коммунизма: «главное содержание нашей эпохи — переход от капитализма к социализму». В то время, когда нация стала нащупывать подлинное историческое задание за пределами хлеба насущного, идейные «гуру» перестройки продолжали твердить, что лишь калька с западного либерализма, в непо-

Евгений Максимович Примаков

нимании которого виноват все тот же «проклятый режим», может дать ответ на вопросы «что делать?» и «кто виноват?».

Примаков как экономист-реалист в должности премьер-министра увидел катастрофу деиндустриализации страны и приостановил ее. Он понимал, что за этим грядет деинтеллектуализация и провинциализация страны, не говоря уже о люмпенизации огромной массы населения, необратимо терявшей навыки промышленного производства. А ведь мейнстримом того времени была катастрофическая недооцененность нашей промышленности в сознании нигилистов-младореформаторов, собиравшихся за 500 или даже за 100 дней с помощью волшебной палочки «рынка» реализовать свой миф, мня

себя Творцом: «Се, творю все новое». Поистине, «сотворивший око не виноват, что ты закрыл глаза, и тебе стало темно» (Св. Амвросий).

Угроза до сих пор сохраняется. Ибо не изжито инфантильно-догматическое понимание рыночных отношений в стране с глубиной промерзания под Москвой 1,7 м, с третьей территории вечной мерзлоты и тундры, с расстоянием между центрами производства и центрами потребления, в отличие от Западной Европы, в тысячи неосвоенных километров. Рынок — это механизм тонкой регулировки там, где работает уже развитая современная финансово-экономическая матрица.

В 90-е годы перед взявшей власть элитой была крайне неоднородная во всех ипостасях страна, не завершившая индустриальный этап, да еще в широтах, где деятельность любой сферы необычайно зависит от природного фактора и колоссальных энергозатрат, где одновременно сосуществуют век XXI с несметным богатством и высотами науки и век XIX с патриархальными нравами и порой средневековой нищетой. Не обращая внимания на лепет адептов теории линейного прогресса, он остановил распад и атомизацию, ибо знал, что «догоняющая модернизация» в условиях глобализации — лишь консервирует собственную отсталость.

На посту руководителя внешней разведки Примаков защитил ведомство от начатого погрома и предательства, способствовал сохранению раз-

ведывательной аналитики, без которой государство не может ориентироваться.

Это говорит о его понимании смысла внешней политики. Ведь все помнят, как не без экзальтации даже со Смоленской площади в начале 90-х вещали о том, что традиционные национальные интересы отмерли, что национальный интерес — это демократия и задача «накормить страну». Однако человек не живет, чтобы есть, а ест, чтобы жить, воплощая в личной и национальной истории цели и ценности национального бытия. Он, наверное, понимал, что национальный интерес для внешней политики нации — это, прежде всего, создание условий для продолжения себя как явления мировой истории и культуры. Политика — это искусство возможного. Но, как писал Иван Ильин, «к этому она, конечно, не сводится, но, по крайней мере, она должна включать в себя умение распознавать подлинные намерения окружающего мира...». Соответствующие задачи были поставлены и перед ведомством внешней разведки.

Все это и сделало академика Евгения Примакова — арабиста и экономиста — тем Примаковым в сознании общества, фигура которого сохранила и будет сохранять свою значимость и уважение к себе. Он сочетал трезвость и комплексность подхода ученого и политическое острое чутье практика.

Что касается ИМЭМО, то и этот этап был творческим и насыщенным. Я застала его и замдиректора, и директором. Первая моя книга после кандидатской диссертации как раз здесь проходила обсуждение, которое он и вел с известной его галантностью к молодым дамам. В ИМЭМО был разработан его метод анализа сложных тем — «ситуационный анализ». В этой разработке воплотилось осознание им прежде других, что будущее и даже уже настоящее требует междисциплинарных исследований. Сейчас это признают все. Главные интересные открытия в естественных науках, а также наиболее важные обобщения и идеи в других сферах возникли даже не просто на стыке, а во взаимодействии дисциплин. Изучение либо острой международной проблемы, либо целого процесса с помощью ситуационного анализа показало, что любое явление имеет исторические, философские, экономические и структурные аспекты, что явления и проблемы имеют прошлое, настоящее и будущее, которое надо максимально точно предсказать, а перспективу можно предвидеть только со знанием ретроспективы. Помню, как это было необычно для академического института — туда приходили эксперты из засекреченных ведомств, обладавших информацией, недоступной рядовому научному сотруднику.

...Есть профессии, где очень важны определенные человеческие качества. Так, для врача и учителя гораздо важнее быть добрым, сострадательным и справедливым человеком, чем для физика-теоретика. Итог общественного и государственного пути, а также плоды гуманитарного интеллекта, как ни в одной иной сфере зависят от мировоззренческой рамы. Для того чтобы остаться в исторической памяти, надо быть гражданином своего Отечества, а не «общечеловеком». А это не слепое поклонение всем грехам, но чувство сопричастности не только к сегодняшнему дню, но к прошлому, настоящему и будущему своего Отечества. Такой человек не отрекается от Отечества, даже если разочарован в государстве.

Он выражал всегда свою гражданскую позицию с большим достоинством и сдержанностью. В этом проявлялся и Примаков-личность, и При-

маков-интеллигент, который не нуждался в плакатном изложении своих взглядов, которые были, тем не менее, всем очевидны.

Его бескорыстие и абсолютное нестяжательство до сих пор его выделяет, ибо по нынешним меркам, если кто-то не подвержен коррупции, то это уже замечательный человек! А Примакова даже никто не обсуждает в этом ключе. Он был примером в тот период хаоса и смятения всех ценностей...

Ах, если бы наша элита, что вершила перестройку, была такая, как Евгений Примаков, мы бы не впали в удручающую «смердяковщину» («Я всю Россию ненавижу-с»), не совершили бы грех библейского Хама, не глумились бы над жизнью отцов. Трезво и смиренно оценили бы свои взлеты и падения, грехи и заблуждения, перевернули бы с достоинством исчерпавшую себя страницу истории и вступили бы в новую эпоху без таких утрат. Но наша позднесоветская номенклатурно-интеллигентская элита разочаровалась в коммунизме не как в инструменте развития страны, а как в препятствии для получения своего места в мировой олигархии, цена за которое и была названа Горбачеву...

...Несколько месяцев назад мы говорили с Евгением Максимовичем по телефону. Он сам позвонил мне, чтобы высказать свой «восторг», как он сказал, моей статьей-интервью в журнале «Стори», которая дошла до него. Добавил, что готов подписаться под каждым словом, спросил как дела моего Фонда исторической перспективы и Европейского института в Париже, сказал, что мы делаем большое и важное дело, которое надо продолжать и развивать...

В день, когда его положили в больницу, я звонила его доверенному соратнику, тот с тяжелым вздохом и сообщил, что Евгения Максимовича только что увезли в больницу и он очень плох...

И вот... Уходят титаны.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

«НЕБЕСНОЕ ВОЙСКО СРАЖАЕТСЯ...»

Валерий Николаевич Черкесов — родился в 1947 г. в Благовещенске Амурской обл. Автор двадцати книг. В Союз писателей СССР, теперь России, принят в 1991 г. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2008) и Международной литературной премии «Прохоровское поле» (2013), дипломант IV Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2013). **Живет в Белгороде.**

Ладога.
Вечер.
Февраль.
Рыбу ловим,
а вернее, мерзнем
на уже потемневшем льду.
Красное солнце
с горизонтом вровень
предвещает ненастье,
а может, беду.

Но что может страшить
на берегах этих,
видевших такое,
что никогда
не забыть?
Ведь голодные дети
самая жуткая
в мире беда.

Это знает не понаслышке
Александр Георгиевич Тимофеев,
переживший блокаду мальчишкой.
Опуская в лунки крючки,
говорит:
— Наверно,
уйдем сегодня с Ладоги без трофеев,
видно, неважные
мы рыбаки.

И разламывая
подстывшую горбушку,
отправляет
все до крошечки в рот.
Ему, поседевшему рано,
напоминать не нужно,
что хлеб воистину
жизнь бережет.

БОЦМАН

Поднимавшийся в атаку
с отрядом пехоты на Балтике,
конвоировавший английские суда
в Арктике,
повоевавший с японцами
на Тихом океане
и списанный на берег
из-за контузии

при тралении американских мин у Корейского полуострова,
боцман Иван Павлович Чернавцев,
надравшись в заплыванном павильоне Первомайского парка,
не обходил лужи.

Он брел, пошатываясь, посредине дороги,
распевая: «Раскинулось море широко»,
и машины осторожно его объезжали,
а завалившись в глубокую вымоину,
рвал на груди полосатый тельник, ревя:
«Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”».

Когда мы, пацаны, волокли моряка домой
тяжеленного, как набитый камнями матрас,
он незлобиво матерился и обещал назавтра
накормить нас до отвала соевыми конфетами.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Вокруг поля.
А на пригорке дуб,
Как пригоршни, листья подставляет
Под первый дождик, что по-майски скуп —
Не столько льется, сколько громыхает.

Дуб повидал такое — рассказать
Об этом могут корни вековые.
И молния, как прошлого печать,
Тяжелый ствол у комля раздвоила.

И спрятавшись от холодящих струй
Под кроною, шумящей над поляной,
Я слышу посвист половецких стрел
И лязг железных орд Гудериана.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Правда в том, что Непрядва была,
и дружины здесь насмерть стояли,
погибали и воскресали.
И стрекочут опять до утра

на лужайке былинной цикады.
Ивы в омуте отражаются.
И небесное войско сражается,
чтоб иной мы не ведали правды.

* * *

Станиславу Минакову

Пожалеть еще есть кого.
Потому, пожалуй,
о своей доле я не говорю
никогда никому.
А вокруг пожары

пожирают землю мою.
И снаряды тупые ложатся близко —
им все равно, чьи жизни отнять.
И словно солдаты, стоят обелиски,
готовые снова страну отстоять.

ВИНТ

Пытаюсь вкрутиться в толерантное общество,
а оно сопротивляется, не желает меня принимать.
Ну и ладно! Не больно-то хочется!
Лучше в рощице погулять.

Почки лопаются, раскрываются.
Листья нежные. Запах пьянящий.
Здесь хотя б на мгновение покажется:
я не винт, человек настоящий!..
Вот и солнышко мне улыбается.

КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА. КОНЕЦ 90-Х

*Вблизи г. Благовещенска
будет строиться космодром.*
Из газеты

Сладковатый витает дух —
карамельный и шоколадный.
Все пропитано им вокруг
от цехов до железной ограды,
за которою мы, пацаны,
как осколки недавней войны,
на морозе торчали, вдыхая
ароматы заветного рая.

А сегодня здесь тишина,
трубы черные, как обелиски,
словно снова была война
и беда незабытая близко.

Я понимаю: космос, ракеты —
без них Отечеству не обойтись,
но в то, что дети разлюбили конфеты,
не поверю ни в жизнь!..

* * *

Девушка пела в церковном хоре...
А. Блок

В церковном хоре одни старушки,
а всего-то их три.
Печально видеть, печально слушать.
Но теплеет внутри,
когда дрожащими голосами

они о вечности говорят,
как будто в небо взлетают сами
и над нами парят.
Поют блаженно, словно стремились
всю жизнь туда, где птицы кружились.

* * *

Не жалею, не зову, не плачу...
С. Есенин

И жалеет, и зовет, и плачет,
и влечет туда, где по весне
расцветает сад, а это значит —
юность снова ожила во мне.

На траве духмяной, умиленный
тишиною, я лежу и жду —
мне кукушка в рощице зеленой
напророчит радость, не беду.

Ну, конечно: ведь она, вещунья,
не умеет врать, а мне дано,
верю, только счастье...
Полнолуние.
Свет холодный меркнет за окном.

Отражаясь от снегов высоких,
он опять уходит в небеса,
далеко, куда, настанут сроки,
я уйду с улыбкою в глазах.

ФРОЛ

С таким именем великих поэтов не бывает.

Из газеты

Если слава есть отрава,
то безвестность что ли мед?
В деревеньке захудалой
малахольный Фрол живет.
Днем заботы по хозяйству:
куры, гуси, огород.
Вечерами — нет, не пьянство, —
вдохновение он ждет.
Над тетрадкою склонившись,
рифмы подбирает он,

сна, спокойствия лишившись.
Да какой же к бесу сон,
если в «Знамени», районке
напечатали стишок,
и сосед, как критик тонкий,
прогудел: «Ну, Фрол, ты — Блок!»
И не знает он, наивный,
хоть разбейся в доску тут,
что с таким крестьянским именем
стать великим не дадут.

* * *

Старинная игра в слова.

С. Куняев

Для кого-то — игра, для кого-то — судьба,
а для кого-то и смерть...
Надо такие найти слова,
надо сметь и уметь
их говорить, чтобы даже слепой
сердцем увидел — вот
над безразличной безумной толпой
Слово, как солнце, встает.

* * *

Словом утешь — утишь
боль, что грудь разрывает.
Мы не бессмертны, лишь
временно здесь.
И знает
каждый об этом, но
думает — переможет

то, что судьбой дано:
ОН, быть может, поможет
и в занебесную тишь
душу возьмет навечно.
Словом утешь — глядишь,
станет чуть-чуть полегче.

ПОЭЗИЯ

Жанна БОНДАРЕНКО

«Я БРЕДУ ПО ЮДОЛИ ЗЕМНОЙ ЗА ЛУЧОМ ПУТЕВОДНОГО СВЕТА»

Жанна Николаевна Бондаренко — родилась в 1973 г. Окончила заочное отделение факультета журналистики Воронежского государственного университета. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат многих литературных и церковных премий, руководитель пресс-службы Грайворонского церковного благочиния, корреспондент районной газеты «Родной край», автор восьми поэтических сборников. На ее стихи написаны песни, создан документальный фильм «Свеча небесная». Живет в г. Грайвороне Белгородской обл.

* * *

Расплескалась заря над туманом,
Откровенье на мир пролила.
Я проснулась с молитвою рано
И надежды лампаду зажгла.

Столько в жизни тревоги и мрака —
Неподъемна их брэнная кладь.
Жду я, Господи, доброго знака
И хочу обрести благодать.

Чтоб она тихо с неба струилась,
Открывая счастливую даль,
И реальность с мечтой
примирилась,
И поэзией стала печаль.

Бездорожьем я долго блуждала,
Свою душу сжигая дотла, —
То ночами я солнца искала,
То просила у стужи тепла.

И вот Ты даровал мне прозренье,
Вдохновил и утешил меня.
Принимаю как благословенье
Первый проблеск погожего дня.

* * *

С утра шел тихий, мокрый снег,
Таился сумрак в тучах стылых.
Душа замыслила побег
Из круговерти дней унылых.

Она не раз бывала там —
В краю, как сказка, безмятежном,
Где вольно дышится стихам
И никогда не лгут надежды.

Где нет февральских холодов,
Жестоких дум, с ума сводящих,
И вечно плачущих ветров,
И бесприютности щемящей.

Душа в дорогу собрала
Все то, что жизнь ей подарила —
Осколки света и тепла,
Мечты спасительную силу.

Любви пьянящую печаль,
Предчувствие весны и счастья.
Сияла вдохновеньем даль
За мгlistой пеленой ненастья.

* * *

Небо падало снежным обвалом
На деревья, дома и дорогу,
И с волнением душа осознала
Свою близость к незримому Богу.

Поняла она вдруг, что печали
Посылаются ей для спасенья, —

Чтобы струны любви не молчали
И не гаснул огонь вдохновенья.

Ветры плакали, слез не роняя,
Было пасмурно, зябко и сыро.
А душа трепетала, внимая
Песне вечности бренного мира.

* * *

Любовь не уходит — она остается,
Размеренным пульсом под кожей бьется
И кровью горячей по венам струится,
И птицей озябшей в окошко стучится.

Любовь не уходит — она неподвластна
Нелепым размолвкам и будням ненастным.
Она даже болью своей вдохновляет,
И ранит жестоко, и тотчас спасает.

Любовь не уходит — она не забыта,
Малиновым звоном на землю пролита.
Цветами надежды сквозь тлен прорастает
И тайные чувства в стихи воплощает.

Любовь не уходит — она ведь от Бога,
Укажет к прозренью и свету дорогу,
Расставит все точки и все подытожит,
И жизни самой без нее быть не может.

* * *

Размытые ливнем дороги
Уже никуда не спешат,
А низкого неба чертоги
И манят, и кровь леденят.

Распахнутым сердцем приемлю
Природы тоскливый покой —
Недаром пришла я на землю
Ненастной сентябрьской порой.

Я окна ветрам открываю,
Зову вдохновение в дом.
Себя, как крестом, осеняю
Блеснувшим сквозь тучи лучом.

Померкнет он — смысла не вижу
Я в пасмурных днях бытия.
Люблю тебя и ненавижу,
Жестокая осень моя!

* * *

Скорбящим радость посылается,
К утру яснеют небеса,
Скитальцам двери отворяются —
Все это Божьи чудеса!

Кто просит хлеба, тот насытится,
Кто ищет света — обретет.
Творцу с высот надмирных видится,
Что нас тревожит и гнетет.

Причалов хватит неприкаянным,
Тем, кто озяб душой, — тепла.

Внимает Бог мольбам отчаянным —
Хвала Всевышнему, хвала!

* * *

Все мое будет вечно со мной:
Эта боль, как земля под ногами,
Шепот звезд из-за дымки ночной
И восхода холодное пламя.

Тишина из мелодий и слов,
Крик души, к небесам обращенный,

И незримая тяжесть оков,
И надежда быть Богом спасенной.

Все мое будет вечно со мной:
Легче жить, если помнишь об этом.
Я бреду по юдоли земной
За лучом путеводного Света.

ВЫШЛА КНИГА

Коняев Н. М.

Храм поэта. Серия «Санкт-Петербург. Тайны, мифы, легенды». СПб.: НП «Международная Гильдия Мастеров», 2014.

«В истории всякого православного храма можно отыскать такие мгновения, когда все напряжение духовной жизни России сосредоточивается в его стенах или возле них. Иногда подобные мгновения неприметны для рассеянного взгляда, иногда — растягиваются на длительное время, и даже погруженные в житейскую суету люди ясно видят, что здесь вершится неземная история нашей страны»...

Этим рассказом о храме Спаса Нерукотворенного образа, в котором отпевали А. С. Пушкина, начинается новая книга Николая Коняева «Храм поэта» — книга размышление о творчестве поэта, о русской истории...

Петр I основывал Санкт-Петербург как анти-тезу нелюбимой Московской Руси, здесь воздвигал он город, освобожденный от старорусских обычаев и привычек, здесь утверждал имперский, освобожденный от доминирующего влияния православия патриотизм.

О том, как «державная воля Петра» победила и продолжала, столетие спустя, побеждать, и так и не сумела победить стихию русской природы и русской истории, рассказал еще в «Медном всаднике» А. С. Пушкин.

Книга Николая Коняева «Храм поэта», в которую включены художественно-публицистические повествования о святом благоверном князе Александре Невском, блаженной Ксении Петербургской и Александре Сергеевиче Пушкине, рассказывает, как каторжным трудом всей России, гениями Пушкина и Гоголя, Достоевского и Блока; молитвами Ксении Петербургской и Иоанна Кронштадтского, мучительно-трудно и все-таки ликующе-победно срасталась новая послепетровская история с прежней русской историей.

Александр Невский... Александр Пушкин... Ксения Петербургская...

Наверное, это самые «знаменитые» жители нашего города. Рассказывая о тайнах, мифах и легендах, связанных с их именами, Николай Коняев показывает, как влияли они на историю, как преображали ее своими духовными подвигами и прозрениями, как продолжают влиять они и на нас, входящих сейчас в воздвигнутый ими храм нашего города.

Марина Дейнекина

Родная Речь

Ольга СОКУРОВА

НЕБЕСНЫЕ КОРНИ РУССКОГО СЛОВА

Ольга Борисовна Сокурова — родилась в г. Тбилиси, окончила филологический факультет ЛГУ и аспирантуру ЛГИТМиК (Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии), кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории СПбГУ. Автор трех монографий и более 60 статей. Круг научных интересов: история мировой и отечественной культуры, русская литература золотого и серебряного века, история и теория театра, философия, религиоведение. Живет в Санкт-Петербурге.

Наши древние предки принадлежали к славянским или, как они писали, «*словеньским*» племенам. Такой этноним не был случайным. «Когда славяне стали отличать себя из массы других народов, общим признаком различия стал именно язык — вот тогда словене = славяне осознали смысл языка, впервые задумались над его свойствами. Но различие между словом и языком всегда сохранялось. Языками назывались разные народы по различиям веры, обычая или государства, а *слово* считалось признаком своего, родного — общества, племени, народа»¹.

Уже в дохристианские времена славяне осознавали себя носителями и хранителями небесного *слова*, разумно управляющего жизнью человека и мира. Согласно древнеарийским мифологическим представлениям, унаследованным славянами, небо — это гигантская река, вода которой оживляет землю. Небесное слово управляет течением реки жизни, несет в себе законы бытия. «Речь», «речение», «река» — слова, созвучные друг другу. Подобное созвучие можно встретить не только в славянской, но и в ряде других культур, где река является древнейшим образом речи (напр., греч. *ρεῦμα* — *течение, поток*, *ῥῆμα* — *речь*). Ср. у Пушкина: «А как речью говорит — словно реченька журчит». Или читаем у Л. Толстого о Платоне Каратаеве: «Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторить сказанное, Платон не мог вспомнить того, что он сказал минуту назад», — и это понятно, ведь нельзя дважды войти в одну реку. Народный мудрец Платон и движением своей никогда не

¹ Колесов В. В. Преображение слова. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. 2006. С. 60

повторяющейся речи, и всем существом пребывал в едином меняющемся течении реки жизни.

«Слово» и «слава» не просто созвучные слова — они происходят от одного корня. Слава — это слово сакрального уровня. Слава — это слово в свете. Именно с таким словом, судя по всему, связали свое имя, предназначение и судьбу древние *славяне*. Их мифопоэтические воззрения, отраженные в языке, указывают на все более проявлявшуюся со временем устремленность к свету.

А. Н. Афанасьев (1826–1871) отмечал, что славянин чувствовал свое родство со светлыми, белыми божествами, которые поддерживали существование всего живого на земле и с которыми связывались представления о высшей справедливости и благе. Академик Ф. И. Буслаев (1818–1897) в своей работе «О влиянии христианства на славянский язык» (1848) выявил соответствующий ряд слов и имен, имевших в духовной жизни древних славян в мифологические времена особое значение.

Среди них, например, др. слав. *вълхвъ* (в Лаврентьевской летописи — русская форма *вольсви*). Это слово, «согласно с верованием в высшую светящую силу солнца, является в первоначальной форме в скр. <санскритском> глаголе *валг*, — светить, блистать. Следовательно, *волхв* есть не только синоним *жрецу*, но и его древнейшее индоевропейское наименование, *жрец* же есть уже позднейшая, в языке славянском созданная форма; волхв носит в себе память о поклонении свету, *жрец* прямо указывает на жертву и огонь»¹. В основе слав. *багати* «говорить» и-е. корень *bha-, в котором соединены как представления о магическом *слове*, так и о *блеске*, *сиянии*, т. е. о слышимой и зримой эманации божества.

В Ипатьевском летописном списке упоминается верховное божество *Сварог*: «Солнце царь сынъ Свароговъ еже есть Дажь-богъ». В «Слове о полку Игореве» древние русичи были определены как дажьбожьи внуки. Даж(д)ь-бог, податель благ, назывался также Сварожичем (т. е. сыном Сварога), и Ф. И. Буслаев отмечает, что «это божество было особо почитаемо славянами». Верование в Сварога восходит еще к индоевропейскому периоду: др.-инд. *svaṛ*, авест. *hvarə* восходит к и.-е. корню *sauel / suel — «блестеть», «солнце»; др.-инд. *svarate*, др.-авест. *hvarate* — «звучать»; таким образом, *хварно* — свет (Бога) & звук (Бога)². *Зв-ук* и *св-ет* (слово и свет) через язык обнаруживают коренное, изначальное родство.

Буслаев пишет, что инд. *сварга* «сложено из двух элементов: из *свар* — небо, свет, и из окончания *-га*, означающего хождение; следовательно, *сварга* имеет смысл *пребывания на небе* или хождения по небу, т. е. жилища бога». «Сварожич есть дитя неба, рожденный от неба, следовательно, и огонь, и солнце — оба Сварожичи»³. Сварог (как показал академик Б. А. Рыбаков, он именовался у славян еще и Род, и Стрибог) — это бог неба. Сварожич, сын Сварога, или *Дажьбог* — дающий, милую-

¹ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык // Исцеление языка. Опыт национального самосознания. Работы разных лет / сост. А. А. Чех. СПб.: Библиополис. С. 18–19.

² См.: Красухин К. Г. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки // Язык о языке. Сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 23–45. С. 34, 35.

³ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. С. 33.

щий, питающий, владыка света и добра. Перун — бог грозы и молний, бог очистительного огня и ветра...

В середине VI века Прокопий Кесарийский писал о том, что для славян «один только бог, творец молний, является владыкой над всеми» — из этого следует, что в те времена в славянском мире стала проявляться тенденция к единобожию¹. Более того, к этому времени среди славян уже было некоторое число христиан.

Таким образом, в верованиях древних славян существовало немало такого, что было предугадыванием, духовной подготовкой к принятию христианского учения. И текст главной христианской молитвы Господней, где есть обращение к Отцу, *сущему на небесах*, с первыми призывающими свет словами: «да *святится* имя Твое», с просьбой: «хлеб наш насущный *даждь* нам днесь», — мог родить в сердцах славян понимающий отклик и способность осознать эти слова уже на новом уровне приобщения к истине.

Христианство было воспринято славянами потому так органично и глубоко, что воплотившееся Слово-Логос нашло в мировоззрении этих носителей и хранителей *слова*, готовых воздать Ему *славу*, уже возделанную и одобренную почву.

Вместе с христианской верой славяне обрели свою письменность.

«Обе славянские азбуки, глаголица и кириллица, были миссионерскими, — отмечает Г. М. Прохоров. — Это значит, что они не представляют собой остатки языческой древности, но придуманы специально, чтобы создать богослужение и литературу на родном для славян языке и таким образом распространить среди них осмысленную христианскую веру»².

Глаголица появилась раньше кириллицы. Имя ее создателя пока не установлено, хотя есть довольно устойчивая версия, что ее автором был просветитель славян св. Константин-Кирилл, а та азбука, которая появилась под его именем, постепенно сложилась в последующий период. Нам представляется, однако, гораздо более убедительной аргументированная и ясная концепция Г. М. Прохорова, в которой указано и наиболее вероятное время создания обеих азбук, и неслучайность их происхождения, и соответствие названия кириллицы имени ее создателя. Относительно автора глаголицы ученый выдвигает лишь некоторые предположения, название же ее происходит от слова «глагол». Она совершенно не зависит от греческого алфавита и родственна, как убедительно показывает Г. М. Прохоров, миссионерским алфавитам, созданным во II–VI вв. — коптскому, эфиопскому, сирийскому, армянскому, грузинскому, в некоторых случаях кавказско-албанскому.

В основу большинства глаголических букв, как отмечают исследователи, были положены три основных христианских символа: крест (символ Христа), треугольник (символ Троицы) и круг (символ бесконечности и полноты жизни в Боге).

Глаголица, скорее всего, могла быть создана в конце IV века, когда патриархом Константинопольским был Иоанн Златоуст. В житии его говорится, что он послал мужей, подражающих апостолам, к скифам на Дунае для их просвещения. Таким образом, у истоков славянской письменности,

¹ См.: Платонов О. Язычество / Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000. С. 1013.

² Прохоров Г. М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. С. 50.

вполне возможно, стоял вселенский учитель Иоанн Златоуст, обладавший, о чем свидетельствует его второе имя, исключительным даром слова. Исполнителем его повеления, создателем первой славянской азбуки мог оказаться, как полагает Г. М. Прохоров, епископ Синезий, знаток африканских систем письма. Еще более вероятно, считает ученый, что это мог быть блаженный Иероним Стридонский, создатель Вульгаты: он жил как раз во времена патриаршества Иоанна Златоуста на границе Долмации и Паннонии и поэтому мог близко знать славян и их язык или даже иметь славянскую кровь. Кроме того, среди хорватов до сего дня глаголица зовется «иеронимицей». Кстати, имя Иероним в переводе с греческого означает «служитель слова»... Разумеется, причастность Иеронима Стридонского к созданию глаголицы — лишь смелое предположение, но предположение интересное и отнюдь не беспочвенное.

Не менее значимо и возможное объяснение того, почему при создании глаголицы не использовались буквы греческого алфавита: «греческое письмо должно было ассоциироваться как с непобежденным еще язычеством, так и с широко распространенным арианством, с которым Иоанн Златоуст вел борьбу; отталкивание от греческой графики и ориентация на молодые письменности африканских и сирийских христиан было бы применительно к этому времени понятно»¹.

Обратная ситуация сложилась во второй половине IX века, когда на выдающегося философа Константина-Кирилла была возложена миссия создать письмо для славян. Скорее всего, Константин был знаком с глаголическим письмом, но ориентироваться на буквы глаголической азбуки он не стал, поскольку страны, на книжную культуру которых эта азбука была ориентирована при своем создании, в его время впали в ересь монофизитства. Черноризец Храбр в апологии «О письменах» сообщал, что 24 буквы, созданные Кириллом, были «подобны греческим письменам». А те буквы, которые понадобились для обозначения звуков славянского языка, каким не нашлось подобия в греческом, были созданы заново, отчасти при помощи глаголицы. «Вне сомнений, знавшего и использовавшего глаголицу Константина-Кирилла побудило “устроить”, создать, *новое славянское письмо* именно *стремление обратить славян к православной грекоязычной культуре...*»²

Важно сделать вывод, что в обоих случаях, — как при создании глаголицы, так и при создании кириллицы, — проявлялась серьезная забота о *чистоте Православной веры*. Правильно славить Бога, правильно учить о Боге (слово *orthodoxu*, введенное в IV в. в Восточной Церкви в связи с ее борьбой против ересей, говорило само за себя) и выражать это учение в священных письменах было делом первостепенной значимости.

С Православием оказался неразрывно связанным самый смысл жизни наших предков, условие их существования среди других племен и народов. Пушкин со свойственной ему прозорливостью полагал, что «греческое исповедание, отдельное от всех прочих», дает нам особый национальный характер.

¹ Прохоров Г. М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. С. 60.

² Там же. С. 74.

Риккардо Пиккио, выдающийся славист, специалист в области культуры славянского Средневековья, выдвинул концепцию *духовной общности* балканских и восточных славян, которую назвал «slavia orthodoxa». Решающая роль в скреплении этой общности принадлежала, по словам Пиккио, «полю письменного общения», «литературному языковому средству, общему для всех православных славян и зависящему от церковнославянских грамматических и стилистических образцов»¹.

Язык скреплял общность славян еще в дохристианские, дописьменные времена. В начале «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), под 6406 / 898 годом, содержится «Сказание о переложении книг церковных на словенский язык». Летописец рассказывает о тесной связи славянских племен, имеющих не только кровное родство, но и языковое единство: «А словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словенска рѣчь бѣ. Поляни же прозваниемъ быши, зане в поли сѣдяху, а языкъ словенски единъ»².

Академик А. А. Шахматов в исследовании «О начальном Киевском летописном своде» (1897) высказал предположение, что «сказание» могло возникнуть в среде последователей и учеников св. Мефодия, оставшихся в Моравии и Чехии. Оно, как допускал Шахматов, попало в ПВЛ в виде вставки, которая, возможно, внесена в состав летописного свода Сильвестром в 1116 году. Шахматов выдвинул гипотезу о существовании общего, более древнего исторического источника, проникнутого мыслью о единстве славян, о чем свидетельствуют вводная часть ПВЛ и «Сказание».

Академик Н. К. Никольский также считал «Сказание...» одним из звеньев «ныне утраченного исторического труда, который, не имея значения общерусской летописи и содержа известия о судьбе и стародавних связях русского племени (руси) со славянским миром, был свободен от византизма и норманизма, проникших в “Повесть временных лет”»³.

Большое значение славянскому культурно-языковому единству придавал выдающийся советский ученый, историк древнерусской литературы И. П. Еремин. В Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге в фонде Еремина хранится его доклад «О задачах в области изучения русско-славянских литературных связей», где, в первую очередь, отмечалось: «Уже в “Повести временных лет” идея исконного родства русского народа с другими славянскими народами не только по происхождению, по крови, но и по языку, по связывающей всех славян культурной традиции, — идея эта нашла свою четкую формулировку. Решая, в начале своего повествования, “откуда есть пошла Русская земля”, древний летописец вопрос этот решал в теснейшей связи с вопросом об истории образования славянских племен. Следуя народному преданию, он не раз настойчиво подчеркивал родство всех славян между собою... и очевидно придавал этому факту большое значение. Излагая историю Русской земли, он никогда не забывал попутно отмечать и события из истории братских

¹ Пиккио Р. Slavia orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 127.

² Повесть временных лет / текст и пер. под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 23.

³ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры // Сб. по русскому языку и словесности. Т. 2. Вып. 1. Л., С. 3.

славянских народов. Это сознание своего общего происхождения со славянами древняя литература передала в наследство, как завет, — русской общественной мысли и историографии нового времени»¹.

Доклад был прочитан после войны, в 1946 г., и тема его, в связи с изменением политической карты мира и появлением ряда народно-демократических славянских государств в Центральной Европе, была более чем актуальной. Еремин отмечал в этом своем выступлении, что только фактографический характер исследований в данной области уже не может удовлетворять — важен новый уровень интерпретации исторических фактов, и во главу угла должен быть поставлен вопрос о том, какое *идейное* содержание лежало в основе языковых контактов и культурного взаимообмена.

Примерно тогда же, в 1946 г., вышла книга И. П. Еремина «"Повесть временных лет". Проблемы ее историко-литературного изучения». В отделе Рукописей РНБ хранится письмо В. Я. Проппа с живым откликом на эту книгу, содержащее некоторые поистине драгоценные, а подчас и совершенно неожиданные идеи. Прочитируем концептуальную часть письма:

«Вы ждете "отзыва"? Его не будет. Будет гораздо лучшее. Я хочу поделиться с Вами теми мыслями, которые возбудила во мне Ваша книга. Значит, она плодотворна, она будит мысль, потому что в ней есть мысль. <...> Во-первых, конечно, летописец — не дипломат, и не княжеский историограф и пр. Когда я прочитал, что Вы сближаете его с пушкинским Пименом, я подпрыгнул от радости. То, что Пушкин понимал гениальной интуицией, Вы подтверждаете путем анализа. Он "земля Русская". Об этом и будет моя основная мысль. В "Повести" есть вещи, которые я до Вас считал специфически фольклорными. Вы увидели их в летописи и заставили меня передумать некоторые из своих убеждений. На Вашей книге я увидел: есть какие-то, вероятно очень простые в своей основе, мыслительные категории, которые определяют собою решительно все. Они еще не найдены. Но одна из них у Вас найдена. Это — *отношение множества к единству* (здесь и далее выделено мною. — О. С.). На некоторой стадии сознания, условно "фольклорной", или "народно-поэтической", как хотите, нет единства в мысли, хотя оно дано в непостигнутом опыте. Нет единства времени. Есть множество эмпирически постигаемых времен. Нет перехода от одного времени к другому. <...> В пространстве: нет единого пространства, космоса, есть множество разных миров (марровское "космическое сознание" есть жуткая фикция). В политике: есть роды, разделяемые распрями, враждующие, отделяющие свои охотничьи угодья. Они говорят на одном языке, и в будущем это — народ, но народное сознание требует веков для своего пробуждения. В эпосе: есть множество сюжетов, и до некоторой поры — нет центрального героя, нет "циклизации" <...>. В языке: нет подчинения, есть нанизывание. И т. д. Вы сами отнесете сюда летопись. У Вас уже сделано все, чтобы ее объяснить. Она имеет зернистое строение, как гранит, где каждый хрусталик — год, и эти годы не согласованы и полны противоречий. У Вас это показано с предельной ясностью. Но самое интересное в том, что летопись уже показывает удивительное преодоление этой модели. Она раздираема борьбой, полна противоречий иного рода. В мире нет единства и в князьях нет согласия. *Но единство есть, и это единство называется богом*»².

¹ РНБ. ОР. Ф. 1111. Еремин И. П. № 110. л. 1.

² РНБ. ОР. Ф. 1111. Еремин И. П. № 190. Лл. 1—5.

Если учесть год (1946) написания письма, то подобные мысли ученого, далекие от «классового подхода» и объяснения всех явлений их привязкой к определенной социально-экономической формации, представляются почти невероятными и, несомненно, «крамольными». В письме запретное, особенно для представителей советской науки, слово «Бог» пишется то со строчной, то с заглавной буквы. Пропп как бы в оправдание объясняет далее, что под этим словом он понимает «воплощение святой для летописца идеи» *единства*, в первую очередь, единства государственного. И все-таки, при всех оговорках, в изложенной позиции выдающегося советского ученого можно разглядеть гениальную догадку о том, что единство народа, языка, культуры, государства для своего осуществления нуждалось в высшей «святой идее», и требовалась вера в Троицкого Бога, чтобы все остальные «единства во множестве» могли осуществиться вполне. Эта мысль далее находит прямое подтверждение в письме В. Я. Проппа: «При родовом строе единства нет совсем. При племенном уже нет тотемов лягушки, совы или ящерицы, а есть поляне, древляне и другие, не составляющие государства. Но Русь XI века уже была государством. В этом государстве действуют две силы: центробежные, собственно антигосударственные, представленные феодальными князьями, раздирающие государство на части, и центростремительные, представленные *великим князем* стольно-киевским и “*верой православной*”. В этом смысле летописец выражает то же, что Илья Муромец, который стоит // (л. 7) за *великого князя и веру*»¹.

Хотелось бы обратить внимание на то, что прочная связь, которая установилась между высшей властью и Православной верой в период строительства и укрепления молодой русской государственности, оказалась жизненно необходимой для Руси, поскольку была условием ее *единства и могущества*. Поэтому тревога современных либеральных СМИ по поводу «угрозы» возникновения подобной связи в сегодняшней России объясняется или крайним невежеством, или крайним недоброжелательством по отношению и к государственной власти, и к Церкви, или одновременно невежеством и недоброжелательством. А для отклонения упреков в «ретроградстве», направленных в адрес сторонников такого единства, позволим себе процитировать еще одну блестящую и прозорливую мысль из письма отечественного ученого: «Но <...> в одном я с Вами разошусь: мысль о “земле Русской” никак не может быть мыслью о прошлом ее. У Вас летописец выглядит немножечко ретроградом, желающим повернуть колесо истории вспять. Возможно, что мечта о прошлом есть **только способ** (выделено автором. — О. С.) выражения мечты о будущем. Но объективно летописец выражает здравую и новую, зарождающуюся государственную идею, вырастающую из своей противоположности — из княжеских междоусобиц и войн, из феодального разложения»²...

Итак, родство племенное и языковое и единство государственное в результате христианизации славянских племен прочно скрепляется единством веры.

Общим просветителем всех славян назван в «Сказании о переложении книг» апостол Павел: «В Моравы бо ходилъ и апостоль Павелъ и училъ

¹ РНБ. ОР. Ф. 1111. Еремин И. П. № 190. Лл. 6–7.

² Там же. Л. 8.

ту; ту бо есть Илюрикъ, егоже доходилъ апостоль Павелъ; ту бо бѣша словене первое. Тѣм же и словенъску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣм же и нам Руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ словѣнскъ и поставилъ есть епископа по себе Андроника словенъску языку»¹. (В данном случае под словом «язык» понимается народ.)

Таким образом, в «Сказании» видна преемственность духовных учителей славян: первоучитель — апостол Павел, после него — поставленный им «апостол от семидесяти» Андроник и, уже в IX в., наследовавший его кафедру в Паннонии епископ Мефодий².

Составители Паннонского, наиболее полного, жития равноапостольного Мефодия и Похвального слова просветителям славян сообщают, что св. Мефодий, ходатайствуя перед римским папой Адрианом о необходимости вести богослужение в славянских землях на родном для их жителей языке, сообщал о «чрезмерной привязанности славян ко всему народному, *особенно к языку и славословию на нем Бога*». Этой привязанностью, утверждал он, племя славянское «всегда и всюду отличалось и отличается»³.

В 862 г. два могущественных славянских государя — Борис, царь болгарский, и Ростислав, владыка Великоморавский, отправили в Царьград своих послов, чтобы «положить конец печальному состоянию новообращенных своих подданных, не разумеющих проповедников на чужом языке». Император Михаил поручил младшему брату св. Мефодия св. Константину (в монашеском постриге Кириллу), известному своей высокой ученостью и знанием славянского языка, «сложить письмена» для славян. Император объявил их посольству: «Отправляю к вам того, *кому Бог вложил буквы в ваш язык*»⁴.

Патриарх Фотий благословил святых братьев и передал с ними икону, которая имела первоначальное название «*Матерь Слова*». По преданию, икона была написана евангелистом Лукой на кипарисовой доске стола, которую мастерил Отрок Иисус. Потом доска была перенесена из Назарета в Иерусалим, в дом Зеведея, отца св. ап. Иоанна Богослова. Здесь и была создана икона. Царица Елена, обретя в 326 г. в Иерусалиме Крест Господень, вывезла 6/19 марта вместе с ним в столицу Византии и эту икону. И вот именно этим образом «*Матери Слова*» константинопольский Патриарх благословил **славян**. В 1382 г. образ оказался в Ченстохове, на Ясной горе, и по месту своего пребывания стал называться Ченстоховским. Он является величайшей святыней Польши и общехристианской святыней.

Народная память хранит предсказание, что «Ченстоховская» — это «икона последних времен», которая сыграет какую-то существенную роль в грядущих судьбах России и славянского мира. Один из списков иконы был привезен в Санкт-Петербург М. И. Кутузовым после войны 1812 г. и взятия Польши в 1813 году⁵. Он находился в Казанском соборе, а сейчас

¹ ПВЛ. С. 23.

² Об апостоле Андрее, дошедшем, по преданию, с евангельской проповедью до гор Киевских и пределов Новгородских, рассказывается в другом летописном сказании.

³ Бодянский О. О происхождении славянских письмен. М., 1855. С. 23.

⁴ См.: там же. С. 25, 26.

⁵ РГИА. Ф. 805. Оп. 2. Д. 632. Л. 1.

хранится в запасниках Музея истории религии. Возможно, вскоре список иконы будет возвращен Церкви.

Место же пребывания изначального древнего образа оказалось не случайным. Ченстохов — первый город от истока Варты. Это река «пути к северу», и вдоль нее шли когда-то с евангельской проповедью к славянам святые братья Кирилл и Мефодий.

Черноризец Храбр, древнеболгарский книжник, в своем «Сказании о письменах», написанном в конце IX в. и сохранившемся в 73 рукописных списках, половина которых — древнерусские, пишет, что Кирилл, «муж праведен и истинен», «сотворил» славянам букв 38 — большинство (24) по образцу греческих букв, остальные «по славянской речи». Первая буква «аз» соответствовала греческой «альфе», которая, в свою очередь, восходила к еврейской букве «алеф», означающей *учение*. «Альфа» же в переводе с греческого означает *ищи*. «Учись, вот алеф!» «Ищи!» Таковы первые слова древних культур, побуждавшие ребенка к постижению грамоты. Буква «аз», пишет монах Храбр, «Богом данная роду славянскому, для раскрытия к разуму уст, учащихся буквам, великим раздвижением уст возглашается» (пер. В. Я. Дерягина)¹. «Азь» — местоимение первого лица единственного числа (современное «Я»), которое может произноситься от имени Бога или человека. Таким образом, «учение» и «искание» прежних азбук раскрывается в азбуке славянской как *постижение и поиск человеком, в первую очередь, Бога и самого себя*. Учись! Ищи! Начни с себя...

*Аз словом сим молюся Богу:
Боже, всея твари Зиждителю,
Видимым и невидимым,
Господа Духа пошли Живущаго,
Да вдохнет в сердце ми слово,
Еже будет на успех всем,
Живущим в заповедях Ти...*

*Аз есмь свет миру
Бог прежде всех век
Ведаю всю тайну в человеце и мысль
Глаголю людям закон Мой
Добро есть творящим волю Мою
Есть гнев Мой на грешники
Живот дах всей твари².*

Таковы первые строки самых ранних из записанных славянских стихотворений — «азбучных молитв», или «толковых азбук», созданных в форме акростиha, в котором каждая строка начинается с очередной буквы алфа-

¹ Полный перевод «Сказания о письменах» черноризца Храбра, выполненный В. Я. Дерягиным, см.: Слава вам, братья, славян просветители / Сб. материалов к празднованию Дня славянской письменности и культуры. Новосибирск: Православная гимназия во имя преп. Сергия Радонежского, 1996. С. 32–35.

² В древнерусской письменной традиции азбучные молитвы, в которых в удобной для запоминания форме передаются истины православного вероучения, были широко распространены. К настоящему времени найдены и опубликованы около 40 списков XII–XVII вв.

вита. Авторство первого цитируемого отрывка приписывают или самому св. Кириллу, или ученику св. Мефодия, Константину Преславскому, жившему на рубеже IX–X веков.

Главным же, первоочередным делом просветителей славян, после составления азбуки, был перевод текстов Священного Писания и богослужебных книг. Знаменательны самые первые слова, которые были переведены на славянский язык. Согласно Житию Константина-Кирилла, он для славян моравских «сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую: Исперва бѣ слово...»¹

Итак, первым переведенным на славянский язык текстом было знаменитое «Зачало» Евангелия от Иоанна, и Кирилл, не колеблясь, перевел греческий Логос славянским Словом. Если бы перевод был другим, считают исследователи, иной могла быть вся наша культура. **Слово** было поставлено в ее начало, стало ее краеугольным камнем.

В. В. Колесов отмечает тонкие смысловые различия между греческим «логосом» и славянским, а также и русским «словом» (речь идет в данном случае не о Слове-Логосе, понимаемом как Бог, а об обычном, «человеческом» значении каждой лексемы): «В греческом термине преобладает идея разумности, тогда как для славянского слова более характерны значения, связанные с выражением духовного, а не разумного знания. В греческом подчеркивается личная возможность человека распоряжаться своим “логосом”, а в славянском постоянно указывается зависимость личного мнения, суждения или информации от общего, коллективного восприятия, знания и со-знания (совместного знания). Русское слово своим смыслом определяется не личным разумением человека, а Божьим произволением. Следовательно, значение “дух” в греческом слове более пристало славянскому термину, чем значение “ум”, а это впоследствии и обусловило особое отношение к “логосу” русских философов и богословов. Русский Логос отражает не рационально-чувственные свойства мира, а содержательно-существенные, которые по традиции определялись собирательно как “духовные”»².

Наверное, поэтому Логос, уже в сакральном его значении, был уверенно переведен св. Кириллом как Слово, поскольку данный перевод наиболее емко и точно выражал сущность второй Ипостаси Троицыного Бога.

Следует отметить, что и другие важнейшие слова Священного Писания, переведенные святыми братьями и их учениками с греческого на церковнославянский язык, не только ничего не утратили в смысловом отношении, но напротив, стали изумительными плодами «очень серьезной и самобытной работы, тонких и неожиданных прозрений»³. Об этом пишет доктор исторических наук Н. Н. Лисовой, старший научный сотрудник Института русской истории РАН, заместитель председателя Императорского Палестинского общества. Для подтверждения своих слов он приводит следующие примеры. «Воскресение Христово — по-гречески “ἀνάστασις”, что означает собственно “восстание”. Мы тоже говорим о “восстании Христа из гро-

¹ Житие Константина-Кирилла // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 2. XI–XII вв. СПб., 1999. С. 38.

² Колесов В. В. Преображение слова. С. 57–58.

³ Лисовой Н. Н. Русское Православие — в языке, литературе, школах перевода // Духовный потенциал русской классической литературы. Сб. научных трудов. М., 2007. С. 71.

ба”. Но когда понадобилось передать терминологически представление о самом “механизме” преодоления смерти, Кирилл и Мефодий, а за ними церковнославянская и русская богословская мысль использовали слово *воскресение*. Славянский глагол *кресити* означает первоначально “получать <священный> огонь с помощью кремня и кресала”. Так что в *Воскресении* живет первобытная семантика “воскресения огня и света” (точнее было бы сказать «в огне и свете». — О. С.). Достаточно вспомнить о схождении Святого огня в Иерусалиме в Великую субботу, чтобы понять, что в славянском и русском *Воскресении* больше евангельского мистического смысла и опыта события, чем в обыденном греческом термине. Мы могли бы вспомнить здесь и о *Распятии*, соответствующем (а на самом деле как раз вовсе не соответствующем — О. С.) греческому *ανάστασις* — “сажание или подвешивание на кол”»¹. В Кирилло-Мефодиевском *Распятии* присутствует образ Креста. Тот же образ положен в основу слова «крещение», в то время как в других языках термины, означающие крещение, происходят от греческого «баптисма» — «окувание», «погружение в воду». «Для русского сознания *крещение-хрещение* есть “погружение” в Крест, добровольное пригвождение себя к Кресту Господню, сораспятие Христу»².

Слово *Преображение* имеет совершенно иной корень, чем греческое «*μεταμορφоза*». Н. Н. Лисовой, подчеркивая нашу вечную признательность Византии, тем не менее, отмечает, что «практически во всех случаях калькирования и перевода евангельской и богословской лексики славянский вариант содержательнее, возвышеннее, семантически богаче и точнее»³, что свидетельствует о «религиозно-понятийном пространстве» славянской культуры.

Г. М. Прохоров выделил подвиг каждого из святых братьев-просветителей славян: «Константин-Кирилл создал для славянского слова соответствующую ему графику (“кириллицу”), ему удалось отстоять перед папой в Риме право славян “видеть Слово воплощенным в славянской плоти”. Мефодий же поставил “воплощенное в славянскую письменность Слово, как некоего Господина, в центр церковного ансамбля искусств: музыки, живописи, архитектуры...”»⁴

И действительно, все перечисленные искусства, образуя культурный синтез в пространстве храма, *ориентированы на слово и неразрывно связаны с ним*.

Так, если на Западе во время богослужения использовалась инструментальная, в основном, органная музыка, то в православной литургической традиции главным «инструментом», славящим Творца, был избран живой человеческий голос, соединяющий мелодию и слово. Знаменное пение, которое звучало в древнерусских церквах, отличалось сосредоточенным молитвенным настроением и стремлением донести, не расплескав, *каждое слово*, во всей глубине и полноте его смысла, до человеческих сердец.

¹ Лисовой Н. Н. Русское Православие — в языке, литературе, школах перевода // Духовный потенциал русской классической литературы. Сб. научных трудов. М., 2007. С. 72.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 73.

⁴ Прохоров Г. Крестообразность времени или Пушкинский Дом и около. СПб.: Искусство России, 2002. С. 18.

Был еще один инструмент, который использовался в православной церкви, — это колокол. Но это инструмент совершенно особый, «говорящий» людям о самом главном — о торжестве или бедствии, и даже не говорящий, а «глаголющий», ибо слова «колокол» и «глагол» (*golgol) имеют звукоподражательное происхождение из единого корня. У колокола есть *язык*, в колокольной музыке все основано не на нотах, а на звуковых атмосферах, каждая из которых, «*содержащая в себе безграничную жизненную массу*», порождает тот специфический эффект восприятия “**звучания вечности**”, в котором распахивается колокольным звоном над-временная высота мира»¹.

С древних времен и до сего дня в православных храмах во время литургии на середину торжественно выносятся Библия — Книга книг, содержащая Слово Божие. Тем самым подчеркивается *центральное* значение Слова в жизни Церкви.

В середину храма поставляется для поклонения и икона праздника. То, о чем читается в Евангелии, раскрывается в зримом образе, ибо Слово и Образ во Христе (воплощенном Логосе) совпадают. «Слово невозможно отделить от иконы, более тесного взаимодействия между словом и изображением, чем в иконописи, не существует, — утверждает В. В. Лепахин, профессор Сегедского университета (Венгрия). — Вписанное в икону имя Божие или имя святого есть священная печать, удостоверяющая соответствие изображения изображаемому, а также подтверждающая реальное присутствие святого на своей иконе. Надписание имени призывает на икону Божественную энергию... *Значение слова на иконе столь велико, что без надписания икона недействительна*, она перестает быть иконой и перед ней нельзя молиться»².

Кроме надписания, отмечает В. В. Лепахин, в сакральное пространство иконы мог вводиться текст. Таковы, например, иконы, в которых Спаситель держит раскрытое Евангелие, где написаны слова; «Аз есмь свет миру», или «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии». Существуют также иконописные изображения святых с развернутыми свитками, на которых написаны наиболее известные, значимые их слова. В клеймах житийных икон также мог присутствовать текст, поясняющий изображения. Известны и так называемые акафистные иконы с начальными словами кондаков и икосов. Со своей стороны, сами акафисты, а также тропари, кондаки, ирмосы, каноны, стихиры, светильны и другие жанры церковной поэзии могут рассматриваться, справедливо считает ученый, как своего рода «*вербальные иконы*», поскольку в них передается архетип, первообраз человека, события или явления, а не эмпирическая или феноменологическая их сторона.

Продолжая эту мысль, необходимо сделать важный вывод, что *церковнославянский язык* в целом — это, можно сказать, «*языковая икона*», **священная** для православных славянских народов. Отказываться от него вследствие очередных реформ — например, тотально вводить вместо церковнославянского русский язык в богослужebную практику — все равно,

¹ Копейкин Кирилл, протоиерей. Время: Путь в вечность // Христианство и культура. Сб. научных трудов. Вып. 3. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. С. 44–45.

² Лепахин В. Взаимосвязи между иконой и словом // Православная Церковь и культура. Материалы секции XIII Международных Рождественских чтений. М.: Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ, 2005. С. 17–42, 17, 18.

как если бы мы решили снести все храмы и устроить на их месте типовые, привычные для восприятия современного человека «молельные дома». А все иконы — это бесценное и уникальное достояние мировой культуры — заменили бы светской живописью «на религиозные темы».

М. В. Ломоносов, рассуждая «о пользе книг церковных» в 1758 г., в ситуации наступившего в России нового времени, в обстановке реформ, в том числе и языковых, признавался, что испытывает к *словенскому* (церковно-славянскому) языку «особливое почитание». Он считал, что старательное и уместное употребление «сродного нам коренного словенского языка купно с российским» уберет наш язык от диких и нелепых заимствований из чужих языков, которые его «к упадку преклоняют».

Ученый выражал уверенность, что «российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь российская славословием Божиим на словенском языке украшаться будет»¹.

Эти слова подтвердились в последующей судьбе российской словесности, в творчестве крупнейших русских писателей. Вот, например, как характеризовал первый биограф А. П. Чехова А. А. Измайлов влияние церковнославянского языка на воспитание художественного вкуса писателя: «Тяготение отца [П. Е. Чехова] к церкви и к “божественной книге”, семейные чтения из Четьи Миней нечувствительно держали Антона Павловича в общении с чудесным старым языком, не позволяли ему забыть его и разминуться с ним, как случается с огромным большинством русской интеллигенции, создавали в нем то чуткое ощущение простого исконно русского слова, которое неизбежно вызывало антипатию ко всякой наносной иностранщине <...> В его книгах можно найти сотни доказательств того, как в ощущении простоты, красоты, и скажем, родовитости слова, исконной его принадлежности к русскому языку его выручало обращение к корням языка житий, прологов...»².

Польза книг церковных виделась великому Ломоносову не только в том, что они предохраняли наш язык от порчи, упадка и передали нам способность «к сильному изображению идей важных и высоких», но и в том, что язык этих книг, понятный всем славянам, помог сохранению *единства* православного славянского мира. Кроме того, «сродный нам коренной словенский язык купно с российским» *объединяет* нас с нашими предками, со всеми прошедшими поколениями: «...российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, более семисот лет, не столько отменился, чтоб старого разуметь не можно было»³.

Как стержень единства славяно-русского мира в пространстве и во времени язык церковнославянский представляет собой ценность, утрата которой невозможна.

В XVIII в., как известно, начинается строительство русского литературного языка, в котором синтезируются элементы церковнославянские и рус-

¹ Копейкин Кирилл, протоиерей. Время: Путь в вечность // Христианство и культура. Сб. научных трудов. Вып. 3. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. С. 102.

² Цит. по: Чудаков А. П. Антон Павлович Чехов. М.: Просвещение, 1987. С. 28.

³ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных. Цит. по: Прямая речь. Мысли великих о русском языке / сост. Д. Н. Бакуна. М.: Российский фонд культуры, 2007. С. 101, 102.

ские, «при этом славянизмы последовательно служат для выражения возвышенного и, вместе с тем, абстрактного, метафорического содержания»¹.

Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (1825) высоко оценил вклад Ломоносова, который спас наш язык от «приметных искажений», возникших в царствование Петра I, и открыл нам «истинные источники нашего поэтического языка». «Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным»².

Замечательно, что родной язык Пушкин называет «*славяно-русским*» (т. е. указывает на его *двуединство*) и пишет о его «счастливой судьбе» и «неоспоримом превосходстве пред всеми европейскими языками»: «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, дал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*»³.

Пушкин, таким образом, видел в славяно-русском языке *творческую стихию*, и он *свободно* черпал из нее словесный материал для «сообщения мыслей». Ломоносов, его предшественник, руководствуясь своей «теорией трех штилей», применял языковой материал в строгом соответствии с определенными литературными жанрами. Но и он высоко ценил богатейшую *живую природу* родного языка: «Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольством велик перед всеми в Европе»... «Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море»⁴.

Прозревая связь языка народа с особенностями окружающей его природной среды, с обширностью занимаемой этим народом территории, Ломоносов предвосхитил открытия евразийцев, сделанные уже в 20-е годы XX столетия. Ведущая их мысль состояла в том, что *народ населяет именно то пространство на земле, которое соответствует его сущности, и эта сущность выявляется в языке*.

П. Н. Савицкий называл «Россию-Евразию» континентом-Океаном, который вызывает мысли о беспредельном. Он ввел в научный обиход понятие «месторазвития», которое обозначает, что место проживания, окружающий ландшафт побуждает людей к определенному направлению в развитии культуры. Так, индивидуализм романо-германской культуры Савицкий объяснял, до определенной степени, географической раздробленностью этой части Ев-

¹ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. С. 148.

² Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. Цит. по: Прямая речь. Мысли великих о русском языке. С. 117–118.

³ Там же. С. 116.

⁴ Ломоносов М. В. Российская грамматика. См.: там же. С. 99, 100.

ропы, миниатюрностью, сжатостью ее пространств. Степи породили культуру тюрков, скифов, пустыни — исламскую культуру. Японская культура — островная, в то же время связанная с горными вершинами, поэтому она очень сосредоточена, замкнута в себе. Культура России-Евразии определялась большим «месторазвитием». Это «единое лоно», «срединный мир» между собственно Европой и собственно Азией, о котором писал еще историк-славист В. И. Ломанский в книге «Три мира азиатско-европейского материка» (1892). Подхватив эту мысль, евразийцы писали о Срединном, сердцевинном Царстве и видели в Евразии **мост**, соединяющий языки и культуры.

Вообще термин Евразия впервые ввел Э. Зюсс в 1883 г. для обозначения самого большого материка земли, состоящего из двух соответствующих частей света. Евразийцы иначе трактовали это понятие: для них Евразия — та территория, которую раньше занимала Российская империя, а затем Советский Союз. Она представлялась им как географически единое целое, как упорядоченно организованная макросистема четырех горизонтальных параллельных полос. Это система горных хребтов на юге, по центру — система степных равнин и плоскогорий от Тихого океана до устья Дуная. Севернее следуют полоса лесов и полоса тундр. Вертикально «вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек».

Об этом размышляет в книге «Наследие Чингисхана» один из главных идеологов евразийства и выдающийся лингвист Н. С. Трубецкой. Он делает следующий основной вывод: *«Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства»*¹.

Наследуя Чингисхану, овладев степью — становым пространством Евразии, Россия сумела создать имперское единство и, в связи со своим особым геополитическим положением, была призвана исполнить *миссию объединения* разных народов и культур. И языков... Н. С. Трубецкой впервые заговорил о «языковых союзах». Речь шла о тех языках, которые обнаруживают черты сходства не вследствие своего родства в генетическом отношении (по принадлежности одному языковому семейству, ветви, подветви), а по причине «сродства», не врожденного, а приобретенного в результате длительного территориального соседства и параллельного историко-культурного развития. Выразительным примером являются такие балканские языки, как болгарский, румынский, албанский, новогреческий, представляющие совершенно разные ветви индоевропейской семьи, но характеризующиеся рядом общих черт. Идея «языковых союзов» нашла свою разработку в Пражском лингвистическом кружке, который внес большой вклад в осуществление структурного и функционального подхода как в области языкознания, так и в области литературоведения, а также в развитие фонологии.

Один из наиболее известных его представителей, Р. Якобсон, выдвинул положение о «конвергенции» в лингвистике. Он пришел к выводу, что евразийские языки объединяются по следующим признакам: а) географическому (общая территория) и б) фонетическому. Имеется в виду отсутствие политонии (смыслоразличительной интонации) и наличие мягкостной корреляции — смыслоразличительного противопоставления твердых и мягких согласных (*быт — бить, мать — мать, вес — весь, волна — вольна*).

¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. С. 227.

В работе Н. С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» можно найти такой впечатляющий и красивый образ: «Все языки земного шара составляют некую непрерывную сеть взаимно переходящих друг в друга звеньев, как бы радужную. И именно в силу непрерывности этой языковой радужной сети и в силу постепенности переходов от одного ее сегмента к другому общая система языков земного шара, при всем ее пестром многообразии, представляет некоторое, правда, только умопостигаемое, единое целое»¹.

Цвета радуги, объединившись, создают свет. Продолжая только что приведенное образное сравнение, можно сказать, что русский язык, сочетающий в себе, по известному слову Ломоносова, «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка», и многоцветен, и светоносен.

«Среди великолепных качеств нашего языка есть одно совершенно удивительное и малозаметное. Оно состоит в том, что по своему звучанию он настолько разнообразен, что заключает в себе звучание почти всех языков мира»², — писал К. Г. Паустовский.

Величие и сила языка соответствовали обширности и могуществу пространств, на которых он утвердился. Это относится и к языку художественных произведений, размаху словесных образов. Приведем один из самых простых и выразительных примеров:

*За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.*

В зачине чудесной сказки П. П. Ершова какой-то маленький, доживающий свой век сельский дедушка — подумать только — увиден в планетарном масштабе, соразмерен бесконечному природному космосу, поставлен в ситуацию «против неба на земле»: вся земля ему принадлежит, все небо на него смотрит. Он — просто человек...

В русском языке есть такие взаимосвязанные ключевые слова, как «простор», «воля», «раздолье», «приволье», которые не имеют адекватного перевода на другие языки и передают коренные особенности русского национального характера и мировоззрения. Безграничные пространства помогали русским людям органически воспринимать идею *бесконечности бытия*, искать Бога и сочетать в себе смирение и дерзновение.

Лингвисты (в частности, снискавшая мировую известность Анна Вежбицка), обратили внимание, например, на безличные синтаксические конструкции, характерные для русского языка и неизвестные многим другим языкам и наречиям. «Мне малым-мало спалось», «ему нездоровится», «ей не пишется», «так уж случилось», «его убило молнией», «ему почудилось». Не всегда человек — *субъект действия*, что характерно, например, для

¹ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. С. 375.

² Прямая речь. Мысли великих о русском языке / сост. Д. Н. Бакуна. М.: Российский фонд культуры, 2007. С. 98.

английского языка. Наш язык свидетельствует, что не все зависит от человека, и беспомощным, беззащитным бывает он подчас в неоглядном и далеко не всегда понятном мироздании. Много «нежданно-негаданного» может происходить с человеком не по его воле, и это надо принимать, с этим следует смиряться.

Зато, если уж *действует* русский человек, то часто безоглядно, доходя до края, а порой и перехлестывая через край. «Широк человек — я бы сузил», — говорит Митенька Карамазов у Достоевского, и уж он-то хорошо знает, о чем говорит. Широта и безудержность бывают опасны, и меру свою мы нередко забываем, а меру нужно знать. Кстати, слово «*смирение*» писалось прежде так: «смѣрение», от корня «мѣра», т. е. имелось в виду понимание своей человеческой меры. Патриархи, между прочим, скромно говорили о себе: «Наша мерность»... Но в иных случаях (в любви, в делах добрых, в борьбе со злом) безоглядность, нерасчетливость, безмерность бывают замечательно хороши: ведь неровен час, станешь узким — перестанешь быть русским...

«*Удаль*» — тоже непере译имое на другие языки слово, в нем, как писал Ф. Искандер, ясно слышится «даль», и без неоглядной распахнутой дали удаль невозможна. Да и в иных ситуациях — как нашему народу было обойтись без нее? В «удалом молодце» есть что-то бесшабашное, безоглядно веселое, нерасчетливое, свободное.

*Коль любить — так без рассудку,
Коль грозить — так не на шутку,
Коль рубнуть — так уж сплеча,
Коль ругнуть — так сгоряча.
Коли спорить — так уж смело,
Коль казнить — так уж за дело,
Коль простить — так всей душой,
Коли пир — так пир горой!*

А. К. Толстой

Полноты взыскует *душа* русского человека — на меньшее она не согласна, а широта ее соразмерна той земле, которую она получила в удел. А. Вежбицка, специалист в области изучения ключевых слов в разных языках, отмечает, что «у русского слова *душа* нет точного эквивалента в английском языке и нет английских эквивалентов для таких выражений, как *излить душу*, *открытая душа*, *душа нараспашку* или *разговор по душам*. Для слова *общение* тоже нет эквивалента, как и для столь важного (с точки зрения русской культуры) слова *общаться*. <...> *Communication*, у которого нет эквивалента в русском языке, совсем не то же, что русское *общение*. В английских словах *communication*, *message* и *mean* (в указанном смысле) важно то, что люди «хотят сказать», а не то, что они в данный момент думают или чувствуют»¹.

¹ Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Приложение к книге: Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 467–500, 494, 495.

Русское неприятие фарисейства, принятую у нас установку на искреннее общение А. Вежбицка связывает с ролью соборности в православии: «Русская “душа” — это не просто душа отдельного человека, но “душа”, которая возникает и которая живет в общении с другими людьми. Как это выразил Пастернак в “Докторе Живаго”, “человек в других людях и есть душа человека”»¹.

Однако хотелось бы уйти от слишком благостной картины в характеристике состояния русской души и русского мира — с нашей стороны это было бы как раз проявлением фарисейства. Необходимо отличать искренность сердца от бесцеремонной привычки во всех случаях «резать правду-матку в глаза», не боясь обидеть, ранить другого человека, что недопустимо в культурах многих народов, и что, увы, мы позволяем себе слишком часто и со всей возможной грубостью и беспощадностью.

Следует признать, что русская удаль подчас объясняется желанием хвастнуть, покрасоваться, в ней есть опьянение, она, бывает, проявляется не по делу и тогда оборачивается бессмысленным риском, а то и глупой утратой «буйной головушки».

А большие пространства таят в себе опасность затеряться в них, сбиться с пути, или нестись, подобно лермонтовскому сухому листку, «без цели и следа неведомо куда».

В сфере интеллектуального и художественного творчества огромность содержания, полет мысли и воображения трудно поддаются оформлению, обретению разумных границ. Недооформленность, недодуманность и «недопроясненность» — одна из проблем русского сознания, на что самокритично указывали многие отечественные мыслители. Стихийный хаос то и дело угрожает культурному космосу. Возможности открытых пространств порождают соблазн бросить трудное дело или трудную жизнь, уйти, даже сбежать, чтобы «начать все сначала». Но куда сбежишь от себя и от необходимости упорного и часто горького труда над собой и над жизнью?..

*Просторов протертая рать,
Пространства глотают пространства...
Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?*

А. Белый

Евразийцы считали, что кочевнический «тюркский» дух степей уравновешивается противоположным — оседлым «славянским» чувством северного леса. *Лес* и *Степь* — два контрастных пространственных архетипа в философии евразийства. Им соответствуют вечные образы *Строителя* и *Скитальца*, как считал Г. Федотов. Лес создавал трудности, с которыми необходимо было справляться. У леса отвоевывали пахотную землю, из него строили избы и начинали вести оседлую крестьянскую жизнь. Она требовала совместных усилий, общинной взаимопомощи, порождала чув-

¹ Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Приложение к книге: Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 496.

ство родства по пространству и способствовала формированию архетипа *Соборности*.

С. С. Хоружий выделил три основных направления в философской рефлексии понятия соборности: 1) *онтологическое*, связанное с концепцией всеединства в философии В. Соловьева и его последователей — Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова; 2) *гносеологическое*, которое разрабатывалось в трудах С. Трубецкого, Н. Лосского, С. Франка, П. Флоренского, Г. Шпета; 3) *социально-философское*, характерное для поздних славянофилов и евразийцев. В последнем из перечисленных направлений, считает исследователь, иногда происходило смешение понятий соборности и общинности: «Принцип соборности в русской мысли весьма часто пытались применить к устройству общества, построению социальных теорий и моделей, но при этом обычно игнорировали специфически церковную суть понятия, его благодатную природу»¹.

Отметим, что замечание неслучайное, в нем есть указание на некоторые «уклоны» евразийства, которые содержат потенциальную опасность для его современных последователей. Социально-практическое не должно доминировать над духовным и подменять его собою. Географическая горизонталь нуждается в столь же мощной духовной вертикали. Белые русские церкви, поставленные посреди равнин и лесов, городов и весей и изумительные в своей живой гармонической целостности, собирают, сосредоточивают, исцеляют окружающее пространство, несут весть-напоминание о высшем призвании Руси, ее особенно ответственном месте и судьбоносной роли среди других народов Евразии. Забвение этого места и исторического призвания России грозит ее *растворением* в евразийских пространствах. Понятие пространства не должно подчинять, а тем более, вытеснять важнейшую категорию времени.

Знаменательно, что Н. С. Татищев, начав с географии, кончил созданием первой русской истории. Зато П. Я. Чаадаев, указывая на затерянность России среди неоглядных широт и на кочевнический склад русского характера, говорил о бесформенности нашего бытия и не верил в возможность самостоятельного исторического пути России: «Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода»... В России «все протекает, все уходит, не оставляя следов ни вне, ни внутри нас»². (Впоследствии Чаадаев пересмотрел свои взгляды — это убедительно показано и доказано в работах Б. Н. Тарасова, наиболее глубокого современного исследователя личности и эволюции идей оригинального русского мыслителя.)

О том, как блестяще парировал Пушкин скептические высказывания своего старшего друга, хорошо известно. Напомнив впечатляющие страницы русской истории, назвав имена крупнейших ее деятелей, Пушкин оставил на память потомкам заветные слова: «...*Клянусь честью, что ни за*

¹ Хоружий С. С. Современные проблемы православного мирозерцания. Интернет-издание Веб Центра «Омега», 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/problems/contents.html> — свободный. Загл. с экрана — рус. яз.

² Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Сост., вступ. статья и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Современник, 1989. С. 41.

что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал»¹.

Гораздо менее известна реакция на мысли первого Философического письма, ставшего в некотором роде первым манифестом русского западничества, другого поэта, принадлежащего к другой эпохе. Речь идет об О. Мандельштаме и его статье «О природе слова», написанной в 1922 году. В ней есть, в частности, такое важное соображение:

«Чаадаев, утверждая свое мнение, что у России нет истории, то есть что Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство, — именно: язык. Столь высоко организованный, столь органический язык не только — дверь в историю, но и сама история. Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности было бы отпадение от ее языка. “Онемение” двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. *Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории*»².

Языковая координата времени не менее значима, чем координата пространственная. Исконно русское *«верема»*, утраченное и перешедшее в ц.-слав. *врѣмя*, восходит к и.-евр. корню **ueg* — *связывать, (при)соединять* и **uert* — *вертеть, вращать, крутить(ся)*. Оно является однокоренным слову *«вѣрвь»* — *веревка*. Подобно «верви», время и вращается, и тянется, и связывает; в этом точном образе соединены представления о цикличности и линейности времени. У него есть начало и конец. То же можно сказать и о нашей временной земной жизни (*«сколько веревочке нивиться, а конец виден»*).

С другой стороны, согласно христианским представлениям, время даровано каждому из нас как возможность воз-*вр*-ащ-ения в «землю обетованную» — утраченный рай, Отчий дом. «Человек Христос Иисус (1 Тим. 2, 5), стоящий в средоточии мироздания, — это Тот, чрез Кого про-*ис*-ходит такое воз-*вра*щение»³. Об этом пишет в большой, насыщенной важной информацией работе «Время: путь в вечность» протоиерей Кирилл Копейкин, кандидат физико-математических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургской Духовной академии, настоятель университетского храма во имя св. апп. Петра и Павла. Огромное внимание в этой работе уделено слову и словесной деятельности — прежде всего потому, что *приобщение к вечности* осуществляется в *словесном служении* Церкви: «именно в *слове* встречаемся мы с Богом, со-*ответ*-ствуем Ему... Литургия — *Λειτουργία* — есть, по буквальному смыслу, со-*дей*ствие *логоса* с *Логосом*»⁴.

В сакральном пространстве храма собеседуют и содействуют человек и Бог, сослужат пастыри и миряне, в нем встречаются Церковь земная и небесная, время и вечность. Литургические тексты, отмечает ученый, выполняют не только и не столько информативную функцию, сколько главным образом — функцию *перформативную*, т. е. предписывающую,

¹ Переписка А. С. Пушкина: в 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 290.

² Мандельштам О. Э. Слово и культура. Статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 60.

³ Копейкин Кирилл, протоиерей. Время: Путь в вечность // Христианство и культура. Сб. научных трудов, Вып. 3. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

повелевающую, призывающую; они способны «воздействовать на человека и изменять его»¹.

Перформативная сила, *изначально* присущая слову, кроме того, «является двигателем человеческой истории»; она, таким образом, может направлять *путь* — как жизни отдельной личности, так и целого народа.

«Путь» является одним из универсальных архетипов, выработанных человечеством на самом раннем этапе освоения мира. Следует отметить, что в нем *сочетаются* пространство и время, и это находит отражение в языке, в мифопоэтических представлениях. Возникает феномен хронотопа (пространственно-временного единства). В хронотопе, как отмечает В. Н. Топоров, «время сгущается и становится формой пространства, его новым («четвертым») измерением. Пространство же наоборот “заряжается” внутренне интенсивными свойствами времени (“темпоризация” пространства), втягивается в его дыхание»². Сами того не замечая, мы осуществляем пространственную материализацию времени, когда говорим в бытовой ситуации: «Где-то около семи часов вечера я вернулся домой», или же когда мы, занимаясь «высокими материями» и рассуждая о *жизненном пути* человека, *историческом пути* народа, реализуем в речи единство пространства и времени. М. М. Бахтин считал, что *хронотоп дороги* является основным, ведущим в русском классическом романе³. Это поистине так, и это не случайно.

В русском сознании концепт пути занимает особенно важное место в связи с тем, что наши предки осваивали на протяжении своей истории огромные пространства, и прокладывание путей-дорог стало жизненно важной и нелегкой задачей. Кроме того, перед Русью, как перед витязем на распутье, уже в духовно-историческом плане, стоял вопрос *выбора* пути, неразрывно связанный с вопросом о ее назначении в мире. Поэтому «русский путь» неразрывно связан с «русской идеей».

Значительный вклад в изучение концепта «пути» внесла петербургский филолог-лингвист О. А. Черепанова. Ее исследование, посвященное единству пространства, времени и духа в русском национальном сознании⁴, содержит ряд ценных наблюдений и выводов, и именно на это исследование мы будем опираться, сообщая некоторые самые краткие и необходимые сведения о важнейшем из ключевых слов русской культуры.

Лексема «путь» в нашем языке появляется уже в древнейших текстах; родственная лексема «дорога» выявлена в текстах лишь XIV–XV веков. В XX в. обе эти лексемы предельно сблизились, хотя у слова «путь» больше значений и устойчивых выражений.

Каков его генезис? Слово «путь» общеславянское, индоевропейского происхождения; Э. Бенвенист указывает на присутствие в и.-е. **pont* значения *преодоление, дорога, изобилующая опасностями. Путь*, согласно словарю Фасмера, «восходит к праслав. **pQъ*, др.-инд. *pánthas* — *тропа, дорога*,

¹ Копейкин Кирилл, протоиерей. Время: Путь в вечность // Христианство и культура. Сб. научных трудов, Вып. 3. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. С. 29.

² Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 232.

³ См.: Бахтин М. Формы времени и хронотоп в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

⁴ Еще раз о концепте пути в русской ментальности и языке // Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 170–196, 172.

путь, авест. *panta*, др.-прус. *pintis* — *путь, дорога*, лат. *pons, pontis* — *мост, тропинка*, греч. *πόντος* — *море, путь по морю* (можно вспомнить восходящее к евангельскому образу выражение «*море житейское*», понимаемое как беспокойный, многотрудный и опасный путь человеческой жизни).

В славянских текстах встречается также слово *стызѦ*, генетически связанное с и.-е. **stignQti* — *подниматься*, гот. *steigen* — *подниматься*, греч. *στέιχω* — *иду, поднимаюсь*. Слово *стеязя* сохранилось в русском языке, и это слово стилистически высокое, означающее путь «по восходящей» в прямом и переносном смысле (ср. «достижение»).

Отметим также, что одним из соответствий слав. «*пѦтъ*» является древнегреческое *πίστις* — *вера, убежденность, исповедание*. Получается, что вера — это избранный человеком или народом духовный путь, определяющий направление его бытия.

Отмечая большую семантическую емкость лексемы «путь» в древнеславянских текстах, О. А. Черепанова особо отмечает: «Важнейшим источником символизации в пределах концепта пути является библейский текст “Азъ есмь путь, истина и животъ” (Ин. 14, 6). Текст принадлежит к числу самых сакральных мест Священного Писания, так как является текстом типа *ipse dixit*, повторяется во многих других текстах. В устах Господа слово Путь приобрело символическое значение “линия, модель праведного поведения, жизни и мировосприятия”. Познание Бога, следование его заветам есть путь в вечное царство. Понятие и лексема Пути стала входить в апокрифическое перечисление 70 имен Бога»¹.

Попробуем в самых общих чертах обозреть семантический спектр концепта «путь»:

1. Определенная часть пространства, имеющая исходную точку и конечный пункт.

2. Обязательное *движение*, возникающее по той или иной причине и направленное к намеченной цели или осуществляемое без определенной цели — движение ради движения. В зависимости от причин и целей пути, к нему имеют отношение разные лица: путешественники, паломники, чиновники по поручениям, «офицеры с подорожной», странники, корабейники, калики перехожие, бродяги, «нищebroды», беженцы, погорельцы, скитальцы и т. д.

3. В переносном смысле — жизнь и судьба человека или история народа.

4. Образ жизни, поведения, способ существования (пути праведные или неправедные, узкие или широкие, истинные или ложные, спасительные или гибельные). В частности, встречающееся в Псалтири выражение «*пути жестотки*» имеет неожиданное для многих значение: это *добродетели*. Они предполагают сложную внутреннюю борьбу, подчас беспощадность к себе, решимость и отвагу: «отдай кровь — прими дух», говорили древние.

5. Странствование души в пределах земного бытия и за его пределами (представление об этом существовало в культурах всех народов); «путь всея земли» как сопряженный с трудностями и препятствиями переход в иной мир.

¹ Еще раз о концепте пути в русской ментальности и языке // Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 179.

6. Духовный выбор человека, народа, человечества; в том числе путь Креста как духовно-исторический выбор России¹.

7. Одно из имен Божиих.

К сказанному можно добавить одно замечательное и свежее наблюдение О. А. Черепановой, касающееся нашей национальной ментальности: «В российском сознании можно обнаружить концептуальную связь понятий “путь” и “чудо”. Чудо — это выход, “прорыв” из обыденной реальности в иную реальность, это нарушение привычного хода вещей. Так же и в пути странствующий уже не принадлежит ни тому локусу, который он покинул, ни тому локусу, куда направлен его путь. Человек в пути — это человек “между двумя реальностями”, и в этом смысле путь есть чудо, а чудо для национального сознания было и остается всегда значимым»².

Можно было бы в расширенном смысле утверждать, что исторический путь России, при всей трудности, а нередко и трагичности этого пути, подчас похож на чудо. Это выражается и в непредсказуемом ходе событий, и в неожиданных для нас самих поворотах исторической судьбы, и в случаях, когда страна, казалось бы, обреченная на погибель, к изумлению (и огорчению) многих, возрождалась, как Феникс из пепла. Все это запечатлевалось в слове.

О неисчерпаемом богатстве возможностей русского языка, обусловленном пространственным размахом и значительностью исторических событий, которые он вобрал в себя, замечательно написал К. Д. Бальмонт в стихотворении, которое так и называется — «Русский язык». (1924). Приведем наиболее значимые его фрагменты:

*Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клетоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.*

*В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу — выше, выше.
Березовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.*

*Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий на дверце.
В нем Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце. <...>*

*Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем — там, в синем — о родном пороге.*

¹ См. об этом: Сокурова О. Россия: путь креста // Русский крест: сб статей. СПб.: Изд. дом «Бельведер», 1994. С. 79–108.

² Черепанова О. А. Единство пространства, времени и духа. С. 171.

*Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царь-граду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-птицы?*

*И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: «Теснее, други!»
Тебя потопит ледяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.*

*Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертете,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес и степи.*

*Гремучим сновиденьем наяву
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С Янтарным морем в вечном договоре. <...>*

*Добросил ты свой гулкий табор-стан,
Свой говор златозвонкий, среброкрылый
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы...*

* * *

Необозримые пространства русской земли и событийная насыщенность русской истории делали особенно значительной для нашего народа тему *единства* пространства и времени, а также тему национального единства, и эта тема находила глубокое и сильное воплощение именно в языковом единстве, а также в содержательных пластах слова и словесности.

В программной статье «Величие древней литературы» Д. С. Лихачев делает следующее замечательное обобщение: «В огромных просторах люди с особенной остротой ощущали и ценили свое единство, — и в первую очередь единство языка, на котором они говорили, на котором пели, на котором рассказывали предания глубокой старины, опять-таки свидетельствующие об их единстве... Роль литературы также становится особенно значительной. Она служит той же цели объединения, выражает народное самосознание единства. Она — хранительница истории, преданий, а эти последние были своего рода средствами освоения пространства, отмечали святость и значительность того или иного места... Исторические предания сообщали и стране историческую глубину, были тем “четвертым измерением”, в рамках которого воспринималась и становилась обозримой вся обширная Русская земля. Ту же роль играли летописи и жития святых, исторические повести и рассказы об основании монастырей... Литература и Русская земля, литература и русская история были теснейшим образом связаны... Недаром автор похвалы книгам и Ярославу Мудрому писал в летописи: “Се бо суть реки, напоющие вселенную...”, а князя Владимира I сравнивал с земледельцем,

вспахавшим землю, Ярослава же с сеятелем, “насеявшим” землю “книжными словесы”. Писание книг — это возделывание земли... И подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно “святым” делом. Тут и там бросались в землю ростки жизни, зерна, которые предстояло пожинаать будущим поколениям»¹.

Впоследствии литература заняла ведущее положение в отечественной культуре, на нее во многом ориентировались все остальные виды искусства — литературное творчество с самых своих истоков было осознано нашими предками как высокое служение словом Слову. В науке утвердился термин «литературоцентризм», призванный отразить главное специфическое качество русской культуры. Однако, на наш взгляд, более точным и емким является понятие «словоцентризм». «Литера» — буква, «слово» же заряжено духом, оно более объемно и содержательно, как и «словесность». Традиция *словоцентризма* оформилась и укоренилась в русской культуре так прочно потому, что она изначально была ориентирована на вечность, на решение труднейшей задачи спасения души для вечности через Слово.

Г. М. Прохоров отмечает, что «новосозданный Словоцентрический ансамбль видов творчества, в том числе творчества жизни, мог существовать лишь постольку, поскольку будил волю к жизни, к жизни вообще, *призывал жить вечно*. Потому-то в годы и века испытаний православных славянских народов этот призыв спасал и будет спасать до конца времен их душу, побуждая быть самими собой, иметь мировую “ось времени” в себе, не становясь ни немцами, ни греками, ни татарами, ни турками, ни американцами, ни кем бы то ни было еще»².

Жизнь является важнейшим ключевым словом русской культуры, причем, как показал В. В. Колесов, из триады *живот / житие / жизнь* в русском языке, в отличие от языков других славянских народов, в конечном счете, восторжествовало последнее. *Живот* — наиболее древнее слово, означающее биологическую форму существования; *житие* относится к социальной форме; «духовно-общественная, самая высокая по содержанию, предстающая как идеал земного существования — *жизнь* (“вечная жизнь” — древнейшая формула посмертной жизни духа)»³.

В основе своей русская культура является сотериологической (направленной на спасение для жизни вечной), в отличие от культуры Запада, которая, начиная с эпохи Возрождения, была в основной своей направленности ориентированной на земное счастье, земные ценности.

Греческое слово σωτηρία — *спасение, избавление*, имеет также значение *исцеления*. А слово σωτηρίως — *быть на пути к выздоровлению, чувствовать себя хорошо*.

Принятое у нас приветствие — «здравствуйте» — свидетельствует о здоровье как приоритетной ценности народного бытия. Не случайно среди наиболее почитаемых в народе святых — великомученик и целитель Панте-

¹ Лихачев Д. С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1. X–XI вв. СПб., 1998. С. 8–9.

² Прохоров Г. Крестообразность времени или Пушкинский Дом и около. СПб., 2002. С. 18.

³ Колесов В. В. Преображение слова. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2006. С. 197.

лимон (его *имя* также *цельбоносно* и переводится как «*всемилоостивый*»). Русский монастырь на Афоне носит это святое имя. Чтобы спасти, т. е. *исцелить* человека и мир, надо восстановить их *целостность*. Слово «целый» имеет общеславянский корень *цѣл*, соответствующий готскому *hails*, — *здоровый* (отсюда — *целебный, исцеление*).

Г. Д. Гачев, известный эстетик и литературовед, который на протяжении более чем тридцати лет осмысливал и описывал различные национальные образы мира, курс своих лекций «Ментальности народов мира» начинает с того, что сравнивает обычное повседневное приветствие на разных языках. «Русский говорит: здравствуйте; итальянец *come sta?* (как стоишь?); француз и немец, в буквальном переводе, — как идешь, как идется? Иудей сказал бы — шалом, что значит мир! Англичанин *how do you do?* (как дела?)» Ученый комментирует: «Уже в простом и повседневном акте взаимного приветствия люди разных народов выражают свои “символы веры”, подчеркивают, что важно для них в существовании. Для русских — здоровье, целостность, для англичан и американцев — работа, труд, для евреев — мир, для итальянцев — статика, вертикальное измерение бытия, для французов и германцев — движение, динамика. Таким образом, уже в повседневной речи мы разговариваем на языке сверхценностей...»¹

Слово «здоровье» связано с «древом» — возможно, Мировым деревом, образ которого существует во всех культурах и в Библии предстает как Древо Жизни.

Для того чтобы исцелиться, приобщиться к Древу Жизни, необходимо обрести *целомудрие*, понятое как чистота и цельность не только плоти, но и ума (как *тело*, так и *чело* должно быть «цело»). Вот о чем напрочь забыло современное человечество!

Русские, сделавшие приоритетной ценностью своей культуры *спасение, исцеление* души для вечности, свою главную историческую задачу определившие как *единство* и в центр своей истории и культуры поставившие слово, восходящее к Слову, сумели в *постижении слова* увидеть и оценить именно *цельность и единство* как главную его суть. Это относится как к божественному Слову-Логосу, так и к логосу философскому, и к обычному слову в языке.

Чтобы подтвердить эту мысль, укажем на некоторые принципиально важные свойства и функции слова как лексической единицы языка.

1. При создании слова в его основание полагается какой-либо наиболее выразительный, существенный признак предмета. «Слово имеет ближайшее отношение к обобщению чувственных восприятий»², — писал выдающийся русский лингвист и психолог XIX в., член-корреспондент Петербургской Академии наук А. А. Потебня. С другой стороны, слово, по выражению ученого, «дает согласие мысли с предметом, мысль в языке становится объектом для души»³. Иначе говоря, конкретное и общее, чувство и мысль заключают *союз* внутри живого слова. Оно содержит в себе некое «золотое сечение», меру, которая помогает, с одной стороны, обуздать чувственную

¹ Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Эксмо Алгоритм, 2008. С. 9.

² Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1996. С. 151.

³ Там же. С. 60.

стихию, а с другой стороны, не позволяет абстрагирующей силе ума отвлекаться от конкретной «плоти» бытия.

2. Живое, не превращенное в термин слово полисеманлично. Оно способно вместить в свою тонкую «плоть» емкое содержание благодаря особенностям своего строения: наличию внешней (звуковой и грамматической) формы и формы внутренней — такого образа, который «указывает на содержание слова, дает направление мысли слушающего, не назначая пределов его пониманию слова»¹. Таким образом, слово *соединяет* в себе определенность смысла и бесконечную перспективу его развития в заданном направлении.

3. Слово — главное средство общения. «Язык учит нас тому, что отдельное лицо всегда зависит от своего целого: от народа, от племени, которому принадлежит народ, от целого человечества»². Слова прочны настолько, что перекидывают мосты между многими поколениями людей, говорящих на одном языке. Это свойство вслед за другими исследователями особо выделил в своей статье «Строение слова» П. А. Флоренский. Но тут же ученый указал на другое, по видимости противоположное качество: каждое слово, сказанное в определенный момент речи, неповторимо индивидуально, и смысл, в него вложенный, принадлежит только *этому* человеку, *этому* мгновению: «Нам нет дела до общего, и даже до всеобщего этимологического значения слова, коль скоро этим словом не выражается именно *наше*, заветное, с его тончайшими оттенками»³. Таким образом, в слове всеобщее, универсальное парадоксальным образом сочетается с глубоко индивидуальным, неповторимым, уникальным.

Как можно убедиться, слово в гармоническом единстве сочетает то, что на первый взгляд несоединимо. *В слове содержится напоминание об изначальной живой цельности человека и мира и импульс к восстановлению этой цельности.*

Итак, всякое отдельное слово языка является органической клеточкой универсального слова-о-мире, которое отражает духовный опыт личности и народа. Однако не только лексическая единица, но и законченное высказывание, и произведение искусства в его художественно-смысловом единстве могут быть поняты как «слово», в котором выражено целостное мировоззрение. В качестве примера можно привести устойчивую фольклорную формулу: «Не вели казнить — вели *слово* вымолвить» (речь идет о целом высказывании, от которого, возможно, зависит жизнь человека). А вот примеры устойчивых словосочетаний в официальной ораторской речи: «*Прошу слова*», «*слово предоставляется*», «*заключительное слово*» и т. д.

В древнерусской литературной традиции «*словом*» были названы самые выдающиеся *произведения*: «Слово о Законе и Благодати», «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели русской земли». Название отражало не только жанровое своеобразие этих произведений (в них было много элементов ораторского стиля), но также значимость содержащегося в каждом из них цельного и целенаправленного слова-о-мире.

¹ Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1996. С. 180.

² Гумбольдт В. Ф. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. С. 29.

³ Флоренский П. Строение слова // Контекст. М., 1973. С. 353.

Ю. М. Лотман в книге «Структура художественного текста» делится таким наблюдением: «Для мыслителя Средневековья мир — не совокупность сущностей, а сущность, не фраза, а слово. Но это слово состоит из отдельных, как бы вложенных друг в друга слов. Истина не в количественном накоплении, а в углублении (надо читать не много книг — много слов, а вчитываться в одно слово)», соответственно, «художественный текст выступает и как совокупность фраз, и как фраза, и как слово одновременно»¹.

Для современного художественного сознания подобное отношение к художественному произведению как к цельному слову также не до конца утрачено. Так, например, читаем о поэте у Б. Пастернака:

*Что ему почет и слава,
Место в мире и молва
В миг, когда дыханьем сплыва
В слово сплочены слова!*

Об изоморфности цельного художественного творения слову много размышлял А. А. Потебня. Он утверждал: «Искусство такое же творчество, в том самом смысле, в каком и слово». Подобно слову, художественное произведение представляет собой нераздельное единство и организованную цельность, его содержание способно расти, потому что оно, как и слово, «соединяет в себе два противоположных качества: определенность и бесконечность очертаний». Приведем еще один интересный вывод ученого: «Искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя ее сообщить и в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих»².

В этом высказывании есть крайность позиции (мнение о невозможности вполне передать свою мысль другому человеку), но есть и ценное наблюдение о необходимости творческих усилий со стороны тех, кто воспринимает слово в разговорной речи или в произведении искусства.

Особое внимание и напряжение требуется для того, чтобы услышать и понять то единое «слово-о-мире», которое содержится в той или иной национальной культуре.

Есть основания предполагать, что в русской культуре содержится такое «слово», которое она призвана нести другим народам. Чтобы уловить его, необходимо вернуться к тому евангельскому тексту, который был переведен равноапостольным Кириллом в самом начале его служения славянам. В этом тексте содержится чрезвычайная по своей животворной энергии *соединяющая* сила.

В первом стихе Евангелия от Иоанна Слово-Логос называется *три* раза, и это не случайно. Согласно богословскому толкованию, через воплощенное Слово-Христа людям была явлена тайна Святой Троицы, единой в существе и различной в Лицах. Тайна Троицы неисследима, и в то же время она раскрывается через Христа как Божественное единство в любви.

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 32.

² Потебня А. А. Мысль и язык. С. 180, 181.

Перед крестными страданиями, в последний раз беседуя с учениками, Христос призвал их к единству: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13, 34). И обратился с молитвой к Небесному Отцу: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17, 21).

Приняв крещение *позднее* многих других народов, Русь всем существом откликнулась на этот *последний* призыв Спасителя, на эту заповедь любви по образу и подобию Святой Троицы. С особым торжеством празднуется у нас Троицын день, когда в храм приносятся в знак торжества Жизни благоухающие березовые ветви и цветы, и наполненная животворной силой Святаго Духа земля считается именинницей.

По лицу русской земли строятся Троицкие храмы и соборы (в Византии не было подобной традиции). Главным символом русской культуры становится икона Андрея Рублева «Святая Троица» — величайшее чудо небесной красоты, тишины и гармонии. Отец Павел Флоренский нашел для описания иконы такие проникновенные слова: «Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый мир, “свышний мир” горного мира... Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком прямо в душу созерцающего..., эту ничему в мире не равную лазурь, более небесную, чем само земное небо, ... эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг перед другом покорность — мы считаем творческим содержанием Троицы»¹.

Рублев писал свою икону «в память и похвалу преподобному Сергию».

Великий Радонежский игумен был на Руси «таинником» Святой Троицы. Если попытаться в двух емких словах определить дело его жизни, то этими словами будут «*единение*», «*собираение*». Сначала среди дремучих лесов на Маковце горе, ведя суровую подвижническую жизнь, он собирает воедино силы своей души — ум, сердце, волю. Между прочим, изумительной гармонией своего внутреннего и внешнего облика святой Сергей опровергает утвердившееся мнение о том, что склонность к крайностям — якобы неперемненное и непреодолимое свойство русского национального характера.

Обретя духовное единство, стяжав неколебимый мир в душе, осветившись всем существом своим, Сергей собирает вокруг себя братию и восстанавливает древний общежитийный тип монастыря. Затем, замиряя и наставляя князей, он собирает воедино всю Русь и благословляет ее, в лице князя Дмитрия Донского и воинов-иноков Пересвета и Осляби, на великую Куликовскую битву.

Преподобному Сергию принадлежат слова: «*Воззрением на Святую Троицу побеждается страх ненавистной розни мира сего*». В этих словах — смысловое зерно нашего существования в мире. Устроение цельного человека и цельной жизни — церковной, государственной, хозяйственной, семейной, сражение с «ненавистной рознью мира сего» — таково стратегическое направление русского бытия и культуры. При этом важно, чтобы

¹ Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Троица Андрея Рублева. Антология. М., С. 52–53.

каждое единство было *ориентировано на высший и совершенный идеал Святой Троицы*, иначе любое частное единство может оказаться в противостоянии или вражде по отношению к другим таким же единствам — национальным, государственным, хозяйственным и т. д., и тогда «ненавистная рознь» не будет побеждена, а только разгорится. В этом суть завета преп. Сергия и всего сонма русских святых.

Стремление к единству выразилось в таких ключевых словах и выражениях, как «собор», «лад», в пожелании молодым — «совет да любовь», в готовности в случае беды помогать «всем миром», в стремлении крестьян к общинному землепользованию, ремесленников — к артельному труду.

Могут возникнуть возражения: а хроническая русская болезнь — междоусобицы? А бесконечные распри, зависть, наветы, предательство? Да, всего этого было в нашей исторической судьбе, в нашей национальной жизни предостаточно. Но все это — тот «негатив», через который можно увидеть, что называется, методом от противного, в чем состоит наше призвание и спасение. «Ненавистная рознь» именно ненавистна — она всегда воспринималась как главный враг самыми светлыми умами Древней Руси и державной России. А. С. Хомяков определил соборность как органическое единство, «живое начало которого есть божественная благодать взаимной любви»¹. В силу своей благодатности соборность обязательно предполагает внутреннюю *свободу* человека. Личность здесь не теряется, как в насильственном единстве, а напротив, находит себя, очищается и растет в общем деле спасения. Соборное единство личностей, по образу и подобию Лиц Святой Троицы, неслиянно и нераздельно.

Принцип соборности действует и в русской культуре². П. А. Флоренский в предисловии к своему труду «У водоразделов мысли» приводит следующие выразительные примеры. Во-первых, он обращает внимание на особое многоголосие русской песни, в котором осуществляется «полная свобода всех голосов, *“сочинение”* их друг с другом, *в противоположность подчинению*. Тут нет раз навсегда закрепленных, неизменных хоровых “партий”. При каждом из повторений напева, на новые слова, появляются новые варианты, как у запевалы, так и у певцов хора... Единство достигается *внутренним взаимопониманием* исполнителей, а не внешними рамками. Каждый более-менее импровизирует, но не разлагает *целого...*»³.

Другой пример. «Обратная перспектива» в иконописной традиции утверждает «объективно сущее и вечное» и свидетельствует о глубинной соборности, свойственной такому видению мира. Искусство иконы помогает преодолеть ограниченность индивидуального восприятия, организует «священное пространство», восстанавливает целостный образ вселенной. «...Каждый акт соборования есть вместе с тем и собирание точек зрения и центров схемо-построения»⁴.

Живыми импульсами соборности проникнута также русская философия, с ее пафосом восстановления целостности бытия и познания. И. В. Киреев-

¹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Прага, 1867. С. 101.

² Эта тема глубоко разработана в книге И. А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе». Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995.

³ Флоренский П. А. Соч. Т. 2. М., 1990. С. 30–31.

⁴ См.: там же. С. 341–344.

ский, под влиянием оптинского старца Макария и чтения византийских духовных авторов, заложил основание философии *«цельности духа»*, которая определила самобытность русской мысли и культуры. Киреевский первый выдвинул также идею *«живого знания»*, которое исходит из единого «внутреннего ядра» личности и включает в себя, помимо рационального, также этический, эстетический и другие моменты. В совокупности своей они подчинены единому духу *веры*, неотделимой от *жизни*. Эта форма *цельного живого знания* противостоит отвлеченно-рациональной познавательной форме, свойственной большей части западных философских систем.

В XX в. ряд крупных европейских философов пришли к осознанию опасности и неистинности принятого в новоевропейской культуре отделения чувства от разума, объекта от субъекта, тела от духа.

«В европейской философии XX в. становится значимой тема отчуждения человека в культуре. Можно констатировать, что русская философия в критике западного образа мысли отметила эту опасность гораздо ранее и в этом оказалась прозорливее. Ее главной особенностью было стремление к целостности»¹.

Вслед за Киреевским многие русские философы (такие как А. С. Хомяков, Н. Я. Данилевский, Л. А. Тихомиров, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, с известными отклонениями — Н. Ф. Федоров с его «философией общего дела», софианцы В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, — а вслед за ними — вставшие на почву исконных традиций Г. В. Флоровский, И. А. Ильин, А. Ф. Лосев) отстаивали идею целостного человека, целостного мировоззрения. Очень важной была также «лейтмотивная» для отечественных философов тема глубинной связи познаваемого и познающего; ценным было прозрение о *преображении* и *просветлении* личности, которая находится в позиции предстояния Истине. Таким образом, соборные ценности нашего народа, возникшие на Руси в глубокой древности, были на большой глубине осмыслены русскими философами.

Следовало бы обратить внимание на те ключевые слова и словесные формулы, которыми пользовались отечественные мыслители для обозначения своих центральных интуиций. У В. С. Соловьева, давшего мощный толчок последующей религиозно-философской мысли, это была, как известно, интуиция *«всеединства»* (сейчас мы лишь фиксируем словесные формулы, не давая оценки тому, что стояло за ними).

Н. О. Лосский свою руководящую мысль определил как идею *«всепроницающего мирового единства»*, *«взаимной включенности элементов мира»*². Еще до высылки из советской России на знаменитом «философском пароходе» в 1922 г. профессор Лосский опубликовал книгу *«Мир как органическое целое»* — название говорит само за себя. Стремясь устранить противоречие между знанием и бытием, Лосский писал, что космос имеет материальное бытие, но в нем проявляется вечный Логос, который вносит начало порядка в мироздание, а в человеке порождает «инстинктивное стремление к высшей жизни». Высланный с ним и другими виднейшими представителями русской

¹ Седых О. М. Принцип наглядности в творчестве П. А. Флоренского // Незавершенная энтелехия: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии. Кострома, 2003. С. 83.

² Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Париж, 1938. С. 156–157.

мысли С. Л. Франк, по словам В. В. Зеньковского, «более всех потрудился в русской философии, чтобы уяснить момент *соборности* в природе человека»¹. Франк писал о том, что «я» не существует до встречи с «ты» и что категория «мы» является первичной. В способности «*схватывать целое*» он видел ценность интуитивного познания мира. И. А. Ильин также размышлял о значении интуитивизма. Он одним из первых в философии XX в. начал говорить о «*верующем знании*», о «живом тождестве духовного предмета и субъективного духа». Одна из важнейших формул замечательного русского философа Л. П. Карсавина, имевшего отношение к движению евразийства — «*Все сущее должно быть соединено, всякое мгновение пронизано любовью*».

В статье «Борьба за Логос» еще один замечательный представитель религиозно-философской мысли «серебряного века» В. Эрн показывает драматизм борьбы приверженцев философии Слова-Логоса с *расіо* — этим, по выражению Эрна, «кумиром современности, формальным рассудком, оторванным от полноты и многообразия жизни». *Расіо*, считает философ, несет в себе «дух самоутверждающейся гордыни» и представляет собой большую духовную опасность. «Логос — зовет философию от схоластики и отвлеченности вернуться к жизни и, не насилуя жизни схемами, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла, ее скрытой радости, ее глубоких задач»².

А. Ф. Лосев впоследствии подтвердил: «Русская философская мысль, развивавшаяся на основе греко-православных представлений, в свою очередь, во многом заимствованных от античности, кладет в основание всего Логос. *Расіо* есть человеческое свойство и особенность; Логос метафизичен и божествен»³.

Все это нашло соответствующее оформление в *языке* работ отечественных мыслителей. В «Философии русского слова» В. В. Колесов обращает внимание на то, что они, как правило, старались передавать свои мысли более в *образах* и *символах*, чем в понятиях, поскольку понятие расчленяет целое, «омертвляет вещь», переводя ее в сферу абстрактных логических операций. Понятие является промежуточной, хотя и по-своему важной, и необходимой формой постижения мира. Между тем, «для русской философии традиционно важны начала и концы, а вовсе не промежуточные точки развития, в том числе развития мысли»⁴. Образ предпочтительнее понятия: он передает первичное *живое и целостное* восприятие вещи, он связан с красотой. Символ же, синтезирующий понятие и образ, как отмечает В. Колесов, сосредоточен на предельном обобщении, «на типичных признаках, ценных для данной культуры».

В русской культуре наиболее глубокими и самобытными мыслителями традиционно и не случайно являлись писатели и поэты. Их прозрения были вплетены в словесную ткань художественно освоенного бытия, воспринятого в его живом внутреннем единстве, что очень органично для самого качества русской мысли, ее онтологизма.

¹ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. Paris: IMCAPRESS, 1989. С. 403.

² Эрн В. Борьба за Логос. Опыты философские и критические. М., 1911. С. 77.

³ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 215.

⁴ Колесов В. В. Философия русского слова. С. 63–64, 65.

Первые просветители славян были родными братьями. Братьями были и первые русские святые — Борис и Глеб, отдавшие жизнь за сохранение братского единства. Тема братской любви является сквозной магистральной темой отечественной словесности — от «Поучения» Владимира Мономаха, от жития Бориса и Глеба, от древнерусского шедевра «Слово о полку Игореве» до таких вершин отечественной классики, как «Война и мир» Толстого и «Братья Карамазовы» Достоевского.

В «Войне и мире» есть символический образ глобуса, который увидел во сне Пьер Безухов. Он представлял собой не имеющий размеров шар, поверхность которого состояла из живых, подвижных, колеблющихся капель, перетекающих одна в другую. «В середине Бог, и каждая капля стремится расширяться, чтобы в наибольших размерах отражать Его». Капли расширялись, сжимались, уходили в глубину, потом снова оказывались на поверхности. Подобно этим каплям, в свободном живом единстве пребывали и герои романа — представители родовых дворянских семейств, простые люди из народа, офицеры и солдаты русской армии, все вместе образуя русский мир. Этот мир оказался в состоянии войны с Наполеоном. Война была неизбежной — в ней просматривается глубокий духовный корень, ибо в образе великого французского полководца, «человека судьбы», сфокусировались главные недуги времени: гордый эгоцентризм, фальшь, отношение к жизни как игре, отношение к другому человеку, к целым народам как средству для достижения собственных честолюбивых целей. Такого врага можно было одолеть чем-то противоположным — всем «роевым» соборным миром, общими, роднящими разные сословия чувствами, единым национальным духом.

И в зрелых романах Достоевского ведется невидимая брань: гордому теоретически раздраженному уму героя-идеолога «отвечает» во всех клеточках художественной ткани единая жизнь в ее сложных взаимосвязях. Вот Иван Карамазов в главе «Бунт» выдвигает ряд логически неопровержимых аргументов: взрослый человек низок и подл, его страдание им заслужено. Но чем объяснить, как оправдать страдание невинного ребенка? Выдвигая сильнейший вопрос о слезинке ребенка, утверждая через него свое право на бунт и на суд, Иван прибегает к хорошо замаскированному идеологическому приему, который сводится к лозунгу «разделяй и властвуй». Разделив и противопоставив Творца и творение, отцов и детей, страдание и радость, Иван нарушает закон всеобщих связей, и благодаря этому не сразу заметному нарушению торжествует теоретическую победу. Кроме того, бунт его основан не только на разрыве мировых связей, но и на исключении себя из этих связей. С позиций постороннего Иван наблюдает острый конфликт брата с отцом, он снимает с себя всякую ответственность за то, что происходит вокруг, и присваивает себе право на суд. Точно так же ведет себя мрачный старец, герой его знаменитой «Легенды», занятый «счастливым» устройством тех, кого презирает и кому в гордыне своей *противопоставляет* себя. Его «гармония» основана не на страдании, а на лжи. Даруя людям, этим «слабым недоделанным существам», свободу грешить, он крадет у них вечность. Достоевский пророчески предсказал проблемы глобализационного устройства мира и управления людьми с помощью попустительства «свободе» любого греха под видом «гуманизма» и «толерантности» в наше время. Он использовал весь возможный арсенал художественных средств, чтобы

развенчать столь опасную, столь защищенную хитроумными доводами позицию Ивана и Инквизитора.

Жизнь в его романе, в отличие от теоретических построений героя-идеолога, дает свои, подчас неожиданные и никак не поддающиеся жестким схемам, свидетельства о себе. И оказывается, что дети чрезвычайно связаны со взрослым миром, взрослыми проблемами и что очень много детского во взрослых (в том числе и в самом Иване).

Оказывается, что радость и страдание в реальной жизни подчас неразделимы и что даже смерть ребенка может иметь великий просветляющий и объединяющий смысл (вспомним Алешину речь у Илюшиного камня). Оказывается, что любовь к людям неотделима от уважения к ним и надежды на возможность победы добра в их душах.

В романе содержатся две формулы, в которых выражены самые главные духовные постулаты Достоевского: *«Все перед всеми и за всех виноваты»* и *«Все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается»*. Это подтверждено всем многовековым опытом русской истории и культуры.

Итак, попробуем подвести некоторые итоги.

Наша культура проникнута пафосом целого. Философия ориентирована на цельное знание. Литература свидетельствует о целостном единстве мира. Целомудрие является нравственной основой нашего бытия. Не потому ли силы тьмы в самом разном обличье ведут атаки именно в этом направлении? И, увы, они преуспевают...

На всех уровнях своего существования — от незримого концепта до символа и от символа до универсального Логоса — *слово* обнаруживает глубочайшее внутреннее единство, целостность и тенденцию к осуществлению разносторонних связей.

И отечественная *словоцентрическая* культура на всем протяжении своего существования борется с «ненавистой рознью» мира, призывает к восстановлению внутреннего единства человеческой души, братского единства людей и утверждению вселенских связей по образу и подобию единства Святой Троицы. Восстановление *целостности* человека и мироздания — главное условие их исцеления. Вот почему в нашей культуре Целое, Единое обретает статус жизненно важной Ценности и Цели.

Никита ШЕВЦОВ

А. ОПЕКУШИН, М. АНИКУШИН И ДВА ПАМЯТНИКА ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ

Елена НАУМОВА

Они жили в разное время — два великих отечественных скульптора. Один родился при крепостном праве в крестьянской семье, а умер вскоре после Октябрьской революции. Другой — выходец из рабочих, появился на свет за несколько дней до октябрьских событий 1917 года, а ушел из жизни уже в наше время, в конце XX столетия в постсоветские времена. Оба создали немало великолепных скульптурных произведений. Но лучшими из них по праву считаются памятники «солнцу русской поэзии» А. С. Пушкину. А. М. Опекушин подарил нам памятник поэту, который установлен в Москве. М. К. Аникушин украсил монументом Пушкину Санкт-Петербург.

В нашей стране хранят память о замечательных скульпторах. На здании дома, где жил в Ленинграде М. К. Аникушин, установлена

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих–Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

мемориальная доска. Его именем назван сквер и аллея на Каменноостровском проспекте.

А в Ярославле есть улица, которая носит имя А. М. Опекушина. Наконец, именем М. К. Аникушина названа малая планета № 3358. А астероид 5055 носит имя А. М. Опекушина — Opekushin (1986 PB 5).

Одному из нас довелось встретиться с М. К. Аникушиным и взять у него интервью. Ну а о детстве и последних годах жизни А. М. Опекушина мы узнали немало интересного благодаря посещению спрятавшейся на берегу Волги неподалеку от Ярославля деревни Рыбницы.

Итак, начнем наш рассказ с упоминания о том, что в 1838 году в семье проживавшего в деревне Свечкино крепостного крестьянина Михаила Опекушина родился сын. Его назвали в честь издавна почитавшегося на Руси благоверного князя Александра Невского.

Свечкино находилось верстах в сорока от Ярославля на левом волжском берегу. Чтобы попасть в деревню из города, надо было переправиться на другую сторону реки, а потом долго идти по старой дороге на Кострому. Свечкино, как и окрестные селения, славилось своими ремесленниками, занимавшимися отхожими промыслами. Мастеровитые мужики по несколько месяцев проводили в крупных городах, в том числе и в столице — Петербурге, где работали каменщиками, кузнецами, кровельщиками, плотниками. Но особо ценились приезжавшие из Свечкино и соседнего села Рыбницы лепщики. Им поручали отделку не только жилых домов и хозяйственных построек, но и храмов.

Михаил Опекушин, например, весьма преуспел при строительстве Спасо-Преображенского собора в Рыбинске. Но сын превзошел отца, достигнув вершин искусства ваяния. Вот что писала в 1872 году газета «Ярославские губернские ведомости»: «Крестьяне Боровской волости живут большей частью на промыслах в Петербурге, где занятия их состоят в торговле, подрядах и в скульптурном искусстве. Так, бывший крестьянин деревни Свечкино Александр Михайлов Опекушин, который обучался скульптурному искусству в Петербургской Академии художеств, почти постоянно проживает в столице».

Памятник А. С. Пушкину в Москве

Указатель к дому-музею А. М. Опекушина

Дом-музей А. М. Опекушина в Рыбницах

К этому времени имя Опекушина-младшего приобрело общероссийскую известность. В том же 1872 году он становится академиком, получает чин титулярного советника, наделяется правом носить академический мундир. В его распоряжение предоставляется мастерская.

Признанию предшествовали годы учебы, начавшейся в деревне Свечкино, где Александр Опекушин брал первые уроки у своего отца. Затем они были продолжены в столице.

Опекушин-старший работал модельщиком на одной из петербургских фабрик, где отливали различные бронзовые изделия. Там он познакомился с владельцем скульптурной мастерской Д. И. Иенсеном, который учился в молодости у великого датского ваятеля Бертеля Торвальдсена. Он-то, Иенсен, и приобщил М. Опекушина к искусству ваяния, помог ему постигнуть мастерство скульптора. В Ярославском художественном музее хранится созданная М. Опекушиным скульптурная миниатюра «Мальчик с удочкой».

Приезжая из Петербурга домой, отец обучал сына. А тот, перенимая отцовские профессиональные секреты, лепил фигурки из глины. Одну из его работ отец показал своим хозяевам в Петербурге. Те посоветовали привезти мальчика на обучение в столицу.

Так, в 12 лет, Саша Опекушин впервые оказался в Петербурге. Но он не стал работать на фабрике, помогать отцу. По совету Иенсена Михаил Опекушин отдал сына в рисовальную школу на Васильевском острове, где и начался его путь к славе.

К себе на родину, в Свечкино, младший Опекушин приезжал не так часто, но родную деревню никогда не забывал, равно как и соседнее село Рыбницы, где в детстве учился считать, читать и писать в одноклассной приходской школе при местной Спасской церкви.

Мы приехали в Рыбницы — вытянувшееся вдоль берега Волги старинное село — в начале января, в оттепель.

Теплое безветрие, пасмурное небо скорее вызывали ощущение весны, заставляя забыть, что наша встреча с Рыбницами происходила в самый разгар зимы. На полянах появились проталины, снег проваливался под ногами, когда мы подходили к полуразрушенной церкви Спаса Нерукотворного, в которой, несмотря на серьезные повреждения, с недавних пор возобновились церковные службы. Не встретив ни одного человека, долго бродили вокруг храма, стремясь достигнуть главной цели нашего посещения Рыбниц. Мы искали могилу Александра Опекушина. Наконец, среди многочисленных захоронений, увидели выполненную из темного полированного гранита

*Пьедестал бюста А. М. Опекушина
в Рыбницах*

Спасская церковь в Рыбницах

стелу с крестом и надписью: «Скульптор, академик Опекушин Александр Михайлович». А на самой надгробной плите можно прочитать: «Великому скульптору от благодарных потомков».

Удивительно все же! Прославленный мастер, облаканный царями ваятель, пользовавшийся заслуженной всенародной любовью, не эмигрировал после революции, не остался жить в Москве или Петрограде, а вернулся в родные края и ушел из жизни там же, где и появился на свет — в глухой деревне Ярославской губернии. Но возвращение было грустным. Опекушин оказался неугоден новой власти. Практически все созданные им монументы монархам подверглись уничтожению. Да и памятник Пушкину не вызывал особого восхищения, ведь к великому русскому поэту в первые годы советской власти сохранялось весьма сдержанное отношение, ведь он считался представителем эксплуататорского класса. О Пушкине, как о «солнце русской поэзии» вновь заговорили ближе к 1937 году, когда в СССР решили широко отметить 100-летие его гибели. А тогда, в первые годы после революции, в моду входили памятники вождям мирового пролетариата и вождям народных восстаний. Кандидатура 80-летнего «монархиста» Опекушина уже не подходила для их создания.

Великий скульптор оказался без средств к существованию. В доме на Каменноостровском проспекте ему оставили лишь несколько комнат. Лишился он и персональной мастерской. Семья Опекушина голодала, в чем можно убедиться, знакомясь с письмами дочерей скульптора.

От имени отца дочь Мария Александровна написала письмо руководству советских художников с просьбой оказать материальную помощь скульптору, чтобы он смог вернуться в родные места на Волге. К счастью, на письмо обратили внимание, и по распоряжению Наркомата просвещения

Могила А. М. Опекушина

осенью 1918 года за государственный счет скульптор выехал поездом вместе с дочерьми из Петрограда в Ярославль.

И все же нельзя считать, что Опекушин покинул город на Неве, лишь спасаясь от голода и холода. Его тянуло на родину, которую он бесконечно любил и где хотел завершить свой жизненный путь. Но в Свечкине его ожидали новые разочарования. Жить оказалось негде. Поначалу скульптор с дочерьми разместились в доме одной из родственниц. Старик спал на полу. Потом перебрались в Рыбницы, где местный священник предоставил в распоряжение Опекушиных дом. Говорят, что в Рыбницах убитый сединой, с бородой по самый пояс 80-летний скульптор мечтал о появлении своих новых шедевров. Он думал о воплощении замысла: мать склоняется над улыбающимся ребенком.

В Рыбницах Александр Михайлович прожил до дня своей кончины, последовавшей 4 марта 1923 года. Он умер от воспаления легких. Перед смертью прославленный скульптор произнес: «Какое счастье выпало мне родиться в простой крестьянской избе и умереть в ней тоже».

От могилы Опекушина всего несколько сотен метров до стоящего неподалеку от шоссе красивого деревянного двухэтажного с резными наличниками дома. Здесь, в здании бывшей лепной школы Рыбниц, ныне размещился музей скульптора. Когда-то школой руководил А. В. Курпатов — ученик Александра Михайловича. В 1988 году, когда отмечалось 150-летие А. М. Опекушина, состоялось торжественное открытие мемориальной доски. Надпись на ней гласила: «В этом здании находилась лепная школа имени А. М. Опекушина — скульптора и академика».

Но, увы, оказавшись в Рыбницах возле бывшей лепной школы, на прикрепленном к входной двери листке бумаги мы увидели еще одну надпись: «Музей

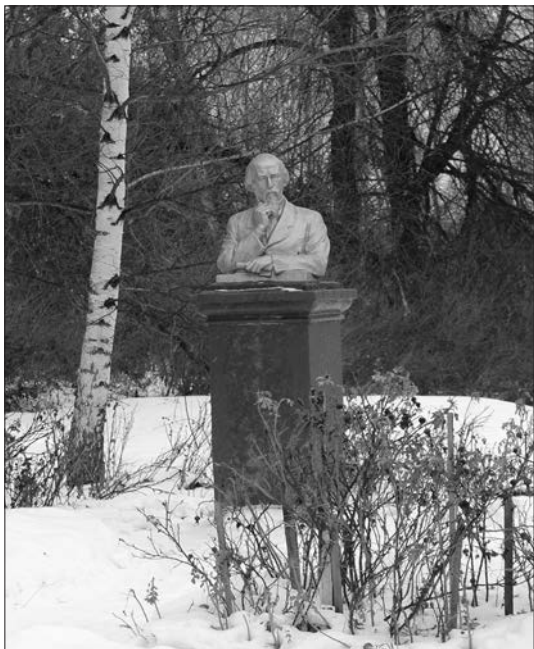
Усадьба Некрасовых в с. Грешнево

закрыт по техническим причинам». Заглянув в окна, не увидели ни одного экспоната. И уж совсем грустно стало при виде сиротливо стоящего рядом с домом пьедестала с надписью: «Скульптору, академику А. М. Опекушину 1838–1923». Правда, первые два слова можно прочитать с трудом, они еле различимы. В 1958 году в Рыбницах по случаю 120-летия Опекушина состоялось открытие мраморного бюста А. М. Опекушина, выполненного ярославским скульптором А. И. Соловьевым. Ныне скульптуры на пьедестале больше нет.

К сожалению, то же состояние запустения мы наблюдали и в соседнем от Рыбниц селе Некрасово, где некогда находилось имение Грешнево, принадлежавшее отцу великого поэта Н. А. Некрасова. В небольшом каменном флигеле жили крепостные музыканты. Домик-флигель так и назывался — «музыкантским». Затем в конце XIX столетия, когда надстроили второй деревянный этаж, его стали использовать под трактир с заливчатским названием «Раздолье». Ну а уже в наше время здесь разместился музей. Как писал автор вышедшей в 1984 году книги «Окрестности Ярославля», прежде чем появился музей, «немало усилий пришлось потратить на восстановление этого дома». Но, видно, усилия оказались напрасными. Музей закрыт. На доме — «музыкантском флигеле» нет ни одной таблички с упоминанием о том, что он когда-то существовал. Лишь бюст Н. А. Некрасова, к счастью пока не исчезнувший, напоминает об усадьбе Грешнево. А ведь она вместе с домом в Рыбницах могла бы составить туристический маршрут, тем более что Некрасов и Опекушин могли состоять в знакомстве. Оба хорошо знали окрестности Ярославля, к тому же, есть предположение, что они познакомились, когда плыли на пароходе в Ярославль. Скорее всего, они общались, тем более, что оба жили в одно время в Петербурге. Поэт ушел из жизни, когда Опекушину было сорок лет.

Словом, создается впечатление, что еще 20—30 лет назад в Ярославской области память о двух великих россиянах чтили больше, чем сейчас.

Ну а теперь хотелось бы рассказать о другом замечательном российском ваятеле с фамилией Аникушин. Согласитесь, она созвучна фамилии автора памятника А. С. Пушкину в Москве. Его лучшим и самым известным созданием также считается монумент в честь великого русского поэта. Бронзовая четырехметровая фигура Пушкина возвышается на четырехгранном постаменте из красного гранита. Поэт как бы читает стихотворение. В порыве вдохновения он отводит в сторону руку. Пушкин не застыл на пьедестале, кажется, что он находится в движе-

Бюст Н. А. Некрасову в с. Грешнево

нии, приближается к смотрящим на него. Взгляд поэта полон света и добра. Семь лет трудился Аникушин над своим творением. Открытие памятника состоялось 19 июня 1957 года к 250-летию Санкт-Петербурга. Одному из нас в годы работы собственным корреспондентом газеты «Труд» в странах Бенилюкса посчастливилось встретиться с Михаилом Константиновичем. Знакомство состоялось в бельгийском городе Антверпене, куда он приехал в составе делегации российских деятелей искусств. Беседа проходила в Пушкинском культурном центре, вход в который украшала громадная фотография знаменитого аникушинского памятника поэту в Санкт-Петербурге. Ниже приводится полный текст интервью, опубликованного в газете «Труд» 7 февраля 1995 года. Думаем, что произнесенные двадцать лет назад слова великого архитектора сохраняют свою актуальность по сей день.

Михаил Аникушин:

«Слухи о смерти реализма сильно преувеличены»

— *Михаил Константинович, вы были одним из мэтров академического искусства советской поры. Но с того времени немало воды утекло. Наверное, теперь, чтобы удержаться на гребне успеха, нужно круто ломать что-то в себе, в подходах к творчеству?*

— Да, внешне жизнь изменилась разительно, но это не значит, что должен круто, как вы говорите, измениться художник в своих взаимоотношениях с творчеством и с самой действительностью. Он ведь, художник, смотрит глубже обывателя, видит то, что лежит под поверхностью явлений. Истинное искусство куда консервативнее, чем другие сферы человеческой деятельности — скажем, политика.

*Памятник А. С. Пушкину на площади
Искусств в Санкт-Петербурге*

Во всяком случае, я не ощущаю в себе потребности коренной внутренней ломки. А просто — работаю. Тем более что остаться без заказов — это мне вроде бы пока не грозит. Вот, например, сравнительно недавно меня попросили создать памятник, посвященный грядущему в 1996 году 300-летию Российского флота. На Петровской набережной Санкт-Петербурга отведено место для его возведения. Уже утвержден проект. В создании монумента принимает участие архитектор Т. Садовский. Члены правительства Санкт-Петербурга во главе с Анатолием Собчаком посетили мою мастерскую, ознакомились с проектом и утвердили его.

Однако, продолжая отвечать на ваш вопрос, хочу с сожа-

лением отметить, что, конечно же, переменчивость внешних обстоятельств накладывает свой отпечаток на жизнь и творчество художников. Насколько труднее — даже в чисто материальном плане — стало жить большинству из них в последние годы! Союзы художников России, других бывших республик СССР не располагают достаточными средствами, чтобы материально поддерживать своих членов. Раньше они это делали в весьма широких масштабах — давали заказы мастерам живописи и ваяния, организовывали их выставки. Это сейчас из творческих союзов делают какое-то пугало, изображают их чуть ли не концлагерем для талантливых людей... Ведь было и много хорошего. Знаю это по собственному опыту, поскольку немало лет возглавлял Ленинградский Союз художников. Например, оказывалась (даже не членам Союза) большая помощь в найме и содержании мастерских. А теперь все чаще каждый из нас «воюет в одиночку». Разрушились не только экономические, но и человеческие связи. Мы, русские художники, все меньше знаем, как живет нашим коллегам в Белоруссии или, скажем, в Грузии, не говоря уж о Прибалтике. Ушло самое дорогое, что было в той жизни — богатство человеческого общения.

— *Приближается 200-летний пушкинский юбилей. Вами создан один из лучших памятников поэту, который установлен на площади Искусств у Русского музея. Но ведь это не единственный ваш памятник Александру Сергеевичу?*

— Всего мною было создано свыше десяти скульптурных изображений поэта. Их можно увидеть в Московском государственном университете, на станциях санкт-петербургского метрополитена — «Пушкинская» и «Черная речка», в столичном музее поэта, в Пятигорске и Калининграде, и даже совсем далеко — в Гаване и Дели. Пушкину я, можно сказать, посвятил всю свою жизнь.

— *А какие ваши последние работы?*

— Позвольте несколько уточнить ваш вопрос. Как говорил мой старший друг, замечательный авиаконструктор А. С. Яковлев, — у создателей самолетов, равно как у художников и скульпторов, бывают не последние, а новейшие работы. Так вот, новейшей работой стал скульптурный портрет балерины Г. Мезенцевой. Из изваяний последних лет мне особенно дорог памятник А. Чехову. Он установлен в бывшей Лопасне, в Подмоскowie.

— *Помимо пушкинских, у вас есть немало других работ, которые находятся за пределами России, в так называемом дальнем зарубежье...*

— Да, две мои скульптуры были подарены нашей страной японским городам Нагасаки и побратиму Санкт-Петербурга — Осаке. В мои планы входит создание монумента для финского города Котка. Дело в том, что в 1788 и 1790 годах у берегов Финляндии произошли два морских сражения между русским и шведским флотом. В первом победили наши, а во втором — шведы. И вот в память об этих баталиях и будет установлен монумент: женщина несет два венка — русским и шведским морякам. Это — воплощение темы мира, которой я сейчас уделяю огромное внимание. Не мраморные штыки и гранаты, а образ Богоматери как символ добра, гуманизма, продолжения жизни — таким был мой получивший первую премию проект памятника Победе на Поклонной горе.

Мечтаю также завершить свой давний труд — памятник Антону Чехову, который предполагается установить на Страстном бульваре в Москве.

— *Сейчас началось восстановление храма Христа Спасителя. Идея эта вызвала споры. Вы хотели бы принять участие в его возрождении?*

— Конечно. Я ведь коренной москвич, родился здесь буквально за несколько дней до Октябрьской революции. Был крещен в церкви Вознесения, расположенной между Большой и Малой Серпуховской улицами. Вы знаете, храм Христа Спасителя был виден аж из Подольска! Каждый раз обращал внимание на него, подъезжая к городу со стороны Серпухова, в окрестностях которого находилось село Яковлево, где родился мой отец и куда родители отправляли нас с братом на лето... Как поднялась рука разрушить такое величие?! Словно бес толкал тогда людей. А сколько монументов разрушили в те годы — например, памятники генералу Скобелеву, Александру II...

— *Но не кажется ли вам, что мы вновь можем пережить волну свечения счетов с монументами? Например, с памятниками Ленину, все еще в великом множестве красующимися в наших городах.*

— Так не сносить же их. Я, кстати, тоже создал памятник Ленину — я несколько не стыжусь этой работы. Повторяю, уничтожать памятники — это варварство и невежество, больше ничего. Ведь они (в том числе и художественно полноценные ленинские монументы) — знаки своего времени. Разрушать их — значит не уважать историю, а без памяти о прошлом не может быть и речи о созидании нового. Это азбука.

— *И последний вопрос: вы верите, что у реалистического направления в искусстве есть будущее?*

— Если бы не верил, неужели бы я был таким горячим его приверженцем? Конечно, время все расставит по своим местам. Пока же ответу вам так: слухи о смерти реализма сильно преувеличены.

Татьяна ГРИБАНОВА

МАЛЬВА

Татьяна Ивановна Грибанова — родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор двух поэтических книг «Апрель» и «Прощеный день». Член Союза писателей России. Лауреат международного конкурса «Звезда полей». **Живет в Орле.**

Вторые сутки без передышку гуляла у Потаповых свадьба. Степан Семеныч с размахом женил старшего. По всему было видно, невестка пришла ко двору: пятистенка набита до отказа сватами, кумовьями да сродниками. И для пришедших взглянуть на молодую, а то и подруливших просто ради даровой выпивки, хозяин расстарался, собственноручно выкатил из-под сарайки флягу своей — угощайся, хуторские, знай наших!

Под грушенку, на сбитые на скорую руку, покрытые нарядными клеенками тесины-столешницы под командой жениховой тетки Галины беспрерывно металась тарелки и миски с закусью. Никто не остался без угощения, никто не почуял себя обнесенным на этом широком застолье.

Даже дышащие на ладан бабки Кузьминична с Егоровной не сдержались, порылись в сундуках, вытащили из-под дна дышащие нафталином наряды: «престоловские» шерстяные подшалки, штапельные в темненький огурчик юбки, обористые завески.

Пригубив по рюмашке «красненькой», попробовали-оценили потаповские щедрые разносолы и, уступив место подтянувшимся, уселись в ожидании на лавку под сиренями — время от времени свадьба выплескивалась на подворье, гомонился потерявший всякую стройность корогод. Гармонисты, сменяя друг дружку, уже путали «Барыню» с «Цыганочкой», и их рядком укладывали в саду на свежескошенную отаву.

Припозднившаяся бабка Мальва угостилась наливочкой, и, прихватив кусок яблочного пирога, отошла к товаркам на лавочку.

В это самое время толпящийся на крыльце люд расступился, и из душной хаты протиснулись моло-

дые. Невеста — девчоночка-девчоночкой, лет семнадцати. Сашке, жениху, — под четвертак, пора уж, пора-а!

— Микитична, сказывают, так и не смирилася, темней тучи! — поспешила сообщить новость подружкам Егоровна, — на порог, говорит, Людку не пушшу, а уж Сашка́ тем боле!

— И чтой-то она на его узялася? Вроде, не мозгляк худой... малай, как малай. И Людки ейной не хужей. Все при ем, — поддержала разговор Кузьминична.

— Дак как жа не осерчать! Вить и взаправду, спозорила девка Микитичну, ой, спозорила-а-а! Брюхо-то — выше носу! Ишь, в белое обрядилася! Какое там белое-то? Стыдоба-а-а! И Микитишне — не запить, не заесть!

— Загундосила! Ну, и что с того? Что теперя, ай в моток девке сить? — с обезоруживающей простотой, не дав отвести сплетнице душу, встряла бабка Мальва. — Все чин-чином... Потаповы от своо дитя не отказалися. И Сашка в ей души не чаёт, ай, не видно? Сказывают, смертным боем с зареченскими ребятами за нее бился. А ты, девка, — Мальва покачала головой, взглянула на Егоровну, — язык-то поприкуси, чужим грехам счет не веди... В пору бы свои не забыть... да успеть отмолить. Нечего девку хайть! Разу́й глаза-то: с головы до ног счастливая, вишь как сияет... ажни слезой меня, старуху, прошибло... Прямо из себя выводил! Запаятовала, стопроценто́вая девушка, как со своим Прошкой стакалась, во скоко годиков ворота ему отворила? Кажись, нам с тобой, подруга не боле, чем Людмилке было, кода я коло вашего сенника в сторожах сидела, а ты с Прошкой миловалася... када он тебе Сережку-то скоростелил!

— И-и-и! Нашла об чем вспоминать-то! — отбоярилась с ухмылкой, замахала руками Егоровна. — То в какие годики было?!

— А и правду, что теребить-то теперя, бабоньки? У меня и самой, может, рыльцо в пушку, — Мальва встала, не оглянувшись на ошалевших товарок, оправила юбку и пошагала к крыльцу, дав понять, мол, не о чем тут и говорить боле.

Протиснулася сквозь свадебных, поклонилась молодым за угощение, нажелала им три короба добра и потопала к воротам.

...А вот уснуть бабке Мальве так до самого свету и не удалось. Нахлынуло-о!

II

Род Силиных испокон веку жил на хуторе Степном, в двух верстах от Козловки. Прапрадед Лехи, мужичок оборотистый, выкупив вольную у барина Казюлеева, поселился на заброшенном суглинке, заложил недалеко от деревни хутор.

Сколько годков минуло с тех пор! Сколько весен талыми снегами шумнуло в Кромю-реку! Сколько трав полегло под литовками Силиных на пойменном лугу, сколько журавлиных косяков откурлыкало над разросшимся в дюжину дворов приречным хутором, в котором все — Силины. Все — родня!

Лехин отец, Павел Семеныч, осенью сорок первого, не успев допахать под озимые, прямо с поля ушел на фронт. В составе первой гвардейской танковой Катукова вошел в Берлин. Не раз со своей машиной горел, но Бог миловал, вернулся — грудь в орденах — с осколком в легких, но живой.

А в сорок шестом, под зимнего Николу, за ситцевой занавеской бабка Авдотья приняла на руки его первенца, названного в честь пращура, хозяина хутора, Алексеем. Через пару лет Господь послал и дочку Светланку.

В послевоенные годы, устроившись в МТС, Павел Семеныч перепыхал холмы и взгорья на сотни верст в округе. Светланка при мамке, а Алешка, перекинув в сумке учебники, мчался к отцу на пахоту. Тот и рад — сын к делу тянется. «Тракторист из тебя, Леха, — что надо, — подбадривал Семеныч мальчишку, — машину чуешь, это — главное! А сноровка, — она с годами проявится».

Пришли и сноровка, и хватка. Леха с завязанными глазами мог разделять под орех, в пушинку, любое самое заковыристое поле. Да и служба в армии (в танкисты, по батиным стопам, напросился) дала не мало мужицкой закалки.

Хуторские Силины извечно приводили жен из окрестных деревень.

Пришел срок, заженешился и Алексей: с вечера начистится, нагладится, чуб зачесет, и — в Козловку, в клуб.

— Ты уж гляди там, сначала головой думай, опосля другим местом! — поучала вослед мать, Александра Тихоновна.

— Ну, ты и даешь! — отмахивался Леха.

— Чего даешь, чего даешь? — не отступала напористая Тихоновна, — знаем мы вашего брата!

Как в воду матушка глядела...

Служить уходил, Машка Спиридонова — малявка малявкой, он и внимания ее не устаивал. А вернувшись, появился первый раз на танцах, — сразу на девчонку глаз и положил. Очень уж приметная: норовом бойкая и с виду — что надо. Статная! Платьице в оборочку, косынка по плечам розовая.

Котька, дружок закадычный, подтрунивал: «Зря не пялься! Малолетка, только из школы. Да и в техникум собралась. Таковую вожжами не удеришь. Кобылка не объезженная, норовистая!»

Но так уж, видно, стало Богу угодно: приглянулся девке армеец (Леха все еще в форме расхаживал: старшиной не каждый домой возвращается). Сама подошла... А как к такому не прикипеть? Сажень косая в плечах, на турнике за клубом такие фортеля выкидывал, никому не подстать.

Как-то сговорилась проказница с гармонистом, дедом Степаном, только Леха на порог, а она — в круг. И пошла! Да с выходкой, да с дробями. Косыночку за спиной, что касатка крылышки, раскинула, натянула, вот-вот взлетит! Плясала-порхала по пятакчу, а потом остановилась против Лехи да давай частушками заковыристыми сыпать, паренька подшкеливать. Как, мол, перебьешь мои дробиночки?

— Как за речкой за Кромой,
Где черемуха цвела,
Начались у нас с тобою,
Друг, сердешные дела.

Леху голыми руками не возьмешь! Вихрем с места сорвался, руки за голову, и вокруг танцорки гоголем, да вприсядку, только сапоги вперебой с девчоночьими каблучками спорят, поскрипывают. И язычок — не обрежься:

— *Взял бы я тебя на ручки,
Посадил тебя на печь —
Таких девушек красивых
Лучше дома приберечь!*

Напирает Леха на Машутку, кружит, передышку не дает.

А та — носик кверху, головку чуть в сторону, струна струной, аж звенит! Даже росточком повыше стала. Воссияла — маков цвет. Руками повела, раздвинула.

— А ну, шире круг, мы тут надолго разошлись.

— Держись, забияка, поглядим кто кого!

— Гляди, да глазки не поломай! Допляшешься! — послышался голос из толпы, — присушит девка, век под ее дудку плясать станешь!

А Маша не смолкала:

— *На Святой неделюшке
Повесили качелюшки,
Сначала покачаешься,
Потом и повенчаешься!*

— Ну, это мы еще посмотрим! Ишь, чего захотела!

Не плясали, а разговаривали, не разговаривали, а договаривались. И не было сомнения у глазевших: пара! Еще какая пара! Смотреть, не оторваться.

И танец не закончился, а уж Маша с Алексеем понимали: запыхаются эти перегонки, выйдут они за порог клуба и никогда не разойдутся их стежки. В тугой узел связала их эта пляска, оттанцовывают последние холостяцкие деньки.

Июньская ночь, неспелая, нежная. Густо пропахшая доцветающей сиренью, ароматами молодой, еще не пропыленной листвы, духом входящих в сенокосную пору луговых трав. Светло даже в такую глухую пору. Машутка с Лехой, обойдя не раз закоулки деревушки, наконец-то добираются до крайней хаты. Вдали, сквозь тончайшую кисею тумана, проглядывают заросли черемух, скрывающих Лехин хутор.

— Пора, а то, глядишь, и до дома тебя допровожаюсь, — замечает Маша и поворачивает обратно.

— Ну, еще чуть-чуть, — принимается уговаривать девчонку Леха и усаживает на лавочку у Котькиного палисадника.

С Котькой Смирновым они не разлей вода. И под кручу за пескарями вместе; и в школе за одной партой; и поглазеть из лозняков на девчат, что плещутся нагишом после покосов на омутке; и повсхлипывать друг у друга на плече от лозинки Силина-старшего, не спускавшего эдаких проделок ни своему отпрыску, ни сынку друга Михаила, погибшего в далекой Польше, на подступах к Кракову.

Но сейчас Леха помнит, что шалопаистый товарищ его в одиночку отправился на Чупаху, в другой конец деревни, до самой зорюшки промилуется с какой-нибудь очередной любовью.

Оттого ли, что Леха знает: вокруг — ни одной живой души, а, может, оттого, что Маша, доверившись ему, забрела черт те знает куда, сердце парня выпархивает из-под гимнастерки, не удержать.

— А как Архиповна выглядит? — косясь на окна, настораживается девчонка.

— Не бойсь, куда ей! Обезножила тетка Марья. Неделю, как у дочери обретається. Котька один свирепствует. Архиповна полезла в сараяшку на сеновал — гнезда куриные обобрать, а верхняя ступенька у лесенки возьми да и обломись. Яйца, что в фартуке придерживала — вдрызг, и тетка помялась — нога в гипсе. Котьке, конечно за недогляд всыпала, лесенку-то еще дядька Михайло сработал, подгнили перекладины.

— Котьке твоему, что племутруку племенному, не до хозяйства. Кто ж вместо него девчат по углам тискать станет? Без такого ухаря с тоски поумирают.

В росном палисаднике гремит соловей. Золотые жуки-светляки флаируют в зарослях мальв. Их безудержное цветение всегда совпадает с самыми пугливыми, самыми короткими ночами, когда на прозрачном, едва притухшем небе до мельчайших подробностей просматриваются горные вершины облаков.

— Небеса-то какие улыбочивые, — Маша кивает на бирюзовую, так и не соскользнувшую с горизонта, зарю.

— За нас радуется, не тает... переживает: ночь промелькнет... а я тебя и не поцеловал, — Алексей пытается обнять девчонку.

— Вот еще! — фыркает девушка. Вскрывает, отбегает в заросли палисадника.

Мальва, как есть — мальва! И впрямь приворожила. А стан! Крепкий, тугой, того гляди, платье по швам разойдется. Не смотрит, а брызжет влажным огнем насмешливых глазищ.

— Почему тебя Мальвой не назвали? Такая же стройная, такая же...

— Какая такая?

— Настоящая, — смущается Леха.

Лунная дорожка, сходящая в палисадник, тянется к реке, вдогонку за выскользнувшей Машей. Над кустами ивняка мелькает газовая косынка, а парню чудится: невидимый ветерок расхулиганился, оборвал, подхватил перламутровые мальвовые лепестки и закружил над поймой крошечным ярким пламенем.

Убегает Машутка от Алексея и не ведает, что стремится ему навстречу... навстречу своей судьбе.

III

От неожиданности она резко останавливается. Котькина баня так обросла ивняком, что мало кто и помнит о ее существовании. Сбегающая к реке стежка вдруг упирается в ее замшелую стену. Откуда может девчонка с дальнего урынка знать об этой ветхой баньке?.. Ноги сами привели.

Леха, спускающийся вслед за Машей, загодя готова для себя оправдание, шепчет: «Видать, судьба... от нее не увернешься». Знала бы ступившая на эту тропку Маша, сколько девчоночьих и Котькиных тайн покрывают

бревна допотопной баньки. Леха догадывался, но никогда не расспрашивал своего друга о сердечных похождениях.

Смекнув, наконец, что забрела невесть куда, да и вообще, зашла для первого вечера с этим армейцем слишком далеко, Маша, зная, что следом спускается Алексей, сворачивает напрямки, через краснотал, но спасительную лазейку, предвидя девичью хитрость, перегораживает предусмотрительный Алексей.

— Ну, что ж забоялась? Такая смелая, а тут струхнула? — Леха понимает: не будет напористым — навсегда упустит шанс, который предоставил, может быть, сам Господь, — упорхнет девчонка в город, там ребята шустрые, не прозевают, в миг окрутят, мимо такой попробуй пройди.

— Ничего не струхнула, — щеки девушки охватывает нарастающий пожар. Леха подступает совсем близко и сгребает девчонку в охапку.

— Дурочка, ты моя, успокойся. Не обижу.

Маша пытается вырваться, но где ей справиться с такой силищей!

— Не дергайся, сказал же — не обижу... Нравишься ты мне... очень... Скажешь: не люб — сам отпущу и ни в жисть не подойду.

Алексей склоняется и первый раз за вечер целует Машу в губы.

От дерзкой девчонки, смело подковыривавшей его пару часов назад при всем честном народе, можно ожидать чего угодно: такая и драться кинется — не моргнет, а уж оплеухой одарить — плевое дело, в конце концов — может и раскричаться, голосище-то вон какой звонкий.

Но то, что девушка протянет и нежно положит дрожащие руки на его плечи, сначала робко, а потом с нарастающей страстью станет отвечать на его ласки, Алексей наверняка не мог предвидеть.

Уже зародившееся, но тщательно скрываемое чувство этой совсем еще юной девушки вдруг прорывается, выплескивается, устремляется навстречу ошеломленному парню, окрыляет его, и он, оторвав Машу от земли, не переставая целовать, кружит вместе с нею на тесной лужайке.

— Я и сам струхнул, прямо земля с-под ног уходила, весь вечер не знал, как подступиться... уж больно озорна, — признается, смущаясь, Леха.

Маша ничего не отвечает, молча обнимает его, и теперь уже сама жадно целует. Долго, ненасытно, словно измучилась, дожидаясь этой ночи.

Так и стоят, крепко прижавшись друг к другу час, а может, два. Кто считал? И целуются, целуются...

Наконец, Леха чувствует, что руки его, блуждая в шелках девичьего платья, перестают встречать препятствие, и мягкие, податливые девичьи губы, раскрывшиеся лепестки мальв, распухают от поцелуев. А груди — эти, еще никем не тронутые, наполненные ароматами молодости и свежести цветочные бутоны, напрягаются и замирают. Алексей на мгновение, всего лишь на мгновение, отстраняет Машу, чтобы только взглянуть в ее горящие глаза, увидеть подтверждение, не ошибается ли в своих догадках, и тут же тонет в их омутах навеки вечные.

— Идем, — уверенным движением Алексей берет девушку за руку.

Она не отдергивает, не капризничает, а уверенно ступает в отворенную парнем дверь.

С детских лет банька эта — потаенное место двух закадычных друзей. Леха знает: протяни руку на полочку у правой притолоки — тут же

нащупаешь спички да парочку свечных огарков. Но к удивлению, Котька обустроился за время Алексеевой службы основательно. В полумраке рядом со спичечным коробком парень обнаруживает керосиновую лампу. Удивляется: «Запасливый черт!»

Маша проходит к полкам, присаживается. В полумраке лица не разглядеть, свет керосинки, проникающий сквозь приоткрытую дверь предбанника, ластится на ее высокой груди, перебирает перламутровыми пуговичками. «Попробуй, доберись! Что кнопок на гармонии», — дивится Леха.

— Фитилек-то притаи, — шепчет Маша пододвинувшемуся парню.

— Что ж это я! Погоди минутку, щас! — спохватывается тот и кидается к двери. На боку баньки, на скобке, — литовка, Леха не раз помогал другу смахивать приречный лужок.

Через пару минут он уже возвращается с увесистой охапкой полусонных одуванчиков. Керосинка еле тлеет, войдя с широкого лунного света, парень на ощупь проходит к полкам, раскидывает траву. Обвыкаясь глазами, тянется к Маше, и вдруг настороженный слух отчетливо улавливает, словно сыпанул кто на прожаренные банные половицы пригоршню каляных переспелых горошин — щелкают, подсказывают под ноги, не удержавшиеся от девичьего порыва пуговицы...

— Погаси, погаси лампу-то! Ну, ее к лешему! — шепчет девушка.

...Луна переваливает за крону высоченного осокоря, приютившего забытую всем миром баньку. Бледный незабудковый свет просачивается сквозь отзынутую дверь.

— Ишь... подсматривает! — то ли шутит, то ли обижается Машутка.

Прикидывает наготу измятой их жаркими телами травой, словно прячется в сатин матушкиного лоскутного одеяла.

Тянет молоком свежескошенной луговины. Но к знакомому с малых лет духу июньских трав примешивается новый, неведомый ранее томно-сладостный, горьковато-соленый — аромат любви. Пропитывающий насквозь, проникающий в каждую клеточку, дающий право с этой ночи ощущать себя не только женщиной, но еще и счастливой из счастливейших. А самое главное — мамины упреждения и разговоры «об этом» с глазу на глаз остаются где-то далеко-далеко, в отлетевшем девичьем девичестве.

И ненасытные губы, и все еще по-детски нежные, незагрубевшие, покрытые мелкими прозрачными солоноватыми бисеринками сосцы, и изласканные до хруста в косточках, до последней мочушки, плечи, и, наконец-то, расслабившиеся крутые, с чуть приметными ямочками, бедра девушки, перепачканные, забрызганные терпким и горьковатым соком измятой зелени, не дают покоя неугомному Алексею.

Есть среди густых ароматов этой чудной ночи тончайший, едва уловимый, до головокружения заманчивый — запах мальвы, запах юного девчоночьего тела, впервые познавшего мгновения плотской любви. Он будоражит и влечет, неотвязно манит и зачаровывает, вспенивает и взмывает в Лехе безудержные волны желания обладать этой потрясающей девушкой вновь и вновь, пока не обмелеют все реки, пока не иссушатся все родники его страсти.

— Это когда ж такие отрастить успела, между алгеброй и физкультурой что ли? — подшучивает Леха, выразительно посматривая на раннеспелые,

не по-девичьи броские Машуткины груди, наливными яблоками закатившиеся в сомлевшую зелень.

— Все просвирник-секретник, мальва твоя разлюбезная...

Как собралась Валюшка Тимонина замуж, так скорей — к бабка Куделихе. Та и давай взвары плоскогрудой Валентине стряпать. Валюшка-то по секрету сказывала: зальет старая ложки три сухих корешков просвирника тремя стаканами ключевой водицы, и кипятит в саду на каменке минут пятнадцать. Процедит. Пошепчет, конечно, не без этого. И пей, милая, по полстакана три раза в день до еды. А коль на ночь из того же взвара компрессы на грудь не позабудешь — так откуда что возьмется. Валентина уж третьего выкармливает. А все мальвочка-просвирочка, спасительница бабья.

Мы, малкосня, не ведая, отчего красота девичья зреет, днями просиживали в зарослях мальвы, в куколки играли, «пуговки царские» собирали. Приладишь к распущенному венчику-юбочке бутончик-головку — и пупсик готов. Наиграемся, крошечных пышечек-просвирок, помнишь, калачики такие в пазухах листьев запрятаны, наедемся, и домой не торопимся, просвирками сыты. А то надерем их в подол, и ну проставляться, во что-нибудь на них играть. Победителю — общая куча калачиков.

Я заводная, везучая, ловкая. К вечеру, бывало, набью карманы сладковатыми пуговками — и домой. Мама только подтрунивает: «Самая девчоночья еда! Щелкай, девонька, проскурки-лапышки на здоровьице! И конфет не надо!». Ириски, да и только — клейкие, склизкие, сладковатые. Вот и нащелкалась, налакомилась на свою голову, — стесняется Маша, косясь на свои достопримечательности.

— Да что ты! Красотища-то какая! Такое достояние беречь-лелеять надобно! — И Леха в который раз склоняется к любимой, играет тут же откликнувшимися, вздрогнувшими сосцами, губами собирает и откидывает былинки, — грех скрывать за ними такое великолепие!

Одним небесам ведомо, как и откуда возникает настоящая любовь, и что приносит с собой....

Рядом же с этой девушкой Алексей вдруг почувствовал: что-то в нем напрочь изменилось, исчезла вольная бесшабашность, и он уже никогда не сможет быть с другими. Леха словно разом определился: вот она, единственная и незаменимая, и не надо больше никого искать, все в ней одной слилось. И чувство это поглотило парня настолько, что уже и не сомневался — Маша предписана ему судьбой. С нею хотелось быть единым и в жизни, и в желаниях, и в молитвах. Все: и этот задиристый, чуть опаленный июньскими покосами носик, и распадающаяся надвое непокорная челка, и крепкие икры длиннющих ног, и исцарапанные колючками неспелого крыжовника, спешно прибирающие раскидистую косу руки, — вся она, весь вид ее будоражит и будит в нем живой отклик. Собирает и подтягивает его, окрыляет и призывает цвести. Алексею повезло, любовь его осветил сам Господь, своею искрой воспламенил желание служить этой женщине, жить только ею.

А Маша настолько счастлива, что пока еще и не может осознать широту захлестнувшей ее любви к Алешке Силину.

IV

Прибравшись, наспех отыскав раскатившиеся пуговицы, притворив двери баньки, оставив на ее памяти тайну промелькнувшей ночи, Леха с Машуткой сбегает в пойму.

Оросившийся рассветными туманами шелковисто-легкий лик неба постепенно перетушевывается в бледно-лиловый, с едва лазоревым бахромчатым краем над восточным окоемом, над правобережными заливными лугами.

На душе у Алексея легко и просторно. Невесомы и широки, безбрежны небеса.

Маша, прикрывая пустые петельки платья, завязывает на груди широким бантом прихваченную (теперь уже из девичества) косынку.

— Пора, Лешенька, мамка теперь задаст!

— Какая мамка? Ни на минуту не отпущу!

Когда влюбленные выбирают на проселок, над округой зацветает заря. В ранней лазоревой вышине расползаются тончайшие белесые линии. А когда Силян хутор, выглянув из-за Черемухова овражка, оказывается, как на ладони, молочные линии на знойном небе, словно на ясном морозном окне, принимаются играть — обрастать перьями и коготками, всевозможными былинками и муравками. Ближе к горизонту выстраиваются в башенки и хребты, перепутываются и снова выстраиваются в звенья. В отсвете выкатившегося жемчужного шара порхающие перистые облака отбрасывают на землю серебристый блеск. И Алексею чудится, что Маша, его Мальва, в своем шелковом, отливающим неземным блеском платье, сошла с этих великолепных небес.

Тихоновна, спровадив Красавку в росы, еще издали заприметила своего Алешку. Только с кем это он?.. Ай, Петра Спиридонова Машутка? Так и есть. «Ах, ты Боже мой, ить девчушка совсем, — все поняло, заволновалось материнское сердце, — а, может, оно и к лучшему... вроде, не слышать об ней ничего хульного, не разбалованная... да и ладненькая... внучонков таких же принесет!».

— Здравствуй, мама... Красавку свела? — захорохорился Алексей.

— Здравствуйте, тетя Саша, — зарумянилась Машенька.

— Дак, какая уж теперь «тетя»? — досмотрев пустые пуговичные петельки, покачала головой Александра Тихоновна. Разом отрезала, — дочкой, небось, пришла? Мамкой и зови... Отоспитесь, — кивнула Алексею на сеновал, где он всегда ночевал летней порой, — опосля и потолкуем.

Только часа через три, когда сквозь щелки тесовых стен сараюшки просочился запах пирогов, Маша с Алешкой опомнились, — есть страсть как хотелось.

— Ну, в сарайке не отсидишься, родные мои, хоть и нраву крутого, но отходчивые, — успокаивал любимую Алексей, — да и меня знают: коли привел, значит, не отступлюсь, лучше миром поладить.

А Тихоновна и не думала фордыбачиться. Пока молодежь досыпала, умаслила расшумевшегося было мужа, приняв на себя первые громы.

Наспех обрядившись в чистое, сбегала на Козловку, мол, к Валентине Сорокиной, товарке своей, поспросить, как это та настрогалась без опары

такое пышное тесто заводить, а заодно через забор потолковать и с Катериной Спиридоновой, Машуткиной матерью. Хватились, небось, девки-то!

— Как, Катюш, поживаешь? — зашла обходным путем Тихоновна. — Картохи-то, у вас, гляжу, дружно цветут. Огурчики ранние не пошли?

— Да что ты, Шура! Только плети раскинули, недельки через две, не ране.

— Как сама?.. Как детки? — приближалась к причине своего визита Лехина матушка.

— Пояснику было разломило, да к Куделихе Машутку спровадила, та какой-то мази злющей... чай на тараканах да пиявках насурипила, отлегло... А ребятишки... что им поделается? Дрыхнут в светлице... Пока под мамкиным крылом, отсыпаются.

— Все ли под крылом-то? — улыбнулась Тихоновна, — может, кого не доглядела, наседка?

Катерина насторожилась, резко двинулась к хате. Откинула занавеску распахнутого окна. Заглянула внутрь и в недоумении оглянулась.

— Ты, Шура, не ходи колесом, давай напрямки.

— А я уж битый час пытаюсь намекнуть, да все не получается: сватов на Петров день встречайте, у нас дочка-то ваша. Так-то вот: была ваша, стала наша, — хихикнула Тихоновна, но, сжавшись над остолбеневшей, — с сердцем добавила: — Да не кручинься ты, Кать, — Алешка у меня сговорчивый, жить станут ладно, да и добрый он, комара не прищепнет, а уж дочку твою, коли сам привел, пальцем не тронет... Да и мы с Пашей супротив их счастья не станем... Ну, так готовься к воскресенью-то, — с тем и отбыла.

А Катерина еще долго не могла сдвинуться с места. Опомнившись, рванула в Лисий ложок, огоршить мужа, отправившегося спозаранку на косовицу. За неблизкий путь успела и погрозиться, пускай, мол, только явится, гулена; и напричиталась вдоволь, а уж когда до своей делянки добралась, весь пыл сошел.

— Радость-то какая, Вася! Машенька с Лексеем Силиным поладили. Шура намекнула, на Петровки сватов, мол, дожидайтесь, — и, не давая опомниться Василию, заключила: — Ну, и ладно... ну, и хорошо... парень-то он знатный. Дай-то Бог!

А Тихоновна в это время потчевала будущую невестку пирогами со щавелем. Алешка понимал, коли мамка пироги затеяла, значит, в духе (к тесту без настроения не притрагивается), а значит, все у них с Машей будет хорошо: и отец перестанет сердчать «за скороспелость решения», и предстоящее сватовство как по маслу пройдет, и, если подсуеются, глядишь, до Успенского поста со свадьбой управятся. И заживут они с Мальвой!..

И зажили б... если бы аккуратно после уборочной на вспашке зяби в Кривой балке не напоролся бы Алешка Силин на столько лет ожидавший своего часу противотанковый снаряд...

Но Господь не оставил молодую вдову без милости, обласкал, и на Алексея Вешнего Мальва благополучно разрешилась сыном Лешенькой — кровинка к кровинке в папку.

...Светало. Бабка Мальва, так и не сомкнувшая за ночь глаз, раздернула кухонные занавески. Вдоль улицы, со стороны Потаповского двора, шли припозднившиеся пары. Свадьба только-только начала затихать.

Андрей Шендаков

«НАД ПОЛЕСЬЕМ — СИРЕНЕВЫЙ ДЫМ...»

Андрей Игоревич Шендаков — родился в 1978 году в г. Болхове Орловской обл. Окончил университет, а затем очную аспирантуру, в 2004 г. защитил кандидатскую, в 2009 г. — докторскую диссертацию. Работал на селе, с 2004 г. преподает в университете. В 2003 г. получал именную стипендию губернатора Орловской обл. Лауреат Всероссийского литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» и др. Автор двух книг стихотворений. С 2013 г. — федеральный эксперт в научно-технической сфере. Член Союза писателей России. **Живет в Орле.**

Цветет полынь — густа, горька,
холмы чадят июльским жаром,
ребристой просини валька
подобен месяц над ангаром;
темнеет медленно: едва
текут лучи в дорожной дымке,
почти не слышатся слова
в беседке, свитой по старинке;
над розовеющей кострой,
над крупной дробью черноплодной
весь свет пропитан берестой —
и отражен в воде холодной,
в забытой крынке родника,
где замирают даже тени
и к смятым стеблям тростника
склоняют путники колени;
где чуть заметная заря
струится в Оптину обитель
и, ничего не говоря,
порой скучает местный житель;
где окна вновь окроплены
огнями хлынувшей Вселенной...

**Так будь же, скорбь моей страны,
всегда, всегда благословенной!**

ПОЛЕСЬЕ

Летние этюды

I

Ты спасаешь меня от беды,
ты меня прожигашь насквозь,
словно рядом, у темной воды,
кружит звезды незримая ось;

словно где-то — в тебе и во мне,
между нами, всего в двух шагах,
целый Космос в небесном огне
засыпает на Божьих руках.

II

О, миры — мимолетны, малы,
для души даже небо мало —
в позолоте полесской смолы,
сквозь слегка голубое стекло —

сквозь летящую дымку костра,
над извитой дорогой земной...
Ты светла и на слово — остра.
И любима поэтоу мной.

Ш

Над полесью — сиреневый дым,
между нами — огонь откровений;
над потоком чужим, неземным
меркнут сполохи столпотворений

дальних звезд, неизвестных миров,
где незримые души, взмывая,
будят отзвук цветущих ветров
на тропинках ушедшего мая...

* * *

Притупляются лучшие чувства,
замедляя Вселенскую ось...
Неужели любви и искусства
мне понять на Земле не пришлось?..

Крепнет злоба —
все глубже, все ближе:
золотится дешевая медь.

На одесские окна, афиши
невозможно без скорби смотреть.

Издательства, пытки — рутина,
небо вздыблено дымкой рябой.
И линчует себя Украина,
как безумный техасский ковбой.

* * *

Г. П.

И снова, снова — я в дороге,
спешу на Северный Кавказ.
Ночные сумерки отлоги.
И не сомкнуть усталых глаз.

Все тополя... Небесной льдиной
блестит простор, вагон креня,
и где-то дым — над Украиной,
так близко, близко от меня.

И снова, лучшего желая,
летит мятежная душа,
но Слово — истина живая —
почти не стоит ни гроша...

Все ложь вокруг,
как степь, бескрайна,
все степь кругом — темна, лиха.
А где-то в небе, в небе — Тайна
и поступь смертного греха.

КОЛОКОЛ

...Лихие были времена:
Отрекся царь, Руси правитель.
А монастырская обитель
Была почти разорена.

Горели многие в аду,
Но, не боясь кровавой плахи,
Не поклоняясь злу, монахи
Сокрыли колокол в пруду.

Прошло сто лет — пруд пересох;
Над земляной бугристой коркой,
В траве измученной, прогорклой
Раздался вдруг глубинный вздох.

Разверзлись камни, смерть суля
Среди взлетевшей черной пыли...
Крестьясь, монахи огласили
Набатов древние поля!

* * *

С.

Искрятся капельки дождя,
Бросая брызги под навесом,
И я вдыхаю с интересом
Небесный шум в начале дня;

Струится в окна благодать —
Ее я слышу, прозревая,
А в сердце струнка дождевая
Вшивает солнечную гладь:

Поток дождя — живой эфир,
Далеких странствий продолженье.

И я пишу стихотворенья
Как целый мир, как целый мир!..

* * *

...Словом можно сжигать города,
Превращая строенья в руины,
И считать, словно щепки, плотины,
Так, что плавится даже слюда.

Сделать так, чтоб душа не поблекла,
Словно радуга после дождя.

Но гораздо сложнее, пройдя
Через все это адское пекло,

Словом можно убить — на века! —
И талант, и любовь, и свободу.
Но важнее, являясь народу,
Быть для мира огнем маяка!

ДАЛЕКАЯ ОСЕНЬ

Розовая осень. Теплится восход.
Сладкий чай, конфеты, свежий бутерброд...

Терпко из буфета пахнет канифоль,
над столом летает маленькая моль.

Радио, газеты — истины больны.
Соль. В кармане гильза — отзвуки войны.

Запахи упрямы: мед, таранка, пыль;
детский крик: «Не надо, голову не мыль!..»

Младший брат в корыте, дед с охапкой дров,
блестками деревья окропил Покров.

* * *

Острый месяц в лазурном окне,
А под ним, вдалеке багровея,
Сквозь туман убегает аллея —
И пылает в закатном огне.

Светлый купол, служитель веков,
Еле виден в листве тополиной,
Берег пахнет цветами и тиной,
По реке плывут тени домов.

Где теперь и судьба, и сума?
Может быть, в беспокойных зарницах
И в парящих над бездною птицах,
Тех, что вскинула Вечность сама...

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилийнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми			
Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым			
и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник		
	Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Ниžний			
Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония			
и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 06.07.2015 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1506260.

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.